

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования РФ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СПОРТА И ТУРИЗМА**

На правах рукописи

Гусейнов Александр Шамильевич

ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Специальность 19.00.01 – Общая психология, психология
личности, история психологии

**Диссертация
на соискание учёной степени
доктора психологических наук**

Научный консультант: доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой психологии ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма»
Горская Галина Борисовна

**Краснодар
2016**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. Эволюция представлений о феномене протестной активности личности.....	29
1.1. Теоретико-методологическое обоснование избранной стратегии исследования и рассмотрения изучаемого феномена в бытийном аспекте.	29
1.2. Протестные сюжеты в мифологии и опыт осмысления протестной активности личности в искусстве.....	37
1.3. Философские подходы к пониманию протестной активности личности.....	46
1.4. Развитие междисциплинарных связей в изучении феномена протестной активности личности.....	61
Глава 2. Специфика психологического знания о протестной активности личности.....	82
2.1. Методологические ориентиры в анализе протестной активности личности в онтогенезе.....	82
2.2. Протестная активность в аспекте личностного становления и формирования идентичности.....	87
2.2.1. Взаимосвязь процесса протестной активности личности с другими феноменами, механизмами и состояниями.....	87
2.2.2. Проблема самоидентификации: поиск и конструирование собственного образа.....	115
Глава 3. Методологические и теоретические основания для психологической типологии форм протестной активности личности.	121
3.1. Возможности типологического подхода для описания многообразия форм протестной активности личности.....	121

3.2. Формообразование и структура протестной активности личности.....	126
3.3. Структурно-диалектическая модель протестной активности личности и ее объяснительный потенциал.....	134
3.4. Разработка опросника «Протестная активность личности» как инструмента диагностики протестных форм.....	138
Глава 4. Специфика форм протестной активности личности (на основании эмпирических исследований).....	174
4.1. Стратегия исследования форм протестной активности личности.....	174
4.2. Эмансипация: движение от зависимости к автономности и личностной зрелости.....	179
4.3. Эскапизм и его варианты в ракурсе проблемы реактивного и рефлексивного способов существования.....	206
4.3.1. Высший эскапизм как поступок и преобразовательная активность личности.....	207
4.3.2. Эскапизм как отказ жизненных усилий и экзистенциального самоопределения.....	215
4.4. Внешние и внутренние факторы нигилизма.....	230
4.5. Негативизм: от обособления к отчуждению.....	250
4.6. Оппозиционность и деформационные изменения личности....	293
4.7. Сопоставительный анализ форм протестной активности личности.....	318
Глава 5. Неуспешность самоопределения в противоречиях современности как основа деструктивной протестной активности личности.....	329
5.1. Ценностно-смысловые регуляторы протестной активности и проблема самоопределения личности	330
5.2. Психологические факторы неудовлетворенности межличностными отношениями в молодежных группах.....	338

5.3. Специфика протестной активности подростков и молодежи...	348
5.4. Внутренние и внешние детерминанты деструктивной протестной активности субъектов, находящихся в условиях несвободы.....	355
5.5. Условия радикализации деструктивных форм протеста.....	361
Глава 6. Субъекты протестной активности: ложная и истинная субъектность.....	378
6.1. Проблема субъекта и субъектности в современной психологии: теоретико-методологический аспект.....	378
6.2. Специфика субъектности личности в различных формах протестной активности: анализ ложной и истинной субъектности.....	387
6.3. Роль удовлетворенности и неудовлетворенности в профессиональной сфере в формировании специфической протестной активности личности.....	396
6.4. Сопоставительный анализ регуляторной специфики спортсменов, демонстрирующих разные формы протестной активности личности.....	405
6.5. Проблемы самореализации личности в спорте: психологический анализ противоречий, характерных для субъекта, включенного в спортивную деятельность.....	414
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	430
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	437
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	483

ВВЕДЕНИЕ

На новом этапе глобализации предельно обострились многие злободневные проблемы современности. Стремительное техническое усложнение мира, не совпадающее с темпом духовно-нравственного развития человечества, порождает обрыв корней и традиций, кризис и разрушение культуры, мировоззренческой доминантой которой стало безудержное потребление. Экспорт западных ценностей и моделей поведения в общества, имеющих другую цивилизационную природу, способствует неуклонной социальной поляризованности мира. Не случайно повседневными реалиями стали иррациональные всплески протестной активности различных категорий населения и нарастающий глобализм террористических мероприятий. Эти вызовы глобализации ставят под угрозу основы человеческого бытия, оказывают противоречивое влияние на состояние общества, обуславливая крайнюю неустойчивость развивающейся социальной системы, ставшей заложницей массовой культуры и драматических обстоятельств и событий, которые сама же инициирует. Наряду с обретением широких возможностей для самореализации и становления суверенной индивидуальности нависла угроза атомизации человека, его обезличивания (Дж. Ритцер, Г. Маркузе, Р. Хиггинс, М. Фуко, Ж. Лакан, В.С. Степин, В.Я. Ядов, В.П. Зинченко, А.Н. Демин, З.И. Рябикина, М.Ш. Магомед-Эминов). В условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения возрастают трудности нахождения своего места в социуме, в связи с чем самоопределение личности может приобретать характер протестной активности. Протестная активность личности является неоднозначным и сложным феноменом, как по способам проявления, так и по ценностно-смысловому содержанию.

Актуальность проблемы изучения протестной активности личности обусловлена необходимостью выявления психологических механизмов ее актуализации, движущих сил и профилактики деструктивных форм ее выражения.

Несмотря на мощное влияние протеста на современный социокультурный контекст, значительный масштаб его последствий для личности и социума,

наблюдается существенное отставание психологии от социологии и политологии в раскрытии данного феномена. Индивидуальные формы протеста, в отличие от массовых, имеющие собственную логику возникновения и развития пока остаются вне концептуальных рамок науки. На данный момент не существует единого подхода к выделению компонентов структуры протестной активности личности, неясен механизм этого явления. Понятие протестной активности личности до сих пор не вошло в основной тезаурус психологии личности. В области эмпирического освоения изучаемого феномена сложности связаны с отсутствием адекватного методического инструментария для исследования деструктивных/конструктивных форм протестной активности.

Существенно прояснить источники протестной активности личности, обратить внимание на широкий спектр ее проявлений, осуществлять теоретическую рефлексию этого понятия позволяют работы отечественных психологов, где изучены симптомы протеста и его влияние на личностное становление (Л.С. Выготский, П.П. Блонский, Н.М. Щелованов, Л.Ф. Обухова, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, А.Н. Поливанова и др.). В этих исследованиях проявления протеста раскрываются в контексте возрастных кризисов и рассматриваются не только как ответная реакция детей на запреты взрослых, препятствующие удовлетворению потребности в самостоятельности, но и как средство привлечения к себе внимания, поведение, связанное с зависимостью, нежеланием меняться и становиться автономной личностью.

Анализ протестных реакций осуществлялся в контексте психоаналитических теорий и концепций (З.Фрейд, А.Адлер, Д. Винникотт, М. Малер, Г. Салливан, К. Хорни, Э. Эриксон, Х. Хартман, Х. Кохут и др.) и в рамках теории агрессии и фрустрации (Д. Доллард, Н. Миллер), где зафиксировано много существенных граней протестной активности личности. В теоретических и эмпирических исследованиях перечисленных авторов различные проявления протеста рассматривались в качестве фундамента для формирующегося жизненного стиля личности.

В современной психологии результаты исследования протестной активности личности представлены крайне фрагментарно, понятие протеста используется для описания дезадаптивных стратегий поведения. Между тем, феномен не может быть однозначным и поэтому адаптивная парадигма оказывается несостоятельной для объяснения сущности протестной активности личности. Статичная инструментальная интерпретация с ее акцентами на односторонней и однолинейной детерминацией поведения человека не способна объяснить все противоречия личности в усложняющихся условиях бытия, сверхнормативную природу активности индивида, плодотворность и ресурсность здоровых, перспективных для личности и обновления социума форм протестной активности личности.

Значимой тенденцией развития психологической науки является растущий интерес мирового научного сообщества к онтологическому аспекту существования человека в мире, проблемам автономности, свободы, ответственности, личностного выбора (Э. Деси, Р. Райан, Р. Харре, Н. Маскаро, Д. Роузен, Т. Миллон, М. Аптер, В.П. Зинченко, Д.А. Леонтьев, В.В. Знаков, К.В. Карпинский, Т.В. Корнилова, В.Е. Ключко, И.В. Абакумова и др.). Исследователи обращают внимание на потенциал субъектности и качество субъектной позиции личности при построении ею собственного бытия, подчеркивая их зависимость от уровня духовно-нравственного развития человека (К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Братусь, В.А. Петровский, А.А. Деркач, Г.Ю. Фоменко, Е.Ю. Коржова, Е.А. Сергиенко, Г.Б. Горская, Н.В. Гришина, В.С. Мухина, А.О. Прохоров, Н.С. Крамаренко).

В предпринятом исследовании анализ протестной активности личности осуществлялся с позиции субъектного и субъектно-бытийного подхода. Обращение к методологии субъекта позволяет на качественно ином уровне, в онтологическом аспекте рассмотреть проблему протестной активности личности, включив в поле изучения социокультурный, исторический и экзистенциальный аспекты реальности, тем самым расширить ценностно-смысловые контексты решаемой проблемы.

В субъектно-бытийном подходе личность рассматривается в соотнесенности с модусами ее бытия, конфигурация которых предполагает учёт типа личностной субъектности и особенностей экзистенциального самоопределения в сочетании с ценностно-смысловым позиционированием, спецификой аффективно-потребностной сферы и конструирования образа мира, способом организации личностной активности и спецификой разрешения разноуровневых противоречий (Г.Ю. Фоменко). Организуя свое уникальное бытие, личность в своем поведении реализует три сопряженные базовые потребности: в самоактуализации, во внутренней согласованности, в поиске подтверждения своей значимости для внешнего мира (З.И. Рябикина). Различные социально-деструктивные явления рассматриваются как следствие неуспешности процесса самоопределения личности в макросоциальных координатах (Г.Ю. Фоменко, З.И. Рябикина).

В представленной работе продемонстрировано, как под знаком сложного сочетания разноуровневых противоречий, на основе их осмысления, преобразования и разрешения в соответствие со сложившейся ценностно-смысловой структурой осуществляется процесс экзистенциального самоопределения, вырабатывается предпочитаемый способ бытия личности и реализуется ее субъектная активность, проявляемая в различных формах протестной активности.

Выделенные противоречия между системой требований к личности и спецификой самоопределения, между расширенным исследованием массовых форм протеста и неизученностью его индивидуальных форм обуславливают постановку проблемы – выявление специфики форм протестной активности личности в конкретно-исторических условиях и рассмотрение феномена в онтологической реальности. Поставленная проблема тесно связана с вопросами общественной стабильности, оздоровления и усовершенствования социальной жизни в целом.

Цель исследования – теоретико-методологическое обоснование и разработка концепции протестной активности личности.

Объект исследования – личность как субъект протестной активности.

Предмет – факторы, психологические механизмы, структурные и трансформационные характеристики протестной активности личности, обуславливающие специфику протестных форм.

Гипотезы исследования

1. Формы протестной активности личности целесообразно анализировать в широком онтологическом плане как способы существования личности, оформившиеся в результате процесса экзистенциального самоопределения и субъектной активности личности. Соответственно содержание и формообразование протестной активности в конкретном социокультурном контексте раскрывается через анализ взаимосвязи структурных составляющих модуса бытия личности: ценностно-смысловая направленность, мотивационно-потребностная сфера, «образ» мира, бытийные противоречия в сочетании с экзистенциальным самоопределением и субъектным позиционированием, выполняющими системообразующую функцию.
2. Личности как субъекты протестной активности различаются масштабом и спецификой противоречий, степенью конструктивности их разрешения, характером удовлетворения основных потребностей в экспансии собственного масштаба и признании собственной значимости, возможностями для наращивания и проявления потенциала истинной субъектности, так и вероятностью направленности к ложной субъектности.

Теоретико-методологические задачи:

- определить методологические и теоретические основания для изучения, классификации, интерпретации форм протестной активности личности в конкретном социально-историческом контексте;
- интегрировать представления о протестной активности личности, сформулированных в границах психологического и междисциплинарного знания в целостную систему представлений;
- сформировать категориально-понятийный аппарат исследования, уточнить и конкретизировать понятия и принципы, которые могут иметь отношение к

объяснению сущности, структуры, механизмов, динамики, факторов, специфики протестной активности личности;

- выявить динамику протестной активности личности в онтогенезе, раскрыть предпосылки, определяющие специфику содержания протестной активности личности на разных этапах личностного становления;
- создать модель протестной активности личности;
- на основе теоретического анализа и с помощью категориально-понятийного аппарата субъектно-бытийного подхода выделить системообразующие компоненты протестной активности личности, показать их тесную сопряженность и взаимовлияние, иерархию в протестных формах и описать психологическую структуру протестной активности личности;
- выявить специфику субъектной ориентации личности в различных формах протестной активности личности.

Кроме того, были поставлены **эмпирические задачи**:

- разработать опросник протестной активности личности как надежный и валидный инструмент исследования;
- выделить индикаторы основных проблем и противоречий личности, актуализируемых в конкретном социально-историческом контексте, под знаком которых осуществляется протестная активность личности определенного рода;
- сравнить внешние и внутренние факторы, обуславливающие специфику протестной активности;
- сравнить психологические характеристики протестных форм и, используя единые системообразующие элементы протестной активности личности, установить специфику и сходство в их содержании;
- рассмотреть роль протестной активности личности в содержании профессиональной деятельности субъекта (на примере спортивной деятельности).

Теоретико-методологической основой исследования послужили:

философско-антропологическая концепция С.Л. Рубинштейна и идущие от нее положения субъектного подхода, касающиеся макроаналитического познания психического, расширения представлений о содержании активности как фактора

детерминации психического, введения в картину познания разноуровневую активность сознательного и бессознательного (А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, А.Л. Журавлев, В.А. Петровский, Е.А. Сергиенко, А.Н. Демин, А.О. Прохоров, А.А. Лузаков и др.); субъектный подход к анализу противоречий (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, Г.Б. Горская, Г.А. Вайзер и др.); субъектно-бытийный подход со свойственным ему акцентом на модусах бытия личности и особенностях интерпретации социально-деструктивных феноменов (В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко, А.Н. Кимберг и др.); комплексный и типологический подходы (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, Л.Н. Собчик и др.); подходы к описанию кризисного развития личности (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.); экзистенциально-гуманистический подход (Д.А. Леонтьев, А.А. Деркач, Э. Фромм, В. Франкл, Р. Мэй, Г. Олпорт); системный подход (Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский, А.Г. Асмолов, А.А. Бодалев); междисциплинарная ориентация исследования (А. Камю, К. Ясперс, Т. Гарр, Ю. Хабермас, И. Валлерстайн, М. Мамардашвили).

Общая стратегия и методы исследования: *теоретические* – анализ и моделирование; *организационные:* сравнительный («срезы»); *эмпирические* – диагностические комплексы, раскрывающие ключевые закономерности, определяющие процесс протестной активности личности – причины возникновения, движущие силы, механизмы, структура, содержание протестных форм. В процессе эмпирического исследования выявлялась специфика форм протестной активности личности, уточнялось их сходство и дифференциальные различия на основе структурных компонентов, в том числе с помощью выделения системы разноуровневых бытийных противоречий (внутриличностных, ценностно-смысловых, экзистенциальных, в бытийных пространствах личности в преломлении к системным позициям «личность-общество» и «личность-государство») применительно к каждой из указанных форм. В работе обобщен ряд связанных общей проблематикой исследований автора и работ, выполненных под его руководством. Эмпирическое исследование осуществлялось *по следующим направлениям:*

1. Исследование факторов, движущих сил протеста, системы протестной активности личности и содержательных характеристик форм протестной активности, на основе вычленения их специфики и сходства по ключевым параметрам:

- *глубинные ценностно-смысловые образования, определяющие вектор субъектной направленности личности* (цели в жизни; включенность в жизненный процесс, проявляемый интерес к жизни, ее эмоциональная насыщенность и результативность, удовлетворенность самореализацией, степень управляемости жизни): методика С. Шварца, Тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И.Г. Сенина; Тест-опросник А. Лэнгле и К. Орглер;

- *в плане изучения картины мира, аутоличности, субъективного благополучия, автономности, тенденции самоактуализации личности*: Методика исследования базисных убеждений личности Р. Янов-Бульман (в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой); Самоактуализационный тест - адаптация опросника Э. Шострома (РОИ); Тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева); Опросник И.Г. Сенина (ОТеЦ); методика В. Шутца FIRO (в адаптации А. Рукавишниковой); опросник психологических защит Р. Келлермана-Г. Плутчика, шкала копинг-стратегий С. Хобфолла (SACS); опросник Минимум (в адаптации Ф.Б. Березина, М.П. Мирошникова);

- *особенности аффективной и мотивационно-потребностной сфер, самосознания личности*: опросник 16 PF Р. Кеттелла, цветовой тест М. Люшера, Опросник терминальных ценностей И.Г. Сенина;

- *в аспекте изучения самостоятельности, ответственности, регуляторных умений, предпочитаемых способов совладания с жизненными трудностями*: опросник «Стилевая саморегуляция поведения человека» (ССП 98) В.И. Моросановой, Е.М. Коноз; опросник ответственности В.П. Прядеина, шкала социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонд в адаптации Т. В. Снегиревой и А.К. Осницкого, авторский опросник «Протестная

активность личности»; Шкала общей самооффективности Р. Шварцера, М. Ерусалема (в адаптации В.Г. Ромека);

- по степени согласованности между внутренним (в том числе коммуникативными, интеллектуальными, эмоциональными, регуляторными свойствами личности) и внешним мирами: опросник 16 PF Р. Кеттелла, цветовой тест М. Люшера, тест межличностных отношений Т. Лири;

- по критерию удовлетворенности и неудовлетворенности в профессиональной сфере в преломлении к позициям – межличностные отношения, психологический климат, статус: авторская анкета «Утро», методика Ф. Фидлера; диагностика межличностных отношений по методике В. Шутца (определение потребностей включения, контроля и аффекта);

- способы разрешения проблем и противоречий в аспекте выраженности склонности к конфликтным и агрессивным формам реагирования: методики К. Томаса, А. Басса-А. Дарки, авторские опросники «Протестная активность личности» и «Протестное поведение личности».

2. Сравнение подростков и молодежи для выявления специфичности феномена протестной активности: по склонности к протестной активности во взаимодействии с социумом (опросники «ППЛ», «ПАЛ»); по степени выраженности личностных расстройств, особенностям актуализации защитных механизмов, предпочитаемых стратегий преодоления стресса: опросник Р. Келлермана–Г. Плутчика, шкала копинг-стратегий С. Хобфолла; Мини-мульти; в контексте удовлетворенности межличностными отношениями в группе, статусом: социометрия, ценностно-ориентационное единство, оценка психологической атмосферы в группе (Ф. Фидлер).

3. Исследование проблем и противоречий, с которыми сталкивается личность в условиях несвободы, создающих психологическую основу для эскалации деструктивной протестной активности: авторский опросник ППЛ, диагностика акцентуаций характера (К. Леонгард – Г. Шмишек), методики Д. Тейлора, К. Томаса, Г. Айзенка, А. Басса–А. Дарки, тест М. Люшера.

4. Психологический анализ проблем самореализации в спорте и специфики субъектной активности личности спортсмена, в зависимости от предпочитаемой формы протеста:

- *изучение проблем и противоречий, характерных для субъектов, включенных в спортивную деятельность* (виды проблем, характер противоречий, способы их разрешения, способность их адекватно осмысливать и выдерживать): опросник «Мини-мульти»; опросник психологических защит Р. Келлермана – Г. Плутчика, шкала С. Хобфолла (SACS), тест Т. Лири, методика С. Шварца, методика А. Басса–А. Дарки, методика С.А. Будасси, опросник 16 PF Кеттелла, авторский опросник ПАЛ;

- *в контексте эффективности субъектной регуляции спортсменов, демонстрирующих разные формы протестной активности личности*: авторский опросник ПАЛ, опросник ССП 98 В.И. Моросановой, Е.М. Коноз.

5. Перепроверка полученных данных, уточнение выдвинутых гипотез и теоретических положений на разных контингентах обследованных. Разработаны: опросник «Протестная активность личности» (ПАЛ), определяющий формы протестной активности (негативизм, эмансипация, оппозиция, нигилизм, эскапизм); опросник «Протестное поведение личности» (ППЛ), определяющий склонность личности к протестной активности во взаимодействии с социумом, напряженность протеста; анкета «Утро», направленная на изучение удовлетворенности в профессиональной сфере.

Для выявления содержания и специфики форм протестной активности личности были использованы корреляционный, дисперсионный, регрессионный и факторный виды анализа. Применялись параметрические и непараметрические статистики различий. Анализировались только значимые результаты статистик. В эмпирическом исследовании с использованием этих видов анализа выявлялась связь уровней и шкал протеста (негативизма, эмансипации, оппозиции, нигилизма, эскапизма) методики «Протестная активность личности» с различными шкалами 25 методик; в целом проанализировано 228 переменных

(при обработке данных применялись статистические программы «Excel» и «STATISTICA 6.0»).

Организация и этапы исследования.

В работе обобщаются исследования, выполнявшиеся автором на протяжении последних полутора десятилетий.

Первый этап (1999 –2003 гг.). Осуществлялась методологическая и теоретическая подготовка исследования на основе анализа отечественной и зарубежной литературы по проблеме исследования. Определялись концептуальные подходы к разработке темы и научного аппарата исследования, проводились пилотажные исследования.

Второй этап (2004-2011 гг.) связан с разработкой утверждений для опросника протестной активности личности, его психометрической проверкой, проведением серии теоретико-эмпирических исследований, направленных на изучение специфики протестной активности личности. Определялось влияние личностно-психологических факторов на формирование протестной активности, изучались по ключевым структурным параметрам психологические характеристики форм протестной активности личности.

Третий этап (2012-2015 гг.) – оформление результатов диссертационного исследования.

Эмпирическая база исследования.

Предложен комплексный подход к формированию выборочной совокупности: исследование проводилось на базе КГУФКСиТ и других вузов, общеобразовательных школ, гимназий, исправительном учреждении общего режима и других организациях Краснодарского края. Эмпирический материал собирался с учетом выделения выборок сообразно задачам исследования и реального жизненного контекста людей. В исследовании специфики протестной активности личности приняло участие 3700 человек обоего пола: молодежь и студенты различных вузов г. Краснодара; спортсмены; специалисты разных профессий; подростки, в том числе состоящие на учете в правоохранительных органах, а также осужденные к лишению свободы.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования.

Решена научная проблема, связанная с концептуализацией феномена протестной активности личности и предложены новые теоретико-методологические основы изучения феноменологии протестной активности личности с позиций субъектного и субъектно-бытийного подходов, область применимости которых расширена и распространена на анализ и интерпретацию форм протестной активности личности.

С опорой на большой массив теоретических и эмпирических исследований разработана концепция протестной активности личности, включающая: определение протестной активности личности; типологию протестных форм (нигилизм, негативизм, оппозиция, эмансипация, высший/негативный эскапизм); структурно-диалектическую модель протестной активности личности; субъектность личности (ложная и истинная субъектность), соответствующую деструктивным/конструктивным формам протестной активности личности.

Сформулированы основы исследовательской методологии психологического изучения протестной активности личности, разработаны новые диагностические и исследовательские методы освоения изучаемого феномена, в частности, сконструирован опросник протестной активности личности, который обладает хорошими психометрическими показателями (согласованностью, конструктивной валидностью и надёжностью шкал) и позволяет анализировать формы протестной активности личности с учетом их психологической специфики.

Дано понятие протестной активности личности в субъектно-бытийной интерпретации. Обосновано понимание протестной активности личности как процесса, направленного на переструктурирование внешнего (микро- и макросоциума) в соответствии со спецификой самоопределения личности в конкретно-исторических противоречиях.

На основе теоретического анализа и с помощью категориально-понятийного аппарата субъектно-бытийного подхода выделены и описаны компоненты системы протестной активности личности (ценностно-смысловая направленность, мотивационно-потребностная сфера, образ мира, бытийные противоречия в

сочетании с ведущими параметрами экзистенциальным самоопределением и субъектным позиционированием), показана их тесная сопряженность и взаимовлияние. На основе указанных параметров описана психологическая структура протестной активности личности, позволяющая интерпретировать ее разнообразные проявления. Выявлено, что смещение и искажение в каждом из структурных компонентов, в том числе объектное тяготение личности, создают условия для негативной трансформации протестной активности, которая оборачивается социальными взрывами и насилием.

Разработана структурно-диалектическая модель протестной активности личности, описывающая как её деструктивные, так и конструктивные формы, позволяющая соотносить их друг с другом. Описаны и объяснены психологические характеристики различных форм протестной активности, позволяющие проследить их зарождение и развёртывание в разных структурных образованиях личности. Сформировано представление о протестных формах как устойчивых явлениях, по своей структуре соответствующих модусам бытия личности, оформившимся в результате сложного и противоречивого процесса экзистенциального самоопределения, что позволяет понять характер вбирания, присвоения ценностей и уйти от одномерного и стереотипного понимания протеста только как деструктивного феномена, обнаружить возможности его мощного импульса в продуктивном преобразовании социума.

Выделены основания для дифференциации личности как субъекта конструктивной или деструктивной протестной активности. Классифицированы и проанализированы разноуровневые бытийные противоречия (ценностно-смысловые, экзистенциальные, в бытийных пространствах личности в преломлении к системным позициям «личность-общество» и «личность-государство», внутриличностные), уровень, характер и способы разрешения которых зависят от экзистенциального самоопределения и специфики позиционирования личности (объектного/субъектного). Обосновано и доказано, что различным формам протестной активности соответствуют разные типы

бытийных противоречий, с которыми сталкивается личность в процессе взаимодействия с миром.

Через анализ системы бытийных противоречий, отражающих особенности и степень конструктивности взаимодействия личности и общества, определена специфика форм протестной активности, уточнены условия психологического равновесия или его нарушения по системным позициям «личность-общество» и «личность-государство».

Уточнено и дополнено новым эмпирическим содержанием понятие «субъектность личности». Истинная / ложная субъектность выделена в качестве одного из основных дифференцирующих признаков конструктивных/деструктивных протестных форм, различия в которых обусловлены спецификой ориентации личности – субъектной или объектной. Раскрыты флуктуации субъектности, когда в результате смены субъектного позиционирования на объектное, личность, способная к конструктивной протестной активности, быстро оказывается в тех же условиях, способствующих образованию деструктивных форм протеста.

На основании теоретического анализа и эмпирических исследований рассмотрена динамика протестной активности личности в онтогенезе, во взаимодействии с другими психическими образованиями, механизмами, состояниями, выявлена связь протестной активности личности с кризисом, зависимостью, автономностью, идентичностью. Выявлены и дифференцированы генеральные закономерности, определяющие формирование специфической протестной активности личности на разных этапах личностного становления – конструктивной, способствующей личностному росту и развитию автономии, или принимающей деструктивный характер, нарушающей развитие автономии и препятствующей становлению позитивной идентичности.

Обосновано и эмпирически подтверждено, что формы протестной активности личности проявляют специфику индивидуального стиля саморегуляции, который является предпосылкой успешности/неуспешности личности. Конструктивные протестные формы выступают психологически

ресурсом саморегуляции, усиливают регулятивные способности личности, способствуют реализации личностного потенциала, позитивно влияя на рост профессионального мастерства. Предпочтение деструктивных протестных форм способствует формированию дисгармоничного регуляторного стиля личности, препятствуя самоэффективности личности.

Создан тезаурус как один из действенных инструментов для описания предметной области, позволяющий описывать протестную активность личности системно во всей ее противоречивости, многоаспектности, многоуровневости и трансформативности, тем самым преодолевая узкоинструментальную направленность в ее анализе. Применительно к психологии личности рассмотрены понятия искажения, инверсии, подмены; уточнены понятия ложной/истинной субъектности, масштаба личности; уточнен принцип многоуровневости и многомерности.

Практическая значимость заключается в том, что предложенная теоретическая концепция позволяет рассматривать не только динамику протестной активности личности в целом, но также другие разновидности социальных деструкций. Созданная структурно-диалектическая модель протестной активности личности дает возможность объяснять психопатологическую симптоматику непосредственно в терминах структурно оформленных протестных форм, демонстрируя, что симптомы отнюдь не независимые явления, а служат выражением личности в целом. Концепция протестной активности личности позволяет выявлять источники текущих и грядущих рисков и угроз безопасности личности и социуму, прогнозировать возможные эффекты протестной активности личности и ее протекание по возможному сценарию, а также определять способы ее реализации с помощью правовых средств, тем самым снимая радикальную оппозицию личности и общества, снижая противостояние различных социальных групп. Концепция позволяет по-новому посмотреть на соотношение и взаимовлияние компонентов системы протестной активности личности и тех результатов, которые из этой

взаимосвязи следуют, а также зафиксировать структурирующую функцию каждого компонента.

Предложены меры по профилактике и пресечению радикальных проявлений протеста, которые в концентрированном виде заключаются в развитии нравственного, творческого потенциала личности («культуры усилия») и предоставлении более широких возможностей влияния на социальные процессы, а также в просветительской деятельности, связанной с формированием у молодежи активной гражданской позиции, патриотизма, устойчивой системы позитивных ценностей, в которой зрелый конструктивный протест приобретает особую значимость.

Разработанный комплекс психодиагностических процедур, описанный в публикациях автора, оптимизирует изучение конкретных параметров системы протестной активности личности, их сопряженности и может быть использован в научно-исследовательской работе, диагностической практике и практике индивидуального консультирования. Материалы проведенного исследования могут быть использованы при подготовке учебных курсов по психологии личности, экстремальной психологии, медицинской психологии, а также для создания научных и научно-популярных ресурсов по протестной проблематике. Практическая значимость исследования подтверждена внедрением его результатов в деятельность Центра специальной переподготовки специалистов и населения по обеспечению безопасности жизнедеятельности в экстремальных ситуациях; лаборатории психологических проблем ФК и спорта (КГУФКСТ), социально-психологической службы КГУФКСТ, психологических служб общеобразовательных школ и гимназий г. Краснодара.

Обоснование и достоверность результатов исследования обеспечена всесторонним анализом многоплановой проблемы при определении исходных теоретико-методологических позиций; системностью теоретического и эмпирического анализа предмета исследования; теоретически аргументированным и логически завершенным характером концептуальной модели исследования; разработкой и комплексным применением

взаимодополняющих методов и методик исследования, адекватных задачам исследования; широкой апробацией результатов исследования, включая их внедрение в исследовательскую и учебную деятельность вузов (КГУФКСТ, КубГУ и др.), в частности, в практику Центра специальной переподготовки специалистов и населения по обеспечению безопасности жизнедеятельности в экстремальных ситуациях, лаборатории психологических проблем ФК и спорта (КГУФКСТ), социально-психологической службы КГУФКСТ; сопоставимостью основных результатов исследования с результатами других авторов; воспроизводимостью результатов исследования; применением статистических методов обработки данных, подтверждающих качественные выводы и характеристики количественными данными.

Полученные результаты обобщены в следующих **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Протестная активность личности – это сложный интегральный психологический феномен, варьируемый вокруг двух полюсов психодуховной жизни личности (конструктивного/деструктивного), результирующих в различные формы протеста, специфика которых обусловлена вариантом экзистенциального самоопределения и типом субъектного позиционирования. Протестная активность личности определяется как процесс, направленный на переструктурирование внешнего (микро- и макросоциума) в соответствии со спецификой самоопределения личности в конкретно-исторических противоречиях. Протестная активность личности представляет собой разновидность модусов бытия личности, нередко принимающих характер социальных деструкций, которые определяются хорошо структурированными и устойчивыми протестными формами, трудно поддающимися корректировке.

2. Протестная активность личности проявляется через многообразие ее форм: эмансипацию, высший/негативный эскапизм, нигилизм, оппозицию, негативизм. Становление устойчивых протестных форм осуществляется на основе сложной системы, включающей ценностно-смысловую направленность личности, бытийные противоречия и способы их разрешения, образ мира, установки в

мотивационно-потребностной сфере, в сочетании с ключевыми параметрами – характером экзистенциального самоопределения и особенностями субъектной активности личности, что позволяет провести сопоставительный анализ.

3. Концентрация на процессе тесной сопряженности и взаимовлиянии структурных компонентов протестной активности позволяет выделить основания для дифференциации деструктивных/конструктивных протестных форм:

- *ценностно-смысловая направленность личности*: а) деструктивные формы – система заимствованных жизненных принципов и ценностей, ценностно-целевые приоритеты заострены вокруг полюса D -смыслов (смещение в сторону некрофильной ориентации, восприятие себя и других как «расходного» материала); самоограничение личностного потенциала; б) конструктивные формы – гуманистические ценности с гармонично выстроенной иерархией и нравственной соотнесенностью жизненных целей; генерирование, интеграция и трансляция L -смыслов (смыслов бытия); движение к самоактуализации на основе множественности выборов;

- *особенности мотивационно-потребностной сферы*: а) деструктивные формы – невротический жизненный план, потребностная мотивация и блокада ценностной мотивации; отсутствие потребности встраивания в социум; сниженный самоконтроль аффектов, неадекватное восприятие личностных ресурсов, зависть, неудовлетворенность; б) конструктивные – позитивная ценностная мотивация, направленность на личностный рост, потребность в самоисполненности; самодетерминация на основе осознанной саморегуляции;

- *«образ мира»*: а) деструктивные формы – система стереотипов, способствующих искаженному восприятию мира; несогласованность, а также оппозиция между внутренним и внешним миром, обуславливающая недоверие к миру, отчуждение, ощущение неподконтрольности жизни, абсолютизацию протеста; б) конструктивные – система гуманистических идей, организующих гармоничную картину мира, устойчивое и целостное мировосприятие;

- *характер экзистенциального самоопределения*: а) деструктивные формы: извращенные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей в связи,

трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации, создающие иллюзию разрешения экзистенциальных вопросов бытия (снижение ценности человеческой жизни, формальное понимание свободы как вседозволенности, самоизоляция, клановая солидарность, непримиримость с миром, намеренное сужение собственного бытия); б) конструктивные – глубокое осмысление жизненных дихотомий и продуктивные варианты удовлетворения экзистенциальных потребностей (экзистенциальная реализация свободы как соотнесенности с самим собой, духовная независимость, ответственность, позитивная самореализация, связь с жизнью общества);

- *субъектная активность личности*: а) в деструктивных формах – объектная позиция, использование незрелых защитных стратегий, самоограничение личностного потенциала, склонность к немотивированному риску, отчуждение от мира, девальвация ценностей жизни, суженная (поверхностная) и запаздывающая рефлексия совершенных поступков указывают на внешнюю детерминацию активности личности; б) в конструктивных протестных формах (высший эскапизм, эмансипация) на первый план выступает отношение к себе и другим людям как к субъектам, активизация духовных усилий, направленных на самосовершенствование и самореализацию в соответствии с собственным проектом; способность личности к осуществлению позитивного intersubjectного влияния на социум, развитая система саморегуляции, эффективная самодетерминация и продуктивная реализация личностного потенциала с опорой на собственные ресурсы.

4. Рассмотрение личности с позиции субъектного и субъектно-бытийного подходов акцентирует тему противоречий личности в различных пространствах ее бытия. Личности как субъекты протестной активности обнаруживают различия в характере противоречий, степени конструктивности их разрешения, что может рассматриваться как мера социальной продуктивности личности. В разработанной классификации противоречий, характерных для деструктивных форм протестной активности личности, выделяются основные их виды:

- *ценностно-смысловые противоречия*: стремление к экспансии собственного масштаба и неприемлемые способы личностного позиционирования;

- *противоречия в бытийных пространствах личности в преломлении к системным позициям «личность-общество» и «личность-государство»*: восприятие жизненных условий как непереносимых, вызывающее фрустрацию и стремление к снятию последней не собственной активностью, а внешними политическими или юридическими мерами; желание достичь социального статуса и неготовность к полноценному включению в социум в связи с неспособностью определить своё место в общественных структурах;

- *внутриличностные противоречия*: несогласованность энергетического потенциала и самоконтроля; чувство собственной грандиозности и сниженная способность к творческому созиданию; несоответствие между бытием и долженствованием;

- *экзистенциальные противоречия*: между осознанием фундаментальной изоляции и несформированной потребностью в принадлежности к большему целому.

Для конструктивных форм характерны *ценностно-смысловые противоречия* между выработанными в процессе углубленной рефлексии ценностями и смыслами и косностью общественных структур, не готовых воспринять транслируемые субъектом ценности. В то же время осознание себя деятелем, субъектом собственной жизни способствует умению вычленять проблемные ситуации, противоречия, творчески их преобразовывать и разрешать на основе активной и устойчивой субъектной позиции, взяв на себя ответственность за последствия собственных действий.

5. Характер и способы разрешения противоречий определяют специфику форм протестной активности личности: а) *деструктивные формы*: **оппозиция** – повышенная мотивация достижения и фиксация на неудачах, препятствующая достижению целей; креативные способности и приземленность, вызывающая усеченную реализацию задуманного; соперничество и отсутствие желания

достигать целей; внешняя открытость в противостоянии и провокационное поведение, подстрекательство других на противоборство, наряду с желанием остаться в «тени»; **негативизм** – склонность к независимым действиям и зависимость в опеке, патронации; склонность к доминированию, желание контролировать и подчинять среду и сниженный самоконтроль, негативный образ себя и сознание собственной исключительности; сочетание интернальности и экстернальности; самостоятельность в принятии решений и отсутствие планирования и ответственного целеполагания; ощущение собственной обделенности и неприятие прав окружающих; дерзость и нерешительность; высокие статусные притязания личности и отсутствие потребности в самореализации; нонконформизм и отсутствие доброты; **нигилизм** – чувство собственной грандиозности и сниженная способность к созиданию; желание преобразований и неспособность в гуманистическом русле реализовать свои цели, вследствие небольшого диапазона творческих способностей и низкого личностного потенциала; несоответствие ценностных приоритетов и требований жизни, девальвация ценностей жизни, десакрализация существования и тотальность деструктивности; несогласованность энергетического потенциала и самоконтроля; внешняя принципиальность и моральная беспринципность; **негативный эскапизм** – экзистенциальный вакуум вызывает демонстративный уход от проблем, которые субъект хочет решать самостоятельно, но в результате не способен решить; эскапизм проявляется как реакция на двойной конфликт – внешний (межличностный) и внутриличностный; б) *конструктивные формы*: **высший эскапизм** – форма протеста, согласующаяся с характеристиками истинной субъектности, переходящая в процессе сложного взаимодействия различных параметров (внешних/внутренних) в преобразовательную активность; **эмансипация** – стремление к автономии, жизнестойкость сочетаются с сильной зависимостью от адресата протеста, обуславливая амбивалентность чувств по отношению к этому субъекту; желание сохранения стабильности общественного устройства и неудовлетворенность ролью и функционированием социальных

институтов; духовность, креативность, развитые способности и готовность к борьбе с теми, кто препятствует процессу самореализации.

6. Разработанный в соответствии с концепцией протестной активности личности методический инструментарий (опросник «Протестная активность личности») является всесторонне обоснованным эффективным средством выявления форм протеста с учетом их психологической специфики.

7. Деструктивные и позитивные аспекты протестной активности личности целесообразно анализировать с позиций ложной/истинной субъектности, аутентичности / неаутентичности бытия. Существуют деструктивные формы протестной активности личности, обладающие признаками *ложной субъектности*: отчужденная субъектная активность; сниженный уровень саморегуляции; невротический жизненный стиль с ложным «Я»; негативная идентичность; протестная активность осуществляется под знаком лицемерных призывов и требований; разрыв между инициативами и ответственностью; антигуманистические способы экспансии собственного масштаба на бытийные пространства; отношение к окружающим как к объектам, достойных изоощренной манипуляции. Для *истинной субъектности*, соответствующей конструктивным протестным формам, характерны: развитая духовность, устойчивое и целостное мировоззрение; трансляция универсальных нравственных ценностей и этических принципов; поступки на основе нравственного выбора; осознание границ своей ответственности; способность руководствоваться идеальной мотивацией; способность к самотрансцендированию и самобытию, гуманистические формы расширения своей бытийности.

Апробация и внедрение результатов исследования

Результаты диссертационного исследования прошли необходимую апробацию. Промежуточные результаты исследований, итоговые выводы и обобщения, основные положения работы докладывались автором на международных, всероссийских научно-практических конференциях, опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК России, обсуждались

на заседаниях кафедры психологии КГУФКСиТ, на методологическом семинаре факультета управления и психологии Кубанского государственного университета.

Материалы исследований были представлены на Юбилейной конференции «От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете» (Москва, 2015), Всероссийской научной конференции «Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований», посвященной 60-летию со дня рожд. В.Н. Дружинина (Москва, 2015), Международной научной конференции «Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии» (Санкт-Петербург, 2015), Международной научной конференции «Современное профессиональное образование: проблемы, прогнозы, решения» (Казань, 2016), Всероссийской научно-практической конференции «Личностная идентичность: вызовы современности» (Майкоп, 2014), Всероссийской психологической конференции с международным участием «Категория смысла в философии, психологии, психотерапии и в общественной жизни» (Ростов-на-Дону, 2014), VI Всероссийской научной конференции «Личность и бытие: субъектный подход» (к 80-летию А.В. Брушлинского) (Краснодар, 2013), Международной научной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского, «Человек, субъект, личность в современной психологии» (Москва, 2013 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология со-бытийности» (Краснодар– Сочи, 2012 г.), Всероссийской научной конференции с иностранным участием «Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения)» (Москва, 2013), Международной научно-практической конференции «Ананьевские чтения – 2010» (Санкт-Петербург, 2010), IV Всероссийской научной конференции «Психология индивидуальности» (Москва, 2012; 2015), Международной научно-практической конференции «Психология образования: Проблемы и перспективы. Социальное самоопределение молодежи» (Москва, 2004).

Исследования поддержаны в форме грантов «Протест и негативизм как факторы интолерантного и деструктивного поведения молодежи» (проект РГНФ, 2010-2011 гг. № 10-66-38645 а/ю) (руководитель проекта); «Психологическая культура детей и молодежи как фактор социальной стабильности в современных условиях» (проект РГНФ, 2004-2005, № 04-06-38016 а/ю (исполнитель); «Самодетерминация как фактор конструктивного включения молодежи в жизнь общества» (проект РГНФ, 2007-2008, № 07-06-38614 а/ю) (исполнитель).

Результаты исследования внедрены в учебный процесс КГУФКСТ, деятельность Центра специальной переподготовки специалистов и населения по обеспечению безопасности жизнедеятельности в экстремальных ситуациях; лаборатории психологических проблем ФК и спорта (КГУФКСТ), социально-психологической службы КГУФКСиТ и психологических служб общеобразовательных школ и гимназий.

Структура и объём диссертации обусловлены целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, выводов, списка литературы, приложения.

ГЛАВА 1 ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФЕНОМЕНЕ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

1.1 Теоретико-методологическое обоснование избранной стратегии исследования и рассмотрения изучаемого феномена в бытийном аспекте

Современный человек живет в эпоху обширных исторических преобразований, кардинально изменяющих культуру, все пространства бытия и его жизненный мир. В XXI веке предельно обострились глобальные проблемы современности: неоднозначное отношение к личности как к субъекту бытия и исторического процесса – от провозглашения революции субъектов до «исчезновения субъекта»; повсюду наблюдаются иррациональные всплески протестной активности личности. Научно-технический прогресс, расширив поле человеческих коммуникаций, обернулся дегуманизацией социальных отношений, отчуждением, возросшим контролем и манипуляцией человеческим сознанием, подрывом чувства безопасности [329; 330; 352; 380]. Благодаря отточенной и неоднократно апробированной технологии, включающей использование ресурса этничности и мобилизацию энергии архетипов, стал возможен экспорт цветных революций в любой регион мира.

В период подъема социального активизма нередко наблюдается перерождение справедливого протеста в свою противоположность с отступлением от гуманистических ценностей. События на Украине показывают, с какой скоростью мирный протест против несправедливости и коррупции перерос в неуправляемые действия толпы, вплоть до свержения государственной власти, породив анархию и гражданскую войну. В истории примеры подобного перерождения справедливого протеста в свою противоположность встречаются постоянно. Например, неожиданный исход французской революции, целью которой было установление свободы в полном объеме и возрождение «нового человека», а завершившейся вакханалией казней, массовым террором. Красивый лозунг «свобода, равенство, братство» очень быстро сменился на повсеместно

реализованный призыв «аристократов – на фонарь». Несмотря на многочисленные исторические примеры подобного перерождения остаётся неясным и недостаточно изученным механизм этого явления.

Трудно поддается объяснению добровольное вступление радикальные ряды ИГИЛ (запрещенная в РФ террористическая организация) успешных, образцовых студентов ВУЗов из обеспеченных семей, казалось бы, социально необделенной категории населения, на которую в последнее время делают ставку вербовщики.

Современная действительность порождает также массу вопросов, связанных с феноменом новых разновидностей протестной активности личности (в частности, дауншифтинг). Изменяются и объяснительные модели этих феноменов, акцент смещается в сторону онтологических оснований поиска иных форм образа жизни [62; 69].

Осуществляется пересмотр понятия «социализации», т.е. изменяется понятийный тезаурус, с помощью которого обсуждается развитие протеста на всех этапах: профилактика, специфика, последствия (для личности, общества, государства - как известной взаимосвязанной триады проблем безопасности) [75].

Значимой тенденцией развития психологической науки является растущий интерес мирового научного сообщества к онтологическому аспекту существования человека в мире. К анализу психологической феноменологии привлекается категория человеческого бытия, которая становится решающим дескриптором современного научного дискурса, меняющая точку зрения на сопутствующую психологии личности проблематику [308, с.129].

Многие исследователи обращаются к проблематике самоопределения личности как субъекта бытия [61; 108; 110; 111; 353; 394]. В процессе самоопределения субъект на основе собственного мироотношения способен конструировать стратегию своей жизни и преобразовывать существующую в обществе систему ценностей и идеалов, моральных норм и правил. Предпочитаемые способы существования отражают разные варианты самоопределения личности и его психологические последствия.

По словам К.В. Карпинского, именно интеллектуальная, а не

хронологическая история психологии представляет собой последовательную актуализацию одних и дезактуализацию других проблем, развертывание одних и свертывание других теорий, восхождение одних и низвержение других категорий [285, с.141].

Феномен протестной активности личности, в качестве фрагмента научной проблематики, взаимосвязан с острыми проблемами и противоречиями современности, соответствует динамичности социально-исторических процессов. Поэтому исследование закономерностей протестной активности личности, ее психологической сущности, структуры, ключевых компонентов, специфики проявлений — это актуальная и многоплановая научная проблема в контексте масштабных проблем безопасности и запросов практики.

Несмотря на значительный масштаб последствий протестной активности для личности и социума, наблюдается существенное отставание психологии от социологии и социальной психологии в его изучении и освоении. Понятие протестной активности личности до сих пор не вошло в основной тезаурус психологии личности, неясен психологический механизм этого явления, не выделена структура протестной активности личности, не осуществлена операционализация конструкта, отсутствует методический инструментарий для исследования индивидуальных форм протеста.

В отечественной и зарубежной психологии накоплен богатый опыт в понимании протестной активности личности. Существенное влияние на развитие представлений о феномене оказали работы Л.С. Выготского, П.П. Блонского, Л.Ф. Обуховой, Д.Б. Эльконина, Л.И. Божович, в которых подробно проанализированы различные протестные реакции в рамках возрастных кризисов и их неоднозначное влияние на личностное становление [24; 28; 51; 52; 259; 400].

В зарубежной психологии понятие протеста активно использовалось в психоаналитической традиции, а также в рамках теории агрессии и фрустрации [42; 49; 224; 375; 403]. А. Адлер проницательно усмотрел в некоторых проявлениях протеста формирующийся жизненный стиль личности [7; 8; 363]. Однако задача интеграции имеющихся представлений в единую

непротиворечивую картину так и осталась нерешенной.

Традиционным для современных психологических исследований является использование понятия протеста для описания дезадаптивных стратегий поведения. Следует отметить инертность суждений и *стереотипы* научно-психологического подхода к изучаемому феномену, в связи с чем упускаются из поля зрения психологические механизмы явления: а) *протест – это преходящая ситуативная реакция* (протест рассматривается абстрактно, не учитываются психологические условия, обуславливающие специфическую протестную активность личности, процессуальность конструкта и парадоксальность движущих им противоречий); б) *склонность к протесту обнаруживают преимущественно девиантные подростки и молодежь* (в свете проявленности вышеуказанного парадокса это суждение не вполне верно); в) *актуализация разных видов протеста связана с плохой адаптацией* (не замечается, чем оборачивается для личности и социума конформистское приспособление, безвольная послушность «массового человека», создающая лишь иллюзию социальной полезности). г) *спорт – эффективное средство профилактики деструктивных форм протеста* (игнорируется противоречие: неординарные физические способности на фоне несформированности нравственно-этических норм, идеалов и ценностей способствуют искажениям в картине мира и субъектной ориентации личности, порождают чувство вседозволенности и становятся предикторами деструктивной протестной активности); д) *протест под лозунгами установления социальной справедливости, свободы безусловно полезен для общества* (упускается тот факт, что большинство мирных протестов может при определенных условиях перерождаться в свою противоположность, заканчиваясь насилием, разрушениями, террором, anomией).

Соответственно исследователи преимущественно фиксируются на внешнем наблюдении поведенческих проявлений протеста и ожидании того, что поведение должно четко соответствовать статистическим нормативам и показателям адаптации. Акцентируя внимание на результативных характеристиках явления, авторы упускают при этом динамические, процессуальные характеристики и все

многообразии формирующих его факторов. Подобный «объективный» анализ личности как управляемого объекта, по сути, не имеющей субъектной сущности, оснований человеческой жизни, «когда нивелируются проблемы пространственно-временной развертки бытия, включая проблемы предметности, реальности и действительности мира» [149, с.47].

Статичная инструментальная интерпретация не способна объяснить все противоречия личности в усложняющихся условиях бытия, сверхнормативную природу активности индивида [271; 272], плодотворность и перспективность для личности и обновления социума конструктивных форм протеста. В рамках адаптивной парадигмы очень трудно объяснить иррациональные всплески протестной активности различных категорий населения. Почему люди, будучи образцом для других, демонстрируя хороший интеллектуальный уровень, соблюдая, казалось бы, все внешние приличия, внезапно рвут с окружением, удобствами жизни и оказываются в экстремистских организациях, где полностью меняется мировоззрение, убеждения, ценности, строй жизни, социальная позиция? Напомним, что резонансные события с протестным содержанием происходили с участием людей обеспеченных, образованных, имеющих хорошую работу и благополучную семью. Использование инструментального подхода, где полагается поиск абстрактных, инвариантных законов и фиксируются лишь количественные показатели, не позволяет выявить психологические механизмы подобной трансформации личности.

А.В. Петровский и В.А. Петровский убедительно обосновывают невозможность изучения личности по аналогии с тем, как изучаются физические тела: «Мысля личность свободной, мы раскрываем перед ней простор самоопределения..., привязывая её к решению задач адаптации (под благовидным предлогом реализации принципа гомеостаза, гедонизма, «предустановленной гармонии»), мы сковываем личность, лишаем ее спонтанности» [273, с. 96].

Следовательно, требуются другие объяснительные модели, не может быть и однозначной интерпретации протеста, поскольку сама жизнь показывает несостоятельность этих объяснений. Очевидна необходимость многомерного

рассмотрения этого явления, характеризующего *позицию личности по отношению к бытию*. Феномен требует концептуализации и расширенного эмпирического анализа в рамках психологии «рефлексивного человека» с акцентом на самодетерминации различных форм его активности.

Согласно В.А. Мазилову, целостные по своей природе явления невозможно изучать с помощью конструктивного подхода, ориентированного на воссоздание целостности из элементов, поскольку в этом случае происходит принудительный перевод сложных явлений к простой схеме. Решая сложную проблему, нужно использовать другой алгоритм, где за основу берется целостность, которая затем расчленяется и типологизируется [219].

По мнению Д.А. Леонтьева, новые ориентиры понимания личности в психологии выглядят следующим образом: «Признание реальности внутреннего мира личности влечет за собой необходимость содержаний и отношений; признание системной организации жизнедеятельности влечет за собой необходимость изучения атрибутивных схем и принципов структурной организации систем личности, признание рефлексии, самодетерминации и выбора влечет за собой изучение стратегий, межуровневых регуляторов и механизмов самотрансценденции» [197, с. 406].

Прогресс психологического знания предполагает как развитие внутренних связей между самими психологическими дисциплинами, так и развитие междисциплинарных связей [84; 112; 113; 204; 205; 218; 408]. Не случайно И. Валлерстайн призывает перейти от монополизации знания в рамках определенной дисциплины к расширенному междисциплинарному анализу явлений, к наддисциплинарному преодолению раздробленности знания – «собираанию звеньев» одной цепи, позволяющему понять значение этих явлений, истоков их происхождения, путей развития и их места внутри более крупных конструкций. Проблема протеста, экстремизма и терроризма до сих пор не разрешена потому, что эти явления ученые изучают раздробленным способом, не учитывая, что «эти явления настолько переплетены, что одно обязательно предполагает другое, одно влияет на другое» [44, с. 44].

Б.Г. Ананьев обращает внимание на недостаточность нашего знания исторической природы человека и гигантского потенциала этой природы [11]. Мы согласны с мнением А.Г. Асмолова о том, что в условиях появления различных «волн» модернизации современной психологии «междисциплинарный статус проблемы личности выступает как необходимое условие поиска системных закономерностей развития человека в биогенезе, социогенезе и онтогенезе, а не повод к растворению психологии личности в других естественных или социальных науках» [16, с. 19].

В основе нашего видения проблемы протестной активности личности лежит методология субъекта, позволяющая рассматривать проблему протестной активности личности в онтологической реальности, включив в поле изучения социокультурный, исторический и экзистенциальный аспекты реальности, тем самым расширить ценностно-смысловые контексты решаемой проблемы. Выбор предметного поля «личность и ее бытие» в качестве внутренней опоры нашей концепции обусловлен эвристичностью субъектно-бытийной методологии для решения социально-значимых задач, которая способна сопрягать в своем предметном поле противоположные подходы, теории, взгляды и, снимая эклектику, обеспечивать органичность интерпретации многомерных и многоуровневых феноменов, к которым относится феномен протестной активности личности.

В самом названии субъектно-бытийного подхода подчеркивается неразрывная связь личности как субъекта социально-экономических, социокультурных, политических и прочих отношений и бытия. Личность выступает субъектом процесса бытия, который необходимо поддерживать определенным образом ориентированной субъектной активностью, при этом пространства бытия личности непосредственно включаются в ее структуру и личность становится фактором, объединяющим все стороны своего бытия (как субъективные, так и объективные) в неразрывной целостности [315]. Такое понимание личности снимает проблему ее изоляционализма и

противопоставления социуму, поскольку «личность как субъект является главной конституирующей частью человеческого мира» [352, с. 92].

В субъектно-бытийном подходе сформировано представление о личности как структурном полисистемном образовании, включающем пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность). В психологическом пространстве они воссоздаются как взаимосвязанные взаимопересекающиеся подпространства: «планы и структуры поведения», «образ мира», «мотивационно-потребностная сфера». Захватывая смысловое или собственно личностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты: конативный, когнитивный, аффективный. Таким образом, личностный смысл вбирает в себя информацию о внешнем событии, ставшем предметом отражения; акты поведения, обеспечивающие распределение, «опредмеченную» потребность, конкретизировавшуюся в мотиве и окрасившая предмет и поведение пристрастностью [311, с. 9-10].

Личность рассматривается как реализующая в своем поведении три сопряженные базовые потребности: в самоактуализации, во внутренней согласованности, в поиске подтверждения своей значимости для внешнего мира [310]. Подчеркивается направленность человека на переустройство бытия в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов, т.е. на такое преобразование реальности внешнего мира, когда мир становится объективированием субъективного и продолжением личности, следствием ее экспансии [307; 310; 311; 315].

Невозможность личности реализовать себя как субъекта, отсутствие возможности «продлить» себя во внешний мир трактуется как отсутствие идентичности, неаутентичность бытия и субъективное неблагополучие, порождая различного рода деструктивные явления [312].

Описанные нами положения позволяют увидеть, что в рамках субъектно-бытийного подхода задается совершенно иной масштаб измерения сложных феноменов, поскольку учитывается духовное измерение личности, ее

нравственная позиция, уровень личностно-смысловых образований, делается акцент на процессуальности изучаемых явлений. Поэтому этот подход создает устойчивую методологическую основу для изучения феномена протестной активности личности, позволяя понять истинную природу, сущность изучаемого явления и сконцентрироваться на его парадоксальности, типологическом разнообразии его форм и процессуальной трансформации способов выражения.

В работе мы попытаемся ответить на важный вопрос, почему, когда человек выступает как «послушное тело» социального субъекта и становится максимально адаптированным и успешным, его готовность к бунту многократно возрастает.

В следующих трех параграфах мы попытаемся показать неоднозначность проявлений протестной активности, ее движущие силы и ответить на вопрос, что же заставляет человека протестовать. Применительно к нашей тематике возникает необходимость предварительного рассмотрения протестных сюжетов в мифологии и искусстве для определения образов, символов, проясняющих сущность изучаемого явления, стоящих за ним внутренних чаяний и переживаний человека. Затем мы обсудим этот вопрос в ракурсе философских воззрений (1.3), а в последующем параграфе (1.4) продолжим обсуждение этой темы в контексте социологических и социально-психологических концепций. Ориентация на междисциплинарный синтез, интеграцию социально-гуманитарных знаний, на наш взгляд, позволит раздвинуть границы исследования и уйти от механистичности анализа и изложения материала.

1.2 Протестные сюжеты в мифологии и опыт осмысления протестной активности личности в искусстве

Неудивительно, что малоизученная проблема протестной активности личности не может обсуждаться вне анализа протестных сюжетов в мифах и искусстве, занимающих важное место в человеческой истории. К донаучным попыткам объяснения протеста целесообразно обратиться еще и потому, что «распространение языка и формирование племен лежат за пределами истории, т.е. в мифах еще нет истории» [59, с. 155].

Существуют разные взгляды на природу мифа и его роль в культуре. По К. Ясперсу, человечество имеет единые истоки и общую цель, и хотя эти истоки и эта цель неизвестны в виде достоверного знания, они ощутимы лишь в мерцании многозначных символов. Мифы – важная часть человеческой истории, к которой относится все то, что неповторимо и занимает свое место в едином процессе человеческой истории и является реальным и необходимым во взаимосвязи и последовательности человеческого бытия [415, с. 31].

З. Фрейд связывает господство мифов в донаучной эпохе с архаическим страхом, присущим человеку, с тем, что ему всегда было трудно переносить жизнь. Очеловечивание природы в мифах позволило психически овладеть страхом, установить отношения с природными силами [363].

Культурную ценность мифов для современного человека, отмечает Э. Фромм, который предлагает уйти от ограниченного рассмотрения мифа как наивного порождения непросвещенного ума и обращает внимание на универсальность языка мифа как единого языка для всех культур во всей истории, изобретенного человечеством. «Это язык, логика которого отлична от той, по чьим законам мы живем в дневное время; логика, в которой главенствующими категориями являются не время и пространство, а интенсивность и ассоциативность» [367, с. 183].

М. Мамардашвили рассматривал мифы как организованные способы поведения и знания человека, где работают совершенно другие структуры сознания и посредством которых конструируется такой мир, в котором, что бы ни случилось, все было понятно и обретало метафорический смысл. В статье «Философия на фоне мифа» он выделяет специфику мифа и его главное отличие от философии и науки – отсутствие авторства (безымянность), духовность, понятность мира и отсутствие в нем проблем [226, с. 5].

По мнению М. Мамардашвили, в мифологическом мирозерцании еще нет ясного, отчетливого мышления, отсутствует рефлексия, есть только непосредственный опыт, что отражается на мифологических образах. В мифах фигурируют зооморфные и одновременно человекоподобные существа, которые

являются носителями природных и сверхприродных качеств, и именно эти существа играют важную роль в человеческой жизни, поскольку они могут ее организовывать и человек может с ними соотнести себя. Таинственные существа живут в особом пространстве и соединяют в себе то, что в человеке не может быть соединено, они могут быть бессмертными, перевоплощаться в другие существа. Миф, являясь тщательно разработанной системой нейтрализации оппозиции «культура-природа» и способом внесения и удержания во времени порядка того, что без мифа было бы хаосом, в то же время является способом организации и конструирования человеческих сил или самого человека. Философ заключает: миф не представление о мире (правильное или неправильное), «а восполнение и созидание человеком себя в бытии, в котором для него нет природных оснований» [226, с. 8].

В индийской мифологии протестные сюжеты встроены в модель двуединого мира и концентрируются вокруг борьбы сверхъестественных существ — асур и богов. Эти божественные силы обладают человеческими качествами – завистью, хитростью, коварством, реагируют на справедливость или несправедливость. Асуры в индийских ведах выступают как могущественные боги изгнания, обладающие собственными принципами, трактуются как непримиримые противники богов, вынесенные за пределы освоенного богами мира. Вместе с тем между самими богами также разворачивается соперничество и сопутствующее ему недовольство и протест [251, с.13].

Любопытен протестный сюжет с участием бога Рудры, который долгое время жил отшельником и потому лишился доли в жертвоприношениях. Узнав об этом, его жена бросилась в костер, а Рудра примчался к месту собрания богов, возмущаясь, разрушая все вокруг, требуя дары. Во время этого буйства боги в страхе разбежались, однако на собрании было решено выделить большую часть жертвенных даров Рудре, что его утихомирило [там же, с. 18]. Идея этого мифа проста: несправедливое распределение материальных благ, ущемление прав порождает острое недовольство, возмущение, протест. Таким образом, автор древнего текста улавливает связь между протестом и ощущением

несправедливости задолго до научных взглядов на протестную активность личности.

Антропоморфические мифы Древней Греции тоже наполнены протестными сюжетами. Например, знаменитый миф о Прометее, чей бунтарский образ неоднократно использовался в литературе и искусстве как символ метафизического бунта и социальной революции, как олицетворение человеческой совести [207; 239]. Кроме того, в приведенном мифе протестная активность осмысливается через самый высокий уровень солидарности: ради освобождения Прометея от страданий Хирон отказывается от бессмертия. Согласно Р. Мэю, факт смертности тесно связан с восстанием и созидательной цивилизацией, с ценностями культуры, и это истина, которую способен в полной мере осознать только бунтарь [507].

Неповиновение (протест против пребывания в плену иллюзий) и принятие смертности являются центральными мотивами библейской истории об Адаме и Еве, восставших против запрета. И хотя этот протест спровоцирован демоническим элементом мира, он содержательно близок созидательному протесту Прометея. Поэтому Э. Фромм поставил бунт Евы и поступок Прометея в один ряд, назвав их двумя великими мятежниками, чьи «преступления» освободили человечество [369].

В данном мифе через протест запечатлен контур акта рефлексии. Ученый отмечает, что это неповиновение, прорыв против незнания стали предпосылкой того, что человек осознал самого себя, он стал способен решать свои дела, оказался в состоянии формировать свою историю, укреплять свои силы и в качестве полностью развитого индивида достигать гармонии с другими людьми и природой. Э. Фромм формулирует цель протеста в этом мифе: «Это первый акт неповиновения является первым шагом человека на пути к свободе» [367, с.17].

Протест определяет содержание мифа об Эдипе – символа кровосмесительной любви между матерью и сыном, как считал З. Фрейд. Но Э. Фромм опровергает эту точку зрения, считая миф символом протеста сына, восставшего против воли отца в патриархальной семье. Брак Эдипа и Иокасты –

вторичный элемент, символизирующий победу сына, который не только занимает место отца, но и приобретает все его привилегии. Следовательно, корни протестной активности лежат в особенностях отношения отца к сыну: «Креонт воплощает строгую авторитарность в семье и государстве, и именно против такого типа власти восстает Гемон» [367, с. 270-271]. Источники этой борьбы уходят в прошлое, где разворачивалась борьба между патриархальным и матриархальным укладом в обществе [21].

В самом известном библейском сказании о падшем ангеле высвечиваются другие грани протеста, связанные с гордостью, завистью, неповиновением, подстрекательством, нарушением вселенской иерархии, желанием безграничной власти. Н.О. Лосский называет ангелов-отступников демонами, изощряющихся в способах отклонения людей от нормальной эволюции, совращения их с истинного пути жизни. «Эти существа...гордыня которых так велика, что они не переносят мысль о существовании Бога, безмерно превосходящего их своим величием и совершенством. Желая занять место Бога, они вступают в соперничество с ним в уверенности, что Бог неправильно сотворил мир, что Он неблаг и несправедлив и они призваны исправить творение его» [208, с. 341-342]. Поскольку в этой непрекращающейся борьбе они постоянно терпят крушение, их ненависть к Богу возрастает и главной задачей становится повсеместное разрушение добра (полем битвы является человек) и построение мира соответственно своим представлениям и плану.

Библейская антропология носит экзистенциальный характер, где человек понимается как находящийся на пересечении противоречий между Богом и миром. Человек удостоен «образа и подобия божия», но, в отличие от природных существ, которые не способны сами утратить своего небогоподобного образа, человек может своим своеволием разрушить свое богоподобие.

Именно протест характеризует путь, начатый грехопадением и разворачивающийся по кругу как череда драматических переходов от избранничества к отверженности и обратно. По С. Франку, это сверхвременное событие отступничества входит в состав нашего фактического бытия и

свидетельствует, что эта «порча» касается не отдельной личности, а относится к самой природе человека [356].

Таким образом, уже в мифологии наблюдается неоднородность протестных сюжетов, выявляющих разные лики протеста: от протеста против пребывания в плену иллюзий, несправедливости, до бунта, обусловленного стремлением к власти и нарушению иерархии. Мифы и религиозные фантазии акцентируют внимание на том, что конструктивный или разрушительный протест зарождается в душе самих фантастических существ, с которыми человек может соотнести себя, в частности, обратить внимание на то, как они действуют в его собственной жизни.

Далее, обратимся к осмыслению протестной активности личности в *искусстве*, где тема протеста получает новый импульс. А.В. Брушлинский утверждал, что проблема культуры требует специального рассмотрения, при котором необходимо учитывать, что понятия культуры и социальности во многом близки и даже тождественны, что человек — это не только объект, но и субъект культуры [36, с. 80].

Сопоставляя разные сферы познания реальности, мы исходили из того, что наука и искусство, являясь производными от единого ядра культуры, символичны и социальны. И хотя наука как культурный орган – исторически более позднее возникшее образование, по сравнению с искусством, по М. Мамардашвили, обе сферы познания мира обнаруживают определенные гомологии на уровне своего отношения к тому режиму, в каком работает сознание и который сложился и отрегулировался давно, став соприродным специфическому облику феномена «человек» и воспроизведясь вместе с ним. Их взаимодействие раскрывается в том, что «существует определенная сумма предданных человеческих требований к миру, тому, каким он может и должен быть, чтобы человек мог жить в нем, реализуя вышеупомянутый образ. Эти требования идеально «проигрываются» наукой и искусством» [225, с. 87-89].

Полагая, что через искусство происходит систематизация специфической аффективной сферы психики общественного человека, Л.С. Выготский вводит

положение о внешних формах существования психики в культурных артефактах. Согласно его представлениям, социальные условия определяют характер и действие художественного произведения, «...но только они определяют его не непосредственно. Самые чувства, которые вызывает художественные произведения, суть чувства, *социально обусловленные*» [54, с. 34].

В изобразительном искусстве, также как и в литературе, интерес к протесту не ослабевал никогда, так как художники всегда находились в центре острых социальных проблем, протестуя против установившегося в обществе *status quo*, против всего, что делает общество банальным, конформистским и инертным [247, с. 284]. Иногда это восстание принимает форму протеста против академических традиций в самом искусстве (работы Винсента Ван Гога, Поля Сезанна, Пабло Пикассо). Но сущность этого восстания заключается в новом способе видения природы и жизни.

Отметим, что библейские сказания сохранились еще и потому, художники часто обращались к теме богоборчества. Питер Брейгель Старший в картине «Падение ангелов» представляет мятежных ангелов в качестве символов греха, изображая их в виде фантастических существ, которых за мятежный характер прогоняют из рая. Показаны страшные трансформации ангелов, вызванные нарушением установленной иерархии – превращение мятежников в чудовищ.

В картине П. Брейгеля «Падение Икара» появляется тема протеста, рассматриваемая вне религиозных коннотаций, связываемая с духовным несовершенством, греховностью человека, порождающими инфантилизм, непомерное честолюбие, тщеславие, неповиновение. В другой своей картине «Избиение младенцев» художник обращается к острому в социальном плане историческому сюжету, тем самым пытаясь выразить протест против присутствия испанских войск в Нидерландах и сопутствующего ему террора.

Спустя три столетия искусство в полной мере воплощает социальный протест, и картина Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ» или «Свобода на баррикадах» – яркий пример этого смыслового и социального сдвига.

Период Первой мировой войны стало важной вехой в истории искусства, поскольку завершался героический этап развития новейшего искусства. В Цюрихе в среде анархистов оформился дадаизм, активно воплощающий нигилизм в искусстве. Демонстративный антиэстетизм этого движения постоянно провоцировал общество скандальными выходками – заборными каракулями, псевдотехническими чертежами.

Но не только скандалы составляют суть дадаизма. Это нонконформистское движение в культуре призывало выйти за границы устоявшихся смыслов, демонстрируя всевозможные транспозиции предметов и образов, трансформации предмета в другую субстанцию, (например, «Меховой чайный прибор» М. Оппенгейм). По выражению М.С. Гусельцевой, «дадаизм вырывает предметы с насиженных мест, реально творя иные миры» [83, с.99].

Однако дадаизм не смог предложить новых путей в искусстве, его роль сводилась к подготовке основы для построения нового, и эту роль взял на себя сюрреализм. Интерес представляет «Первый манифест», в котором Андре Бретон излагает кардинальную программу изменений в искусстве и жизни и формулируется цель сюрреализма: «окончательное уничтожение всех других психологических механизмов, чтобы на их место поставить решение важнейших проблем жизни» [297, с. 12].

Нигилистический характер программных установок сюрреализма возбуждал сопротивление и неприятие публики, неподготовленной к восприятию парадоксов. Бунтарским самоутверждением в искусстве можно назвать творчество классика сюрреализма Сальвадора Дали. В эпатажных произведениях «Частичная галлюцинация: шесть явлений Ленина на фортепиано», «Сюрреализм на службе революции» и других изысканных мистификациях рельефно проявляются черты амбивалентного протестного отношения к значимым фигурам: непринятие и интерес, восхищение, но с гротескным саркастическим искажением. Заметим, что не только исторические деятели являлись предметом критики С. Дали. Тема страшных мутантов, появившихся в результате духовного

и физиологического растрепания, звучит предостережением о возможном необратимом перерождении человечества.

Таким образом, протест в искусстве – это взрыв стереотипов, старого, угрожающего жизни застою или вырождением, борьба против всего, что понижает меру человечности. Искусство, индивидуально преломляясь в творчестве художника, через разные формы демонстрирует хрупкость человеческого существования и возможность необратимой деградации человека, тем самым предупреждая о реальности сильнейших потрясений. Заметим, что именно в искусстве впервые появляется *идея об утрате личности*, как следствия бездуховности, результирующей в необдуманый протест.

Резюмируем сказанное.

Краткий обзор протестных сюжетов в мифологии и искусстве позволил получить достаточно достоверную информацию о феномене, обратить внимание на сильные переживания, подготавливающие протест, обусловленные отношением к конкретной ситуации. Протест связан с нежеланием оставаться в прежнем положении, неповиновением, противодействием, стремлением выйти за пределы наличного бытия, по-новому определить свое место в мире. При всем разнообразии протестных сценариев в мифологии и искусстве можно выделить общее: протест сводится к заметному для окружающих действию, поступку, оценка которых в этих способах познания человека осуществляется с точки зрения базовых этических категорий: добро, зло, свобода, страдание, справедливость, честь, достоинство, совесть, ответственность. Протест, отраженный в символике мифов и в образах искусства, по сути, подчеркивает отсутствие предопределенности бытия, четкой фиксации природы человека, которая может преобразоваться радикально, в зависимости от конкретной протестной активности, которая зарождается в душе самого протестующего. Заслугой мифологии и искусства является то, что через протестные сюжеты человек показан во всей многомерности, целостности, со всем, что в нем есть, что позволяет человеку в повседневной жизни соотносить себя с этими ситуациями и образами.

1.3. Философские подходы к пониманию протестной активности личности

Мифология и искусство приоткрыли важнейшие качества протестной активности – многоаспектность, интенсивность. Раскрыть сложный процесс диалектического взаимопроникновения протестной активности личности и бытия, заострить внимание на имманентно присущих бытию противоречиях позволит философия, появление которой было подготовлено тысячелетней мифологической историей.

Предварительный анализ понятия «протест» показал его связь с отрицанием (существующих норм, правил поведения, способов мышления и пр.). Отметим, что в словаре русского языка «протест» (от лат. *protestari* - изъявлять, открыто заявлять) – это «решительное возражение против чего-нибудь» [261, с. 555]. Применительно к нашей тематике возникает необходимость рассмотрения, определения сущности *категории негативного*, которая сопряжена с отрицанием (*negō* с лат. – отрицаю) и соотносится с рядом фундаментальных категорий: личность, бытие, противоречие, существование, экзистенция, самоопределение.

В философии удивительным образом скрещиваются, сочетаются, перекликаются совершенно разные стороны отрицания – онтологические, гносеологические и эпистемологические аспекты. Это и отрицание власти, социальных норм (стоики, софисты), или веры (киннки), и отрицание жизни или смерти (вера в инобытие), отрицание возможности познания. Встречается понимание отрицания как отрицание сущего, окружающего мира (стоики, солипсизм) или самоотрицание. Поскольку негативность, отрицание пронизывают все бытие человека, составляют одну из сущностей человека и соотносятся с духом эпохи, уяснять и интерпретировать конструкты, связанные с протестной активностью личности, следует с учетом понимания исторических этапов, в рамках которых отрицание наполнялось различным содержанием.

Г. Гегель, обращаясь к философской истории, внутри которой все обретает смысл только в качестве завершеного целого, рассматривает все периоды истории как взаимосогласованные, взаимодополняющие друг друга. Исходя из

представления о том, что каждая эпоха является необходимой стадией развития разума, философ отмечает, что на Востоке, на первой ступени своего развития, разум еще не сознает своей свободы (он молчит в Китае, мечтает в Индии) «...дух еще не стал внутренним, он проявляется лишь как природная духовность, ...как внешнее, так и внутреннее, закон и разумение, религия и государство являются чем-то единым» [59, с. 155]. На этой стадии внутренняя работа еще не начиналась, отсутствует беспокойное метание и стремление понять себя и познать свою сущность. «Человек не борется, не протестует, он склонился перед фактом жизни и жизненной необходимостью, не осознал себя как отдельное существо в реальности...» [98, с. 276].

Г. Гегель подчеркивает: несмотря на то, что человек «спит», всецело подчиняясь политическому и религиозному деспотизму, и его жизнь подобна прозябанию и процессу, «...но в этой малоподвижной жизни заключается уже все то, что составляет сущность истории человечества, все ее содержание» [98]. Этот аспект указывает на имманентность протестной активности личности, «сокрытость» до определенного времени ее потенций, движущих сил. Гегель смягчает декартовский постулат – доминирование разума, определяющего веру в мощь и всемогущество разума, и вводит ценные конструкты нравственности, воли. К самому разуму ученый предъявляет новые требования: разум должен быть не механистичен, а свободен, способен к саморазвитию, а нравственные основания поступков несводимы к внешним детерминантам. На Востоке требования нравственного элемента, выраженного в законах, с его точки зрения сводятся к внешнему. И хотя содержание нравственности устанавливается совершенно правильно, однако внутреннее становится внешним. «Нет недостатка в воле, требующей нравственности, но нет воли, которая осуществляет ее потому, что она обязательна» [59, с. 155]. Философ заключает: для того, чтобы разум смог осознать свою свободу, ему необходимо пройти период *отрицания своего прежнего положения*.

По мнению В.С. Соловьева, отрицание бытия стало возможным, когда материальный процесс жизни стал в тягость человеческому сознанию, которое

переросло сам процесс, и человеческий дух смог противопоставить себя бытию. То, что личность нашла в силе отречения, была чисто отрицательная свобода, без всякого содержания, «сознание не находило взамен никакого другого, приходило к небытию, к Нирване» [232, с. 168]. Таким образом, понятие отрицания отождествляется здесь со свободой.

Зарождение и формирование рационального философского мышления (середина первого тысячелетия до н.э.), «осевое время истории», (по К. Ясперсу, духовный исток всего человечества), когда были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, послужило началом дискуссий относительно человеческой сущности. До этого периода древние культуры были скрыты под своеобразной пеленой, поскольку человек еще не достиг подлинного самосознания [415, с. 37].

В осевое время человек, посредством рефлексии, начинает осознавать бытие в целом, самого себя и свои границы, однако в то же время перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. «Стоя над пропастью, – пишет К. Ясперс, – он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира» [415, с. 33].

Осевое время – это начало борьбы рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа). В осевое время не просто подводится черта под мифологической эпохой, человек начинает постигать себя и окружающий мир, открывает способность к рефлексивному познанию, которое становится средством, с помощью которого можно понять и описать противоречивую природу бытия.

Пожалуй, первое значимое в нашем контексте понимание негативного мы обнаруживаем в древнекитайской философии, где *негативное* органично встроено в концепцию существования двух мировых сил. Темное, негативное Инь, являясь главным первоначалом мира, наряду со светлым позитивным Ян не столько борется с ним, отрицает, сколько дополняет его, образуя гармонию Единого.

Такие утверждения Лао-цзы как «бытие и небытие порождают друг друга», «спокойствие есть господин беспокойства» демонстрируют тесную связь противоположностей [94, с. 124].

В буддистской традиции *отрицание* от внешнего природного бытия помогает человеку обрести *достоинство*: через духовное бодрствование и личность находит свою свободу и безусловность. Будда не думает о какой-либо всемирной реформе и не учит, как изменить внешний мир, в буддизме мир остается невозмутимым и спокойным. Но внешнее перемирие не означает отсутствие или сглаживание противоречий. Вся борьба, по мнению К. Ясперса, разворачивается на внутреннем фронте. «Решающим является то, что при умозрении, медитации и в этосе каждый раз воля человека оказывается тем, что ставит и достигает цели. Человек обладает собственной энергией для поступков и самоконтроля над своим поведением, для медитации и мышления, «он работает, он борется, он подобен альпинисту» [413, с. 99]. Соответственно подчеркивается неразрывная связь отрицания с рефлексией.

В греческой философии нет единства в понимании категории отрицания. Сущность софистики (Горгиас, Протагор) – это отрицание всякого внешнего бытия, богов, через которое достигается признание значения человеческой личности. Сократ, посредством отрицания внешних авторитетов приходит к отрицанию права личности господствовать во имя своей субъективной воли и энергии. В этой идее просматриваются корни протеста против тирании [232, с. 170].

Платон рассматривает негативное в Бытие как одно из условий, способствующих созиданию мира. Для Платона диалектика — это способ конституирования негативного посредством мышления отрицания, но еще и стремление к тому, чтобы с помощью отрицания как мысленного средства создавалось нечто позитивное, то, что позднее было выражено в фигуре *отрицания отрицания*. Почти все произведения Платона, отмечает А.Ф. Лосев, не что иное, как изображение «словесных столкновений, сплошных несогласий, подчас безысходных противоречий» [207, с. 499].

Аристотель расширяет абстрактные границы категории отрицания, содержательно дополняя его и придавая отрицанию форму протеста. Причиной протестной активности Аристотель считал неравенство, которое он рассматривал в контексте несовместимости между политическим и экономическим статусом внутри определенного социального класса. Согласно Аристотелю, стремление к превосходству и неравенству является провоцирующим фактором мятежа олигархов, поскольку они считают, что, несмотря на наличие неравенства, их доля не больше, чем у других, а равна ей или даже меньше [57, с. 90]. Соответственно право на протест, захват и последующую узурпацию власти атрибутируется лишь высшему сословию.

С утверждением христианства и его доктринизацией источником негативного объявляется субъективность, которая противопоставлена миру. Иногда на основе идей античной философии, появлялись новые нигилистические учения, например, учение пробабиллизма в Новое время стало основой доктрины иезуитов о «вероятных мнениях», утверждавшей относительность нравственных норм, оправдывающей любые действия.

Любопытна точка зрения Т. Гоббса на негативность, которая рассматривается в русле противостояния, «войны всех против всех», обусловленной порочной природой человека, не осознающего истинных причин своих поступков [232, с. 22]. Эвристичным является положение Т. Гоббса о ложности, свойственной бытию и касающегося того, что не столько незнание причин и правил отдаляет людей от достижения целей, сколько приверженность ложным правилам.

Дж. Локк акцентирует внимание на активности личности человека, работе его разума, который только и может противостоять ложному. Согласно его мнению, установленные раз и навсегда «врожденные принципы», будучи ложными, отвлекают людей от пользования собственным разумом, заставляют принимать все на веру. Именно в легковерности и слепом следовании чужим идеям он видит большую угрозу: «При такой слепой доверчивости легче было

ими управлять и сделать их полезными для тех, кто обладал умениями и имел задачу наставлять и руководить ими» [232, с. 493].

С развитием философских представлений и с усложнением системы социальных отношений изменялись и сами протестные акции, однако до XVIII века они не имели целью потрясение основ общества, а только его преобразование. Французская революция своими идеями, целями и методами кардинально изменила социальную действительность, поскольку совершалась на основе кардинальной смены социальной и политической системы государства и уничтожения старого порядка. Но всенародное восстание против аристократии, её привилегий вылилось в революционный террор против привилегированных сословий. Проявилась парадоксальность протеста: исход французской революции был неожиданным – она превратилась в противоположность тому, что служило ее условием и «...воля, направленная на установление свободы человека, привела к террору, уничтожившему свободу полностью» [415, с. 292].

В XIX веке интерес к конструкту *отрицания* возрастает, и философы, пытаясь через определение сущего, разрешить вопрос о бытии, отводят этой категории центральную роль. В гегелевской диалектике негативное — это изменение вообще, когда истина каждого образа отрицания проявляется сквозь призму образов, следующих за ним [59]. Негативное есть и в духе («дух есть отрицание»), в котором отрицание проявляется как определение, согласно которому его природная воля для него есть нечто другое, и дух по своей сущности, своей духовности отличается от своей природной воли. По Д. Лукачу, «впервые в человеческой истории противоречивость самого человеческого существования осознается как центральная проблема философии» [210, с. 442]. Для нас важно, что В.С. Степин считает, что гегелевская диалектика содержит в себе первичные варианты категориального аппарата саморазвивающихся систем, аппарата, который выражал целый ряд важных структурных особенностей исторически развивающихся систем. Процедура порождения новых уровней организации в этой системе представлена как саморазвивающийся процесс. В.С. Степин раскрывает этапы этого процесса: «нечто (прежнее целое) порождает

«свое иное», вступает с ним в рефлексивную связь, перестраивается под воздействием «своего иного» и затем этот процесс повторяется на новой основе. Важнейшим моментом этого процесса является «погружение в основание», изменение предшествующих состояний (обогащение смыслов категорий) под воздействием новых, т.е. каждый новый уровень организации начинает управлять предшествующими уровнями и перестраивает основания системы, создавая новую целостность [331, с. 259].

Революционная схема саморазвития, которую Г. Гегель обосновал на материале исторического развития различных сфер духовной культуры, указывает на главное: целостность и иерархичность системы, ее способность к изменению, порождению и качественной перестройке.

В постгегелевской философии негативное снова включается в мир посредством человека, который является частью этого мира. А. Шопенгауэр считает одним из главных заблуждений почти всех метафизических систем рассмотрение зла в категории отрицания. Зло, согласно его мнению, является следствием утверждения желания жить, представляет собой положительное, нечто, дающее себя чувствовать, проявлять [98, с. 346]. Распространенное мнение о том, что протестная активность личности связана с ущемлением прав, обидой, несправедливостью находит подтверждение в его интерпретации рыцарской чести, которую дает Шопенгауэр, ссылаясь на Цицерона: «в оскорблении содержится какое-то жало, которое люди благоразумные и хорошие переносят с величайшим трудом» [там же, с. 255]. По-видимому, нетерпимость и непереносимость оскорблений сформировала в культуре определенную терпимость к дуэлям, распространенным в XVIII- XIX вв. в России и во Франции.

С появлением трансцендентализма, в котором впервые было произведено различие на «свой» и «чужой» разум, отрицание органично входит в содержание нигилизма, означающего радикальную непримиримость с христианством и выступающего как институционализированное отрицание воли к жизни. Ф. Ницше выделяет низшие и высшие формы нигилизма, связанные с переходными состояниями духа. Пассивный нигилизм, символизируя закат и уход

мощи духа (нет никакой истины вообще), препятствует истинному бытию. Активный нигилизм, обладая признаками возрастания мощи духа, подвергает переоценке все христианские ценности и может способствовать выздоровлению, обновлению человечества, став источником пробуждения новой воли к бытию. Экстатически-классический нигилизм – высшая форма нигилизма, не признающая ничего над собой, представляющая божественный образ мысли [372].

Проникновение негативного в конце XIX и начале XX века в социальный план привело к сдвигу с гносеологической парадигмы в онтологическую и аксиологическую плоскости, в рамках которых стал возможен анализ фундаментальных структур человеческого существования.

Наряду с изменением вектора научного знания, изменяются способы манифестации протестной активности личности. В социальной действительности XIX века протесты и бунты носили локальный характер и не выходили, как правило, за пределы какой-либо страны. Уже в конце XIX века протесты и бунты приобретают массовидный характер и сопровождаются террористическими актами с большим числом жертв. В XX веке ситуация кардинально меняется. Кровавое подавление мирных демонстраций, вовлечение огромных масс людей в мировую войну привело к закономерному результату – революционной ситуации и революциям во многих странах, в том числе в России.

Эпоха массовых протестов и международного терроризма не могла не остаться без философского осмысления проблем негативного. С.Л. Франк подчеркивает специфику русского революционного движения, его философскую непродуманность и недоговоренность. Согласно его мнению, поверхностный и неуправляемый протест, предлагающий банальные способы жизни, является главным источником хаоса, насилия, бескультурья [48]. А.И. Эртель также считает, что любой протест, претендующий на плодотворность, должен вытекать из философски-религиозных убеждений самого протестующего, пониманием своего личного назначения. В противном случае протестующие не смогут осознать, почему их так возмущает произвол, насилие, бесцеремонность власти, дефекты государственного хозяйства [цит. по: (75)].

Э. Гуссерль, С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр, А. Камю и другие мыслители помещают негативное внутрь бытия и придают автономность способу его существования. Э. Гуссерль обнаруживает и доказывает интенциональную жизнь сознания, которое способно к смыслообразованию и изолируется от основывающихся на этих связях мифологических, научных, идеологических, а также повседневных, банальных установок и схем [85].

В герменевтической философии конструкт отрицания рассматривается в русле отношения человека к миру. Мартин Хайдеггер интерпретирует негативное как необходимое условие обретения экзистенции, которую можно реализовать в двух модусах: собственное бытие и несобственное бытие, соответствующие подлинной и неподлинной экзистенции. Отрицанию придается бытийный смысл, и в этом ключе смерть лишается смысла простого отрицания жизни, не зависит от жизни и означает безотносительную предельнейшую возможность [372, с. 23].

Между тем, в философских спорах негативность еще больше встраивается в социальный контекст, изменяя интерпретации протестной активности. Довольно показательны в этом смысле идеи М. Шелера, изложенные в книге «Человек озлобленный», где проявления протеста рассмотрены как категории морали. В шелеровском понимании основным условием возникновения протеста является отверженность, порождающая мстительную злобу на богатых и сильных. Однако месть и озлобленность обращается против ее носителя, трансформируясь у сильных людей в карьеризм, а у слабых – в горечь и беспомощность. Злопамятство и зависть, по мнению М. Шелера, является главным источником социальных движений, ставящих своей целью достижение равенства, где гуманизм переворачивает традиционные ценности с ног на голову, подчиняет высшее низшему. Такого рода протест основан на духовной ущербности и антиинтеллектуализме, это бунт рабов, протест против морали и движение к универсализации низменных ценностей [136].

Альбер Камю, сделавший в своих работах слово «бунт» ключевым понятием, вступает в полемику с М. Шелером по поводу одностороннего видения протеста как выражения озлобленности и зависти. По его мнению, одной из

существенных причин бунта является нарушение границы, устанавливаемой самим человеком, за которой лежит область его суверенных прав. Бунтарь защищает целостность своей личности, поскольку он принципиально ограничивается протестом против унижений и посягательств на себя, но не желает их никому другому. Бунт основан на протесте против любого посягательства на границы, которое субъективно оценивается как недопустимое, и убежденности бунтаря в своей правоте, его уверенности, что он может делать то, что хочет. Если нет такого чувства правоты, то нет и предпосылок протеста, «здесь скрытым образом вступает в игру ценностное суждение, и притом столь основательное, что оно помогает бунтарю выстоять среди опасностей» [136, с. 3].

Рассматривая бунт в историческом экскурсе в контексте разных культур, А. Камю отмечает, что проблема бунта обретает смысл лишь в рамках западной мысли, а у индусского парии, у воина империи Инка, у туземца из Центральной Африки или у члена первых христианских общин это понятие вообще не имело смысла. Мятежный дух не мог выражаться в индийских кастах, т.е. тех обществах, где неравенство было предельным или в первобытных обществах, где наблюдалась абсолютизация равенства. «Однако древнегреческий раб, крепостной, кондотьер времен Возрождения, парижский буржуа эпохи Регентства, русский интеллигент 1890-х годов и современный рабочий, различаясь в своем понимании причин бунта, единодушно признавали его законность» [136, с. 132]. Соответственно созревание бунта возможно только в тех социальных группах, где теоретическое равенство скрывает огромные фактические неравенства.

А. Камю также ставит вопрос о мере и степени осознанности протеста. Стихийный и неуправляемый бунт, бунт без границ грозит хаосом, опустошением и растворением в реальности. Четко очерченные, осмысленные границы способствуют равновесию, определяют гармоничное соотношение свободы и справедливости, в результате чего, гуманистические цели не распадаются на части в пространстве, т.е. зрелый протест позволяет обрести целостность личности [136].

Добавим, что у А. Камю проблема бунта, особенно в «Мифе о Сизифе» не отделена от темы абсурда как постоянного противостояния разумного человека с бессмысленным и лишенным априорных ценностей миром [137]. Философ определяет бунт как одну из последовательных философских позиций, как непрерывную конфронтацию человека с «таящимся в нем мраком», позволяющую обрести собственную мораль («количественную этику»), основанную на опыте осознания абсурда. Для того, чтобы жить, человек должен бунтовать, поскольку сознательный бунт придает жизни цену, упразднение бунта означает уход от проблемы, обедняет человека [136, с. 52]. Тем самым, подчеркивается роль протеста в проблематизации собственного существования.

Отметим, что если в опыте абсурда страдание носит индивидуальный характер, в бунтарском порыве оно приобретает характер коллективного существования. В бунте одновременно происходит отталкивание отчуждения, отказ от обособленности, тяготение к солидарности. Солидарность проявляет чувство связанности с другими людьми, опосредует нравственные ценности – достоинство, свободу и справедливость. Через солидарность запускаются механизмы трансцендирования, наблюдается нравственная трансформация.

В своих поздних работах А. Камю вновь возвращается к уточнению солидарности. В работе «Изгнание и царство» А. Камю показывает, как в протесте может прорасти отрефлексированная и устойчивая, духовно наполненная, просветленная солидарность, открыто не противостоящая злу, но имеющая в своей основе сочувствие к другим людям. Вместе с тем, на других примерах показана клановая солидарность, которая является скрепляющей силой экстремистской деятельности. Это вид жестокой, закрытой, обособленной и черствой солидарности, не оставляющей места сочувствию, другим взглядам на реальность [138]. Таким образом, подчеркивается тесная связь протестной активности с выбором способа существования.

Проблематика протестной активности занимает важное место в работах Ж.-П. Сартра, где *негативное* еще больше революционизируется, приобретает силу критического противостояния миру реактивных смыслов и служит синонимом

человеческой свободы. В работе «Бытие и ничто» философ не случайно заостряет внимание на понятии свободы: понимание и отношение к свободе проявляет сущность личностного бытия и экзистенциального самоопределения. «Свобода – не добавочное качество или свойство моей природы, она является в точном смысле слова содержанием моего бытия, я должен по необходимости обладать определенным пониманием свободы» [317, с. 450]. Причем Ж.-П. Сартр отрицает наличие у человека изначальной сущности, ей предшествует существование, «человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется» [317, с. 323]. В этом смысле человеческое существование целиком определяется «тотальным выбором», человек созидает себя сам, нет никаких предзаданных моральных ценностей.

В последующем изложении Ж.-П. Сартр задается вопросом о том, что же заставляет человека протестовать. Страдание, с его точки зрения, само по себе не может быть движущей силой протестных действий, поскольку оно уже интегрировано рабочим в его бытии. Неспособность придать страданию смысл связана с недостатком индивидуальной культуры и рефлексии, которые позволили бы понять социальное устройство, где эти страдания не существовали бы. На практике данное положение воплотилось следующим образом: несмотря на то, что после мятежа в Лионе рабочие стали хозяевами города, они не знали, что делать со своей победой и обретенной свободой и растерянно разошлись по домам. Сартр подчеркивает, что ситуация покажется нестерпимой и приведет к протесту только в том случае, когда человек самостоятельно создаст проект изменения ситуации и помещения ее в поле своего зрения. Для того, чтобы было сформулировано идеальное положение вещей, необходима работа отрицания, через которое протест становится осмысленным и необходимым для личности [317, с. 447].

Таким образом, уже к концу XIX века отрицание трактуется как процедура рефлексии, а конкретная протестной активности проявляет качество, меру этой рефлексии.

Развернутые представления о *негативном*, его движении и тесной сопряженности с самоопределением в рамках той же экзистенциальной традиции обнаруживаем в работах К. Ясперса. Ключевая мысль философа фокусируется вокруг двух экзистенциальных возможностей – выбора самобытия или отказа от него, с последующим подчинением и единением с существующим рациональным существованием [415, с. 347].

Через выявление смысла самобытия и искажения, которое может возникнуть в нем, осознается и демоническое начало, которое предстает в виде упрямой воли, направленной на собственную случайную самость, как *отчаянное желание быть самим собой*. К. Ясперс приводит слова С. Кьеркегора: «Чем в этом больше сознания, тем больше потенцируется отчаяние и становится демоническим. Человек мучается, испытывая какое-либо страдание. Он предпочитает безумствовать против всего, хочет быть несправедливо обиженным всем наличным бытием. Он полагает, что, возмутьвшись против всего наличного бытия, он обретет доказательство против бытия, этим доказательством служит он сам, и им он хочет быть, чтобы всем своим страданием протестовать против всего наличного бытия» [415, с. 481]. К. Ясперс подчеркивает, что отрицание бытия в себе и в других, по сути, не имеет основы, образа, формы, а остается исчезающим выражением границы.

Основатель французского персонализма Э. Мунье рассматривает отрицание, выражением которого становится бунт, как следствие закономерных и непрерывных трансформаций социально-исторических условий, причем любое разложение социальных сообществ базируется на ослаблении личностного идеала, предлагаемого каждому из его членов. Э. Мунье обращает внимание на упадок духовности, вызывающий индивидуализм, изоляцию, обесценивание человека, которые становятся причиной и следствием кризисных процессов, обуславливающих протестную активность личности и масс. Только труд, трактуемый им как творчество, создает такое общество, где человек способен отречься от самого себя ради других людей, которым он посвящает свой труд [243, с. 275]. В этом случае просто нет причин для бунта.

По-иному расставляются акценты в философских работах представителей франкфуртской школы (особенно после 1960-х гг.), в которой проблема негативности находится в центре внимания, но при этом конструкт рассматривается в контексте структуры подавления и вытеснения. Несмотря на то, что критикуются все общественные системы, использующие изоцированные механизмы контроля и управления людьми, загадка трансформации протеста, свободы и перехода их в тоталитаризм как итога всех революционных проектов не разгадывается, в связи с чем «революции превращаются в режимы» [58, с. 250].

В попытке констатировать философский экзистенциальный и познавательный тупик, одновременно желая выйти из него, оформляется философия постмодернизма. Меняется вектор развития категории отрицания, трансформируются все значения, в том числе конструкт отрицания и значения, его утверждающие. В контексте парадигмы катастрофического принцип связи и примирения противопоставлен принципу разрыва связей и непримиримости, который всегда торжествует по самой своей сущности и обрекает на провал принцип примирения. Поэтому и «нет решения проблемы того, что Чуждо. Чуждое вечно и радикально» [26, с. 208].

С точки зрения Ж. Бодрийяра, аномальные симптомы идут из глубины социальной системы и противостоят ей, в результате чего, система, теряет свою естественную защиту и создает условия для терроризма. Подчеркнем, что Ж. Бодрийяр не видит решения этой проблемы: при избытке транспарентности – отсутствии секретности и доступности любой информации в системе реальности, в условиях искусственности социальной среды терроризм неизбежен [26, с. 93]. Безысходность, пронизывающая эти идеи, обусловлена тотальным отчуждением современного человека, когда даже «здоровое» заражается и оборачивается в деструктивный протест против собственной личности и существующей социальной системы.

Оригинальным путем к пониманию негативного подходит М. Мамардашвили, полагающий, что опасный потенциал негативного (в этом качестве рассматривается агрессия и деструктивный протест) складывается из

всего того, что хотело свершиться, «стучалось» в двери бытия, но не состоялось, хотя и не исчезло. Этот опасный потенциал философ сравнивает с пороховой бочкой [225, с. 69]. Опять же подчеркивается, с одной стороны, имманентность протеста личностному бытию, с другой стороны, необходимость своевременного *проявления* протеста, для фиксации своего отношения к миру и бытию.

В.С. Соловьев фиксирует двойственную, парадоксальную сущность отрицания. *«Отрицательный процесс сознания есть вместе с тем процесс положительный, и каждый раз как дух человеческий, разбивая какого-нибудь старого кумира, говорит: это не то, чего я хочу, – он уже этим самым дает некоторое определение того, чего хочет, своего истинного содержания»* [232, с. 174].

В рамках негативной онтологии А. Кожев обращает внимание не только на свойственную человеку способность к отрицанию своего природного, детерминированного бытия. Понимание негативного выводится через направленность личности к трансценденции. Сущность негативного заключается в том, *«чтобы не быть тем, что ты есть, и быть тем, чем ты не являешься»* [151, с. 47].

В современных философских представлениях концепт негативности выступает как способ или стиль мышления, имеющий свою программу и логику развития, расположенный в сердцевине имманентного, вовлеченного в его движение, игру [58, с. 254]. Негативное фиксирует цель социального действия, направленного не только на устранение, отмену, отрицание некой данности, инспирированное негативной волей, но обусловленное желанием утвердить и внедрить нечто, сделать его предметом общественного внимания, достоянием коллективной утилитарности. Иными словами, отрицать действительность можно не только борьбой, но и заслуживая признание среды, даже враждебной к субъекту [58, с. 86].

В свете этих воззрений негативное – суть осмысления позитивного, поскольку в случае отсутствия негативного подрывается присутствие в бытии позитивного, которое угрожает распылением в пространстве и ничем не

ограничено. Поскольку нельзя допускать стирания контуров социальной системы, эта угроза становится источником по локализации негативного [58]. Следовательно, негативное наделяется особым статусом, являясь способом цементирование социальной системы.

Резюмируем сказанное. Проведенный анализ показал, что различия в проявлениях протеста обусловлены спецификой исторической эпохи и связаны с уровнем развития индивидуального и общественного сознания. В философских работах подчеркнута имманентность протестной активности личности и ее связь с конструктом отрицания, которое становится одним из условий протестной активности. Отрицание трактуется как процедура рефлексии, а конкретная протестная активность проявляет качество, меру этой рефлексии. С точки зрения философских концепций человека, проблема протестной активности личности связана с анализом онтологии человеческого бытия, проблемой выбора способа существования. Как можно заметить из предшествующего анализа, рассмотрение протестной активности личности неизбежно затрагивает комплексно многие вопросы экзистенциальной проблематики (свобода, ответственность, личностный выбор, ценности, идеалы, предназначение). Именно в работах философов экзистенциального направления протестная активность личности предстает как неотъемлемый атрибут человеческого существования, сопряженный с феноменом экзистенциального самоопределения, характер которого определяет вектор протестной активности – деструктивный или конструктивный.

Завершив обзор представлений о протестной активности личности в философии, перейдем к более детальному анализу представлений о протесте в социологии и социальной психологии и постараемся выяснить, при каких условиях происходит актуализация протестной активности личности.

1.4. Развитие междисциплинарных связей психологии протеста

Необходимо отметить, что среди теорий, описывающих протестную активность, наиболее разработаны социологические теории. В социологии понятие протестной активности является одним из центральных. В самом общем

виде под протестной активностью понимается частный вид социальной активности, проявление коллективного недовольства и несогласия с кем-то или чем-то, обусловленной наличием противоположных интересов, социальным недовольством условиями жизни, перспективами их изменения, характером взаимоотношений населения с органами власти и т.д. [20, с.143].

Отметим, что до сих пор нет единого понимания в оценке ключевых факторов протестной активности, отсутствует единство и в оценке динамики коллективных действий. Некоторые авторы делают акценты на стадии организации, мобилизации, осознания общих интересов и открытого протеста в развитии коллективных действий. Другие – на стадии структурирования, структурной напряженности. Протестная активность рассматривается как результат претворения в жизнь личностных убеждений, политического выбора на индивидуальном уровне, коллективного действия в условиях формирования современного общества и демократической политической системы, в контексте политической стратификации, мобилизации ресурсов, виртуальной солидарности, в свете культуры политического протеста [40; 173; 446; 449; 455; 456; 461; 469; 490; 510; 522]. Двигателем протестных действий может стать неприятие отдельных сторон общественно-политической жизни, конкретных тенденций в политике [43, с. 25].

Соответственно понятие «протестная активность» относится к характеристике явлений, различных по своей массовости, социально-классовому облику, силе, интенсивности, по специфике возбуждающих их факторов и по степени воздействия на стабильность общества [20, с. 145].

Предварительный анализ дает основание говорить о двух тенденциях в оценке протеста: одни исследователи – апологеты власти, приверженцы социальной иерархии и порядка, считают, что его следует достигать любой ценой, но желательно путем консенсуса. В свете этих представлений протест предстает как неудачная форма социального взаимодействия, нарушающая порядок, препятствующая поступательному развитию общества. Другие мыслители – сторонники нового, борцы за свободу личности и формирование нового, более

справедливого и эффективного общества. Поэтому революции и бунты, с их точки зрения, необходимое, хотя и опасное средство борьбы, а протест, сопровождающийся забастовками, митингами является одним из самых эффективных способов борьбы за права.

Ранние теории протеста

Одна из самых ранних социологических теорий – концепция Ш. Сигеле – не только послужила импульсом к исследованиям в области массового сознания, но и объяснила некоторые аспекты экстремизма. Как считает Д.В. Ольшанский, Ш. Сигеле впервые обратил внимание на существующие кардинальные различия между психологическими и поведенческими характеристиками, свойственными личности и группе, которые при объединении индивидов в общность (партию, секту, толпу) обуславливают противоречие между добропорядочной моралью отдельного человека и откровенно порочной, клановой моралью группы» [264].

С позиций этого несоответствия объясняется моральный кризис итальянского общества на рубеже XIX и XX веков, показавший «социальные болезни» – коррумпированность политического класса, засилье организованной преступности. Процессы общественного упадка ярко проявились в феномене толпы, которую Ш. Сигеле определял как изначально преступную, склонную к девиантным, экстремистским формам социального действия. В работе «Преступная толпа. Опыт коллективной психологии» показано, что экстремистски настроенная толпа образуется за счет деклассированных элементов, маргинальных групп общества, в связи с чем «интеллектуальная вульгарность и нравственная посредственность массы могут трансформироваться в мысли и чувства» [264, с. 92]. Добавим, что Ш. Сигеле впервые отметил важную роль *эмоций* в актуализации протестной активности.

В трудах Габриэля Тарда толпа предстает скорее как нечто одушевленное с характерными чертами: чрезмерной нетерпимостью, отсутствием нравственности, ощущением своего всемогущества и взаимовозбудимостью людей, находящихся в толпе [287].

Гюстав Лебон привнес значительные добавления не только о поведении личности в толпе, но и объяснил психологические механизмы воздействия на личность. «Во всех сферах, от самых высших до низших, если только человек не находится в изолированном положении, он легко подпадает под влияние какого-нибудь вожака» [287, с. 197]. В работе «Вожак толпы» Г. Лебон связывает это подобострастие и желание иметь руководителя с незрелостью индивидуального сознания, с тем, что большинство людей за пределами своей специальности не имеют ясных и более или менее определенных понятий и не способны управлять собой. По словам Г. Лебона, «душа толпы» лишена стремления к свободе, но склонна к подчинению, инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином. Интерес представляет также его дифференциация лидеров по ключевому признаку – по степени проявления воли. Г. Лебон считает, что одну категорию лидеров составляют люди энергичные, с сильной, но появляющейся на короткое время волей, поэтому они не способны к длительному действию. Представители другой категории обладают сильной и стойкой волей, поэтому им мало кто может противостоять, «даже их собственная ограниченность не способна помешать им в осуществлении целей» [287, с. 198].

Отметим, что современные исследователи критикуют иррациональный подход в описании поведения толпы, которое, по их мнению, следует общим консенсуальным нормам, которые подчинены *влиянию социального контекста*, в котором такие толпы находятся [450, 451; 552]. Таким образом, в ранних теориях протест рассматривается в контексте девиантности, маргинальности как экстремистская форма социального действия, управляемого лидером.

Социально–экономические теории протеста

В середине 19 века появляются теории К. Маркса и Ф. Энгельса, основанные на критике власти и господствующего класса. Авторами доказывается неминуемый рост глубокой *неудовлетворенности* пролетариата в связи с вынужденным *отчуждением* рабочего от себя, от результатов своего труда, связанным с духовным искажением. По мнению Э. Фромма, всю историю

человечества К. Маркс рассматривает одновременно как летопись постоянного развития и меняющего формы отчуждения, в процессе которого человек может дойти до полной утраты духовного «Я» [367]. К. Маркс подчеркивал, что целью протеста рабочих является не освобождение от государства. Государство как орган, стоящего над обществом, должно трансформироваться в орган, подчиненный этому обществу [169; 228; 367].

Изучение источников протеста в теории социальной патологии

Подход социальной патологии базируется на «психологизировании» социального конфликта. Используя медицинскую терминологию, С. Смит и Ч. Ломброзо не ограничились интерпретацией социальных проблем как болезней общества, они в большей степени сосредоточили свое внимание на биологических факторах – наследственности, «преступной», порочной природе отдельных индивидов, свидетельствующей о деградации и вырождении [537].

Ч. Ломброзо, обращаясь к источникам фанатизма, предположил, что сочетание невысокой культурности с импульсивностью природы, обусловленной страстным темпераментом и эпилептической наследственностью, вызывают крайние стремления личности, повышают уровень средней чувствительности, концентрируют чувства в одном направлении. В работе «Анархисты» он приходит к выводу о том, что энергичный фанатик весь отдается борьбе и доходит в ней до высшей степени экзальтации, находит в себе достаточно решимости, чтобы следовать своей любви или ненависти, даже предвидя на этом пути роковые последствия [203]. Таким образом, протестная активность выводится из плохой наследственности, неспособности личности к самоконтролю.

Проблема протеста в контексте либертарных теорий

В 70-90 гг. XIX века появляются либертарные (анархические) теории М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. С точки зрения этих исследователей не столько отдельный фабрикант или класс буржуа являются главными

эксплуататорами, но государство в целом выступает мощным аппаратом контроля, насилия и угнетения личности. Поэтому основной задачей анархистов становится борьба за освобождение от разнообразных форм давления и контроля со стороны государства [171].

Неудивительно, что В.И. Ленин, осознавая опасность хаоса и анархии, худшей, чем любая власть, форсировал условия скорейшего установления в России диктатуры пролетариата [178, с. 406]. Почему же В.И. Ленин так опасался анархии? Ответ на этот вопрос дает П.А. Кропоткин: «...анархизм родился из того же протеста, критического и революционного, из которого родился вообще весь социализм. Он поднимает свою святотатственную руку не только против капитала, но также против его оплотов: государства, централизации и установленных государством законов и суда [171, с. 120]. В контексте данной теории анархия – не хаос, а свобода личности, мысли, творчества. Предлагаются бескомпромиссные варианты обустройства жизни – разрушение государства и расцвет человеческой деятельности, или разрушение личности, вследствие неизбежного давления государства. Таким образом, неудовлетворенность и борьба с властью за свободу – центральные компоненты либертарных теорий, которые ограничиваются этими положениями и не раскрывают способы дальнейших преобразований, не отвечают на вопрос: каким образом человек может использовать завоеванную свободу? Либертарные теории только обостряют существующие противоречия.

Проблема протеста в контексте концепции социальной дезорганизации

В конце XIX века появляются работы, в которых мотивом протеста становится «нездоровое» состояние экономики и отсутствие солидарности в обществе. По мнению Э. Дюркгейма, нарушение общественной стабильности возникает вследствие аномии или «безнормия», когда в обществе наблюдается разрушение социальных стандартов, управляющих социальным поведением, вплоть до полного нормативного вакуума [100; 255].

Впоследствии была составлена классификация аномии и выделены три ее вида — слабость норм, наличие нескольких сильных, но конфликтующих между собой норм, игнорирование норм. Все типы аномии, вызывая чувства неуверенности, беспомощности, могут вызвать девиантное поведение, выраженное в преступности, суицидах, наркомании, вплоть до желания установления альтернативных норм, конституирующих мятеж и создающих потенциал для революции, которая видоизменяет как нормативную, так и социальную структуру общества [57; 231].

Анализ терроризма и фанатизма приводит Э. Дюркгейма к мысли о том, что общественная стабильность и смягчение противоречий обеспечивается в случае, если личность воспринимает закон не в виде грубого давления материальной среды, но в образе высшего коллективного сознания [99].

Итак, в ранних социологических теориях решающими катализаторами процесса протестной активности выступают: деградация индивидуальной культуры, неудовлетворенность, отчуждение, а также «железная клетка рациональности» (Г. Зиммель), аномия (Э. Дюркгейм).

В начале XX века главные идеологи революций – В.И. Ленин, Г.В. Плеханов и Л.Д. Троцкий подготавливают научную основу для революции 1917 года в России. Согласно Л. Троцкому, наличие лишений оказывается недостаточным условием восстания, а лишь вызывает состояние перманентного мятежа. Поэтому, с его точки зрения, требуется постоянное подталкивание, «подогревание», даже провокация, вынуждающую власть к принятию более жестких мер. Необходимо, чтобы банкротство социального режима, подвергаясь постоянному обличению, делало эти лишения невыносимыми и чтобы новые условия, идеи открывали перспективу революционного пути [цит. по: (57, с. 154)].

Изучение протестной активности в контексте конфликтологической парадигмы

Как ответ на бесконечные мятежи, конфликты и насилие, характерные для первой половины XX века, в социально-гуманитарных науках складывается

конфликтологическая парадигма, в свете которой делаются попытки объяснить протест. Теодор Шанин, интерпретируя события массовых восстаний, демонстраций, революций в рамках парадигмы конфликта, заострил внимание на закономерностях и механизмах смены общественных и политических систем. По Т. Шанину, протест обусловлен конфликтом между индивидуумами и группами, недовольством экономическими условиями жизни, следствием которых становится изменение как политических, так и экономических отношений [386].

Захватившие Америку 1960-х годов молодежные волнения, акции протеста против расовой дискриминации, появление контркультуры [434; 460] привели к пониманию ограниченности конфликта как объяснительного принципа протестной активности и в целом социального развития. Более того, опыт жестких тоталитарных режимов или так называемых демократий, отвечавших на протесты насилием, показал, что устранение из диалога класса, политической оппозиции, этнической группы только усиливает недовольство и обуславливает массовые акции протеста.

В связи с этим, социологические исследования второй половины XX века сосредоточились не только на выявлении факторов социального недовольства, но и на изучении возможности лидеров выражать интересы недовольных групп, выявлении баланса насилия, как со стороны государства, так и со стороны недовольных (диссидентов, оппозиции).

Проблема протестной активности в свете теории относительной депривации

Весьма информативным является рассмотрение факторов протеста в рамках теории относительной депривации, сущность которой отражена в многочисленных работах [489; 496; 506; 507; 525].

Заметим, что два базовых концепта теории – фрустрация и депривация, заимствованные социологией из психологической теории фрустрации Д. Долларда и Н. Миллера. Еще в 50-е годы С.А. Стоуффер и Р.К. Мертон предположили, что люди испытывают чувство депривации, когда считают свое

положение неблагоприятным в сравнении с положением других индивидов или групп, при этом имеет значение, какую референтную группу личность или группа выбирает в качестве сравнения [57].

Спустя десять лет Дж. Дэвис в рамках этой теории предложил рассматривать условия возникновения социального протеста и революций с точки зрения динамики – роста недовольства, вызванного ухудшением условий жизни людей, где недовольство определяется как дисбаланс ожиданий и возможностей их реализации. Если длительный период повышения материального благополучия резко сменяется ухудшением условий жизни, то это воспринимается большинством людей как несоответствие ожиданий их реальному положению вещей. Вследствие этой относительной депривации потребностей происходит эскалация недовольства. Интересно, что абсолютная депривация, т.е. плохие условия сами по себе не становятся катализаторами протестной активности. Причиной протеста является относительная депривация, то есть неудовлетворенность, вызванная расхождением представлений о том, как хорошо люди жили раньше, как живут сейчас или как могли бы жить. Дж. Дэвис приходит к выводу, что политические возмущения и революционные мятежи возможны как в экономических системах с сильно дисперсными, так и с сильно концентрированными доходами, в то время как экономические системы с «нормальным» распределением доходов политически стабильны [57, с. 158].

Заметим, что авторы теории относительной депривации отмечали, что участники протеста – это не маргиналы, а нормальные социально активные люди, поэтому протест – это не стихийное возмущение толпы, а рациональная борьба за восстановление социальной справедливости.

Однако модель *относительной депривации* не объясняла, каким образом индивидуальная неудовлетворенность переходит в коллективный протест. Ч. Тилли, С. Тэрроу, Н. Смелзер, стараясь разрешить это противоречие, предложили теорию мобилизации ресурсов и попытались объяснить механизм протеста как *коллективного действия*. Авторы теории исходили из наличия в обществе политических, социальных возможностей для перераспределения

ресурсов. Было доказано, что основной причиной протестной мобилизации выступают ограниченные социально–экономические и политические возможности. Вследствие репрессий со стороны власти или невозможности легитимного выражения своего мнения мобилизуются групповые ресурсы. В рамках парадигмы коллективного действия протест определяется как совместное действие людей, объединенных общими интересами, направленное против власти или ее представителей [75].

Тедд Гарр в рамках теории относительной депривации выделяет условия возникновения протеста и бунта; риски, которые способны взять на себя участники протеста и способность власти к репрессиям (коерсивному контролю). Он определяет в качестве причин относительной депривации социальное неравенство и статусную рассогласованность. Усиление чувства относительной депривации происходит в результате сравнения возможностей своей статусной группы с другими группами, которые быстрее перемещаются на высокие позиции в социальной структуре и имеют больше возможностей [57, с. 15].

R. Folger определяет чувство относительной депривации как следствие сравнения собственной ситуации со стандартной, будь то собственное прошлое, положение кого-то другого, или имеющегося когнитивного стандарта, связанного с представлением о справедливости или правосудии. Если в результате сравнения человек приходит к заключению, что не получает то, что заслуживает, то он испытывает относительную депривацию [455].

W.G. Runciman сделал весьма существенные добавления к этой теории, выделив два типа относительной депривации — эгоистическую депривацию (основанную на личных сравнениях) и коллективную депривацию, возникшую в результате сравнения групп [525].

Дальнейшие исследования в этой области показали, что переживания коллективной депривации в большей мере определяют решение об участии в акциях протеста [449; 501; 503]. Однако M.D. Foster и K. Matheson показали, что отношение более сложное. Они считают, что когда опыт групп становится релевантным для собственного опыта, т.е. когда человек равнодушен к

происходящим политическим процессам в обществе, протестная мотивация возрастает. Люди, имеющие опыт как группового недовольства, так и индивидуальной депривации, имеют более выраженную мотивацию выйти на улицы [456].

По мнению В. Klandermans и его соавторов, дискуссии о политике в сети увеличивают вероятность протеста, поскольку трансформируют индивидуальные жалобы в общую обиду и негодование, которые затем и выплескиваются в массовых акциях протеста. Поэтому сегодня нужно обращать внимание на такой параметр как *социальная включенность* [493].

Помимо социальной включенности, исследователи стали все чаще обращать внимание на роль *эмоций* в актуализации протеста. Основываясь на мета-анализе, М. Van Zomeren с соавторами заключил, что *когнитивный* компонент относительной депривации (как это отражено в наблюдении, что человек получает меньше, чем имеющийся эталон для сравнения) оказывает меньшее влияние на действия участников, чем *аффективный* компонент, выражаемый в чувствах неудовлетворенности, возмущения и недовольства по поводу этих результатов [557]. Кроме того, были выявлены значимые корреляции показателя склонности к участию в протесте с показателем *эффективности* [489; 556; 518].

Некоторые специалисты полагают, что чем выше оценка групповой эффективности – веры человека в то, что объединение членов группы в протестном движении позволит им достичь поставленной цели, т.е. изменить судьбу общества, тем вероятнее они принимают решение об участии в протестных акциях [518]. Кроме того, была доказана значимость *самоэффективности* как предиктора протеста. Было обосновано, что ощущение высокой индивидуальной эффективности способствует реальному участию в протесте [489].

В зависимости от степени самоэффективности наблюдаются различия в избираемых способах социальных изменений. Нормативные способы протеста (петиции и демонстрации) привлекают высокоэффективных людей, ненормативные протестные способы привлекательны для низкоэффективных

людей. И наконец, высокую протестную активность вызывает сочетание политического цинизма с ощущением незаконности, *несправедливости* [493].

В рамках теории *социальной справедливости* было выделено два класса суждений о справедливости: *распределительной, связанной с распределением доходов и процессуальной справедливости*, связанной со справедливостью процедур принятия решений и аспектами, которые касаются уважения, достоинства и т.д. [545]. Предполагалось, что людей больше волнует отношение к себе, чем доходы, т.е. относится ли власть к ним с уважением, можно ли доверять властям в их способности делать добро людям.

Основываясь на этих предположениях, T.R. Tyler и H.J. Smith пришли к выводу, что процессуальная *справедливость* может быть более мощным предиктором участия в социальных движениях, чем *распределительная справедливость*, хотя авторы никогда не проверяли эту идею непосредственно, в отличие от S. Blader [425]. Таким образом, применение теории социальной справедливости к теории относительной депривации оказалось продуктивным, позволив добавить к факторам протестной активности следующие: субъективный опыт переживания незаконного неравенства, ощущение несправедливости, моральное негодование, недовольство.

Недовольство может также возникнуть *при неожиданной угрозе ограничения прав или нарушения благополучия* [558]. Моральное негодование является следствием обиды на нарушение значимых ценностей и принципов. Поэтому в общем виде межгрупповые конфликты определяются как конфликты принципов или конфликты материальных интересов. Это различие, отмечает J. Van Stekelenburg, необходимо учитывать при исследовании мотивации протеста, поскольку в конфликте интересов люди более склонны следовать инструментальным путем и протестуют для того, чтобы добиться позитивных изменений в жизни общества. Конфликт принципов актуализирует протест, с помощью которого выражается негодование и обида [551].

Таким образом, в рамках теории относительной депривации основное условие протестной активности – острое чувство неудовлетворенности, когда

человек сравнивает свое положение с положением других людей и приходит к заключению, что не получает того, что заслуживает.

Примечательно, что один из авторов теории относительной депривации T. Gurr призывает пересмотреть традиционные представления о протестной активности. Исследователь обращает внимание на парадокс: *молодые люди, которые обычно протестуют против последствий глобализации, живут в индустриально развитых странах, получающих большие выгоды от нее* [468]. Этот парадокс, по его мнению, невозможно объяснить в контексте теории относительной депривации, где в качестве предикторов протеста выступают депривация, фрустрация, обида и неудовлетворенность, обусловленные расхождением представлений о том, как хорошо люди жили раньше, как живут сейчас или как могли бы жить. Теория, созданная в 50-е годы XX века, с его точки зрения, не вполне адекватна современному этапу истории, усложненной реальностью, в которой успешное проведение протестных акций и их выход за пределы национальных границ зависит от многих причин, в том числе от фактора коллективной идентичности и от распространения идей в соцсетях.

T. Gurr подчеркивает: для того, чтобы понять, каким образом в процессе коммуникации создается *чувство идентичности* и общности целей у людей разных национальностей и различного вероисповедания, позволяющее осуществлять их успешную мобилизацию на протест, нужно обратить внимание на общества, где живут протестующие, их религиозные предпочтения, тип культуры и на другие факторы [466; 467; 468].

Теории социальной идентичности

Уже к 1980 гг. стало ясно, что инструментальные причины недостаточны для объяснения участия в протесте. Значимость коллективной идентичности как фактора, стимулирующего степень участия в протесте, все более усиливалась [492; 523; 535]. Исследователи утверждали, что большинство людей, идентифицирующих себя с группой, более склонны к протесту для поддержки группы [446; 485; 491; 534; 535; 536; 542; 556]. Идентичность – это понимание того, кто мы и кем являемся другие люди, и наоборот, понимание другими самих

себя и других людей [484.]. В. Simon, M. Loewy и S. Stürmer рассматривают идентичность как понимание своего места в социуме [535]. Место – это метафора, обозначающая любое положение в любом социально значимом измерении, таком как национальность, этническая принадлежность, пол, возраст и т.д.

Человек, как известно, имеет личностную и несколько социальных идентичностей. Согласно Н. Tajfel и J.C Turner, личная идентичность означает самоопределение в терминах личностных характеристик, тогда как социальная идентичность означает самоопределение в терминах социальной категории членства [543]. В том случае, если социальная идентичность менее выражена, чем личностная, то люди склонны определять собственное Я в терминах, подчеркивающих их индивидуальные отличия от других. Переопределение, связанное с заменой «я» на «мы» — есть локус (этап) самоопределения, указывающий на то, что человек начинает думать, чувствовать и действовать как члены своей группы, т.е. происходит трансформация индивидуального поведения в коллективное [544].

На выстраивание идентичности оказывают существенное влияние социальные структурные характеристики, одной из которых является *проницаемость групповых границ*, т.е. понимание индивидом возможности достичь членства в более высокостатусной группе. Соответственно проницаемость позволяет обездоленным и неудовлетворенным членам группы перейти в группу с более высоким статусом, тогда как непроницаемые границы не дают такой возможности [476].

Другой социальной структурной характеристикой является *стабильность*, отражающая степень стабильности и изменчивости статусной позиции. Этот аспект подробно раскрывают Е. Subasic, К. J. Reynolds и J.C. Turner. По их мнению, люди, рассматривающие статусную позицию в качестве изменяющейся, воспринимают протест как возможный способ повысить групповой статус, особенно когда низкий статус группы воспринимается ими как несправедливый. Члены группы с низким статусом, воспринимающие позицию доминирующей группы как несправедливую и нестабильную, могут использовать различные

стратегии, чтобы обрести больше позитивной социальной идентичности. Они могут пересмотреть в позитивном ключе характеристики своей группы, которые ранее считались негативными; с помощью протеста появляется возможность участвовать в социальном соперничестве. Однако не только низкостатусные группы бросают коллективный вызов действиям высокостатусных групп. Члены высокостатусных групп могут также бросать вызов властям в знак солидарности с членами низкостатусных групп [539].

Фундаментом политической солидарности становятся психологические изменения в самокатегоризации членов групп высокого статуса, в которых они олицетворяют не власть, а меньшинство. J. Van Stekelenburg, D. Oegema и B. Klandermans полагают, что именно эта небольшая часть группы наилучшим образом воплощает в себе соответствующие нормы, ценности и убеждения, что в конечном итоге и определяет, кто есть «мы», и как нужно относиться друг к другу. Поэтому высокостатусные члены группы принимают убеждения этого меньшинства, эти убеждения включаются в их ценностно-смысловую систему и, как следствие, они готовы бросить коллективный вызов власти. В случае, если члены высокостатусных групп почувствуют угрозу социальной идентичности, увидят, что их статус снижается, а группы с низким статусом становятся более мощными, они обязательноотреагируют протестным образом [553]. Например, всякий раз, когда возникает этническая угроза из-за существенных иммиграционных потоков или экономического спада, группы большинства реагируют на эти процессы ограничительными мерами [520]. Именно субъективное восприятие конкуренции, а не реальная конкуренция вызывает враждебность к группам иммигрантов [538].

В некоторых исследованиях все большее распространение получает идея о множественной идентичности [464; 478; 495; 519]. R. González и R. Brown считают, что человек может одновременно иметь много различных идентичностей, которые могут действовать в одном и том же направлении (быть синхронны) или могут вступать в конфликт [464]. Однако когда две группы людей идентифицируют себя с противоположными сторонами конфликта, они

могут оказаться под перекрестным давлением [519]. Не случайно бастующих рабочих или движение активистов часто обвиняют в нелояльности к компании или правительству.

Для того, чтобы указать на конкурирующее действие идентичностей в научный тезаурус был введен термин «двойственная идентичность». R. González и R. Brown утверждают, что идентификация с нижестоящей общностью (например, этническая идентичность) не обязательно исключает идентификацию с вышестоящей общностью (национальная идентичность) [464]. Ряд исследователей (Y. Huo, H. Smith, T. Tyler) считают «двойственную идентичность» весьма желательной конфигурацией, так как предполагает достаточно идентификации со своей собственной группой, дающей некоторую элементарную безопасность и достаточную идентификацию с более общей идентичностью для предотвращения раскола [478]. В. Simon и D. Ruhs доказали, что иммигранты, проявляющие двойственную идентичность, более склонны выходить на улицы для защиты интересов своей группы [536]. Они более удовлетворены жизненной ситуацией, чем те, кто не обнаруживают такую идентичность, но в случае неудовлетворенности, они с большей вероятностью будут протестовать [493].

Исследователи постоянно задаются вопросом, почему групповая идентификация служит таким сильным мобилизационным потенциалом для протеста? Предполагается, что идентификация с окружающими сопровождается осознанием сходства собственной судьбы с судьбой тех, которые принадлежат к той же категории. «Сила» идентичности, полагают ученые, тесно связана с аффективным компонентом, чем больше ощущается причастность к группе, тем насыщеннее переживания «за нас» и тем сильнее мотивация участия в протестных акциях от имени группы [452; 563].

Кроме того, M. Van Zomeren, T. Postmes и R. Spears подчеркивают, что групповая идентичность, особенно в ее политизированной форме, обостряет чувство успешности [535; 556].

По мнению S. Stürmer и B. Simon, следование за общей судьбой, общими эмоциями и идентификация с другими способствует принятию внутреннего обязательства вести себя так, как подобает *хорошему члену группы* [540].

Примечательно, что чем больше человек отождествляет себя с группой, тем больше будет усиливаться влияние этих групповых норм, тем скорее появится *чувство «внутреннего долга»*, побуждающее действовать от имени группы. В совокупности эти движущие силы объясняют, почему групповая идентификация выступает как ступень на пути к политизированной идентичности. Отметим, что политизация идентичности начинается с осознания общих обид, затем, появляется внешний враг, обвиняемый в трудностях, возникающих у группы, и против этого врага выдвигаются решительные требования для возмещения им ущерба. В случае, если соответствующая компенсация не предоставляется, борьба за власть продолжается. Политизация идентичности и основная борьба разворачивается в виде последовательности *политизированных* событий, что постепенно трансформирует отношение группы к своей социальной среде. Если в ходе этой борьбы группа стремится завоевать поддержку третьих лиц, например, национального правительства или широкой общественности, идентичность полностью политизируется [534]. По мнению J. Van Stekelenburg и B. Klandermans, политизация идентичности способствует усилению протестной мотивации [552; 556].

Таким образом, в контексте теорий социальной идентичности признается значимость коллективной идентичности как фактора, стимулирующего степень участия в протесте. Именно группа создает специфическое поле идентификации, условия для политизации идентичности, выступая как социальный усилитель индивидуальной протестной мотивации.

В XXI веке массовые протестные движения становятся ключевой характеристикой мировой системы и в концепциях И. Валлерстайна, Дж. Зерзана, Т. Качинского получают статус антисистемных движений, целью которых становится кардинальная трансформация существующих социальных структур.

И. Валлерстайн призывает не мириться с крайностями глобализации (терроризмом, экстремизмом), предлагает новую концептуальную оптику, которая проясняет картину власти и иерархического устройства мира, демонстрируя альтернативные пути мироустройства. Ученый считает, что подавление терроризма во всех его обликах не приведет к разрешению проблемы, необходима трансформация всей исторической системы. Протест не утихнет, поскольку предстоит борьба за образ новой системы или систем, которые придут на смену современной миросистеме. Основным раскол, по его мнению, произойдет между теми, кто собирается расширять свободу и большинства и меньшинств, и теми, кто разрабатывает систему несвободных субъектов. Отмечена роль непрозрачности в этом противостоянии: порождая замешательство, непрозрачность лишь усиливает позиции тех деятелей, кто хочет ограничить свободу [44].

Добавим, что в современном мире информационные и коммуникационные технологии предоставляют новые возможности для выражения своей субъектной позиции, в связи с этим возрастает интерес к виртуальной протестной активности свободу [342; 510]. С.Г. Ушкин, ссылаясь на исследования Y. Theocharis, W. Lowe, отмечает, что следствием интенсификации виртуальных сетевых взаимодействий стали изменения репертуара участия, мобилизации, политической организации, координации, характера коммуникации и распространения информации. Однако тех, кто действительно способен к протестным акциям, очень мало, для абсолютного большинства пользователей характерна реактивность, а не проактивность [342, с.4-5].

Таким образом, протестная активность занимает прочное место в системе социологии и социальной психологии, интерес к этому феномену на протяжении истории их становления и развития не ослабевает. Авторы подчеркивают мощное влияние протеста на социокультурный контекст, значительный масштаб его последствий для социума. Социологи отвечают на ряд вопросов, касающихся движущих сил протестной активности, ключевых факторов, усиливающих протестную мотивацию. Наиболее разработанной теорией, объясняющей протест,

является теория относительной депривации, обладающей большой эвристичностью. Социологические и социально-психологические подходы акцентируют внимание на том, что сдерживающий коерсивный контроль со стороны государства не решает проблемы протестной активности. Обеспечение временной стабильности за счет определенных сдерживающих мер вызывает обратный эффект, приводит к росту социальной напряженности и распространению и интенсификации протестной активности. В исследованиях, проводимых в рамках этих подходов, все более значимым становится фактор идентичности, усиливающий протестную мотивацию. Вместе с тем выпадает из анализа базовая характеристика феномена – *динамика протестной активности личности*, что не позволяет получить целостное представление о феномене и затрудняет прогноз относительно последствий конкретной протестной активности для личности и социума.

РЕЗЮМЕ ПО ГЛАВЕ 1

В первой главе прослеживается эволюция представлений о протестной активности личности. Синтез различных способов познания человека позволил увидеть более рельефную и целостную картину протестной активности личности. Анализ сюжетов в мифологии и искусстве приоткрыл важнейшие качества феномена протеста – многоаспектность, интенсивность переживаний, подготавливающих протестную активность, которая связана с нежеланием оставаться в прежнем положении, неповиновением, противодействием, стремлением выйти за пределы наличного бытия, по-новому определить свое место в мире. Протест, отраженный в символике мифов и в образах искусства, по сути, подчеркивает отсутствие предопределенности бытия, четкой фиксации природы человека, которая может преобразоваться радикально, в зависимости от конкретной протестной активности, которая зарождается в душе самого протестующего.

Проведенный анализ философских концепций показал, что конструкт протестной активности сопряжен с конструктом отрицания, который трактуется

как процедура рефлексии и соотносится с рядом фундаментальных категорий: личность, бытие, противоречие, существование, экзистенция, самоопределение. Конкретная протестная активность проявляет качество, меру этой рефлексии. Проникновение негативного в социальный план привело к сдвигу с гносеологической парадигмы в онтологическую и аксиологическую плоскости, в рамках которых стал возможен анализ фундаментальных структур человеческого существования и протестной активности личности в экзистенциальном, бытийном аспекте. В работах философов экзистенциального направления протестная активность личности предстает как неотъемлемый атрибут человеческого существования, сопряженный с феноменом экзистенциального самоопределения, результат которого актуализирует деструктивный/конструктивный полюс протеста. Для целей нашего исследования важным является сделанный акцент на разных способах конструирования активности.

Среди теорий, описывающих протестную активность, наиболее разработаны социологические. При всем многообразии трактовок протестной активности выделяется общее: протестная активность предстает как частный вид социальной активности, проявление коллективного недовольства и несогласия с кем-то или чем-то, порождаемой наличием противоположных интересов, недовольством условиями жизни, перспективами их изменения, характером взаимоотношений населения с органами власти [20]. В качестве внешних факторов протеста рассматриваются острая аномия, деградация культуры, невыносимые условия жизни, связанные с отчуждением. Внутренние факторы, способствующие актуализации протеста сводятся к неудовлетворенности материальным положением, недовольству статусной позицией, к идентификации с группой. При этом почти не затрагивается многозначность проявлений протеста, не учитываются ценностно-смысловые регуляторы протестной активности, а также присущие конкретному социально-историческому контексту противоречия, в которых должна самоопределяться личность.

История развития представлений о протестной активности личности, изложенная в данном разделе, позволяет утверждать следующее:

- протестная активность имманентно свойственна личности;
- феномен парадоксален и имеет широкий спектр проявлений, различия в которых обусловлены спецификой исторической эпохи и связаны с уровнем развития индивидуального и общественного сознания;
- актуализация протестной активности личности выражает манифестацию специфического понимания действительности и стоящее за ним понимание справедливости мироустройства, желание его изменить в соответствие со своими ценностями и представлениями о реальности;
- неотрефлексированное должным образом восприятие прав и свобод порождает склонность к разрушительному протесту, с расширенным набором деструктивных средств, выступающих в виде самодостаточных способов протеста.
- Протестная активность личности может воплощаться в зрелых поступках, привлекая внимание к бесчеловечным формам взаимодействия, тем самым подготавливая смену существующих социальных структур.

Резюмируя, отмечаем: в существующей реальности протестная активность личности, обнаруживая себя во взаимодействии с социальным окружением, апеллируя к социуму, всегда направлена на изменения, но существуют кардинальные различия в спектре, масштабе, побудительных силах протеста.

Вместе с тем, вопрос генезиса, зарождения и формирования протестной активности личности, ее специфики, свойственной каждому этапу возрастного развития, остался нераскрытым, хотя является важным для диагностической практики и практики индивидуального консультирования. Трансформативность и парадоксальность как важнейшие качества феномена хотя и отмечены авторами, до сих пор не получили удовлетворительного научного объяснения.

Для понимания сущностных свойств процесса протестной активности личности, определения и прояснения природы феномена необходимо остановиться на психологических подходах, которые позволят вывести его рассмотрение в принципиально иную систему координат: сконцентрироваться на психологических механизмах явления.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ О ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

2.1. Методологические ориентиры в анализе протестной активности личности в онтогенезе

Как мы указывали в самом начале, несмотря на очевидную нагруженность протеста психологическим содержанием, именно в психологии проблема протестной активности личности в качестве отдельной проблемы не ставилась. Наблюдается существенное отставание психологии от социологии и политологии в раскрытии и освоении данного феномена. В психологии протест рассматривается как преходящая ситуативная реакция, с преимущественно негативной и статичной ее трактовкой [196; 230; 417; 423; 515].

На наш взгляд, протестная активность личности, рассматриваемая изолированно от микро- и макросоциальных психологических влияний, без учета важнейших социокультурных детерминант, конкретного исторического процесса выступает в этом случае как абстрактный, преходящий эпизод, оторванный от жизненного пути личности, не позволяющий получить целостное представление о феномене.

Согласно Э. Фромму, для того, чтобы знать, что значит быть человеком, надо искать ответ не в области многообразных человеческих возможностей, а в сфере самих условий человеческого существования, которые порождают эти возможности в качестве альтернатив. Эти условия постигаются путем привлечения данных антропологии, истории, детской психологии, индивидуальной и социальной психопатологии [369, с. 264]. Соответственно, для прояснения природы изучаемого явления и решения одной из задач нашего исследования нам представляется целесообразным обратить внимание на динамику протестной активности личности в онтогенезе, отслеживая процесс ее зарождения и формирования в рамках разных возрастных этапов – от рождения до становления зрелой и активной личности.

Приведем наиболее существенные для решения задачи исследования принципы и положения, которые предоставят возможность приблизиться к рассмотрению психологических механизмов протестной активности личности.

Л.С. Выготский заостряет внимание на специфике психического развития ребенка, подчеркивая, что вращение нормального ребенка в цивилизацию составляет единый сплав с процессами его органического созревания, когда оба плана развития (естественный и культурный) совпадают и сливаются один с другим. Взаимопроникновение и взаимовлияние изменений двух планов развития образуют в онтогенезе единый ряд социально-биологического формирования личности, т.е. целостный процесс [62].

Согласно А.Г. Асмолову в процессе развития личности происходит свертывание пространства общественных отношений в пространство личности, «своеобразная упаковка с изменением большого мира в малом мире» [16, с. 66].

На тесную связь, переплетение индивидуального и общественного указывает Т. Манн: «Человек живет не только своей личной жизнью, как отдельная индивидуальность, но – сознательно или бессознательно – также жизнью целого, жизнью современной ему эпохи» [227, с. 48]. В то же время Л.И. Божович отмечает, что развитие ребенка имеет собственные закономерности, свою внутреннюю логику, не являясь пассивным отражением действительности, в условиях которой это развитие совершается [27, с. 144].

Нам созвучна позиция Д.А. Леонтьева, который отмечает различные и неоднозначные аспекты влияния социокультурной среды на личность в психологии культурного развития и обращает внимание на то, что культура существенным, если не определяющим образом влияет на формирование самых разных психологических характеристик индивида. По его мнению, необходимо различать два важнейших аспекта формирующего влияния социокультурной среды: культивирование инвариантных, культурно неспецифических механизмов социальной регуляции жизнедеятельности личности (цивилизованности) и усвоение конкретных культурно-специфических знаково-символических и ценностно-смысловых регуляторов (культурной идентичности) [185].

Переосмысление феномена протестной активности личности невозможно без обращения к анализу содержания *принципа целостности*. Посвятив много публикаций анализу психической жизни ребенка, Альфред Адлер подчеркивает, что развитие *целостности или единства* личности (соединение поведенческих актов и их экспрессии в единое целое), начинается в очень раннем возрасте. Для того, чтобы понять какой-то эпизод биографии ребенка, нужно развернуть весь свиток жизни ребенка. Каждое действие ребенка способно отразить в целом как его жизненный путь, так и личность, поэтому трудно понять его поведение без осмысления этой скрытой подоплеки прошедшей жизни [7, с. 30].

Однако целостность, единство личности подвержено внутренним и внешним угрозам. В попытке преодолеть эти угрозы и защитить собственную целостность, ребенок прибегает к *маскулинному протесту* [7].

Рассматривая специфические проявления протестной активности, наблюдаемые на различных этапах психического развития, мы основывались на положении *системного подхода*: развитие выражает способ существования психического как системы, целостность и дифференцированность которой возникают, формируются и преобразуются в ходе развития индивида, выступающего как полисистемный процесс [19; 20;156].

В системном подходе подчеркивается динамичность этого «живого» процесса: «психическое развитие характеризуется движением оснований, сменностью детерминант, возникновением новых свойств и качеств, преобразованием структуры целостности и т.п.» [19, с. 31].

По Б.Ф. Ломову, все многообразие свойств, проявляющих себя на разных этапах, стадиях или фазах развития человека, не может быть выведено из одного-единственного основания, биологического или социального [204; 205]. Системное рассмотрение психики предполагает многообразие источников и движущих сил психического развития человека, которое всегда связано с *системой противоречий* (между разными свойствами, уровнями, основаниями, факторами) и предполагает разные пути их разрешения [18; 19; 129].

Отметим положения *субъектного подхода*, которые также чрезвычайно актуальны для нас: представление А.В. Брушлинского о психическом как специфическом недизъюнктивном процессе, представляющего основной способ существования психики, процессе, характерном предельной гибкостью, развитием, непрерывностью, пластичностью и изменчивостью [37, с.25].

Примечательно, что взаимосвязь природного и социального в психическом развитии человека анализируется с позиции общего недизъюнктивного принципа: «природа человека – продукт истории» [33]. Недизъюнктивность психического процесса определяет развитие индивида, которое конкретно осуществляется в бесконечно многообразных направлениях, не только от общественного к индивидуальному. Необходимо отметить, что в концепции А.В. Брушлинского природное и социальное – это не два различных компонента психики человека, а единый субъект с его живым психическим процессом саморегуляции всех форм активности людей [34; 35; 36; 37].

Ориентиром для нас также были методологические принципы *непрерывности* (континуальности), *антиципации* развития и *субъектности*, предложенные Е.А. Сергиенко, с акцентом на их тесном переплетении в процессе субъектогенеза, а также их взаимосвязи с принципами неопределенности, системности и развития [321].

Не менее важным в анализе является положение К.А. Абульхановой о том, что «развитие личности осуществляется через противоречия, как и развитие мира в целом» [1, с.36].

Эвристическим основанием для осмысления роли протестной активности на разных этапах онтогенеза явилась гипотеза Д.Б. Эльконина о закономерном чередовании этапов развития эмоциональной и предметной сфер у ребенка [400; 401], а также теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, которая способствовала осмыслению динамики процесса перевода внешних воспринимаемых качеств во внутренний план [75].

По мнению А. Гезелла, некоторые формы поведения повторяются на различных возрастных этапах [289, с. 70]. Идея спиральности психического

развития нас побудила задуматься о цикличности процесса протестной активности личности, акцентировать внимание на специфике задач развития и специфике содержания протестной активности личности на каждом этапе онтогенеза.

Применительно к нашей тематике возникает необходимость прояснения соотношения конструкта «протестная активность личности» с рядом конструктов: кризис, автономность, зависимость, образ, идентичность, самореализация, что отвечает решению основных задач исследования. Представляется целесообразным вычленив критерии и параметры протестной активности личности в приложении к разным возрастным периодам, в которых протест зарождается или актуализируется. Поэтому, рассматривая разные концепции, подходы, мы обращали внимание на то, какие поведенческие реакции или личностные характеристики интерпретируются авторами как протестная активность, и на какой основе дана такая интерпретация. Выделение специфики критериев и параметров протеста в рамках каждого возраста позволит выделить то общее, что определяет формирование протестной активности на разных этапах личностного становления (генеральные закономерности), а также дифференциальные критерии.

Принципиально важно, на наш взгляд, обращать внимание на изменения протестной активности личности в процессе онтогенеза, ее переход в новые психические качества, а также фиксировать взаимосвязь с другими психическими образованиями, состояниями и феноменами. Только следуя интегративной установке на поиск объединяющего начала, можно осмыслить сложную диалектику внутренних и внешних детерминант протестной активности в их неразрывной связи и понять следующие ее аспекты: каким образом специфическое протестное реагирование со временем становится фундаментом для формирующегося жизненного стиля личности, т.е. выйти на порождающий аспект изучаемого явления.

Появилась необходимость переосмыслить преходящие ситуативные протестные реакции, которые с возрастом не просто заменяются на другие, но,

сохраняя преемственность между собой (эффект многослойности), проявляют отличия в личностном позиционировании с раннего возраста. Конкретизация специфики личностных изменений в кризисные периоды поможет нам сконцентрироваться на психологических механизмах построения образа Я, что позволит анализировать сформированность и качество личностной идентичности.

Особую значимость представляют субъективные аспекты изучаемого феномена, т.е. поиск ответов на вопросы, какие переживания порождают конкретный протестный сценарий, и какие способы взаимодействия с окружением оказывают влияние на характер протестной активности личности, которая, выступая как совокупность внутренних условий [300; 301], через свое содержание преломляет все внешние воздействия. На эти вопросы мы попытаемся ответить в следующих параграфах данной главы.

Очерченная подобным образом исследовательская ориентация, на наш взгляд, позволяет рассматривать протестную активность личности как целостный феномен в контексте многофакторности его развития, с учетом индивидуальной траектории развития человека, которое включает поиск самотождественности на разных этапах личностного становления.

2.2. ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ В АСПЕКТЕ ЛИЧНОСТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОТЕСТНЫЕ СЦЕНАРИИ

2.2.1. Взаимосвязь процесса протестной активности личности с другими феноменами, механизмами и состояниями

Обратимся непосредственно к процессу зарождения протестной активности личности. Согласно В.В. Давыдову, человек начинается не с момента рождения или даже зачатия, ребенок формируется с мысли, «идеи о нем, возникшей в сознании будущих родителей» [цит. по: (172, с. 19)].

А.В. Брушлинский, ссылаясь на мысль Г. Гегеля о том, что атрибуты самости закладываются в пренатальный период, разработал гипотезу о пренатальном возникновении человеческой психики. С момента зачатия зародыш

и мать представляют собой неразрывное единство, живут в едином биологическом и психологическом ритме, поэтому эмоциональные состояния женщины во время беременности влияют на процесс как анатомо-физиологического созревания плода, так и последующего психического развития ребенка. Все развитие плода полностью определяется матерью, поэтому интоксикация, сильный стресс могут закончиться смертью плода или изменить дальнейшее психическое развитие ребенка [34]. Можно предположить, что при неготовности женщины к материнству и отрицательной установке на деторождение смерть плода является протестной реакцией на неблагоприятные условия существования системы «организм матери – плод».

В раннем возрасте психическая общность, единая система «пра мы» сохраняется [51]. Социальное – не что-то лишь внешнее даже для младенца, оно изначально характеризует также и внутренние условия психического развития людей [36, с. 56]. «Для нормального человеческого индивида (прежде всего для матери), – пишет А.В. Брушлинский – новорожденный всегда выступает не только как система раздражителей, но в первую очередь как объект, полностью вычлененный субъектом из внешней «среды» и потому предстоящий, противостоящий ему и в силу своей сущности инвариантный, независимый, в частности, по отношению к любым наглядно-чувственным» [36, с.59].

Появление реакции протеста у младенца может быть связано с материнской депривацией или нарушением привязанности матери и ребенка. Авторы теории депривации и теории привязанности доказали, что даже кратковременная разлука с матерью приводит к беспомощности, механизм развития которой имеет движение от протеста к отчаянию. При встрече с матерью после длительной разлуки младенец может проявлять недовольство, и мать будет встречена отчужденным взглядом. Это первая ненормативная протестная реакция ребенка, в основе которой лежат сильнейшие переживания обиды на мать [31; 49; 398; 454].

Это положение было проверено в других экспериментах [559]. Э. Троник экспериментально доказал необходимость эмоционального общения между родителями и младенцем. Когда родителям предписывалось сидеть с ребенком в

возрасте 3-х месяцев с отстраненным видом, с совершенно «холодным» выражением лица, дети при виде их безучастных лиц сразу начинали плакать [167, с. 278].

Мери Эйнсуорт, изучая типы привязанности ребенка, кроме безопасной привязанности, выделила небезопасную (ненадежную) привязанность, принимающую разные формы: избегающая привязанность, когда уход матери провоцировал агрессию и обиду ребенка, а затем избегание при ее возвращении. Амбивалентная привязанность проявляется в том, что при возвращении матери малыш сначала стремился к ней, добиваясь от нее ласки, но одновременно отталкивал ее, когда она пыталась его приласкать. В случае дезорганизованно-дезориентированной привязанности дети демонстрировали агрессивно-враждебное поведение [167, с. 283]. Как мы видим, не только длительная разлука с матерью, но и безучастность, неадекватное общение негативно сказывается как на эмоциональной сфере, так и на психике ребенка в целом.

Е.Т. Соколова рассматривает отношения между ребенком и взрослым в контексте пространства, обеспечивающего аффилиативную, подпитывающее-созидательную, или «токсичную», инвалидизирующе-разрушающую среду, в которой формируются все психические функции, в том числе регуляторные системы, когнитивные способности, язык и символические средства переработки «невыносимого» аффективного состояния [327, С. 76-77].

Негативный тип привязанности способствует развитию противоречивой картины мира. Исследования Д. Винникотта подтверждают, что чрезмерное подчинение ребенка желаниям матери, как и недостаток теплоты вредит в дальнейшем становлению «истинного Я» ребенка и способствует развитию «ложного Я», искаженным, неадекватным представлениям ребенка о себе [49].

Исследователи выделяют несколько фаз в развитии ребенка в первый год жизни: первая фаза – пассивность и зависимость; вторая фаза – интеракции и социальные потребности; третья фаза – развитие личности и манипулятивная деятельность.

Прослеживается общая линия развития от зависимости, к стремлению инициировать контакты с взрослыми, а затем контроль над интенсивностью и эмоциональным наполнением контактов. В случаях неудовлетворенности в реализации данных программ у младенца возникают различные протестные реакции. Категорические запреты, накладываемые на детей первого года жизни родителями, вызывают у них не только плач, но и резкий протест, обиду, отрицательное отношение к человеку, наложившему запрет, и ко всей ситуации в целом [28, с. 262].

Кроме того, аффективные конфликты между «хочу» и «нельзя», возникающие у ребенка уже на первом году жизни приводят к желанию «делать «наоборот» тому, что требуют взрослые». Если побуждение закрепляется, то это может привести к устойчивому эмоциональному неблагополучию ребенка [там же, с. 265].

На основании данных, полученных при клиническом исследовании детей, Н.М. Щелованов считал целесообразным *выделять детей после одного года двух месяцев в новую возрастную группу*, так как собственные мотивы поведения ребенка, как правило, игнорируются. Воспитательный подход, адекватный до этого возраста, оказывался непригодным для детей старше года: он вызывал у них сопротивление, капризы и негативизм. Внешне негативизм проявляется в «беспричинных» капризах ребенка, упрямстве, отказе от выполнения требований взрослых, в стремлении настоять на своем. «Дети становятся неуправляемыми: ни требования, ни угрозы, ни даже просьбы на них не действуют. Они стойко отказываются делать то, что еще недавно выполняли беспрекословно. Иногда дети отказывались делать даже то, что им очень хотелось, если знали, что того же самого хотят от них родители» [28, с. 310]. Причина негативизма заключалась в том, что у ребенка накапливалось отрицательное отношение к требованиям взрослых, препятствующим удовлетворению потребности в самостоятельности.

Некоторые исследователи склонны рассматривать протест, неповиновение не как негативную ответную реакцию на запреты взрослых, но как средство привлечения к себе внимания, поведение, свидетельствующее о зависимости и

нежелании ребенка быть самостоятельным. Ребенок привлекает к себе внимание с помощью неповиновения, ссор, или оппозиционного поведения, сопротивляясь указаниям, требованиям [259]. А. Адлер обратил внимание на явление детронизации – уменьшение внимания к старшему ребенку при рождении младшего. Детронизация и соперничество сиблингов сопровождаются не только агрессией по отношению к сиблингам, но протестными и демонстративными действиями, направленными на привлечение внимания родителей, желание вернуть прежний статус в семье [7].

Путь выхода из ситуации, когда внешние запреты и внутренние конфликты приводят к протесту, состоит в том, что нежелательная потребность должна не просто тормозиться, подавляться извне, но оказаться побежденной другим, более сильным мотивом – стремлением к социальному одобрению, к действию по образцу, к подражанию [28].

Не отрицая главенствующую роль факторов воспитания в раннем возрасте, полагаем, что в формировании протеста, в частности негативизма, заметную роль играют «внутренние» факторы: ситуативность желаний, неразвитость воли, несформированность собственного образа.

Образцом для подражания, к которому стремится ребенок до возраста двух-трех лет, является образ родителей. Хайнц Кохут считает, что по своей структуре «Я» представлено как напряженная биполярная конфигурация. Биполярный конструкт позволяет увидеть, что на одном полюсе находится идеализированный образ родителей (идеализированные ценности), на другом, – претензии «Я» (потребность в господстве, в достижениях) [166].

Следовательно, для построения собственного *образа* ребенку необходим *внешний образец*. Анализируя развитие ребенка по определенной схеме, отметим, что ребенок – это не «послушный инструмент» в руках музыканта, который пассивно вбирает в себя внешние воздействия, преобразуя их во внутреннее. Психика активна, поэтому на каждом цикле или витке в начале этапа развития ребенок ищет образ. Ребенок, будучи пытливым, в каком-то смысле гибким и «изворотливым» созданием (вспомним умильную беспомощность младенца),

на основе социально-культурных внешних образцов самостоятельно прокладывает путь к поиску собственного образа и самоидентичности, что отражается на его поведении. Мать, ее поведение и эмоции, уверенность, которые передаются младенцу, вносят вклад в этот образ. Если мать полностью принимает его (это означает, что весь мир готов его принять), ребенок чувствует свою значимость, постепенно осознает степень своего влияния на других. Воспринимая эти образцы материнской доброты и щедрости, младенец стремится к реализации своих интересов. Он улыбается и играет, но также пробует быть агрессивным, кусая грудь и криком заявляя о своих правах, демонстрируя своеволие. Ребенок в своем маленьком мире пробует бороться за власть с матерью, но постепенно понимает, что единственный соперник в этой борьбе – он сам. Его враг – слишком сильная агрессивность или пассивность, поскольку он еще сильно зависим от матери. Младенец реализовал все внешние образцы поведения, научился жить по правилам этого мира, но вскоре начинает понимать свою отдельность от матери, а также то, что есть другой огромный мир, непохожий на мир матери. Однако зависимость сохраняется: у ребенка есть тот образ, те правила, которые нужны матери и взрослым, но у него нет тех прав и привилегий, которые есть у последних, и самое главное, у него еще не сформировался собственный *образ*. На этом витке развития ребенок иногда пытается найти себя и реализовать собственные модели поведения. Э. Эриксон отмечает, что младенец с самого начала может демонстрировать нечто подобное «автономии» в ее специфической форме, когда яростно пытается высвободиться, если его чересчур крепко держат [402]. Протест выступает как ответ на ощущение зависимости, на жесткие запреты, но на этом этапе он протекает в мягкой форме.

В возрасте одного года ребенок остро начинает ощущать свою слабость, зависимость от родителей, одновременно формируется потребность к подражанию взрослым, *поиск идеального образца*. На границе этого периода возникает *кризис одного года*, характерный тем, что наряду с появляющимися возможностями, ребенок не способен управлять собственными желаниями.

Кризисные периоды, по мнению З.И. Рябикиной, это моменты зарождения нового внутреннего органа, периоды реорганизации, когда нарождающему новообразованию необходимо предохранить себя от внешних разрушительных воздействий. Актуализация защиты от внешнего связана с тем, что «новый орган» еще не готов полностью обеспечить ассимиляцию, а воздействия других, обращенные к прежнему состоянию личности, актуализируют его, позволяя ему не угаснуть [304, С. 62-63].

В целом развитие ребенка от года до трех лет противоречиво, оно проходит под знаком амбивалентности, вызываемой действием противоположных сил: стремлением к самостоятельности и потребностью в привязанности [167, с. 373].

Э. Эриксон отмечает, что только на втором году жизни ребенок готов для решающего столкновения со своим окружением, поскольку «начинает сознавать критическую противоположность бытия автономным созданием и зависимым существом» [434, с. 381]. Общество должно передать ребенку собственные представления и понятия об автономии и принуждении определенными способами, обеспечивающими характер и жизнеспособность его личности в его культуре [там же].

У детей в возрасте двух лет протест принимает форму психологического реактивного сопротивления, поскольку они начинают осознавать себя как индивиды, рассматривают себя как нечто своеобразное, обособленное. Из тесных симбиотических отношений двухлеток и взрослых рождается чувство автономии, уверенность, что они способны действовать самостоятельно, без посторонней помощи. Представление об автономии ведет к формированию представлений о свободе [402].

Заметим, что в возрасте, называемом «ужасное двухлетие», дети могут создавать множество проблем, но одновременно бывают милыми, любящими. В два года ребенок хочет незамедлительного удовлетворения желаний, но вместо использования вербальных выразительных средств дети применяют прямую физическую агрессию – могут ударить или укусить. Зависимость выражается в прямой физической форме: в незнакомой обстановке двухлетний ребенок

держится как можно ближе к родителям, цепляясь за их одежду. В случае попытки физически отделить ребенка от родителей, он может броситься на пол и заплакать в знак протеста [167, с. 364].

В возрасте трех лет протестные симптомы, проявляемые в демонстративном неподчинении каким-либо указаниям взрослым, отражают потребность развивающейся личности в отделении от родителей, внутреннюю тенденцию к самостоятельности [45]. Ребенок уже усвоил первичные навыки контроля и саморегуляции, но на пути к полноценной автономности необходимо перестроить систему отношений. Он должен отказаться от простого воспроизведения действий взрослого и постепенно наращивать субъектные качества, которые позволят самостоятельно принимать решения и отстаивать свой выбор.

Нам кажется продуктивным рассмотрение феномена протестной активности в контексте культурно-исторической теории Л.С. Выготского [51; 52; 53; 55]. Ученый связывал *реакции протеста, оппозиции, негативизма* (выстраивая их в синонимичный ряд) с возрастными кризисами одного года, трех, семи и тринадцати лет. Согласно его мнению, появление реакций негативизма в кризисе трех лет обусловлено стремлением к самостоятельности и независимости.

Негативизм, в понимании Л.С. Выготского, может быть реакцией или чертой личности, но всегда предстает как один из атрибутов кризиса. Поскольку кризис многомерен, диалектичен, он может быть деструктивным и оказывать разрушительное действие на личность. Но кризис может способствовать появлению положительных новообразований и являться фактором позитивного личностного развития, если ребенок вовремя получит эффективную помощь со стороны взрослых [52].

Симптом негативизма связан с желанием ребенка идти наперекор взрослому, с отказом подчиняться и признавать авторитет взрослого. Причем, эта реакция не на содержание действия, а на само предложение или просьбы взрослых. Негативизм как действие социального характера вынуждает ребенка поступать вопреки своим желаниям и чувствам и проявляется в стремлении

поступать наперекор родителям, в связи с чем, Л.С. Выготский рассматривал негативизм во взаимосвязи с аффективной сферой личности [51].

Симптом упрямства – это реакция на свое собственное решение, когда ребенок настаивает на своем первоначальном выборе, на первом требовании, даже если он в этом не нуждается. Через упрямство ребенок утверждает свою личность и требует, чтобы с этой личностью считались. Упрямство отражает рост самосознания, желание настаивать на собственном выборе, оно способствует развитию когнитивно-волевой сферы личности.

Третий симптом – строптивость, выступающая как безличное генерализованное отрицательное отношение ко всему, что сделано взрослыми, к образу жизни, к нормам воспитания и даже игрушкам [259]. Строптивость вызвана стремлением ребенка настоять на своем желании и направлена вовне, связана с негативной аффективной реакцией и бунтом против взрослых, против установленных порядков. Симптом отражает непринятие подчинения, системы отношений и существующих норм в целом.

Четвертый симптом протеста – своеволие, своеобразие, связывают с тенденцией к эмансипации, причем не просто физической, а к самостоятельности в замыслах, мнении [51].

Таким образом, кризисные, критические этапы, по Л.С. Выготскому, обусловлены внутренней логикой процесса развития ребенка, они активизируют созидательную работу развития (в плане развития автономности). Примечательно, что «...негативное содержание развития является обратной стороной позитивных изменений личности, составляющих главный и основной смысл всякого критического возраста» [цит. по: (304, с. 61)].

Проследим содержание этих изменений в процессе развития. В психоаналитической традиции признается, что строптивость, непослушание и упрямство могут впоследствии трансформироваться в невротический стиль жизни, невротическую фиксацию, озлобленность, нарциссизм [7; 8; 284; 378; 404; 405]. В то же время строптивость и своеволие, выступая в качестве раннего опыта

отстаивания себя, играют положительную роль в личностном развитии, способствуя обретению автономности, самостоятельности.

Существует еще несколько симптомов протеста: *протест-бунт, обесценивание и деспотизм*. Ребенок может обесценивать игрушки, вещи, в его речи появляются бранные слова и выражения, отражающие негативное, отрицательное. Стремление к деспотизму встречается в семьях с единственным ребенком, который требует подчинения и стремится проявить власть над окружающими. Попытка вернуть себе господствующее положение, когда все желания ребенка исполнялись, связано с соперничеством сиблингов и часто сопровождается чувством ревности [8].

Перечисленные симптомы обнаруживают сходство в том, что нежелание принимать ценности и формы поведения, навязываемые взрослыми, связано с попыткой укрепления собственного авторитета. Это самоутверждение — своеобразная «репетиция», позволяющая в дальнейшем развить лидерские качества.

Полагаем, что каждое из описанных Л.С. Выготским проявлений протеста в кризисе трех лет сопряжено с комбинацией факторов, формирующих протестную активность, составляющих «матрицу» протестных факторов, произрастающих друг из друга: сформированность положительного образа старших, реальная сила запретов, интериоризация запретов, ощущение зависимости, готовность к формированию собственного образа и его реализации.

Вслед за Л.С. Выготским, Л.Ф. Обухова и Д.Б. Эльконин, обращаясь к кризису трех лет, полагают, что протест является его неотъемлемой частью. В представлении Д.Б. Эльконина кризис трех лет — это кризис социальных отношений, кризис выделения своего «Я». Перестройка отношений возможна в условиях отделения ребенка от взрослого человека. На признаки такого отделения указывает протестная симптоматика кризиса [259; 400].

А.А. Деркач и Э.В. Сайко не случайно называют период с 1 года до 3 лет (кризис 3-х лет) пиком актуализации самореализации, сопровождаемой активизацией мотивационно-потребностной сферы и нарастанием

эмоционального напряжения. На стадии 3-х лет Я актуально выносятся в социум (микросоциум) как результат определенного уровня развития-саморазвития и как заявка на определенную самореализацию на уровне соответствующего самоутверждения в своей самости ребенком, который обращает внимание взрослых на свой новый уровень «могу» заявлением: «Я — сам». Реализация потребности в самореализации осуществляется посредством утверждением права его Я на определенные самостоятельные, принятые в обществе действия, позволяющие ему зафиксировать свою новую позицию, прежде всего, среди взрослых [88, с. 235-236].

Интенсивный поиск собственного Я приводит к различным вариациям в поведении, то есть ребенок может себя вести то инфантильно-зависимо, то активно-протестно. Это проявляется в играх, в речи, в обращениях с родителями [279, с. 123]. В этот период «Я» противостоит не только родительским требованиям, но и другому, собственному Я, в результате чего возникает конфликт между Я и «вторым Я» [119, с. 152]. О формировании собственного образа Я, первоначально неотделенного от образа матери, свидетельствует фаза роппрашман (воссоединения) в стадии сепарации-индивидуации, рассматриваемая в контексте теории объектных отношений [145; 165; 166].

На наш взгляд, протестная активность личности в кризисе трех лет – это не только прямое противостояние запретам родителей и желание настоять на своем, но и конфликт старого усвоенного родительского образа (интериоризованного Я) и нового формирующегося собственного образа, еще не выраженного и не проявленного в игре и в общении. Причем на каждом этапе кризиса сохраняется чрезвычайная актуальность защиты «системы Я» от внешних деструктивных влияний. Проявляясь в большей закрытости, защита генерирует свои способы, предохраняющие от излишнего вторжения.

З.И. Рябикина отмечает, что негативизм, оппозиционность, агрессивность – это и способы защиты, и вместе с тем переживания тревоги, смятения, беспокойства, неуверенности. Закрытость – это период максимального внутреннего рассогласования, следствие сосредоточенности на решении

внутренних противоречий, и одновременно это показательный симптом скачка, развития (в случае, когда личности удастся «удачно» структурировать свою суть) [304, с. 62].

В связи с этим, обратим внимание на существенный аспект: любой этап развития разворачивается в определенных временных границах, субъект изначально встроен во временные рамки, даже пренатальный период имеет временные границы. Этап закрытости не должен «передерживаться», иначе происходит негативная и непредсказуемая трансформация позитивных и ценных для личности новообразований, в результате чего личностные достижения могут безвозвратно утрачиваться.

А. Адлер предложил идею «маскулинного протеста», используемую обоими полами, с одной стороны выступающей в качестве компенсации вытесняемого чувства неполноценности, с другой, в качестве защиты целостности своей личности. А. Адлер проницательно заметил, что детские черты подчиненности, несамостоятельности, послушания и пассивности ребенка очень быстро (при невротической диспозиции очень резко) дополняются контрастными чертами упрямства и неповиновения, признаками затаенной враждебности, т.е. происходит смешение пассивных и активных черт с преобладающей тенденцией – от девичьего послушания к мальчишескому упрямству. Упрямство как протест против подчинения направлено на обретение признания, внимания, привилегий. Достигая их, ребенок думает, что его заставляют подчиняться, и он устраивает обструкцию во всех проявлениях повседневной жизни. Стремление к власти проявляется в притворстве и стяжательстве. Но есть еще более деструктивный путь развития: контрастирующая склонность к подчинению и активному протесту проявляется в виде средства достижения цели. Эти дети «... как бы разгадали малое в диалектике жизни и стремятся удовлетворить свои беспредельные желания путем самого безграничного подчинения (мазохизма)» [8, с. 26].

Противоречивое сочетание протеста и подчиненности обуславливает пораженческие настроения, страх нового, приводит к фиксации на сознании фаталистической слабости, чтобы затем отстраниться от требований общества и

изолироваться. Дисгармоничность детей-невротиков заключается в том, что части их психики, воспринимаемые «как женская и мужская, как будто стремятся к единству, но не достигают своего синтеза, чтобы предохранить личность от столкновения с действительностью» [8, с.28].

А. Адлер для объяснения этого процесса использует метафору «двойная жизнь», двойственность которой обнаруживается в маскировке – «стой!» или «назад!», которая наблюдается и у нормальных детей в умеренных пределах, способствует формированию характера. Однако выраженная двойственность не позволяет невротика преследовать полезную цель в согласии с собой и, конструируя страх и сомнение, впоследствии затрудняет все его жизненные решения [8]. Таким образом, паттерн двойственности, закрепляясь в личности, формирует дисгармоничный образ себя, а также систему представлений о мире на основе неразвитого чувства общности, изоляции, которая реализуется в деструктивной протестной активности личности.

Наблюдается дихотомия двух линий в развитии: с одной стороны, генеральная линия развития ребенка в возрасте от года до трех лет – стремление к автономии, к самостоятельности, к независимости, с другой, – ребенок сталкивается с проблемами сильной зависимости от взрослых, ростом запросов и желаний, а также необходимостью принятия образа родителей для конструктивного взаимодействия с ними. Принятие *образа родителей* означает для ребенка принятие внешних *образцов* поведения, бытовых навыков, языковых конструкций, поведенческих норм, что не исключает возможности играть свою роль и строить *собственный образ*.

Неумение быть таким, как взрослый, неудачное воспроизведение образцов поведения старших порождают неловкость, стыд и сомнение, что подтверждается идеями А. Адлера о комплексе малоценности [7; 8] и идеями Э. Эриксона о появлении стыда, который рассматривается как обращенный на себя гнев. Отмечается, что чрезмерное пристыживание препятствует формированию правильного и аутентичного поведения, приводит к скрытой решимости попытаться выкрутиться из положения, незаметно ускользнуть, вплоть до

вызывающего бесстыдства и хронической предрасположенности бросать вызов сходным образом [402].

Вероятно, стыд, сомнение – это проявление процесса, обращенного на себя, который можно определить как кризис. Склонность к протесту возникает вследствие подавления взрослыми желаний ребенка реализовать *собственные образцы* поведения, при непринятии взрослыми самостоятельных версий поведения ребенка, отличающихся от взрослого оригинала или, по их мнению, социально нежелательных. Кризис, сопровождающийся протестом в этом временном промежутке – это измененная форма взаимодействия со взрослым, *форма диалога и невроз, вывернутый наружу*. Поскольку родительские нормы и запреты в этот период уже интроецированы ребенком, то протестную активность можно рассматривать отчасти как некое восстание против запретов или как бунт против собственной беспомощности, неуверенности, зависимости.

Кризис трех лет, протекающий в сложной и противоречивой форме, подготавливает отделение ребенка от матери. В возрасте трех лет *идеальные образцы* поведения и действий усвоены и интериоризированы ребенком. Освоены первичные средства для формирования этого образца: предметные действия, язык, система норм. Вскоре взрослые перестают восприниматься как идеальный образец, поскольку они не всегда поддерживают, могут наказывать и ограничивать. Причиной отделения ребенка от родителей становится пока еще смутное осознание своей внутренней жизни и необходимость построения *своего образа* – образа, позволяющего проявлять активность и взаимодействовать с другими. Этот реальный образ Я (его модель) формируется не только в принятии *идеального образца* (матери и взрослых), но и в совместной деятельности – в общении и сюжетно-ролевой игре. Поэтому негативизм преодолевается не простым отделением от родителей, а нахождением нового круга лиц, новых объектов для реализации Я ребенка, для осуществления его инициатив и стремления к самостоятельности. Сформированный реальный, *устойчивый собственный образ* становится психическим новообразованием, обуславливающим развитие ребенка в последующие периоды.

Развитие ребенка в дошкольном возрасте носит проблемный и кризисный характер, внутренний конфликт непосредственно связан с усвоением нравственных норм и запретов, существующих в обществе. По З. Фрейду, в возрасте пяти-семи лет, в стадии эдипова комплекса, у ребенка формируются структурные элементы личности, конфликтующие друг с другом [288; 362].

Конфликт в возрасте 5-7 лет весьма рельефно описывает Э. Эриксон: «Инфантильная сексуальность... и супер-эго – все соединяется здесь, чтобы вызвать тот специфически человеческий кризис, в течение которого ребенок должен повернуть от ... привязанности к родителям на путь медленного превращения в родителя, носителя традиции» [402, с. 113].

Согласно Э. Эриксону, после кризиса ребенок разделяется внутри себя на детские структуры, сохраняющие потенциал роста и родительские структуры, поддерживающие самоконтроль, самоуправление и самонаказание. Отметим, что это благополучный вариант разрешения кризиса разделенности на родительские и детские структуры. Однако чрезмерная идентификация с матерью, привязанность мальчика к матери приводит к зависимости, а идентификация мальчика с отцом – к соперничеству. Восстание против власти авторитета, власти отца у мальчика принимает форму невротического конфликта. По Э. Фромму, происходит борьба между свободой и непосредственностью ребенка и авторитетом родителей и их ожиданиями. Если эта борьба за свободу на стадии усвоения мужских и женских ролей заканчивается поражением, создаются условия для развития невротической покорности и беспомощности [366].

Динамика протестной активности показана Э. Эриксоном в работе «Детство и общество», где описан процесс трансформации личности пятилетнего мальчика от «маменькина сынка», нежного и зависимого ребенка, до отчаянного, упрямого и непокорного сына. После гибели отца-летчика у мальчика развились симптомы разрушительности и открытого неповиновения. Совершая поджоги, ребенок воображал себя летчиком, проводящим бомбардировки. Личностная трансформация, проявляющаяся в открытом протесте, связана с идентификацией сына с отцом и внезапным обострением конфликта [402].

Э. Эриксон объясняет механизмы этого детского деструктивного протеста. Сын сформировал образ «хорошего» маленького мальчика, добивающегося любви матери. Актуализация образа отца-героя оживляет его макулинный идеал поведения и одновременно обесценивает прежние феминные идентификации. Однако внезапная гибель отца усиливает чувство вины за предпринятое им соперничество с отцом и обесценивает новую маскулинную инициативу, оказывающуюся неадаптивной. Несмотря на большие возможности идентифицироваться, кризисы вынуждают ребенка производить радикальный отбор в идентификации. Полезность и число социально значимых моделей для осуществимых комбинаций идентификации зависит от меры соответствия требованиям стадии развития и соотнесения с привычными способами синтеза *эго*. Этот синтез в данном случае включал темперамент и стадии созревания ребенка, социальное положение, его возможности, а также темперамент отца-героя и современный исторический прототип агрессивного героя. Э. Эриксон отмечает, что в случае успеха синтеза *эго* коагуляция конституциональных, темпераментальных и выученных реакций может вызвать бурное развитие и неожиданное завершение. Неудачный синтез *эго* приводит к неизбежному и сильному конфликту, часто выражаемом в непослушании, протесте или делинквентности. Примечательно, что если ребенок чувствует, что окружение пытается радикальным образом лишить его всех тех форм выражения, которые позволяют ему развить и интегрировать следующую ступень в своей идентичности, *«протест будет иметь самую яркую выраженность, как будто речь идет о спасении самой жизни»* [402, С. 91-103].

Отношения девочки к родителям в раннем возрасте не менее драматичны и подробно описаны А. Фрейд, К. Хорни, М. Клайн [284; 288; 361; 377; 378]. Травматические переживания конфликта у ребенка, попавшего в эдипов треугольник, вскоре вытесняются и обрастают другими видами психологических защит. Кризис свидетельствует о трудностях освоения одной из фундаментальных ролей – семейной роли и от осознания невозможности ее принятия в раннем

возрасте. С другой стороны, происходит интенсивное развитие личностных структур, ответственных за саморегуляцию.

В дошкольном возрасте важным моментом является участие в ситуации совместной деятельности, которая дает ценный опыт оценочного отношения к своему «Я», понимания своей роли, норм и осмысление своей личности. Через отношение к нему других, их оценку формируется конструкт ожидаемого «Я» [157, с. 91]. На наш взгляд, ситуация совместной деятельности закладывает еще и фундамент солидарности, который позже обязательно проявится в различных ее типах.

Одна из главных целей игры – это реализация своего Я в рамках групповых норм. Для ориентации в нормах и правилах игры ребенку необходимо научиться следовать образцам поведения. В сюжетно-ролевой игре ребенок ориентируется на образец поведения (эталон), с которым он сравнивает свое поведение [388, с. 207]. На основании сравнения своего поведения с поведением других происходит осознание смысла действия и самого себя как субъекта данного действия. Под влиянием образцов, задаваемых взрослыми, дошкольник опосредованно и символически имитирует эти образцы, моделирует целостное поведение взрослых, что находит выражение в игре, конструировании [47].

Л.И. Божович предполагает, что к концу дошкольного возраста происходит сначала переживание собственного социального Я, а потом его осознание [28, с. 217]. Последовательность развития и осознания социальных потребностей выглядит следующим образом: сначала формируется потребность в действии; потребность в социально одобряемом действии; постепенно потребность в социально оцениваемой деятельности и, наконец, потребность в социально значимой деятельности.

По Д.Б. Эльконину, потребность в серьезной, социально значимой и общественно оцениваемой деятельности связана с желанием «быть как взрослый и жить как взрослые», но, поскольку ребенок не может удовлетворить эту потребность в игре, то реализует в современных условиях в учебе [401, с. 101]. Эти положения хорошо объясняют переход от одного вида активности (игры) к

другой – учебе. Именно в процессе личностного становления формируется потребность в экспансии образа «Я»: от действий к взаимодействию и далее к социальному взаимодействию. Потребность в экспансии своего образа наталкивается на необходимость соотносить этот образ с образами и поведением других участников взаимодействия. Эти противоречия легко снимаются в игре.

Итак, в конце дошкольного возраста образ Я сформирован, принят сверстниками и реализован в разнообразии игровых амплуа и ролей. И вновь личность ребенка сталкивается с противоречием: сформированы динамические характеристики этого образа, но его дальнейшая экспансия, способствующая росту статуса в микросоциуме, т.е. в детской микрогруппе или в семье невозможна. Игра как микросреда общения и микросфера развития становится замкнутой системой и исчерпывает свои возможности в качестве инструмента развития. Кроме того, чем более успешен ребенок в игровой деятельности – деятельности фантазийной, тем больше он сознает фиктивность своего статуса и успеха. Парадокс заключается в том, что успех ребенка реален, а деятельность фиктивна. Возникает необходимость в новой учебной деятельности и потребность в более широкой социальной среде для освоения этой деятельности. Ключевая роль родителей в формировании личности ребенка сохраняется. Как можно заметить из предшествующего анализа, содержание протестной активности личности в этот период определяет сложное диалектическое взаимопроникновение и взаимовлияние этих факторов.

Далее, *кризис семи лет*, который Д. Б. Эльконин определяет как кризис мировоззрения, открывающий ориентацию в мире вещей [400]. Л.С. Выготский, характеризуя этот кризис, отмечает появление структурированности переживаний, формирование осмысленной ориентировкой в своих переживаниях, развитие логики чувств. Возникающие смысловые переживания позволяют осознать противоречия в переживаниях, борьбу между ними, но ребенок должен также выбирать переживания. В качестве причин кризиса отмечается начало разделения внутренней и внешней стороны жизни, появление «интеллектуального момента», вклинивающегося между переживанием и поступком [53].

Ребенок, приобретая статус школьника должен решить новую задачу – встроиться в новый школьный коллектив, выполнять новую общественно значимую деятельность. Протестная активность в этот период может отражать сопротивление против освоения новой роли, стремление продлить зависимость, опеку и получать «выгоды» от позиции маленького и избалованного ребенка, утверждающего себя через слабость, беспомощность и манипуляцию в роли «мягкого тирана». Негативная симптоматика в этом кризисе проявляется в искусственности поведения, манерничании, кривлянии, паясничании, вычурности. Психическое равновесие нарушается, наблюдается неустойчивость воли, перепады в настроении, состояние повышенной эмоциональной лабильности, строптивость, негативизм [279, с. 93].

Симптомы негативизма проявляются также в «пассивных» характеристиках поведения – паузах, наивной хитрости, несколько вязкой требовательности. По мнению К.Н. Поливановой, «негативизм может быть понят как особая форма построения нового поведения» [279, с. 136]. Автор подчеркивает позитивную роль этой формы протеста, доказывая, что дети с выраженным негативным поведением лучше подготовлены к школе, чем их сверстники со «стертыми» симптомами кризиса.

На этом этапе продолжается внутренняя работа с собственным образом. Кризис семи лет называют периодом рождения социального «Я», когда формируется «внутренняя позиция», желание занять новое место в жизни. На посткритической фазе возникает новая социальная ситуация развития и принимаются новые формы культурной трансляции идеальной формы (новая ведущая деятельность). Активно ведется поиск нового «значимого другого», «...реализуется новая идеальная, а не идеализированная форма, не формальная, а полноценная» [279, с. 151]. Это значит, что у ребенка сформирован уже не образец, а интериоризованный образ взрослого. В то же время наблюдается противостояние не только по отношению к взрослому, но и самому себе.

Таким образом, актуализация протестной активности связана не только с запретами, но и с невозможностью самостоятельно создать и реализовать свои

способы игры, общения (в 3-7 или 13-14 лет), что приводит к пониманию необходимости принятия модели поведения взрослых. При принятии взрослых моделей поведения и установлении хороших отношений с родителями тревога снижается и протест либо сглаживается, либо не проявляется совсем [279].

Важным моментом в поддержании протестной активности является конфликт между Я-ролью и реальным статусом, социальной позицией. Специфика этого этапа заключается в конфликте идеального Я (игрового, ролевого) и реального Я (расхождение самооценки); в необходимости восприятия нового образа и включенности в новый вид деятельности, на фоне неудовлетворенности собой. Кризис – откат назад, к поиску идеальных образцов для формирования действий и поиску Я, адекватного для новой, более широкой социальной сферы.

Следует заметить, что роль фиктивной, виртуальной деятельности в современных условиях раннего приобщения детей и подростков к компьютеру и интернету существенно меняется. Эта виртуальная сетевая метадеятельность не может не сказаться на изменении содержания и значения игры и социального взаимодействия в целом. Вероятно, виртуальное метаобщение частично замещает игру, но пролонгирует этап игры, встраивая игру в систему деятельности на многие последующие годы, а также стирая грань между игрой и реальностью. Другая проблема виртуальной метадеятельности связана с необходимостью формирования и поддержания сразу нескольких ролей и образов: образ для родителей, виртуальный и настоящий образы. При появлении трудностей в реальном общении, при неготовности принимать правила реальности или свой реальный образ можно прогнозировать протестную активность.

Возраст от семи до одиннадцати лет в психоаналитической традиции рассматривается как период относительно спокойный и бескризисный. З. Фрейд определял среднее детство как латентную «спящую» стадию, поскольку ревность и зависть, сексуальные импульсы отодвигаются на задний план и ребенок может использовать свою эмоциональную энергию в сублимационной активности (творчестве) и развитии социальных чувств для выполнения предписанных

культурой обязанностей в школе или обществе [284, с. 101]. Р. Герриг и Ф. Зимбардо ссылаются на взгляды Ж. Пиаже и Л. Кольберга, согласно которым в этом возрасте у детей развиваются оценочные суждения, представления о своей личности и о морали, формируется оценка правильного/неправильного, справедливого/несправедливого [60].

Г. Крайг и Д. Бокум полагают, что теории Ж. Пиаже, Л. Кольберга, Э. Эриксона и теория социального научения не в состоянии адекватно объяснить все линии социального и культурного развития ребенка в среднем детстве, но все в совокупности помогают увидеть более целостную картину. Теории помогают понять, как меняются способы взаимодействия ребенка со сверстниками, взрослыми и членами семьи и как к тринадцати годам ребенок *«может превратиться в мятежника и бунтаря»* [167, с. 459].

Это превращение, вероятно, можно объяснить следующими причинами. Дети, не успевающие в школе, могут чувствовать горечь и неполноценность по сравнению со сверстниками. Эти переживания описаны Л.Н. Толстым в трилогии «Детство. Отрочество. Юность». Марк Шагал в своих воспоминаниях также описывает состояние бессилия и ужаса, которое он испытывал на школьных уроках, когда не мог сказать ни слова. Чувство неполноценности может продолжать оказывать негативное воздействие на личность человека на протяжении всей жизни, если позже не компенсируется продолжительным успехом в других видах деятельности, таких как спорт, музыка, литература или искусство, являющихся ценными в представлении окружающих и в собственных глазах. Поэтому на всех этапах развития ребенок нуждается в педагогической, морально-психологической помощи, но она «работает» и способствует его саморазвитию лишь при определенных условиях.

А.В. Брушлинский раскрывает своеобразную диалектику умственного развития субъекта, в целом субъектного самоопределения через собственную активность субъекта и через принцип детерминизма внешнее-внутреннее. В том случае, когда индивид сам подошел вплотную к успешному решению задачи, тем меньше он нуждается в поддержке, но тем легче реализуется помощь извне. Если

же он дальше находится от верного решения, он больше нуждается во внешней помощи, но тем труднее ему ее использовать. Данный парадокс саморазвития объясняется и разрешается благодаря непрерывному взаимодействию общественного и индивидуального в ходе формирования психики человека. Помощь со стороны выступает как подтверждение вопроса, который он сам себе поставил, «это одно из проявлений тех внутренних условий как основания развития, через которые преломляются все внешние воздействия» [36, с. 41].

В предпубертковом кризисе девяти-одиннадцати лет встречаются негативные проявления протеста: отрицательное отношение к школе, конфликты с учителями. Основным содержанием этого возрастного периода является рефлексивный «оборот на себя» [388, с. 238].

К.Н. Поливанова, отмечая падение оценок реального Я (у детей 11-12 лет), предполагает, что резкая дифференциация самооценки в конце критического периода является показателем того, что субъективация (на основе рефлексии) произошла. Анализируя этот процесс, она замечает: «для субъективации некоторого объективно существующего, но субъективно не представленного компонента психического облика, т. е. «Я» ребенка, необходима его остановка (или задержка) и означивание [279, с. 116].

По мнению Е.А. Сергиенко, снижение самооценки, резкое усиление аффективности указывают на регресс в развитии психических функций, который свидетельствует о разрушении старых систем организации психического и становлении новых систем, зарождении нового уровня психической организации. Но регресс в данном отношении выступает как антиципирующее развитие, закономерная фаза в развитии человека, носящий временный характер. Исследователь проводит параллель с теорией катастроф Р. Тома и К. Зимана, в которой реорганизация системы, введение новых элементов сначала приводят к падению эффективности функционирования, а затем к ее росту и усилению устойчивости [321].

Далее, рассмотрим содержание протестной активности в подростковый период. Л.Ф. Обухова ссылается на мнение Э. Шпрангера, согласно которому

психическое развитие подростка есть вращение его индивидуальной психики в объективный и нормативный дух эпохи [259].

Проблема оформления собственного образа в это время тесно переплетена с проблемами самосознания, самооценки, идентичности, самоопределения. Но в анализе становления идентичности, формирования образа Я исследователи используют различные психологические категории и понятия.

Например, А. Фрейд, выделяя «образ Я», детально описала механизмы его психологической защиты [361]. Г. Оллпорт вводит общее понятие «Проприум», затрагивающие все аспекты личности, способствующие ее внутреннему единству, самоидентичность, развивающуюся со временем [263]. К. Роджерс, выстраивая модель идеального Я, вводит понятие «самотождественность» (конгруэнтность), предполагающее равенство самому себе [296]. Выделенные Р. Кеганом стадии развития когнитивного Я включают стремление к независимости, работу над достижениями и формирование умений [цит. по: (289, с. 586)].

В эго-психологии подростковый кризис, в котором ставится задача оформления личностной идентичности, сравнивается с процессом сепарации-индивидуации детей в возрасте двух лет [134; 165; 166; 375]. В стадии роппрашман (последняя фаза индивидуации) ребенку для формирования собственного образа необходимо воссоединить образ матери [145; 166]. Подросткам не нужно работать над образом родителей, поскольку расширение пространства социальной жизни, возросший уровень его самосознания, иные требования со стороны взрослых порождают желание самоутвердиться в социуме. Самость подростка проявляется глубже, чем на предыдущих стадиях развития, поскольку он более остро претендует на признание его как равного в социуме взрослых [88, с.236].

Подростковый протест может быть обусловлен невозможностью продуктивного включения в социум и эффективной реализации общих представлений об идеальной форме. Структура возрастного кризиса раскрывается через критические фазы: попытки непосредственно реализовать наиболее общие представления об идеальной форме, возникшие в начале кризиса; острое переживание преград к реализации идеальной формы и возникновение мотивации

новой деятельности; рефлексия собственных возможностей и способностей; возникновение новообразований кризиса [279, С. 148-151].

Полагаем, что противоречие подросткового кризиса заключается в невозможности далее воспроизводить идеальные образцы поведения взрослых и необходимости формирования собственного Я, позволяющее затем транслировать это «Я» на социум. В кризисах 3-х и 13-ти лет протест направлен на отстаивание собственной индивидуальности, в противовес тем ролям, которые требует социальное окружение. Примечательно, что Кропоткин, Марат, Робеспьер уже в детстве были «бунтовщиками», отличались мятежными наклонностями, за что подвергались преследованиям [64, с. 151].

Следовательно, запрос на копирование образцов вскоре наталкивается на противоречие – необходимо сформировать готовность действовать по-настоящему, реализовать *идеальные образцы* и ориентироваться на собственные возможности. В условиях, когда *реализация образца* (на более поздних этапах трансляция ценностей) затруднена вследствие недостатка опыта или способностей, можно говорить о непродуктивном характере протестной активности, поскольку она не связана с отстаиванием собственной индивидуальности, личностной позиции, своего статуса и ролей. В случае преобладания внешнего локуса контроля, уровень индивидуальной ответственности снижается, поэтому во всех своих проблемах подросток будет обвинять взрослых, родителей, учителей, которые оказались невнимательными, не научили его преодолевать трудности.

Отметим, что данные паттерны протеста нельзя связывать только с локусом контроля. Препятствием к построению собственного образа и позитивной идентичности подростка является догматизм мышления, скептицизм, персональный миф (фантазии найденыша), эгоцентризм, конформизм, низкая самооценка, депрессивность, тревожность, нарциссизм [167, с. 517].

Помимо этого, усиление протестной активности связано с недостаточным доверием или даже с его отсутствием [280]. Установлено, что старшеклассники

доверяют в 50% сверстникам, реже родителям и только в 30% учителям [56, с. 181].

Низкий уровень доверия тесно связан с циничностью и подозрительностью подростков по отношению к другим людям. По опросам, только 25% старшеклассников заявили, что людям можно верить, еще 25% затруднились дать ответ, а половина опрошенных придерживались мнения, что всегда лучше подстраховаться. Исследование Т. Кретенотье нравственных суждений показало, что младшие школьники – интуитивисты, подростки – скептики и только юноши после окончания 9-го класса – транссубъективисты [289, с. 601].

В подростковом и юношеском возрасте протест призван изменить существующую систему отношений со значимыми людьми, т.е. содержание протестной активности постепенно переходит в ценностную плоскость и подготавливает почву для изменения статуса в семье или в группе. Этот период жизненного пути подростка при благополучном процессе обретения автономности посредством продуктивной протестной активности личности может служить основой для дальнейшего формирования собственного образа Я и базой для расширения сферы отношений. Подросток, не способный разрешить проблему самоидентификации, идет по пути стагнации и регресса, тем самым формируется склонность к деструктивной протестной активности во взаимодействии с социумом.

По образному выражению В. Штерна, специфика юности заключается не только в подражании, считывании чужого образа, манеры поведения, но в том, что «даже вечное должно быть воссоздано «из себя самого» [399, с. 21]. По мнению К.Н. Поливановой, выражение «воссоздание из себя самого» подчеркивает своеобразие любого критического периода и означает, «что то, что есть в культуре («вечное»), строится заново каждым следующим поколением («воссоздается»). Воссоздание из себя самого есть перестройка себя, изменение себя, своего действия. Это и есть проба — такое действие, в котором меняется, трансформируется собственное действие» [279, с. 108]. Именно поэтому в период подростковых и юношеских кризисов, во время которых происходит активное

формирование самооценки, становление личностной и социальной идентичности, позволяющих взаимодействовать с миром самостоятельно, заметна протестная активность личности. Идентичность эго – это внутренняя тождественность, выступающая как интеграция опыта, в сочетании с тождественностью своего значения для других, выявляемой в карьерной перспективе [402].

Подросток с негативной идентичностью является антипредопределенной личностью, поскольку он поступает явно наперекор ожиданиям и требованиям родителей, учителей и старших. Однако подростки с оппозиционно – вызывающим расстройством обычно беспокоят родителей и учителей, но не сверстников [289, с. 320], т.е. в своей среде они подтверждают эту идентичность.

Подростки желают преобразовать общество взрослых, и этот противоречивый комплекс – желание перемен, преобразований, препятствия и зависимость, противоречивое содержание ценностных образований создают почву для реализации протестной активности в юношеском возрасте.

Согласно Ж. Пиаже, подростки постепенно социализируются в противоречии – с одной стороны, испытывая препятствия со стороны общества, с другой, оставаясь сильно зависимыми от него. Также как и Э. Эриксон, Ж. Пиаже убежден в том, что только работа в профессиональной сфере «снимает» кризис, способствует его полному преодолению и указывает на окончательный переход к взрослому состоянию [274; 402; 403].

Возраст 20-30 лет в оптимальном варианте – период актуализации зрелой, продуктивной протестной активности. Молодежь идентифицируется со всем сообществом и, отмечая противоречия в социальных отношениях, проблемы, связанные с войной, загрязнением среды, несправедливостью, проявляет свое отношение к этим проблемам в виде антиправительственных выступлений, движений антиглобализма и пр. Продуктивная протестная активность личности предполагает сформированный и позитивный образ Я, самостоятельно выработанную систему моральных ценностей и убеждений, мировоззрение, устойчивую субъектную позицию.

Однако не все осознают степень и границы своего влияния на происходящие процессы, и современная молодежь в большинстве своем характеризуется неразвитостью многих из перечисленных компонентов. Несформированность личностных структур, размывание традиционных ценностей и гражданской позиции, эгоцентризм, отсутствие устойчивых убеждений, инфантилизм, на фоне отсутствия опыта легитимного протеста, порождают деструктивную протестную активность. Именно такая молодежь подвержена экстремистскому влиянию, демонстрирует склонность к ненормативным, нелегитимным способам протеста. В поиске тождественности молодые люди готовы не только к оппозиции родителям, но и принятию порочных идеалов и идолов. Этот вариант самоопределения личности Э. Эриксон связывал с неспособностью к профессиональной идентичности, ее обратной стороной является разделение на «своих» и «чужих», интолерантность и отвержение «чужаков» [402].

Обратим внимание на траекторию кризисного развития личности, которое сопровождается протестной активностью. Кризис чаще всего возникает на границе возрастного периода, когда *образец* поведения взрослых усвоен, но *собственный образ* не сформирован и своя модель поведения еще не построена. Кризис указывает на ограниченность прежней деятельности, связанной с незавершенностью собственного образа, необходимостью играть вынужденную и несоответствующую своей сущности роль.

Кризис – это еще и осознание необходимости поиска *идеального образца*, соответствующего внутренней сущности. И в этом смысле протестная активность личности помогает осмыслить проблему ограниченности самореализации, собственного потенциала, не соответствующего *индивидуальному масштабу*, тем самым побуждая к саморазвитию и индивидуальным достижениям, противодействуя безвольному принятию роли, тем самым позволяя выйти на новый, более зрелый уровень самопонимания и адекватного осмысления социального мира. Протестная активность личности на разных этапах личностного становления – это попытка самоутверждения и проявления своей

неповторимой индивидуальности и в то же время проекция собственного масштаба на социум. При жестких запретах на проявление инициативы и ощущении зависимости от родителей любой возрастной кризис может протекать по напряженному протестному сценарию.

Резюмируем сказанное. Выделены параметры протестной активности на ранних этапах онтогенеза (негативизм, оппозиция, строптивость, упрямство и т.п.), «симптомы» – предвестники протеста, являющиеся эвристиками для понимания и дальнейшего построения форм протестной активности личности.

Выявлены и дифференцированы генеральные закономерности, определяющие формирование специфической протестной активности личности на разных возрастных этапах, проявления которой отражают решение следующей экзистенциальной задачи: поиск и формирование образа, соответствующего внутренней сущности; понимание себя и своего места в мире; овладение сложностью своего бытия через разрешение внутренних и внешних противоречий.

Протестная активность личности, заостряя содержание кризисной специфики, является одним из инструментов выхода из кризиса и может способствовать обретению автономности, позволяя самоактуализироваться и успешно «встраиваться» в социум. С другой стороны, неконструктивное решение внутренних противоречий, наиболее рельефно проявляющихся в кризисе, отсутствие или непринятие внешних ориентиров и образцов, несформированность собственного образа и моделей поведения порождает деструктивные варианты протестной активности.

Следующий параграф посвящен поиску ответов на вопрос, почему нерешенные проблемы самоидентификации приводят к драматической развязке, когда уже бесповоротно что-либо менять, а также поиску факторов, способствующих проникновению искажений в ценностно-смысловую сферу личности.

2.2.2. Проблема самоидентификации и причины трансформации протестной активности личности

Уяснить механизм возможной психологической трансформации протестной активности можно с помощью схемы, основанной на психологической триаде «зависимость – протест – независимость». Благодаря этим структурным составляющим можно отследить развертывание следующих процессов, отличающихся цикличностью: а) демонстрация *образца поведения взрослыми* и его усвоение; б) поиск и конструирование *собственного образа* и выработка индивидуальной модели поведения; в) *трансляция сформированного образа* на социум и его встраивание в систему социальных отношений. Подчеркивая этапность формирования самостоятельности на разных возрастных этапах, вплоть до обретения личностной зрелости и автономности, схема указывает на необходимость протестной активности личности для развития независимости.

Сначала ребенок видит *идеальный образ* поведения родителей, затем воспринимает этот образ как *образец*, причем здесь возможны два варианта: полное принятие этого образца и слепое следование ему или построение нового, «своего» образа. Уже в раннем возрасте ребенок должен научиться дифференцировать свое и чужое поведение, отделять свой образ от образа других людей [88; 165; 166; 175; 321].

Однако построение образа может столкнуться с неожиданной преградой, связанной с тем, что родители препятствуют самостоятельности или им не нравится формируемый образ ребенка, что негативно сказывается на развитии автономности. Протестная активность возникает на границе перехода от *чужого предлагаемого образа*, (иными словами, *идеального образца*) к *своему образу*. Настойчивое внедрение желательного образа со стороны родителей вызывает фрустрацию, поскольку внушаемый ими образ не отвечает внутренней сущности ребенка.

Отметим, что возрастной кризис сопровождается протестным сценарием не только потому, что чужой или родительский образ отторгается, но еще и потому,

что ребенок *не знает, каким он должен быть* (он может неправильно трактовать требования взрослых; не всегда осознает, что именно стоит делать и т.п.). В случае, когда родители продолжают настаивать на своих представлениях о желаемом образе, пытаясь его навязать ребенку, запускается процесс отчуждения (пока еще только от родителей). Даже если раньше *образ* принимался ребенком, сейчас он отвергает этот образ и перестает следовать родительским указаниям, протестуя против их требований. *Противоречие* заключается в том, что внешний образ уже не принимается ребенком, а свой еще полностью не сформирован, он только конструируется им. Протестная активность личности в этом случае усиливается, но может быть направлена не на развитие автономности и постепенное отделение от взрослых, а на поиск привилегий. Еще более фрустрирующей оказывается ситуация, когда навязываемый родителями образ отвергается ребенком, а новый не принимается ни родителями, ни самим ребенком, который чувствует пока лишь очертания своего образа, а его «тянут» назад. В этом случае создаются предпосылки для кризисной ситуации, определяемой Г. Бейтсоном как *двойной зажим*, когда поведение детерминируется крайне противоречивыми требованиями, усиливающими фрустрацию и конфликт.

Зафиксируем противоречие, связанное с неприятием, отторжением предлагаемого или активно навязываемого микросоциумом социально желательного образца, когда он не соответствует внутренней сущности и представлениям об идеальном образе, что заставляет продолжать поиски нужного образца и спасает личность от заострения. Позитивное разрешение этого противоречия осуществляется в том случае, когда ребенок с помощью протестной активности, направленной на отстаивание себя действительно отделяется от родителей и не прекращает попыток реализации своего, пока еще не до конца оформившегося образа в различных видах деятельности – игре, общении. Тем самым ребенок встраивает образ в систему отношений «свой-чужой» и рисует картину «хороший-плохой». По А. Адлеру, именно в дошкольном периоде формируются жизненные стили [8].

В случае глубокого «прорастания» деструкций в личность (негативизм, строптивость, своеволие), когда способы негативного самовыражения становятся самоцелью, развитие деформируется, и личность все чаще прибегает к деструктивной протестной активности как средству самоутверждения и самореализации.

Обратим внимание на любопытный феномен: формирующийся образ как излишне самостоятельный может специально «сковываться» или совсем не приниматься социумом. Р. Мэй усматривает генеральную массовую тенденцию – склонность масс, переживающих тревожность и беспомощность, заморозить и изгнать за пределы городских стен каждого, кто только посмеет возмутить их притворное спокойствие [247, с. 263]. Соответственно образуется порочный круг: чем больше личность настаивает на принятии собственного образа, тем жестче отторгается этот образ и усиливается давление, выражаемое в новых санкциях, запретах, конфликтах, что приводит к эскалации протеста и остановке, застреванию на стадии кризиса с индивидуальным протестным сценарием. Этот вывод согласуется с имеющимися представлениями, где признается, что переживание собственной не востребованности (вторичная травматизация) лежит в основе кризисных явлений личности [344]. Результатом дисгармоничности процесса построения собственного образа становится отчуждение. Именно кризис проявляет следующий процесс: *протест против навязывания чужого образа – активный поиск своего образа – востребованность в его внешней подтвержденности – выбор новых «значимых других»* (тот, кто принял образ, становится «своим»).

Необходимо отметить, что идеальный образец, с помощью которого конструируется собственный образ, может оказаться весьма сомнительным, безнравственным, порочным. Но в силу инфантильности неокрепшего сознания и невозможности справиться с встречающимися на каждой ступени онтогенеза противоречиями, внешний образ не просто некритично принимается, но наспех «списывается» с деструктивной личности и намеренно героизируется. Одновременно с этим, активно ведется поиск такой референтной группы, где

«образ-слепок» будет востребован, и тем самым подтверждена идентичность. Подтверждением наших взглядов может служить пример: семнадцатилетние воспитанники «Гитлерюгенда», по сути, стали психологическими клонами своего лидера. Следовательно, на сложном этапе поиска нового чувства тождественности может проявиться следующее искажение: «своим» может стать лишь тот, кто принимает образ, в том числе деструктивная, преступная личность, а чужими, даже врагами становятся не принимающие образ достойные люди, семья. В результате процесса отчуждения формируется готовность к разрыву с прежним окружением, обесцениванию общепринятых ценностей и некритичному принятию псевдосправедливых идей, ложных ценностей, сомнительных идеалов, вплоть до смены веры и ухода в секты, в экстремистские организации.

Таким образом, нерешенные проблемы самоидентификации в результате непродуктивного разрешения бытийных противоречий и пессимистических выводов о собственной ненужности негативно влияют на содержание протестной активности, все больше трансформируя ее в сторону деструктивности. Это поворотные, драматичные моменты в жизни человека, когда уже невозможно что-либо менять, поскольку ценностное искажение проникло в структуру сознания и закрепило одномерную картину мира.

РЕЗЮМЕ ПО ГЛАВЕ 2

Основная тенденция исследования протестной активности в психологии: от статичной инструментальной интерпретации к бытийной, экзистенциальной. Проведенный анализ показал, что конструкт протестной активности описывается авторами в разных проблемных и теоретических контекстах, в то же время понятия зависимости, самостоятельности, автономности, кризиса, идентичности, самореализации являются общими для всех подходов.

Психоаналитическая традиция исследования протестной активности ориентирована на исследование типов привязанности, стилей семейного воспитания, на основе которых формируются представления о реальности и конструируется образ «Я» у ребенка. Надежная и безопасная привязанность,

конструктивный стиль родительского воспитания способствуют формированию адекватной и непротиворечивой картины мира и гармоничного образа «Я» у ребенка, развитию социального интереса. Негативный (небезопасный) тип привязанности, деструктивный стиль воспитания (жесткий или мягкий, чрезмерно балующий ребенка) препятствуют развитию общественного чувства, способствуют развитию «ложного Я» с искаженным и неадекватным представлением о себе. Таким образом, представители психодинамического направления рассматривают различные проявления протеста в качестве фундамента для формирующегося жизненного стиля личности.

Существенно прояснить источники протестной активности личности, обратить внимание на широкий спектр ее проявлений, осуществлять теоретическую рефлекссию этого понятия позволяют работы отечественных психологов, где изучены симптомы протеста на каждом этапе возрастного развития и его влияние на личностное становление. В этих исследованиях проявления протеста раскрываются в контексте возрастных кризисов и рассматриваются не только как ответная реакция детей на запреты взрослых, препятствующие удовлетворению потребности в самостоятельности, но и как средство привлечения к себе внимания, поведение, связанное с зависимостью, нежеланием меняться и становиться автономной личностью. Авторы акцентируют внимание на имманентно свойственном человеку стремлении к независимости и психологическом механизме построения собственного образа, включающего принятие или непринятие предлагаемого извне образца. Исследователями подчеркивается необходимость протестной активности для своевременного освобождения от симбиотической зависимости, укрепления самосознания и обретения самостоятельности.

Движущие силы протестной активности связаны со сложным процессом поиска идентичности и обретения автономности. Протестная активность личности возникает на границе перехода от чужого предлагаемого образа (иными словами, идеального образца) к своему образу. *Несоответствие предлагаемого, а иногда и активно навязываемого желательного образа внутренней сущности приводит к*

протестной активности. Примечательно, что социум, удерживая традиционные общественные структуры, может специально создавать дополнительные, разнообразные преграды для конструирования нового, излишне самостоятельного образа, по сути, препятствуя его встраиванию в систему общества.

Рассмотрение динамики протестной активности личности в онтогенезе позволило обратить внимание на цикличность протестной активности и зафиксировать ее связь с кризисом, зависимостью, автономностью, идентичностью. Протестная активность личности, заостряя содержание кризисной специфики, является одним из инструментов выхода из кризиса и может способствовать обретению автономности, позитивной идентичности, позволяя самоактуализироваться и успешно «встраиваться» в социум. При неконструктивном разрешении противоречия между внутренними задачами и внешними обстоятельствами и требованиями протестная активность принимает деструктивный характер, препятствуя становлению позитивной идентичности и нарушая развитие автономии. Непродуктивная протестная активность — это настойчивое требование свободы при неумении ею пользоваться и управлять своим развитием, когда протест становится самоцелью и предпочитаемым способом негативного самовыражения и самоосуществления.

Проведенный анализ позволил раскрыть предпосылки, определяющие специфику содержания протестной активности личности на разных этапах личностного становления. Нераскрытым остается вопрос об индивидуальных формах протестной активности личности, имеющих собственную логику возникновения и развития. В следующей главе определяются параметры, являющиеся ключевыми в формообразовании протестной активности личности; анализируются формы протестной активности личности, рассматриваемые в широком онтологическом плане как способы существования личности. Именно структурный анализ позволит понять особенности трансформации протеста, уяснить, при каких условиях осуществляется поворот в сторону деструктивной или конструктивной протестной активности личности.

ГЛАВА 3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ФОРМ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

3.1. Возможности типологического подхода для описания многообразия форм протестной активности личности

Проблема типологического разнообразия протестных форм – сложный вопрос, требующий своего решения в психологии, и поэтому тезис Ф. Хайека о том, что «наука вообще не объясняет индивидуальные предметы, но объясняет только типы предметов», приобретает особый смысл [цит. по: (407, с. 101)].

В современной науке сложилась ситуация, когда массовые формы протеста активно исследуются, в то время как индивидуальные формы, имеющие собственную логику возникновения и развития, как психологические конструкты не выделены и остаются вне концептуальных рамок науки. Фрагментарное исследование абстрактного протеста привело к тому, что отсутствует структурный анализ протестной активности, на основе которого можно бы было описывать и анализировать различные формы протестной активности личности.

Еще один важный аспект, заставляющий обратиться к типологии протестной активности, связан с тем, что в научном междисциплинарном дискурсе протест чаще рассматривается в негативном свете. Это связано с тем, что интенсивные социальные изменения, затрагивая ценностно-психологическое ядро культуры, сильно деформируют личность современного человека, протестная активность которого приобретает признаки деструктивности. Плодотворность и ресурсность «здоровых», перспективных для личности и для обновления социума компонентов протеста часто упускается из поля зрения исследователей. В некоторых исследованиях показано, что позитивные аспекты протеста играют заметную роль в самодетерминации, способствуют формированию и гармоничному сочетанию личностных структур, личностному росту, обретению внутренней независимости и позитивной идентичности [82; 279; 403; 421]. Выявление этого влияния особенно важно для прогноза возможных

эффектов протестной активности для социума, а также психологических последствий для личности.

Использованный в работе типологический подход является одним из апробированных общенаучных методов познания и представляет собой совокупность методологических процедур, предполагающих систематизацию и выделение обобщающих категорий, описывающих сложные явления в динамике возникновения, формообразования, структурирования и обособления. Кроме того, используя этот подход, мы планировали вывести на поверхность скрытые механизмы явления. Применительно к нашей тематике возникает необходимость более подробного рассмотрения принципов и положений, которые легли в основу типологии протестной активности личности.

В.И. Плотниковым подчеркивается аксиологичность концептуального смысла типизации, который всегда связан с поиском значимости любых человеческих действий и отношений, с осознанием судьбоносных последствий социальных изменений, с переосмыслением всего уходящего из человеческой жизни или возникающего в ней. Именно аксиологические ориентиры (благо, значимость, польза, ценность, оценка и смысл) окончательно оформляют любые образы «типического» [276].

Другим важным аспектом типологизации является обязательное включение познающего субъекта в целостную картину исследуемой сферы. Цель типологии заключается не в простом копировании человеческого бытия, а в понимании такой его упорядоченности, которая была бы соразмерной и гармонизированной как во внешнем, так и во внутренней бытийных сферах, как в пространстве, так и во времени. Задачей типологии является аналитическое расчленение формальной целостности знания и последующий концептуальный синтез его наиболее устойчивых составных частей и внутренних связей в единство нового рода, т.е. в содержательную целостность [276].

Отмечая уникальность каждой личности, Г. Олпорт в то же время обращает внимание на определенную стабильность личностных структур, поэтому успех психологической науки определяется ее способностью выявлять «существенные

единицы, из которых состоит этот конкретный сгусток космоса» [263, с. 354]. Поэтому анализ в любой науке, по Г. Олпорту, должен быть направлен на «распускание», «развязывание», выделение соответствующего рода единиц, которые своим слиянием, изменчивостью определяют *личное* поведение человека и вместе с тем своей повторяемостью обеспечивают стабильность личности во времени в и в разных ситуативных полях. Автор приходит к выводу, что более широкие виды поведения, в отличие от мышечных подергиваний, без поиска и анализа единиц относительно высокого порядка сложности невозможно объяснить [263, с. 355].

А.А. Бодалев замечает, что самым трудным в создании типологии является вычленение и формулирование «основания, которое, отвлекаясь от общего в характерах, позволяло бы выделять в них особенное, с другой стороны, позволяло бы определять это особенное, абстрагируясь от конкретных подробностей единичного» [25, с.17-18].

Отметим, что за каждой из современных типологий стоит определенная концепция и теоретическая модель личности, кроме того, любая типология дает ответы на конкретные практические вопросы, решает конкретную проблему [67; 196; 209; 216; 326; 344].

Построение одно- и двумерной типологии субъект-объектных ориентаций позволило Е.Ю. Коржовой получить представление о конкретных феноменах, которые характеризуют человека как субъекта своей жизни, описать их проявления в повседневном бытии человека и степень влияния на его жизнь [158]. Выбор субъект-объектных жизненных ориентаций рассматривается автором в качестве определяющего момента жизненного пути личности, как жизненное самоопределение [285, с.187].

В концепции деятельной личности в спорте высших достижений как разновидности высокопрофессионального исполнительства, предложенной Г.Б. Горской, систематизированы макровременные регуляторы психических нагрузок, описаны проявления их влияния на высококвалифицированных

спортсменов, позволившие по-новому рассматривать содержание психологического обеспечения профессиональной самореализации [6].

Обязательным условием, позволяющим приблизиться к содержательной целостности знания о предмете исследования, является выработка идеализированной модели, которая выполняет ключевую роль универсального средства во всех типологических процедурах и позволяет описывать тип личности, складывающийся в конкретных социокультурных условиях. Например, факторно-динамическая модель преодоления ненормативного индивидуального кризиса занятости, предложенная А.Н. Дёминым, акцентирует внимание на противоречиях современности и демонстрирует психологический вклад и взаимодействие исходных и процессуальных характеристик с результативными характеристиками преодоления личностью индивидуального кризиса занятости [90]. Предложенная А.А. Лузаковым двумерная типологическая модель личности как субъекта межличностного познания позволяет по особенностям когнитивно-мотивационных структур прогнозировать общую толерантность/интолерантность коммуникативных установок, различать адаптивную/конструктивную толерантность [209].

З.И. Рябикина предложила структурно-динамическую модель личности и ее бытийных пространств, в которой личность выступает как полисистемное образование, охватывающее пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности, которые в психологическом пространстве возрождаются как взаимосвязанные взаимопротекающие подпространства – планы и структуры поведения, образ мира, мотивационно-потребностная сфера [305; 306; 315]. Модель дифференциально-типологического анализа личности Г.Ю. Фоменко не менее диалектична, поскольку акцентирует внимание на аспекте *противоречивости*, сложного диалектического взаимоотношения личности и бытия, характеристики которого в настоящее время претерпевают существенные изменения и оказывают влияние на выработку стратегий и стилей жизни личности [345; 347; 348; 349]. Поэтому модель Г.Ю. Фоменко одновременно дает возможность выделения внутренних сущностных механизмов функционирования

того или иного типа, в свою очередь, выделенные механизмы находят свое отражение в специфических противоречиях (экзистенциальных, динамических, внутриличностных) в бытийных пространствах личности [344, с. 152].

Согласно З.И. Рябикиной, большим эвристическим потенциалом обладает теоретическая модель, создающая возможности для научной коммуникации представителей разных школ, позволяя им соотнести свои подходы и достижения [305, с. 51]. Таким эвристическим основанием, позволившем сконцентрироваться на специфике психологических механизмов протестной активности личности, стала структурно-диалектическая модель личности и ее бытийных пространств З.И. Рябикиной и предложенная Г.Ю. Фоменко модель дифференциально-типологического анализа личности.

Таким образом, обращение к типологическому подходу, на наш взгляд, позволяет:

- 1) дифференцировать, содержательно описать и соотнести друг с другом формы протестной активности личности, выделить их специфику и факторы, их обуславливающие;
- 2) понять природу моральных и ценностных конфликтов в деструктивных/конструктивных формах протеста, различающихся по ценностно-смысловому содержанию;
- 3) проанализировать характер жизненной линии в конкретной форме протеста (духовность/бездуховность, аутентичность/неаутентичность бытия, ложная/истинная субъектность), что позволит определить деструктивность/конструктивность протестной активности.
- 4) выявить связь типологии протестной активности личности с экзистенциальными проблемами.

Для того, чтобы понять процесс формообразования протестной активности личности, необходимо определить ключевые компоненты системы протестной активности личности, на основе которых будет осуществляться анализ протестных форм. Структурный анализ, на наш взгляд, позволит содержательно описать протестную активность в динамике возникновения и формообразования.

3.2. Формообразование и структура протестной активности личности

Соотносительный анализ представлений, теорий, в той или иной степени опирающихся на понятие протеста позволяет считать, что протестная активность личности, обнаруживая себя во взаимодействии с социальным окружением, апеллируя к социуму, всегда направлена на изменения. Протест сопряжен с субъективными переживаниями несправедливости, депривации, ограничения свободы, неудовлетворенности, несовпадения личностно-значимых ценностей с ценностями, исходящими от других людей, групп [72; 75; 81; 82].

Вместе с тем наблюдаются кардинальные различия в спектре, масштабе, побудительных силах и причинах протеста, который варьируется от неосмысленного, стихийного акта, до действия, выступающего как поступок «парадоксальный, неоправданный с точки зрения низших биологических регуляторов, но уникальный и предельно осмысленный с точки зрения высших человеческих ценностей, интересов и внеситуативных регуляторов» [197, с. 37].

Исходя из методологического принципа субъекта, позволяющего интегрировать представления о протестной активности личности, сформулированные в границах психологического и междисциплинарного знания в целостную систему взглядов, нами были выделены и концептуализированы конструктивные (эмансипация, высший эскапизм) и деструктивные формы протестной активности личности (оппозиция, нигилизм, негативный эскапизм, негативизм). Эти формы протеста мало описаны в психологической литературе, недостаточно дифференцированы, часто синонимизированы.

При выделении различных протестных форм в контексте концепции протестной активности личности, мы опирались на разработанные С.Л. Рубинштейном [299] положения о двух способах существования: стихийном (реактивном) и рефлексивном, о тождественности сущности личности и способа существования; утверждение о том, что каждый способ существования характеризуется качественной определённой его субъектов и их конкретизацию в концепции бытия личности в экстремальных условиях с выделением модуса бытия личности (предельного и экстремального) [344].

Опора на данные положения позволила содержательно наполнить применительно к феномену протеста выделенную структуру модусов бытия. Конфигурация последних предполагает учёт типа личностной субъектности и особенностей экзистенциального самоопределения в сочетании с ценностно-смысловым позиционированием, спецификой аффективно-потребностной сферы и конструирования образа мира, способом организации личностной активности и спецификой разрешения разноуровневых противоречий [346].

Ключевыми компонентами системы протестной активности являются *субъектная активность и экзистенциальное самоопределение*. Приведем краткую линию рассуждения, которая прояснит нашу позицию.

Субъектная активность рассматривается в субъектно-бытийном подходе с позиции фундаментальной психологической триады – понимание, переживание, поведение [311, с. 10]. Сущность субъектной активности исследователи связывают с осуществлением выбора между различными мотивами, целями, ценностями, смыслами, ролями, позициями [6; 144; 309; 346]. Субъектная активность личности сопряжена с необходимостью разрешения возникающих противоречий и качество этой активности во многом определяется степенью успешности этого процесса [344]. Соответственно *субъектная активность*, касаясь всех сфер жизнедеятельности человека, является ведущим параметром при конструировании модусов бытия, в которых протестная активность может играть благотворную роль (в плане развития автономности, личностной зрелости, духовности), или вносить негативный вклад, участвовать в деформационных изменениях личности, тем самым кардинально меняя вектор этих модусов. Характер субъектной активности личности в целом раскрывается посредством определения особенностей субъектного позиционирования, детерминации личностной активности, степени развитости общественного чувства, а также через выявление доминирования конкретных защитных механизмов, способов совладания с жизненными трудностями и т.п.

К важнейшим из процессов бытия личности относится *самоопределение личности*, которое связано с выбором направления и способа существования и

является системообразующим компонентом протестной активности личности.

Под самоопределением понимается «поиск субъектом своего способа жизнедеятельности в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, человеческому сообществу и самому себе, а также собственной системы жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, возможностей и ожиданий» [108, с. 12]. Возможность выбирать, иметь выбор определяется понятием «самодетерминация» [527], которое, выступая в качестве значимой субъектной характеристики, дает возможность учитывать личностный выбор человека в условиях внешних и внутренних ограничений.

В процессе самоопределения субъект на основе сложившейся системы ценностей и смыслов, картины мира, мировосприятия способен посредством определенным образом организованной субъектной активности преобразовывать не только себя в соответствии с собственным проектом, но и существующую в обществе систему ценностей и идеалов, социальных норм и правил.

Российские психологи, основываясь на положениях С.Л. Рубинштейна, подчеркнувшего роль внутреннего момента самоопределения, верности себе, неодностороннего подчинения внешнему, при изучении проблемы самоопределения обращают внимание именно на ее онтологический аспект, акцентируя внимание на мере затраченных духовных усилий на пути индивидуальной онтогенетической эволюции [110; 111; 148; 158; 190; 285; 353].

Как отмечает Д.А. Леонтьев, сущность человека не является изначально предопределенной, и эмпирическое неравенство людей связано с тем, «как мы себя определяем через наши потребности, через наши интересы и, в конечном итоге, через становление психологических механизмов саморегуляции, обеспечивающих разные формы и уровни жизнедеятельности» [190, с.84]. Причем, выбор должен быть связан не столько с оформлением чего-то уже имеющегося, сколько с работой над собой, «работой над чем-то в мире, что имеет смысл» [190, с.83]. Несмотря на то, что каждому человеку дана от природы способность к саморефлексии и усилиям, большинство людей готовы скорее

отказаться от перспективного эволюционного выбора. Современные мировые кризисы сигнализируют о деградиционных тенденциях: отказе от рефлексивного способа бытия и доминировании реактивного «паразитирующего» способа существования, который по Э. Фромму, означает бегство от свободы в рамках всего многополярного мира [194]. Рассуждения Э. Фромма относительно того, что не только материальные лишения заставляют человека протестовать, но и специфические человеческие потребности являются не менее сильными побудительными причинами протеста, также относится к обсуждаемому нами конструкту. Э. Фромм концентрирует своё внимание на пяти объективно существующих потребностях, исходящих из условий человеческого существования: потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации. Специфика удовлетворения этих потребностей, способы реализации внутреннего потенциала человека определяется социальным порядком, в соответствии с которым живет человек [366; 369; 376]. Целесообразно рассмотрение самоопределения личности со стороны комплексного, интегративного анализа пяти сопряженных экзистенциальных потребностей, что в совокупности определяет характер экзистенциального самоопределения и характер бытия в целом. В нашей работе *экзистенциальное самоопределение личности* рассматривается и анализируется в связи с выявлением *предпочитаемого способа удовлетворения экзистенциальных потребностей* в различных формах протестной активности личности.

Необходимо отметить, что все компоненты протестной активности рассматриваются во взаимосвязи. Для демонстрации взаимозависимости субъектной активности и самоопределения приведем рассуждения М. Мамардашвили, обратившего внимание на парадоксальность сознания, которую трудно осознать; философ полагает, что «выбор» и «решение» необязательно связывать с сознательным волеуправляемым действием, поскольку в одном смысле выбор подразумевает разрешение сознательным актом каких-то ситуаций в системах или целостностях. Вместе с тем есть и другой смысл выбора, который выявляет процессы, в которых трудно, порой невозможно уловить точку

возникновения, и здесь речь идет об уже возникшем [225, с. 74]. Исходя из сказанного, можно предположить, что *самоопределение зависит от субъектной активности и одновременно определяет её*.

Важнейший параметр системы протестной активности личности, заостряющий ее субъектную сущность, – ***ценностно-смысловая направленность личности***. В субъектно-бытийном подходе к личности стержневую, главенствующую позицию в структуре личности занимает рефлекслируемый личностью, преимущественно сознательно конструируемый ею как субъектом *смысл жизни* [308; 311; 315]. В рамках данного подхода дается описание его формально-динамической стороны, которая состоит в тенденции к упорядочиванию системы личностных смыслов с системной организацией среды, с системой деятельностных (поведенческих) возможностей и с мотивационно-потребностной системой индивида [311, с.10]. Сформировавшееся у личности представление о смысле жизни порождает изменение нижележащих в иерархии смыслов и инициирует переструктурирование, содержательное изменение объективных пространств бытийности. Личность овладевает и выстраивает подчиненные ей субъективные и объективные пространства бытийности, самоактуализируясь в этом созидании, воспроизводя структурные характеристики своего смыслового пространства и его содержание в пространствах своей организмичности, своей деятельности, своей жизненной среды (организация времени, предметно-пространственной среды, межличностных отношений) индивида [там же]. Данное утверждение подчеркивает тот факт, что не смысл составляет сущность объективных психических феноменов, смысл в них вкладывается индивидом, обуславливается его осознанными намерениями, реализуется им самим [414].

Поскольку смысловая организация личности рассматривается как ядерное образование, обуславливающее становление и проявление личностной феноменологии, структурирование личностью ее бытия, соответственно, анализ каждой конкретной формы протестной активности требует обращения к выявлению *целей и ценностей личности*. Исследование сконцентрировано на

анализе содержания глубинных ценностно-смысловых образований применительно к каждой форме протестной активности личности. Рассматривая цели в жизни; включенность в жизненный процесс, проявляемый интерес к жизни, ее эмоциональную насыщенность и результативность, степень удовлетворенности самореализацией и степень управляемости жизни, мы неизбежно выходим к системе убеждений личности, ее жизненной позиции, к вопросам духовно-этического плана.

Следующий компонент системы протестной активности – *образ мира*, по разным оттенкам которого можно судить о психологическом благополучии личности и адекватности взаимодействия человека с миром [46; 175; 214; 215; 217; 268; 323; 325; 327]. Картина мира открывается каждому субъекту из его «уникально-бытийной перспективы видения» [84, с. 66] и предстает как совокупность базисных убеждений о доброжелательности окружающего мира, его справедливости, а также представления о собственном Я [268].

В работе рассматривались особенности *мироощущения, мировосприятия, мировоззрения*, составляющих *картину мира*, конструирование которой имплицитно сопряжено со способами удовлетворения экзистенциальных потребностей. Анализ этого компонента применительно к каждой форме протеста позволяет выйти на систему установок и идей личности, организующих гармоничную/дисгармоничную картину мира, степень согласованности между внутренним и внешним миром, а также понять, на какой основе осуществляется самоотношение, оценка людей и событий.

Выявить целостность, динамику, противоречивость и трансформативность изучаемого нами явления было бы невозможно без обращения к *мотивационно-потребностной сфере личности*, отражающей связь субъекта с миром, диапазон духовной жизни человека [28; 187; 300].

В субъектно-бытийном подходе подчеркивается, что личность, организуя свое уникальное бытие, в своем поведении реализует три сопряженные базовые потребности, представляющие разные грани глобальной интенции «Быть»: в

самоактуализации, во внутренней согласованности, в поиске подтверждения своей значимости для внешнего мира [303; 305; 307; 309].

Кроме того, в соответствии с этой устремленностью к самоисполненности, система потребностей индивида должна быть согласована с системой «означенных» культурой событий среды, среди которых потенциальные предметы его потребностей, и системой освоенных индивидом способов деятельности, ориентированных на присвоение отвечающих его потребностям предметов. Эта глобальная задача решается по мере формирования психической организации и личности как вершинного интегратора этой организации [311, с. 9].

Следовательно, описывая разные формы протестной активности личности, необходимо отслеживать круг мотивов и потребностей, их баланс и степень осознанности, вычленять мотивационные паттерны, здоровые/нездоровые механизмы, включенные в развитие мотивации, действие которых определяет степень удовлетворенности жизнью, социальный интерес, инфантилизм или зрелость личности, уровень психологического благополучия. Анализ мотивационно-потребностной сферы позволит четче отследить, к чему представители разной типологии больше тяготеют – к примитивной адаптации или к преобразовательной активности.

Уяснение и понимание особенностей психологических механизмов протестной активности личности предполагает обращение к теме ***противоречий личности*** в различных пространствах ее бытия, характер осмысления и разрешения которых во многом определяет зарождение и становление конкретной формы протеста. В методологии субъектно-бытийного подхода выделены основные их разновидности: 1) между внутренними задачами личности и внешними обстоятельствами, требованиями; 2) между повышением роли субъектных характеристик человека при одновременном резком ограничении степени его автономности неизбежным возрастанием сложности социальной организации жизни и возрастанием социального прессинга; 3) между социальной ролью человека и его индивидуальностью [351; 352]. Отмечается, что трудности и следующие за ними неудачи в разрешении противоречий препятствуют

самоопределению в социальной структуре общества и создают основу для самых разных деструктивных явлений [351; 352].

Можно предположить, что если эти основные противоречия в их конкретном преломлении к реальным жизненным обстоятельствам неадекватно осмыслены и неконструктивно сняты личностью, она неминуемо столкнется впоследствии с новыми, уже измененными и, вероятно, более сложными противоречиями. В работе акцентировано внимание на самых существенных бытийных противоречиях, характерных для различных форм протеста. Посредством определения противоречий, путем анализа различий в их характере и разрешении, мы получаем возможность отследить степень конструктивности взаимодействия личности и социума, меру социальной продуктивности личности, уточнять условия психологического равновесия или его нарушения по системным позициям «личность-общество» и «личность-государство».

Таким образом, мы зафиксировали сложную структурную композицию протестной активности личности. Анализ указанных компонентов системы протестной активности личности позволяет анализировать *условия*, при которых происходит зарождение, оформление и поддержание конкретной формы протестной активности личности. Кроме того, изучение протестной активности как процесса с позиции субъектно-бытийного подхода позволяет рассматривать ключевые компоненты протестной активности *системно* в их взаимосвязи, взаимовлиянии и интерпретировать с учетом процессуальности протестной активности личности, противоречивости феномена и бытийных противоречий личности. Системное рассмотрение всех компонентов протестной активности позволит получить многомерную, комплексную информацию о характере протестной активности, которая особым образом проявляет личность и характер ее бытия. В связи с тем, что по своей структуре протестные формы обнаруживают близость с описанными в субъектно-бытийном подходе модусами бытия, на наш взгляд, целесообразно осуществлять анализ различных форм протеста в широком онтологическом плане как способов бытия личности.

3.3. Структурно-диалектическая модель протестной активности личности и ее объяснительный потенциал

Опора на вышеприведенные положения позволила сконструировать структурно-диалектическую модель протестной активности личности.

Формы протестной активности личности мы рассматриваем в широком онтологическом плане как способы существования личности, оформившиеся в результате *процесса экзистенциального самоопределения и субъектной активности личности*. Компоненты структурно-диалектической модели протестной активности личности представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Компоненты структурно-диалектической модели протестной активности личности.

Предложенная модель протестной активности личности позволяет раскрыть сложный процесс формообразования протестной активности личности. Обратим внимание на то, что система протестной активности в своем структурном выражении состоит из разнопорядковых и неоднородных компонентов, но в личности выступает в качестве целостного интегративного образования. Системно организуясь, эти компоненты создают неповторимую специфику протестной активности личности.

Анализируя компоненты системы протестной активности личности, мы можем проводить сопоставительный анализ деструктивных/конструктивных форм протеста, соотносить их друг с другом, фиксировать общие, повторяющиеся тенденции. Подчеркнем, что основными критериями различия деструктивных и конструктивных форм протеста являются *субъектная позиция и экзистенциальное самоопределение личности*. Кроме того, модель раскрывает важный аспект, касающийся того, что личности как субъекты протестной активности различаются масштабом и спецификой бытийных противоречий, степенью конструктивности их разрешения. Через анализ системы бытийных противоречий, отражающих особенности и степень конструктивности взаимодействия личности и общества, мы можем выйти на специфику форм протестной активности.

В диагностическом плане структурно-диалектическая модель протеста отвечает на вопрос, при каких обстоятельствах осуществляется поворот в сторону предпочтения той или иной формы протестной активности личности и насколько эти формы устойчивы. Отследить возможные взаимопереходы между деструктивными/конструктивными формами протестной активности и их причины помогает также уточняемое нами понятие ложной/истинной субъектности.

В приведенном ниже рисунке продемонстрированы *диагностические возможности структурно-диалектической модели протестной активности личности*, выделены параметры, содержание которых позволяет прогнозировать трансформацию, поворот личности к конструктивной или деструктивной протестной активности во взаимодействии с социумом.

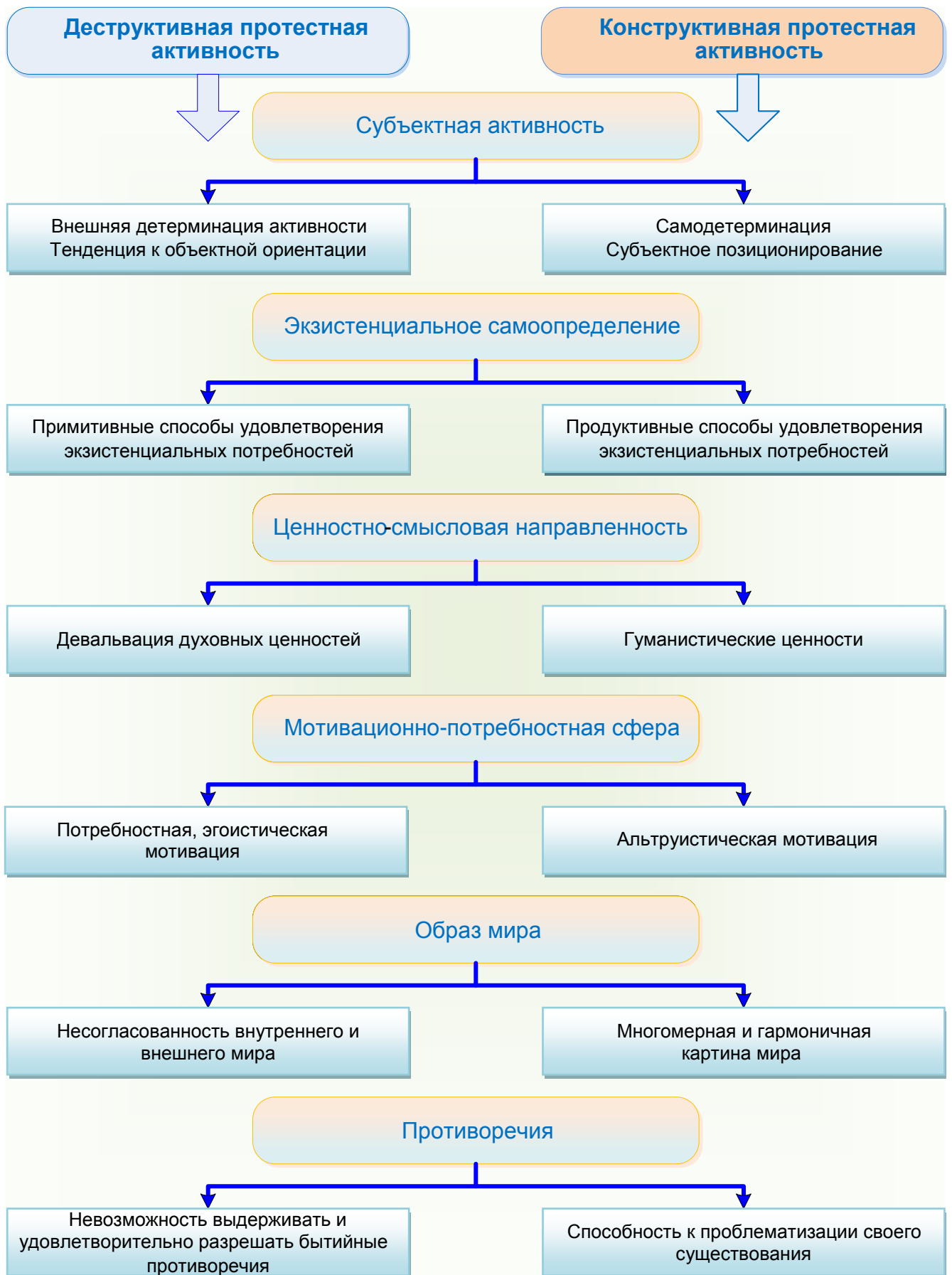

Рисунок 2. Условия актуализации деструктивной/конструктивной протестной активности личности.

Как показано на рисунке 2, существенные различия в деструктивных/конструктивных формах протестной активности личности будут обнаруживаться по всем основным параметрам. Поэтому с помощью структурно-диалектической модели мы можем прогнозировать возможные эффекты протестной активности личности и ее протекание по возможному сценарию.

Мы предполагаем, что основой деструктивной протестной активности будет являться отчужденная субъектная активность, проявляющаяся в неспособности к самодетерминации, интенсивном использовании защитных стратегий, в выраженном объектном тяготении личности. При этом будут наблюдаться извращенные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации. Девальвация духовных ценностей в ценностно-смысловой системе, эгоистическая мотивация, невозможность выдерживать противоречия, отказ от проблематизации собственного существования будут нарушать общий баланс в системных позициях «личность-личность», «личность-общество», «личность-государство».

Обратная картина будет наблюдаться при реализации конструктивной протестной активности, которая отражает эффективную самодетерминацию, субъектное позиционирование, глубокое осмысление экзистенциальных вопросов и выбор продуктивных способов удовлетворения экзистенциальных потребностей. Способность к трансляции гуманистических ценностей, к осмыслению и конструктивному разрешению противоречий будет способствовать гармоничному соотношению всех составляющих триады «личность-личность», «личность-общество», «личность-государство».

Предложенная модель позволяет не только выйти на психологические закономерности изучаемого явления, но и продемонстрировать, как изменение одного параметра, например, объектное тяготение, искажение в ценностно-смысловой сфере или изменение мировоззрения, социальной позиции влечет за собой модификацию всех других структурных параметров системы протестной активности. На наш взгляд, структурно-диалектическая модель протестной

активности дает возможность рассмотреть феномен в макросоциальных координатах и найти ответ на вопрос: почему, когда человек выступает как «послушное тело» социального субъекта и становится максимально адаптированным и успешным, его готовность к бунту многократно возрастает? Предполагается, что смещение и искажение в каждом из структурных компонентов, в том числе объектное тяготение личности, отказ от личностного выбора, уклонение от личной ответственности, примитивность ценностей и потребностей, формализм будут создавать условия для подобной негативной трансформации протестной активности, которая оборачивается социальными взрывами и насилием. Тем самым в исследовании через определение указанных компонентов в каждой форме протеста осуществляется попытка ухода от однозначной и статичной интерпретации феномена и рассмотрения протестной активности личности в динамике, во всей многомерности этого явления, характеризующего *позицию личности по отношению к бытию*. Таким образом, выход в онтологический план анализа является необходимой предпосылкой адекватного понимания любой формы протеста как проявления системно организованной протестной активности личности.

3.4. Разработка опросника «Протестная активность личности» как инструмента диагностики протестных форм

Приступая к освоению феномена протестной активности личности, мы обратили внимание на отсутствие адекватного методического инструментария для исследования деструктивных/конструктивных форм протестной активности. Поэтому возникла острая необходимость в разработке адекватных научной проблеме и подчеркивающих психологическую сущность объекта новых методических средств.

Уже на самом раннем этапе исследования был создан опросник «Протестное поведение личности» позволивший изучать напряженность (уровень) протеста, готовность к протесту, стимуляцию протестной мотивации. Однако этот опросник фиксировал лишь внешние поведенческие проявления,

результат протестной активности, а также косвенные показатели предрасположенности личности к протестной активности: неудовлетворенность, неприятие конкретных ситуаций, идентификация с протестующими, степень зависимости личности от референтной группы, чувствительность к социальной несправедливости.

Теоретический обзор показал, что протест не является однозначным феноменом, описывать его только в качестве преходящей эмоциональной реакции и в связи с дезадаптацией вряд ли уместно, поэтому появилась необходимость совершенствовать методический инструментарий. Стремление увидеть многозначный феномен в развернутой перспективе, заострить внимание на качественной специфике субъектов протестной активности потребовало конструирования опросника «Протестная активность личности» (ПАЛ).

Были сконструированы вопросы, достаточно полно описывающие особенности протестной активности личности, которые составили шкалы, позволившие содержательно описать типологию протестных форм. Тем самым удалось преодолеть распространенную в современной психологии узкоинструментальную ориентацию в анализе феномена, уйти от соотнесенности проблемы протеста с дезадаптацией или девиантностью и сконцентрировать внимание на сложной диалектике внешнего и внутреннего, порождающей различные формы протестной активности личности.

Итоговая версия методики включает 5 шкал (негативизм, эмансипация, оппозиция, нигилизм, эскапизм), которые демонстрируют предсказуемые связи с удовлетворенностью жизнью, самоактуализацией, ценностными, мировоззренческими установками, системой мотивации и другими параметрами. В то же время опросник хорошо вписывается в плоскость существующих инструментов для измерения самодетерминации, жизнестойкости, личностной зрелости, свободы, ответственности, гармоничности личности и др., помогая выявлять субъектные характеристики личности и уровни субъектного бытия. Характер полученных данных позволяет рассматривать опросник как инструмент измерения различных форм протестной активности личности – конструктивных и

деструктивных.

Особенности стратегии построения теста протестной активности личности

В основе предлагаемого опросника лежит представление о протесте как о сложном интегральном психологическом феномене, проявляемом в конкретно-историческом контексте и варьируемом вокруг двух полюсов психодуховной жизни личности (конструктивного/деструктивного), результирующих в различные протестные формы посредством определенного рода организованной субъектной активности и экзистенциального самоопределения. В зарубежной и отечественной психологии аналогов этому опроснику не встречается. На данный момент существуют методики, диагностирующие клинические особенности негативизма [513; 514; 515; 516], оппозиционное расстройство личности [161], выраженность реакции эмансипации у подростков группы риска [161].

Одной из тенденций современных исследований является отслеживание не просто отдельных качеств, черт, реакций, но выход на анализ многокомпонентных феноменов [143; 188; 189; 192; 216; 217; 262; 273; 395), в том числе модусов бытия [344; 347; 348; 349; 350], связанных с ценностными установками, потребностями, мотивационными предпочтениями, способами разрешения проблем и противоречий, субъектностью. Протестная активность личности, являясь индикатором целостности или дезинтеграции личности, аутентичности/неаутентичности бытия, выступает в качестве одного из регуляторов субъектной активности личности, проявляющего тип ее субъектности [77]. Поэтому в процессе разработки вопросов опросника мы постарались уйти от прямолинейных вопросов, связанных с недовольством, завистью, неудовлетворенностью, неприятием.

Одной из методологических сложностей при изучении протестной активности личности является необходимость оценки степени непосредственной готовности к протесту, паттернов протеста, наряду с учетом косвенных показателей предрасположенности к протестному взаимодействию с социумом: неудовлетворенность, неприятие ситуаций, идентификация с протестующими,

симпатия к ним, чувствительность к социальной несправедливости, а также принятие разных форм оппозиционной активности (забастовки, бунт, революции).

Исходя из этого, был определен широкий круг параметров, участвующих в формообразовании протестной активности личности, сформулированы вопросы, отслеживающие когнитивные, эмоциональные и поведенческие параметры протестной активности личности. Моделировались типичные ситуации, в которых разные формы протеста ярко проявляются, фиксировалась протестная активность в разных «лицах»: личная реакция, поведение в группе, сочувствие другим. Иногда применялись вопросы-провокации. На наш взгляд, комплексный подход к формированию вопросов способствовал усилению валидности конструкта ПАЛ, но мог негативно влиять на «зашумленность» пунктов, снижая психометрические показатели теста. Исходный опросник состоял из 147 пунктов. Для улучшения согласованности и надежности пунктов шкал опросника произведен отбор, число задний было сокращено до 50, и этот вариант теста использовался в исследовании специфики различных форм протестной активности личности.

Психометрический анализ методики ПАЛ

Основная выборка составила 1304 человека, включавшая лиц обоего пола, разного возраста, уровня образования и типа профессии. Выборка преимущественно сформирована из лиц подросткового, юношеского возраста и молодежи — средний возраст испытуемых $M = 21,3$ года; $SD = 3,5$ года. Обоснованность комплексного подхода к формированию состава выборки продиктована необходимостью выбора групп, максимально *репрезентирующих* ту часть генеральной совокупности, которая априори готова к высокому накалу и размаху протеста. Дробление общей выборки на группы (по возрасту, полу, профессии и т.п.) с целью достижения ее большей гомогенности, на наш взгляд, позволило бы лучше определить особенности выделяемых групп, но не сущность феномена, проявляющегося через множество форм, что отмечается также К.В. Карпинским [142, с. 22].

Сначала была проведена оценка *надежности* теста ПАЛ как инструмента, определяющего типы протестной активности личности. Изучена консистентность

шкал методики ПАЛ. Обнаружено, что наиболее согласована по α – критерию Л. Кронбаха шкала аномии, $\alpha = 0,817$; наименьшую внутреннюю согласованность имеет шкала негативизма, демонстрирующая умеренный уровень согласованности $\alpha = 0,602$. В целом показатели внутренней согласованности большинства шкал теста находятся на достаточно высоком уровне. По мнению многих авторов, для достижения приемлемой согласованности шкалы α – критерий Кронбаха должен быть выше $\alpha > 0,700$ [291]. Ряд психологов допускает для отдельных шкал тестов уровни согласованности в пределах $\alpha = 0,44-0,68$ [241], $\alpha = 0,61$ [91] или более $0,60$ [235], находя такие показатели вполне удовлетворительными.

С целью проверки влияния однородности выборки на согласованность шкал проведен анализ шкал методики ПАЛ по α – критерию Кронбаха на отдельных подвыборках, включающих 500 человек. Разделение общей выборки на две подвыборки по 500 человек, произведенное методом случайного отбора, не выявило существенных и заметных различий в согласованности, которые бы нуждались в демонстрации и интерпретации. Затем проведено разделение общей выборки ($n = 1304$) на подгруппу мужчин ($n = 541$) и женщин ($n = 757$).

В таблице 1 представлены показатели согласованности шкал методики «Протестная активность личности» по α – критерию Кронбаха.

Таблица 1.

Показатели согласованности шкал методики «Протестная активность личности» по α – критерию Кронбаха

Шкалы протестной активности личности	Согласованность шкал по α -критерию Кронбаха		
	Общая выборка ($n=1304$)	Женщины ($n=757$)	Мужчины ($n=541$)
Негативизм	0,602 / 0,624*	0,602 / 0,644*	0,603 / 0,618*
Эмансипация	0,727	0,721	0,738
Оппозиция	0,768	0,750	0,749
Нигилизм	0,817	0,828	0,794
Эскапизм	0,761 / 0,803*	0,758 / 0,760*	0,753 / 0,768*

Примечание: * - согласованность шкал при удалении слабо коррелирующих пунктов.

Для повышения внутренней согласованности шкалы «*негативизм*» проведен попутный анализ статистик соотношения пункта с суммарным баллом. Высокие корреляции отдельных пунктов шкалы с суммарным баллом шкалы свидетельствуют о хорошей согласованности данных пунктов.

Посредством удаления слабо коррелирующих с суммарным баллом и соответственно плохо согласованных пунктов удалось повысить согласованность шкалы «*негативизм*» до $\alpha = 0,624$. При этом шкала, состоящая первоначально из 16 пунктов, уменьшилась до 8 показателей и стала более сжатой и «экономичной». Отметим, что работу по удалению слабо согласованных пунктов на основании статистических методов приходилось сочетать с *содержательным анализом пунктов*, поскольку отдельные рекомендуемые к удалению пункты могли нести высокую смысловую нагрузку и их удаление было бы неоправданно.

Показатели шкалы «*негативизм*» на женской выборке совпадают с общей ($\alpha = 0,602$), а с учетом удаления слабо коррелирующих пунктов достигают уровня согласованности $\alpha = 0,644$. В выборке мужчин соответствующие показатели коэффициента α равны 0,603, а с учетом удаления слабо коррелирующих пунктов согласованность коэффициента достигает уровня $\alpha = 0,618$.

Шкала «*эмансипация*» имеет средний показатель согласованности в общей выборке $\alpha = 0,727$, в одной из исследуемых подгрупп ($n = 500$) данный показатель достигает $\alpha = 0,793$. В женской выборке показатели согласованности шкалы эмансипации $\alpha = 0,721$; в выборке мужчин коэффициент $\alpha = 0,738$. Следовательно, шкала «*эмансипация*» имеет достаточно высокий уровень констистентности.

Согласованность шкалы «*оппозиция*» высока и достигает на общей выборке уровня $\alpha = 0,768$; у мужчин показатели согласованности пунктов по оппозиции $\alpha = 0,750$. В выборке женщин согласованность по оппозиции почти совпадает с показателями мужской выборки и составляет $\alpha = 0,749$.

Шкала «*нигилизм*» имеет самую высокую согласованность в методике ПАЛ. На общей выборке $\alpha = 0,817$; в выборке мужчин согласованность пунктов максимальна по тесту $\alpha = 0,828$. В выборке женщин согласованность высока $\alpha = 0,794$, но ниже показателей согласия относительно мужской выборки.

Параметры согласованности шкалы «эскапизм» в общей выборке изначально достаточно высоки $\alpha=0,761$; при удалении слабокоррелирующих айтемов шкалы согласованность достигает $\alpha=0,803$.

В выборке мужчин согласованность пунктов эскапизма составляет $\alpha=0,758$, а после незначительной коррекции (удаление пункта 48) когерентность шкалы увеличивается до $\alpha=0,760$. В выборке женщин согласованность в выборе эскапизма высока $\alpha=0,753$; после коррекции шкалы достигает уровня $\alpha=0,768$.

Общая согласованность всех пунктов методики ПАЛ по коэффициенту Кронбаха в целом достаточно *высока*, $\alpha=0,837$. С учетом удаления отдельных слабых пунктов нескольких шкал общая согласованность методики ПАЛ достигает более высокого уровня: $\alpha=0,843$.

Коэффициенты *сплит-надежности* при расщеплении теста на 2 части составили $0,618 - 0,873$. Надежность *параллельных форм* всего теста — $0,837$. Воспроизводимость методики, проводимой в интервале 2 недели, *тест – ретест* $r=0,701$ достаточна для теста, фиксирующего довольно сложные установки и, порой, трудно осознаваемые отношения.

Таким образом, анализ внутренней согласованности пунктов свидетельствует о согласованности, сбалансированности, консистентности отдельных шкал и методики в целом.

Анализ факторной структуры методики ПАЛ.

Шкалы методики разрабатывались на основе выделенных в результате теоретического анализа типов протестной активности. Проверялись их надежность, внутренняя консистентность и согласованность с общей направленностью методики в целом.

С целью определения точности разделения методики на шкалы и проверки факторной структуры теста проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА), позволивший усилить как надежность шкал, так и теста в целом. ЭФА позволил обосновать необходимость включения, установить правомерность исключения каждого отдельного пункта из шкалы, а анализ факторных нагрузок, как

вероятности отнесения некоторых пунктов к разным шкалам, дал возможность для более точного определения положения этих пунктов в тесте.

Первоначально в анализ ЭФА были включены все 50 пунктов шкалы ПАЛ, применен метод главных компонент. Мера выборочной адекватности $KMO = 0,904$; что является хорошим показателем для анализа. В начальном решении по методу ГК установлено 14 компонент. Кумулятивный процент их полной объясненной дисперсии составил 53,538 %.

Далее использован факторный анализ 50 пунктов ПАЛ, метод выделения факторов – максимальное правдоподобие (ML), применено вращение *варимакс* с нормализацией Кайзера. Выделено 5 факторов, процент объясненной дисперсии которых составил 25,655.

После проведения ЭФА по методу ML с дальнейшим вращением факторов *промакс* в матрице факторного отображения четко обозначилась структура теста, состоящая из 5 факторов. Максимальные по пунктным нагрузкам по выделенным факторам оказались достаточно высоки от 0,933 до 0,561 (см. таблица 2).

Первый фактор ЭФА после вращения составлен из вопросов, соответствующих шкале «Эмансипация», максимальная нагрузка (0,729) приходится на пункт 20, выясняющий особенности профессионального самоопределения.

Следующие вопросы, входящие в 1-й фактор, имеющие факторные веса в пределах от 0,624 до 0,418, хорошо раскрывают особенности эмансипации. Они отражают способность отстаивать себя, свою позицию (п. 21), стремление свободно выражать свои мысли (п. 18), способность к отстаиванию свободы в действиях (п. 19); возможность защищать права других (п. 22), желание материальной независимости (п. 17).

В таблице 2. представлена матрица факторного отображения после вращения.

Матрица факторного отображения*

Пункты теста	Фактор				
	1	2	3	4	5
п20	0,729				
п21	0,647				
п18	0,625				
п19	0,549				
п22	0,545				
п17	0,418				
п11	0,296			0,254	
п40	-0,285				
п7	0,267				
п10	0,259				
п9					
п43		0,709			-0,285
п47		0,650			
п44		0,612			
п46		0,466			
п50		0,463			
п42		0,375			
п41		0,340			
п48		0,331			
п33		0,283			
п49		0,258			
п12					
п15					
п36			0,933		
п38			0,707		
п35			0,707		
п37			0,579		
п39			0,342		
п34			0,261		
п28				0,561	
п26	-0,354			0,554	
п25				0,528	
п30	0,303			0,492	
п29				0,484	
п27	-0,319			0,419	
п24				0,404	
п23				0,398	
п31				0,352	
п32					
п13					
п14					
п3					0,623
п1					0,536
п2					0,418
п4					0,357
п6					0,352
п16					0,349
п45					0,319
п5	0,262				0,303
п8					

Примечания: Метод выделения: максимальное правдоподобие (ML).

Метод вращения: промакс с нормализацией Кайзера.

* Отображены нагрузки факторов, превышающие 0,250.

Кроме того, небольшую нагрузку на фактор 1 (от 0,40 до 0,25) имеют другие пункты, которые дополнительно подчеркивают специфику эмансипации. Речь идет о пунктах, изначально входящих в разные шкалы.

Например, пункт 11 после вращения факторов получил «двойную нагрузку» в матрице факторного отображения, он нагружает как фактор 1 (шкала «эмансипация»), так и представляет фактор 4 (шкала *оппозиции*). Пункт 11 «Человек должен отдать все за свои убеждения», исходно входящий в шкалу *негативизма*, получил немного меньший вес в факторе 4, определяющем шкалу *оппозиции*.

Отметим, что вопрос 11, определяющий высокую *убежденность*, будучи валидным пунктом для методики ПАЛ в целом ($\alpha = 0,837$), оказался недостаточно дискриминативным по отношению к отдельным шкалам. Поскольку 11-й пункт имеет невысокие показатели согласованности со шкалой *негативизма* ($\alpha = 0,600$), его можно удалить.

Пункт 7, априори представляющий *негативизм*, моделирует желание поступать наперекор родителям, сдерживающим независимость ребенка (аналог упрямства). Вероятно, вопрос 7, составленный из двух утверждений, отражает *амбивалентность*, присущую и *негативизму* и *эмансипации* и в большей степени воспроизводит *стремление к независимости*.

Малая нагрузка пункта 7 на шкалу эмансипации (0,267), возможно, свидетельствует и о том, что данный вопрос определяет отстаивание независимости лишь как *вынужденную* ответную меру, как *пассивный процесс*, что противоречит *активному* характеру эмансипации.

Малую нагрузку (0,259) на фактор 1 имеет пункт 10, предписывающий необходимость поддержки зала для хороших исполнителей. Вопрос изначально был задуман как косвенная оценка неприятия плохого, непрофессионального, и коллективизма (солидарности) в поддержке всего положительного; он был достаточно надежным пунктом для оценки протестной активности в целом. Элементы недовольства, лежащие в основе *негативизма*, описываемые скрытой формулой «плохое и так прорывается», вероятно, так и остались спрятаны в

вопросе, а на поверхность выступило желание массовой поддержки позитивного, входящее в эмансипацию.

Пункт 5, изначально «приписанный» к шкале негативизма, обнаруживает, помимо средней нагрузки (0,303) на фактор 5 (негативизм), небольшую нагрузку (0,252) на фактор 1 (эмансипация). Вопрос 5 моделирует ситуацию ссоры с приятелем, в результате которой он перестает здороваться и ответное нежелание с ним здороваться в отместку. В вопросе 5 просматривается двойная или тройная детерминация, отражающая одновременное влияние нескольких факторов и обстоятельств; в частности, не ясен инициатор конфликта, причина эскалации конфликта, фиксируется лишь «симметричная» реакция на конфликт, перегруженная фактором неприятия «в отместку».

В отличие от вопросов 1-4, построенных по сходной схеме провоцирования негативной реакции и хорошо репрезентирующих шкалу *негативизм*, пункт 5 частично отражает факт выхода конфликта на иной уровень, вызывающий как ситуативную негативную реакцию, но и требующий действий по отстаиванию себя, *эмансипации*.

Второй фактор ЭФА после вращения репрезентирует вопросы эскапизма, максимальный вес имеет пункт 43 «Порой я так глубоко погружаюсь в собственные мысли, что забываю о делах и не замечаю времени» (0,709). Этот же 43 пункт опросника слабо нагружает фактор негативизма, выступая в нем с отрицательным знаком (-0,287), что подтверждает характерные для негативиста *отсутствие мечтательности, приземленность* [77].

Пункты 47, 44, 46, 50 имеют заметные факторные нагрузки (от 0,65 до 0,463), и отражают мечтательность и склонность к идеализации, оторванность от реальности, отсутствие ориентации во времени, переоценку будущего.

Далее следуют пункты 42, 41, 48, 49, средне и слабо нагружающие 2-й фактор, но проясняющие нюансы, дополнительные характеристики эскапизма – уход от дел и погружение в игры, увлечения, интернет, телевизор, компьютер. Предполагалось, что эти вопросы, воспроизводящие *эскапизм в поведении*, будут

основными показателями эскапизма, а пункты, отражающие установки и личностные *качества*, отчасти дополняют характеристики эскапизма.

Данные анализа указывают на обратное соотношение *внешних и внутренних* факторов протестной активности: практическая реализация эскапизма во внешнем действии, *уход* в игровую, компьютерную деятельность определяются лишь как *вторичные* показатели.

Проведенный ЭФА дает повод утверждать, что именно установки в ценностно-смысловой сфере личности, особенности субъектной активности, проявляемой в неконструктивности разрешения противоречий, определяют особенности эскапизма – бегство от реальности, неприятие настоящего, отказ от творческой активности, уход в мечты. Вскрываются типичные для эскапизма *недоверие к себе, неспособность действовать в настоящем и нежелание активно преобразовывать действительность*.

Пункт 33, изначально созданный для шкалы нигилизма, при вращении оказался лишь слабо нагружающим фактор 2 (эскапизм). Поскольку вопрос 33 определяет отсутствие целей и перспектив в жизни, «миграция» данного пункта в шкалу эскапизма, отражающего качества личности, неспособной к целеполаганию и самодетерминации, вполне закономерна.

Фактор 3-й матрицы отображения векторов после вращения составлен из вопросов, определяющих *нигилизм* (аномию), с характерным для него цинизмом и крайним эгоизмом. Шкала *нигилизма* демонстрирует высокую гомогенность, согласованность, достаточную дискриминативность пунктов, но обладает выраженной правосторонней асимметрией. Большинство испытуемых имеют низкие показатели по шкале нигилизма, но лица с высоким уровнем аномии составляют очень однородную группу.

Рассмотрим особенности нигилистов. Максимальный вес (0,933) по 3-му фактору имеет пункт 36, относящий религиозную веру к пережиткам прошлого (десакрализация существования). Фактор достаточно полно репрезентирует вопросы о низкой ценности своей и чужой жизни, морали, религии для нигилиста, воспринимающего людей как объектов, достойных изощренной манипуляции.

Пункт 40, характеризующий нежелание уступать место пожилому человеку в транспорте, имеет небольшой факторный вес (с отрицательным знаком) в шкале эмансипации (-0,285). Каким образом совершенно «циничным» вопрос 40, показавший высокую согласованность по шкале нигилизма, оказался связан с эмансипацией? Большинство людей, ответивших на 40 вопрос отрицательно, имеют достаточную нормативность поведения, уважение к старшим и способность сопереживать, что в большей степени соответствует эмансипации. Пункт 40, имея высокую *надежность* по шкале нигилизма, оказался более *валидным* параметром для шкалы эмансипации.

Четвертый фактор ЭФА в матрице после вращения представлен большим количеством пунктов, факторные веса которых воспроизводят шкалу *оппозиции*. Высокую нагрузку на фактор 4 имеют пункты 28, 26, 25, 30, 29, 27 и 24, которые определяют типичные черты *оппозиционера*: грубость и пренебрежение к собеседникам в процессе общения, желание спорить, готовность идти наперекор всему и всем.

Интересно, что в шкале оппозиции, после отбора остался лишь один ценностный, «идеологический» пункт 24, отражающий принятие революционных движений и бунта. Вопрос 24 оказался хорошо встроенным в шкалу оппозиционной активности, имея среднюю нагрузку и согласованность, но не более того.

Примечательно, что при конструировании опросника на 24-й вопрос (и подобные ему пункты) возлагались «большие надежды», предполагалось, что лица с выраженной склонностью к оппозиции, готовы или к активной деятельности, к забастовкам, демонстрациям, либо просто содействию протестным акциям. Многие вопросы, отражающие поддержку активных протестных действий, оказались слабо согласованными для шкалы *оппозиции* и были устранены. Причиной отсева таких вопросов, вероятно, явилось то, что *оппозиционер* оказался не способен к лидерству, к активной борьбе, к отстаиванию своих взглядов, а типичным способом реализации протестной активности для оппозиционера являются бесконечные споры, выяснение

отношений, агрессия и манипуляция. Некоторые черты оппозиционера охарактеризованы Н. Некрасовым в стихотворении «Рыцарь на час»: «...Вы еще не в могиле, вы живы, но для дела вы мертвы давно, суждены вам благие порывы, но свершить ничего не дано...». Очевидно, что феномен ПАЛ достаточно сложен, во многих своих аспектах иррационален [81] и его нельзя содержательно и с исчерпывающей полнотой описывать одномерно, используя линейные шкалы.

Кажется вполне очевидным, что крайние полюса исследуемого сложного конструкта должны отражать степень выраженности, градации данного феномена. Однако это вовсе не обязательно, каждый уровень шкалы (высокий, средний и низкий) может быть связан с совершенно разными факторами и специфическим наполнением параметров системы протестной активности [79].

Исходя из этого, некоторые тесты (например, применяемый нами опросник САТ) составлены из большого количества явно пересекающихся вопросов, преднамеренно покрывающих разные шкалы [135].

С другой стороны, вопросы теста должны быть широки по охвату, диапазону исследуемого параметра конструкта и сбалансированы. Использование при формулировке вопросов крайних полюсов конструкта может ухудшить психометрические характеристики пунктов и шкал [147].

При анализе опросника ПАЛ учитывались эти парадоксальные особенности и противоречивые требования к вопросам. Пункты 26 и 27, кроме положительных нагрузок на шкалу оппозиции, имеют средне выраженные отрицательные нагрузки на 1-й фактор (эмансипация), они фиксируют способность выслушивать собеседника до конца, не перебивая; нежелание спорить без причины. Отрицательные полюса этих пунктов описывают *уважение, выдержку и компетентность в общении*, отвечающие конструкту «эмансипация».

Пункт 30, помимо положительной нагрузки на фактор оппозиции, имеет также положительный вес в шкале эмансипации. Вопрос 30, описывающий возможность вступать в спор со старшими и начальством, в значительной мере определяет склонность к *оппозиции*, но также затрагивает и *эмансипацию*, отражая готовность к *отстаиванию* своих интересов и стремление к

освобождению от давления авторитетов. Данные «пресекающиеся» вопросы, содержательно дополняют исследуемые шкалы и проясняют грани общего и особенного в феноменологии ПАЛ, поэтому, вероятно, их следует оставить в тесте.

Пункты 23 и 31, несущие невысокую факторную нагрузку на 4-й фактор, отражают крайне негативную эмоциональную реакцию человека при невозможности продолжить спор. Вероятно, остронаправленные вопросы 23 и 31 провокационны и выявляют лиц с выраженной оппозиционной установкой; с другой стороны, жесткий эмоциональный ответ на фрустрацию потребности спорить и выражать недовольство проявляется лишь у части респондентов.

Пятый фактор ЭФА в матрице после вращения представлен пунктами с заметной нагрузкой 3, 1, 2 и представляет шкалу негативизма. Вопросы 3, 1, 2, а также пункты с меньшей нагрузкой: 4, 6, 16, 5, моделируют ситуации, провоцирующие протестную активность. Воспроизводятся условия, в которых с человеком поступают несправедливо, грубо, бесцеремонно, вероломно, высокомерно, т. е. ситуации непризнания успехов, унижения достоинства, индуцирующие ответную негативную реакцию. Тип ответного действия, предлагаемый в данных вопросах, носит демонстративный характер. Соответственно, в вопросах шкалы негативизма фиксируется не просто факт недовольства, реакция на несправедливость, неприятие, но вероятная протестная активность *негативистского типа*.

Пункты 8, 9, 12, 13, 14 показывают низкие нагрузки на факторы. Эти вопросы априори входящие в шкалу «негативизм» не отразили в ЭФА существенную нагрузку ни на один из факторов: о праве на забастовки (п. 13); о необходимости наказывать за несправедливое судейство (п. 14); пункты 8, 12, отражающие неудовлетворенность и обиду за непризнание заслуг. Данные айтемы опросника направлены на выявление особенностей *неприятия, неудовлетворенности, непризнания и несправедливости*. Будучи важными инструментами для оценки готовности к протесту в *целом*, эти вопросы недостаточно дискриминативны для описания отдельных шкал.

ЭФА подтверждает и высвечивает закономерности *негативизма*, в появлении которого заметную роль играют факторы *обиды, отместки, недовольства*, и меньшее влияние оказывают *неудовлетворенность и несправедливость*. Поскольку эти пункты оказались неспецифичны и для негативизма, то можно рассмотреть проблему удаления некоторых из них.

После удаления девяти вопросов теста в матрице факторного отображения ЭФА, метода ML с вращением *промакс* (таблица 3) целостная картина структуры факторов мало изменилась. Выделено 5 факторов, общая объясненная дисперсия (ООД) возросла и составила 29%. Для некоторых тестов данный показатель ООД является не столь низким. У О. В. Митиной и А. Сырцовой 6 факторов опросника описывают 33% дисперсии, а нагрузки на фактор варьируют от 9,9 %, до 3,9 % [236, с. 78]. Теоретически значения объясненной дисперсии подробно рассматриваются западными специалистами [458], практически используются показатели от 30-40% и выше [241].

Фактор 1 представляет шкалу эмансипации, все веса пунктов в матрице отображены с отрицательным знаком, поскольку данный фактор противостоит остальным, а шкала эмансипации имеет отрицательные корреляции с другими шкалами. Фактор 2 отображает шкалу *оппозиции*, фактор 3 определяет *эскапизм*, фактор 4 обуславливает *нигилизм* и пятый фактор воссоздает шкалу *негативизма*.

Удаление девяти пунктов позволило увеличить гомогенность факторов–шкал. Уменьшилось «разночтение» пунктов, в частности вопрос 43 стал лучше репрезентировать шкалу «эскапизм». Пункт 6 сокращенного теста в матрице получил слабовыраженную двойную нагрузку на факторы, репрезентирующие негативизм и оппозицию. Вопрос воспроизводит нежелание поздравлять человека, ранее сделавшего умышленно неприятность. Некоторое усиление «конкурентной» нагрузки на шкалу «*оппозиция*», вероятно, связано с особенностью окончания вопроса 6: «пообещаете поздравить, но назло этого не сделаете», отражая стремление опровергать, наказывать собеседника.

Матрица факторного отображения*

Пункты теста	Факторы				
	1	2	3	4	5
п20	-0,774				
п21	-0,669				
п18	-0,658				
п22	-0,577				
п19	-0,575				
п17	-0,410				
п40	0,287				
п28		0,587			
п25		0,578			
п30	-0,328	0,549			
п29		0,547			
п26	0,323	0,528			
п27	0,281	0,428			
п24		0,427			
п31		0,386			
п23		0,369			
п32					
п14					
п43			0,678		
п44			0,631		
п47			0,629		
п50			0,463		
п46			0,430		
п42			0,335		
п41			0,307		
п48			0,302		
п33			0,289		
п12					
п15					
п36				0,919	
п35				0,695	
п38				0,687	
п37				0,582	
п39				0,326	
п34				0,251	
п3					0,695
п1					0,621
п2					0,396
п4					0,303
п6		0,255			0,274
п8					

Метод выделения: Максимальное правдоподобие (ML).

Метод вращения: Промакс с нормализацией Кайзера

* Отображены нагрузки факторов, превышающие 0,250

Конфирматорный факторный анализ (КФА) методики ПАЛ. Для подтверждения результатов эксплуататорного факторного анализа (ЭФА) проведен конфирматорный факторный анализ (КФА) методики ПАЛ. В первой модели КФА каждый из 5-ти факторов имеет точное соответствие пунктам опросника ПАЛ, определяющим 5 шкал. В данной модели КФА проведен на той же самой выборке, что и в ЭФА (n=1300 человек). В модели 5 факторов влияют на все 50 пунктов; расставлены коварианты на факторах, ошибки переменных на всех пяти шкалах, коварианты ошибок переменных отсутствуют. Ниже приведены фрагменты распечаток расчетов модели 1, вычисленные программой EQS 6.0 (Таблица 4) и расчеты по алгоритмам программы AMOS 19.0 (Таблица 5).

Таблица 4.

Фрагмент распечатки выхода расчета модели 1 в EQS 6.0

GOODNESS OF FIT SUMMARY FOR METHOD = ML
 INDEPENDENCE MODEL CHI-SQUARE = 14493,346 ON 1225 DEGREES OF FREEDOM
 INDEPENDENCE AIC = 12043,346; INDEPENDENCE CAIC = 4483,067
 MODEL AIC = 2000,294; MODEL CAIC = -5189,687
 CHI-SQUARE = 4330,294 BASED ON 1165 DEGREES OF FREEDOM
 PROBABILITY VALUE FOR THE CHI-SQUARE STATISTIC IS 0,00000
 THE NORMAL THEORY RLS CHI-SQUARE FOR THIS ML SOLUTION IS 4919,466.
 FIT INDICES:
 BENTLER-BONETT NORMED FIT INDEX = 0,701
 BENTLER-BONETT NON-NORMED FIT INDEX = 0,749
 COMPARATIVE FIT INDEX (CFI) = 0,761
 BOLLEN'S (IFI) FIT INDEX = 0,763
 MCDONALD'S (MFI) FIT INDEX = 0,297
 JORESKOG-SORBOM'S GFI FIT INDEX = 0,869
 JORESKOG-SORBOM'S AGFI FIT INDEX = 0,856
 ROOT MEAN-SQUARE RESIDUAL (RMR) = 0,091
 STANDARDIZED RMR = 0,055
 ROOT MEAN-SQUARE ERROR OF APPROXIMATION (RMSEA) = 0,046
 90% CONFIDENCE INTERVAL OF RMSEA (0,044; 0,047).

Фрагмент распечатки выхода расчета модели 1 в AMOS 19.0.

Модель	NPAR	CMIN	DF	P	CMIN/ DF	NFI Delta1	RFI rho1	IFI Delta2	TLI rho2	CFI
Эмпирическая модель	160	4333,158	1165	0,0001	3,719	0,701	0,673	0,763	1,738	0,761
Насыщенная модель	1325	0,0001	0			1,000		1,000		1,000
Независимая модель	50	14513,67	1275	0,0001	11,383	0,0001	0,0001	0,0001	0,0001	0,0001

Модель	NCP	LO 90	HI 90	RMSEA	LO 90	HI 90	PCLOSE
Эмпирическая модель	3168,158	2970,340	3373,425	0,046	0,044	0,047	1,000
Насыщенная модель	0,0001	0,0001	0,0001				
Независимая модель	13238,676	12854,402	13629,424	0,089	0,088	0,091	0,0001

Распечатки расчетов демонстрируют близость в описаниях модели по основным индексам и доверительным интервалам, что указывает на сходные алгоритмы и статистические возможности программ EQS и AMOS. Программа EQS 6.0 дает более полное описание индексов, AMOS 19.0 предоставляет лучшую наглядность результатов.

Как следует из приведенных данных статистики, исходная модель 1 показывает слабое соответствие данным. Отношение CMIN к DF (хи квадрат к степеням свободы) равно 4, статистика CMIN не значима $p < 0,001$. Большинство из индексов: CFI = 0,761; GFI = 0,869; AGFI = 0,856; RMR = 0,091 не достигают приемлемого уровня значимости. Единственная значимая статистика, RMSEA = 0,046, достаточно значима при $p = 0,046$.

Квалифицированное использование КФА предполагает анализ изменений показателей модели: стабильность при использовании разных подвыборок [234; 236], устойчивость при изменении числа пунктов шкал опросника, улучшение характеристик при добавлении ковариант [426; 427].

Исходные характеристики, заданные моделью 1, использованы на разных выборках. Из общей выборки была извлечена подвыборка $n_1 = 500$ человек, на которой проведен КФА 5 шкал опросника ПАЛ. Качество *структурной модели*

незначительно улучшилось, но оставалось в целом низким. Затем параметры исходной модели 1 проверялись на подвыборке других испытуемых ($n_2=500$).

На второй подвыборке общие характеристики модели очень близки к показателям базовой модели 1. *Сходные* структурные параметры моделей, полученные на разных выборках (модель 2 и 3), но использующие *одинаковые* характеристики исходной модели (модель 1), указывают на *устойчивость* пунктов опросника и на возможность распространения результатов исследования на большие выборки.

Дальнейший анализ моделей КФА (модели 3-4) показал, что качество моделей сопряжено с изменением показателей переменных моделей. В частности, во многих *начальных* моделях КФА оценки весов переменных 5, 9, 10, 11, 13, 14, 48 оказались незначимы. Именно эти переменные в ЭФА также показали низкие нагрузки на факторы, в связи с чем данные пункты опросника могут быть с большим основанием исключены из методики.

С целью улучшения показателей соответствия модели данным проведена оптимизация структурных характеристик. В модели 5, на исходной выборке $n_1=500$, убраны малозначимые вопросы (8 пунктов), расставлены значимые коварианты между ошибками наблюдаемых переменных.

Качество и степень соответствия модели данным доказывается с использованием индексов пригодности. Основные индексы модели 5 (итоговой): NPAR= 302; CMIN = 696,698; DF =643; P = 0,070; CMIN/DF= 1,084; NFI= 0,877; RFI = 0,835; IFI= 0,987; TLI= 0,985; CFI= 0,989; NCP= 53,698; LO90= 0,001; HI90 = 121,632; RMSEA= 0,013; LO90= 0,001; HI90= 0,019; PCLOSE= 1,000. Модель демонстрирует хорошие параметры соответствия. Основные индексы соответствия: хи квадрат значим, а его отношение к степеням свободы приближается к 1, показывая хорошую пригодность.

Высокие показатели (0,95 или выше) имеют: нормированный индекс соответствия NFI (приближается к приемлемому уровню значимости 0,9), относительный индекс соответствия RFI, Tucker-Lewis index TLI, сравнительный индекс соответствия CFI. Индекс корня среднеквадратичной ошибки

аппроксимации RMSEA достигает отметки 0,013 (верхняя граница 90% доверительного интервала стремится к показателю 0,019; PCLOSE значим). Низкие значения индекса RMSEA в пределах узких границ доверительного интервала показывают, что модель хорошо аппроксимирует выборку [426; 479; 494].

Рассмотрим более подробно характеристики окончательной модели КФА. Формальные параметры факторной модели соответствуют данным. Все основные параметры оценок этого решения методом КФА высокосignификантны ($p < 0,05 - 0,001$) (см. таблицу 6). Коварианты между всеми факторами статистически значимы [79].

В таблице 6 приведены основные параметры оценок 5-факторной модели КФА (фрагмент), а на рисунке 3 представлена структурная схема связей латентных факторов, ковариант и измеряемых переменных по результатам итоговой модели КФА. Для наглядности коварианты ошибок переменных удалены.

Прямое влияние каждого из пяти факторов на соответствующие опроснику пункты шкал, описываемое как регрессионные нагрузки латентных переменных на явные (наблюдаемые) переменные, значимо ($p < 0,05$). По первому фактору (*негативизм*) самый большой вес (2,335) имеет п. 6. По второму фактору (*эмансипация*) максимальный вес (2,298) у п. 20. Фактор третий – *оппозиция* – имеет самую высокую (2,405) нагрузку на пункт 27. В четвертом факторе (*нигилизм*) максимальное влияние (1,402) обеспечивает п. 37. В пятом факторе (*эскапизм*) преобладает влияние п. 45 (1,296). Значимы показатели *ковариант* ошибок наблюдаемых переменных (пунктов шкал опросника).

Оценки *дисперсий ошибок* факторов и наблюдаемых переменных тоже значимы. Окончательная модель подтверждает, что показатели дисперсий явных переменных (всех пунктов опросника) равны и значимы [426].

Точность соответствия факторов переменным, значимость параметров в итоговой модели подтверждающего факторного анализа дает больше оснований считать все шкалы и пункты опросника надежными и существенными. Оценки параметров связей структурной схемы представлены в таблице 6.

Таблица 6

Основные параметры оценок 5 факторной модели КФА. Регрессионные нагрузки факторов на переменные - пункты теста.*

Нагрузки		Оценки (Estimate)	Станд. ошибка S.E.	Критич. отношение C.R.	P
п9	<--- F1	0,763	0,255	2,990	0,003
п8	<--- F1	1,217	0,309	3,941	***
п6	<--- F1	2,335	0,509	4,591	***
п30	<--- F3	0,472	0,203	2,328	0,020
п29	<--- F3	0,878	0,240	3,651	***
п28	<--- F3	1,371	0,285	4,810	***
п27	<--- F3	2,405	0,459	5,241	***
п26	<--- F3	2,332	0,451	5,165	***
п25	<--- F3	1,794	0,368	4,868	***
п22	<--- F2	1,617	0,286	5,662	***
п21	<--- F2	1,815	0,311	5,829	***
п20	<--- F2	2,498	0,410	6,093	***
п19	<--- F2	1,351	0,241	5,616	***
п18	<--- F2	1,944	0,310	6,275	***
п17	<--- F2	1,000			
п23	<--- F3	1,000			
п24	<--- F3	1,952	0,371	5,266	***
п32	<--- F3	1,158	0,254	4,566	***
п31	<--- F3	2,093	0,397	5,268	***
п16	<--- F1	0631	0,231	2,731	0,006
п12	<--- F1	1,541	0,376	4,099	***
п1	<--- F1	1,000			
п2	<--- F1	1,407	0,321	4,381	***
п3	<--- F1	1,547	0,321	4,822	***
п4	<--- F1	0,936	0,250	3,751	***
п40	<--- F4	1,372	0,134	10,254	***
п39	<--- F4	1,078	0,116	9,279	***
п37	<--- F4	1,402	0,135	10,376	***
п36	<--- F4	1,220	0,129	9,452	***
п35	<--- F4	1,154	0,120	9,632	***
п33	<--- F4	1,000			
п34	<--- F4	1,244	0,130	9,576	***
п49	<--- F5	0,948	0,103	9,178	***
п47	<--- F5	0,243	0,081	3,014	0,003
п45	<--- F5	1,026	0,100	10,294	***
п44	<--- F5	0,694	0,089	7,787	***
п43	<--- F5	0,537	0,086	6,251	***
п41	<--- F5	1,000			
п42	<--- F5	0,847	0,095	8,954	***
п50	<--- F5	0,592	0,084	7,074	***
п38	<--- F4	1,296	0,134	9,668	***
п46	<--- F5	0,722	0,089	8,152	***

*Примечание: Оценки нагрузок, приравненные к 1, имеют высокий уровень значимости $p < 0,01$. Нагрузки, отмеченные ***, также высокозначимы $p < 0,001$.

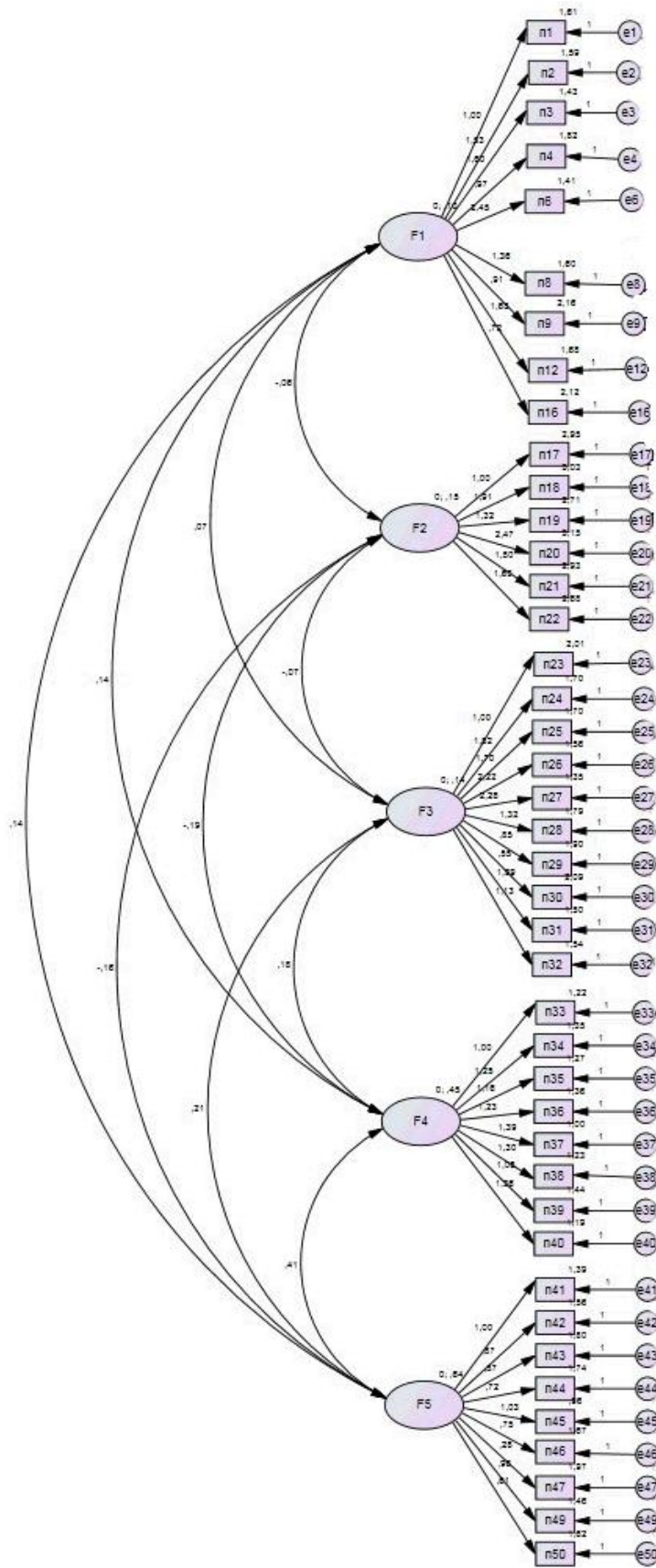

Рисунок 3. Структурная схема связей латентных факторов, ковариант и измеряемых переменных по результатам итоговой модели КФА

Проверка валидности опросника ПАЛ. Проверка разных видов валидности методики ПАЛ предусматривала исследование корреляционного анализа по Спирмену, описывались только значимые (при $p < 0,05$ и $p < 0,01$) корреляции. Рассмотрены корреляции шкал методики ПАЛ с 240 шкалами 23-х методик, позволившие содержательно описать специфику форм протестной активности личности. Особенности корреляций применяемых методик со шкалами ПАЛ представлены в таблице приложения 1. Выборка варьировала от минимальной $n = 118$ к максимальной $n = 2600$. Типичным являлся объем выборки $n = 500-600$ человек. Более подробная *интерпретация* анализируемых корреляций представлена в других наших работах [75; 77; 80] и в следующей главе, где будут подробно рассматриваться формы протестной активности личности.

Конвергентная валидность опросника предполагала установление связи шкал с методиками, близкими по содержанию, типологии изучаемой активности. Корреляционный анализ шкалы *негативизма* методики ПАЛ со шкалой *негативизма* методики склонности к агрессии А. Басса и А. Дарки ($r = 0,174$; $p < 0,01$) указывает на возможность сопоставления данных шкал. Негативист демонстрирует *склонность к агрессии*. *Агрессивность* фиксируют значимые корреляции шкал *негативизма* с показателями разных методик: 6 шкал и индексы методики А. Басса и А. Дарки ($p < 0,05-0,01$); шкала агрессивного копинга ($r = 0,157$; $p < 0,01$) методики стратегий преодоления стресса С. Хобфолла (SACS).

Основные факторы, обуславливающие *негативизм*, относятся к системе отношений и характеризуются *неудовлетворенностью, несогласием и неприятием*. Неудовлетворенность *негативиста* определяется значимыми негативными корреляциями со шкалами: *конфликт с окружением* ($r = 0,230$; $p < 0,01$), *недоверие к начальству* ($r = 0,140$; $p < 0,01$) (по авторскому опроснику УТРО); с 8 шкалами методики оценки психологической атмосферы в группе Ф. Фидлера ($p < 0,05-0,01$). Для *негативиста* характерно стремление к *доминированию и власти*, выявлены корреляции с соответствующими шкалами методик Р. Кеттелла ($r = 0,056$; $p < 0,01$), шкалой социально-психологической адаптированности (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонд ($r = 0,127$; $p < 0,01$), опросника

терминальных ценностей (ОТеЦ) И. Г. Сенина ($r=0,135$; $p<0,01$). *Неприятие других* у *негативиста* отслеживается по отрицательным корреляциям со шкалами: *доброта* методики С. Шварца ($r=-0,153$; $p<0,05$); индексом *дружелюбия* методики Т. Лири ($r=-0,149$; $p<0,05$), индексом *принятия других* ($r=-0,101$; $p<0,05$) шкалы СПА.

Учтены и дополнительные характеристики негативизма. Выявлены значимые корреляции *негативизма* со шкалами-факторами методики 16PF Р. Кеттелла: ригидность мышления ($r=-0,083$; $p<0,01$), низкая нормативность поведения ($r=-0,137$; $p<0,01$); робость ($r=-0,063$; $p<0,05$); жесткость ($r=-0,105$; $p<0,01$), подозрительность ($r=-0,068$; $p<0,01$); дипломатичность ($r=-0,68$; $p<0,01$); импульсивность ($r=0,081$; $p<0,05$). «Вторичные» параметры, сопровождающие *негативизм*, указывают на глубокие *внутриличностные противоречия*: приземленность мышления, ригидность установок, неприятие нового, социальная пассивность сочетаются с безответственностью, потворством собственным желаниям. Стремление к доминированию у *негативиста* сопряжено с жесткостью, недоверием к людям и хитростью.

Дивергентная валидность шкалы *негативизма* проявляется в отсутствии значимых корреляций ($p>0,1$) со шкалами методик: диагностика межличностных отношений В. Шутца (ОМО), большинством шкал СПА, шкалы экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер, самоактуализационным опросником Э. Шострома (САТ). Содержание бытийных пространств представителей этого типа ограничено лишь узким поверхностным слоем мотивов и ценностей, охватывая только примитивные потребности, обслуживая банальные ценности повседневных отношений и отчасти стремление к доминированию в микрогруппе; отсутствуют высшие мотивы – потребность в самореализации, в духовном росте, не развиты ценности самотрансценденции.

Конвергентная валидность шкалы *эмансипации*. Установлены высокозначимые корреляции *эмансипации* со шкалами: *Н смелость* ($r=0,224$; $p<0,01$), *Q₂ нонконформизм* ($r=-0,090$; $p<0,01$) методики Р. Кеттелла; *Сw контроль* ($r=-0,217$; $p<0,01$) методики диагностики межличностных отношений

В. Шутца. Личность с высоким уровнем эмансипации обнаруживает выраженное стремление к независимости, свободе; демонстрирует нежелание подчиняться влиянию группы и внешнему контролю.

Выявленные значимые связи *эмансипации* с *ассертивностью* ($r=0,252$; $p<0,01$), стремлением *вступать в социальные контакты* ($r=0,284$; $p<0,01$), *поиском социальной поддержки* ($r=0,268$; $p<0,01$) методики С. Хобфолла (SACS); *общительностью* ($r=0,123$; $p<0,01$) (фактор А методики Р. Кеттелла); *социальными контактами* ($r=0,138$; $p<0,05$) методики ОТеЦ; *включенностью* ($r=0,233$; $p<0,01$) методики В. Шутца; *вовлеченностью* ($r=0,258$; $p<0,01$) теста жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д. А. Леонтьева) определенно доказывают наличие у *эмансипанта* высокой готовности к общению и стремлению к расширению круга контактов. Негативные корреляции шкалы эмансипации с 5-ю шкалами методик психологических защит Р. Келлермана – Г. Плутчика, с 7-ю шкалами опросника Мини-мульти (Ф. Б. Березин, М. П. Мирошников) ($p<0,05$ - $0,01$) свидетельствуют о невыраженности, *стертости внутриличностных противоречий* у эмансипанта.

Тем не менее, анализ значимых корреляций шкалы *эмансипации* дает статистические основания выделить у эмансипирующейся личности весьма заметные *проблемы в сфере отношений*. *Принятие других* ($r=0,275$; $p<0,01$) по шкале методики СПА, *доброта* ($r=0,189$; $p<0,01$) по методике ОТеЦ, сочетаются с *подозрительностью* ($r=0,087$; $p<0,05$), *агрессивностью* ($r=0,283$; $p<0,01$), *враждебностью* ($r=0,132$; $p<0,01$) по методике агрессии А. Басса и А. Дарки, *агрессивным копингом* ($r=0,176$; $p<0,01$) методики С. Хобфолла, *низким дружелюбием* ($r=-0,177$; $p<0,05$) по методике Т. Лири. Вероятно, проблемы конфликтов с социальным окружением связаны с отдельными негативными личностными особенностями эмансипанта, что подтверждается значимыми корреляциями *эмансипации* со шкалами: *обиды* ($r=0,112$; $p<0,01$) методики А. Басса и А. Дарки, *проекции* ($r=0,189$; $p<0,01$) опросника Р. Келлермана – Г. Плутчика, *мании* ($r=0,189$; $p<0,01$) опросника Мини-мульти; а также *неуступчивости* ($r=-0,147$; $p<0,05$) методики Т. Лири, *соперничества* ($r=0,247$;

$p < 0,01$) методики К. Томаса и стремления *доминировать* ($r = 0,166$; $p < 0,01$) методики Т. Лири. Лица с высокими эмансипационными установками характеризуются развитостью ответственности, самоконтроля и саморегуляции. Установлены значимые положительные связи эмансипации со шкалами: G нормативность ($r = 0,177$; $p < 0,01$), Q3 самоконтроль ($r = 0,108$; $p < 0,01$) методики Р. Кеттелла, с 5-ю шкалами ($p < 0,05-0,01$) методики «Стилевая саморегуляция поведения человека» (ССП 98) В. И. Моросановой, Е. М. Коноз) и всеми 6-ю «конструктивными» шкалами ($p < 0,01$) опросника ответственности В.П. Прядеина. Сформированность потребностей и целей отражается в положительных корреляциях эмансипации со шкалами: престиж ($r = 0,185$; $p < 0,01$), материальное положение ($r = 0,244$; $p < 0,01$), креативность ($r = 0,205$; $p < 0,01$), развитие себя ($r = 0,287$; $p < 0,01$), *достижения* ($r = 0,295$; $p < 0,01$), *духовное развитие* ($r = 0,212$; $p < 0,01$), индивидуальность ($r = 0,186$; $p < 0,01$) методики ОТеЦ; *достижения* ($r = 0,360$; $p < 0,01$), традиции ($r = 0,156$; $p < 0,01$) методики С. Шварца; всеми шкалами ($p < 0,01$) методики СЖО и жизнестойкости; *самоуважение* ($r = 0,184$; $p < 0,01$) и *самопринятие* ($r = 0,134$; $p < 0,05$) методики САТ.

Дивергентная валидность шкалы эмансипации обнаруживается в отсутствии значимых корреляций ($p > 0,1$) с большинством шкал методик УТРО, методики Ф. Фидлера, а также методик, диагностирующих уровень и качество самооценки, статуса, выявляющих удовлетворенность в системе отношений. Эмансипанта менее волнует статус и удовлетворенность отношениями, он воспринимает их как потенциал; скорее, он может быть озабочен *степенью реализации* своих лидерских и субъектных способностей. Масштаб его личности, развитые способности, заметные ресурсы, помноженные на адекватные притязания и амбиции, не всегда соответствуют уровню среды, группы, актуальной системе отношений. Но, тем не менее, эмансипированный субъект стремится выйти за собственные пределы и готов к борьбе со всеми, кто препятствует процессу самореализации.

В целом, личность с высокими показателями эмансипации демонстрирует позитивные потребности высокого уровня, стремление к возвышенным ценностям

и идеалам. Для нее характерны доверие к людям, чувство справедливости, открытость миру и стремление строить мир по более справедливым законам.

Конвергентная валидность шкалы *оппозиция* определяется значимыми положительными корреляциями с 4-мя шкалами ($p < 0,05-0,01$) опросника психологических защит Р. Келлермана – Г. Плутчика, среди которых важное место занимает регрессивно замещающая активность.

Корреляции оппозиции со всеми шкалами ($p < 0,01$) методики Мини-мульти, четырьмя шкалами ($p < 0,05-0,01$) опросника А. Басса и А. Дарки; крайне неконструктивный паттерн копинг-стратегий ($p < 0,05-0,01$), стойкая *дезадаптация* ($r = -0,272$; $p < 0,01$) и нежелание *принимать других* ($r = -0,233$; $p < 0,05$) по методике СПА свидетельствуют о выраженных внутри- и межличностных конфликтах, дезадаптивности оппозиционера. Определены негативные связи *оппозиции* со шкалами методики Р. Кеттелла: общительность ($r = -0,272$; $p < 0,01$), интеллект ($r = -0,272$; $p < 0,01$), эмоциональная стабильность ($r = -0,272$; $p < 0,01$), нормативность ($r = -0,167$; $p < 0,01$); чувствительность ($r = -0,181$; $p < 0,01$), мечтательность ($r = -0,076$; $p < 0,01$), самоконтроль ($r = -0,139$; $p < 0,01$). Зафиксированы положительные связи оппозиции со шкалами: доминантность ($r = 0,101$; $p < 0,01$), экспрессивность ($r = 0,092$; $p < 0,01$), подозрительность ($r = 0,131$; $p < 0,01$), дипломатичность ($r = 0,075$; $p < 0,01$), радикализм ($r = 0,064$; $p < 0,05$) и напряженность ($r = 0,114$; $p < 0,01$). Установлено, что для оппозиционно настроенной личности свойственны грубость, нежелание взаимодействовать с окружением, приземленность, жесткость, неустойчивость, но хитрость и готовность возлагать ответственность на других, манипулятивность. Оппозиционера характеризует явное *непринятие* окружающих: конфликт со средой, несогласие и неуспешность; отсутствие потребности *включенности* и *невовлеченность* во взаимодействие; низкие *самооценка* и *статус*, низкий уровень *самоуважения*.

Исследованы значимые связи параметра *оппозиционность* со шкалами: *несогласие* ($r = 0,132$; $p < 0,05$), *скука* ($r = 0,187$; $p < 0,01$), *неуспешность* ($r = 0,209$; $p < 0,01$) методики Ф. Фидлера; *невключенность* ($r = -0,167$; $p < 0,01$) по В. Шутцу и *невовлеченность* ($r = -0,171$; $p < 0,01$) методики «Жизнестойкость»; негативные

корреляции со всеми темпоральными шкалами теста смысложизненных ориентаций ($p < 0,05-0,01$); 4-мя шкалами методики саморегуляции ($p < 0,05-0,01$); самооценки ($r = -0,128$; $p < 0,05$) по С.А. Будасси, референтометрическим статусом ($r = -0,199$; $p < 0,01$); самоуважением ($r = -0,152$; $p < 0,01$) методики САТ.

Итак, оппозиционер демонстрирует дезадаптивность, низкий уровень личностной ресурсности, эмоциональную неустойчивость, низкий уровень самооценки и самопринятия, грубость и примитивизм. Как на фоне такого широкого спектра, «букета» тотальных личностных деструкций удастся существовать оппозиционеру? Полагаем, за счет *непринятия* других, *хитрости*, лживости, *креативности* и использования широкого спектра *манипуляций*.

Дивергентная валидность шкалы «*оппозиция*» раскрывается в почти полном отсутствии значимых корреляций ($p > 0,1$) с методиками: ОТеЦ, Шварц, Шутц, Лири, САТ, мало связей с тестом «Жизнестойкость».

Анализ указывает на исключение ценностей из приоритетов личностной активности, «провал» в системе ценностей у лиц с высоким уровнем оппозиционных установок, вероятно, свидетельствует о скудности личности, неразвитости бытийных пространств.

Система мотивов оппозиционера ограничена удовлетворением *примитивных потребностей*. Не располагая заметными личностными *ресурсами*, будучи явно *невключенным* в группу, в систему отношений, не обладая *статусом* и *авторитетом*, оппозиционер часто не настроен на борьбу за ценности и идеалы, вероятно, единственной ценностью для него остаются ценности отрицания, *непринятия*, обвинения и использования других, что говорит об отношении к людям и самому себе как к объектам, достойным манипуляции.

Более спорный, но возможный вариант интерпретации: отсутствие устойчивых связей у оппозиционера с системой ценностей, может указывать на вероятность их легкой смены в угоду обстоятельствам, конъюнктуры. Поскольку ценности не структурированы, не значимы для оппозиционера, не сопряжены с осмысленным *личностным выбором* и, следовательно, не связаны с убеждениями, то оппозиционер их легко меняет на более выгодные.

Рассматривая конструкт *нигилизм*, мы предположили, что этот феномен будет иметь сложную неоднородную структуру, поскольку на когнитивном уровне он включает аномию, неприятие норм; низкую моральную нормативность; на уровне эмоций он представлен цинизмом, отрицанием ценностей, а в поведении выражается в крайнем индивидуализме. Но как отмечено выше, практика исследования теста ПАЛ показала высокую гомогенность шкалы «нигилизм». Рассмотрим параметры теста, определяющие характеристики нигилизма.

Конвергентная валидность шкалы «*Нигилизм*» проявляется в значимых корреляциях со шкалами разных методик, раскрывающих его сущность. Атрибутивными характеристиками *нигилизма* являются выраженные *отрицательные связи с ценностями*: шкалы духовность ($r = -0,172$; $p < 0,01$), саморазвитие ($r = -0,236$; $p < 0,01$) и достижения ($r = -0,217$; $p < 0,01$) по опроснику ОТеЦ; доброта ($r = -0,190$; $p < 0,01$), безопасность ($r = -0,256$; $p < 0,01$), личная власть ($r = -0,217$; $p < 0,01$), достижения ($r = -0,232$; $p < 0,01$) по методике С. Шварца; ценностные ориентации ($r = -0,193$; $p < 0,01$), самоуважение ($r = -0,187$; $p < 0,01$) и позитивное принятие человека ($r = -0,138$; $p < 0,01$) по методике САТ. Очевидно, что выраженная девальвация духовных ценностей и ценностей жизни объясняет их переориентацию в сторону оппозиционных ценностных установок личности.

Низкие показатели *включенности* ($r = -0,309$; $p < 0,01$) по методике В. Шутца, *вовлеченности* ($r = -0,235$; $p < 0,01$) и других шкал *жизнестойкости* ($p < 0,05-0,01$), отрицательные связи с оценкой социометрического ($r = -0,176$; $p < 0,01$) и референтометрического статуса ($r = -0,240$; $p < 0,01$) подтверждают предположение о крайнем *индивидуализме* личности с выраженным нигилизмом, обладающую установками на отторжение.

Определены позитивные корреляции *нигилизма* с 5-ю шкалами и 2-мя индексами опросника Р. Келлермана – Г. Плутчика ($p < 0,01$), выражены все уровни защит, но преобладают дефензивные механизмы высокого уровня ($r = 0,266$; $p < 0,01$). Выявлены связи нигилизма с 6-ю шкалами методики Мини-мульти ($p < 0,01$) и обнаружен противоречивый характер копинг-стратегий, когда

отсутствие осторожности ($r=-0,269$; $p<0,01$) сочетается с установкой на асоциальные действия ($r=0,130$; $p<0,01$).

Значимые связи со всеми шкалами ответственности деструктивного типа ($p<0,05-0,01$) по опроснику В. П. Прядеина; дезадаптация ($r=-0,332$; $p<0,01$), принятие других ($r=-0,437$; $p<0,01$), низкая интернальность ($r=-0,309$; $p<0,01$) по методике СПА; исключительно низкий уровень *саморегуляции* (6 шкал при $p<0,01$), конфликт с окружением ($r=0,132$; $p<0,05$) по методике УТРО; отрицательные связи с 5-ю шкалами оценки климата в группе Фидлера ($p<0,05-0,01$) указывают на затяжные и глубокие внутри- и межличностные конфликты нигилиста, активное непринятие норм.

Определены негативные связи *нигилизма* со шкалами методики Р. Кеттелла: *моральная нормативность* ($r=-0,230$; $p<0,01$); общительность ($r=-0,190$; $p<0,01$), интеллект ($r=-0,160$; $p<0,01$), эмоциональная стабильность ($r=-0,180$; $p<0,01$), смелость ($r=-0,132$; $p<0,01$), мечтательность ($r=-0,071$; $p<0,01$), беспечность, отсутствие чувства вины ($r=-0,053$; $p<0,01$), тревожность ($r=-0,100$; $p<0,01$), самоконтроль ($r=-0,143$; $p<0,01$). Выделены положительные связи *нигилизма* со шкалами: *экспрессивность* ($r=0,078$; $p<0,01$), *подозрительность* ($r=0,100$; $p<0,01$), *дипломатичность* ($r=0,103$; $p<0,01$), *радикализм* ($r=0,099$; $p<0,05$) и *напряженность* ($r=0,56$; $p<0,01$). О высоком уровне *нигилизма* говорит нежелание принимать, следовать и подчиняться нормам, несдержанность, низкий самоконтроль; общая поведенческая нестабильность, неумение анализировать, выстраивать отношения. Нигилист эмоционально неустойчив, тревожен, фрустрирован; он робок, приземлен, подозрителен, расчетлив.

Дивергентная валидность шкалы «*нигилизм*» обнаруживается в отсутствии значимых связей ($p>0,1$) с большинством шкал методик: агрессивности А. Басса и А. Дарки, теста Т. Лири; нет связей с *доминантностью*, по Р. Кеттеллу и Т. Лири; не выражены корреляции ($p>0,1$) с *соперничеством* по методике Томаса. Однородность шкалы *нигилизм*, вероятно, обусловлена слабой адаптивностью нигилиста, малым диапазоном возможностей, скудностью ролей и сюжетов с его участием, т. е. протестная активность нигилиста связана с низким

личностным потенциалом. Тотальное *отторжение и разрушение ценностей* у нигилиста, возможно, связано с дефензивными механизмами, поскольку развит комплекс защит, среди которых преобладает вытеснение, замещение и интеллектуализация. Нигилист не успевает вытеснить и осознает многие из своих негативных качеств, особенно волевых, но он не проецирует свои влечения на других и не склонен менять их на противоположные. Однако прагматизм, робость, нежелание доминировать и соперничать сочетаются с отсутствием чувства вины, игнорированием и обесцениванием моральных норм и мнений других. Человек с выраженной аномией не ценит себя, отторгает людей, не признает нормы и законы мира, но будучи убежден в собственной правоте и имея склонность пренебрегать безопасностью, вероятнее всего, будет реализовывать свои замыслы тайно, делая все «исподтишка», предпочитая *подстрекать* других.

Конвергентная валидность шкалы «Эскапизм» рассмотрена при сопоставлении ее со шкалой «эскапизм» методики СПА К. Роджерса и Р. Даймонд, выявлены значимые корреляции ($r=0,398$; $p<0,001$). Эскапизм проявляется в значимых корреляциях, прежде всего, со следующими методиками: это 6 шкал и 2 индекса ($p<0,05-0,01$) методики психологических защит Р. Келлермана – Г. Плутчика, с преобладанием примитивных защит ($r=0,259$; $p<0,01$); 6-ю шкалами ($p<0,05-0,01$) методики Мини-мульти.

Для эскаписта характерны: низкая самооценка ($r=-0,125$; $p<0,05$) по Будасси, слабое самопринятие ($r=-0,317$; $p<0,001$) по методике СПА и ($r=-0,136$; $p<0,05$) по методике САТ; недостаточное самоуважение ($r=-0,306$; $p<0,001$) по САТ; низкий референтометрический статус ($r=-0,172$; $p<0,05$). Деадаптация во многих сферах обуславливает двойной конфликт: невозможность принятия себя и неуважение, помноженное на неспешность в реальной группе, все это побуждает эскаписта к выходу из взаимодействия, к *уходу*, а главным компонентом активности становится замещающе-компенсаторная активность, склонность к регрессии, стремление к стимуляции, что делает возможным формирование зависимостей.

Эскапизм связан с внутренним конфликтом, защитной стратегией ухода от открытого взаимодействия, от реальности. Об этом свидетельствуют

отрицательные связи со шкалами *включенность* ($r=-0,177$; $p<0,05$), способность принимать эмоции других ($r=-0,145$; $p<0,05$) и выражать чувства ($r=-0,126$; $p<0,05$) по методике В. Шутца; а также толерантность к употреблению алкоголя ($r=0,273$; $p<0,01$), по методике УТРО. Личность с выраженным эскапизмом весьма примитивна и ни к чему не стремится: ни к саморазвитию ($r=-0,170$; $p<0,01$); ни к духовным ценностям ($r=-0,179$; $p<0,01$), ни к достижениям ($r=-0,149$; $p<0,05$), ни даже к материальному благополучию ($r=-0,210$; $p<0,01$) по методике ОТеЦ. Отсутствует стремление к личной власти ($r=-0,198$; $p<0,01$), присутствует пренебрежение безопасностью ($r=-0,203$; $p<0,01$), выражена только стимуляция ($r=-0,190$; $p<0,01$), по методике С. Шварца. Кроме того, раскрыты негативные связи эскапизма со шкалами методики Р. Кеттелла: нормативность ($r=-0,199$; $p<0,01$), тревожность ($r=-0,181$; $p<0,01$); робость ($r=-0,092$; $p<0,05$); подозрительность ($r=-0,069$; $p<0,01$); дипломатичность ($r=-0,107$; $p<0,01$); самоконтроль ($r=-0,081$; $p<0,05$). Явное отличие эскаписта от нигилиста: высокая социальная тревожность (фактор О), склонность к беспокойству, непринятие себя, чувствительность к мнению других ($r=-0,062$; $p<0,05$). У эскаписта преобладают деструктивные компоненты ответственности – определены обратные корреляции с 6-ю шкалами ($p<0,05-0,01$) методики В.П. Прядеина, в частности регулятивная интернальность ($r=-0,162$; $p<0,01$), регулятивная экстернальность ($r=-0,143$; $p<0,01$); низкая саморегуляция – обратные связи с четырьмя шкалами ($p<0,05-0,01$), методики саморегуляции [16]; отмечается *ведомость* ($r=0,176$; $p<0,01$), *внешний контроль* ($r=0,339$; $p<0,01$), по методике СПА. Для личности с выраженным эскапизмом характерна низкая волевая активность, экстернальность, что свидетельствует о неконтролируемости жизни, подчиненности внешним обстоятельствам и другим людям. Человеком с выраженными эскапистскими установками легко управлять и манипулировать.

Дивергентная валидность шкалы «эскапизм» определяется в сравнении со шкалой «избегание» как копинг - стратегии ($r=0,076$; $p>0,1$); а также шкалой *избегание* ($r=-0,191$; $p>0,1$), по Томасу. Отсутствует *агрессия* по методике А. Басса и А. Дарки; *агрессивный копинг, асоциальные действия* по С. Хобфоллу ($p>0,1$),

доминирование, по Т. Лири. Итак, эскапизм, это скорее уход, который не сопровождается агрессией.

Резюмируем сказанное. Результаты психометрической проверки опросника (внутренняя консистентность, ретестовая надёжность, конструктивная валидность) свидетельствуют о его пригодности к использованию как в научных исследованиях на разных выборках, так и при проведении практической психодиагностики. Опросник апробирован и успешно применяется в педагогической и спортивной деятельности [77]. Отметим, что процесс создания опросника сопровождался процессом «восхождения к теории», позволившим следовать субъектной парадигме в интерпретации протестной активности личности. Опросник восполняет пробел в представлении о феномене, поскольку позволяет изучать не просто абстрактный протест, протестный потенциал, готовность к протесту, но конкретные формы протеста, проявляющиеся в различных психологических характеристиках. Отметим, что опросник можно использовать при изучении других разновидностей социальных деструкций.

РЕЗЮМЕ ПО ГЛАВЕ 3.

В третьей главе задается общая методологическая установка на рассмотрение протестной активности личности как многомерного и противоречивого феномена, который проявляется в многообразии своих форм.

В п.3.1 дается обоснование важности вычленения не только деструктивных форм протестной активности, но и перспективных для личности и для обновления социума форм протеста – эмансипации, нигилизма, высшего/негативного эскапизма, оппозиции, негативизма. Выделенные нами формы мало описаны в научной литературе, недостаточно дифференцированы, часто синонимизированы, используются в самых разных теоретических и методологических подходах, наблюдается дефицит эмпирических исследований данных конструктов.

Следующие два раздела посвящены сложному структурному анализу протестной активности личности, выделению параметров системы протестной активности. В связи с тем, что по своей структуре протестные формы

обнаруживают близость с описанными в субъектно-бытийном подходе модусами бытия (Г.Ю. Фоменко), обосновывается анализ форм протеста в широком онтологическом плане как способов бытия личности. Генезис, формообразование и содержание протестной активности личности как многокомпонентной структуры раскрывается через анализ специфики субъектной активности личности и характера экзистенциального выбора в сочетании с особенностями ценностно-смысловой, мотивационно-потребностной сфер личности, картины мира, бытийных противоречий и способов их разрешения. Системообразующими параметрами протестной активности являются *субъектная активность и экзистенциальное самоопределение*. Все компоненты протестной активности рассматриваются нами системно в рамках неразрывной целостности «личность и ее бытие», в их взаимосвязи и взаимовлиянии, тем самым позволяя получить комплексную информацию о *характере протестной активности, которая особым образом проявляет личность и характер ее бытия*. Сконструированная нами структурно-диалектическая модель протестной активности личности, описывающая как её деструктивные, так и конструктивные формы, позволяет отслеживать их зарождение и развёртывание в разных структурных образованиях личности. Продемонстрированы объяснительные возможности данной модели, представлены содержательные характеристики параметров, позволяющие прогнозировать актуализацию деструктивной/конструктивной протестной активности, поворот к деструктивности/конструктивности. Предполагается, что существенные различия в деструктивных/конструктивных формах протестной активности личности будут обнаруживаться по всем основным параметрам, в связи с чем можно прогнозировать возможные эффекты протестной активности личности и ее протекание по возможному сценарию. Основой деструктивного протеста будет являться отчужденная субъектная активность, проявляющаяся в неспособности к самодетерминации, в объектном тяготении личности. При этом будут наблюдаться непродуктивные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации. Конструктивная протестная активность

отражает эффективную самодетерминацию, субъектное позиционирование, продуктивные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей. Личность, обладающая перечисленными характеристиками, вероятно, будет склонна к конструктивным формам протеста во взаимодействии с социумом. Специфика форм протестной активности личности определяется в зависимости от выделения и способов разрешения разноуровневых противоречий. Таким образом, мы уходим от однозначной, статичной интерпретации феномена и получаем возможность рассматривать протестную активность личности в динамике, во всей многомерности этого явления, характеризующего *позицию личности по отношению к бытию*.

В п. 3.4 подробно описаны все этапы разработки опросника «Протестная активность личности», который обладает хорошими психометрическими показателями (согласованностью, конструктивной валидностью и надёжностью шкал) и может использоваться для диагностических и исследовательских целей, позволяя анализировать протестные формы с учетом их психологической специфики.

Работа, выполненная в этой главе, позволяет говорить о конструкте протестной активности личности как сложном интегральном психологическом феномене, проявляемом в конкретно-историческом контексте, варьируемом вокруг двух полюсов психодуховной жизни личности (конструктивного/деструктивного), результирующих в различные формы протеста, специфика которых обусловлена вариантом экзистенциального самоопределения и типом субъектного позиционирования.

Содержание данной главы задает своего рода концептуальный каркас для рассмотрения протестной активности личности на новой теоретико-методологической основе с позиций субъектного и субъектно-бытийного подходов, область применимости которых расширена и распространена на анализ и интерпретацию форм протеста. Возникает острая необходимость исследовать все формы протеста (эмансипация, высший/негативный эскапизм, оппозиция, нигилизм, негативизм), наполняя их конкретным психологическим содержанием.

ГЛАВА 4. СПЕЦИФИКА ФОРМ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ (НА ОСНОВАНИИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

4.1. Стратегия исследования форм протестной активности личности

Переходя к анализу форм протестной активности личности, следует остановиться на кратком описании общей организационной исследовательской стратегии, методологии эмпирического исследования; особенностях операционализации теоретических конструктов и формирования выборки.

Содержательное наполнение форм протестной активности личности будет осуществляться в следующих направлениях:

1) интеграция представлений о протестной активности личности, сформулированных в границах психологического и междисциплинарного знания в целостную систему представлений;

2) эмпирическое исследование форм протестной активности личности в реальном социально-историческом контексте, в условиях современной культуры, которое конкретизирует их содержание, а также продемонстрирует объяснительные возможности авторской модели протестной активности личности применительно к каждой форме протеста;

3) выявление специфики форм протеста, на основе структурных компонентов системы протестной активности личности (см. п. 3.2) а также их сходства по отдельным параметрам;

4) сопоставительный анализ деструктивных и конструктивных форм протеста.

В эмпирическом анализе форм протестной активности личности, с целью повышения надежности исследования использованы разные виды статистической обработки данных. Все формы протеста исследованы с помощью корреляционного анализа, а для уточнения их специфики применялся регрессионный и дисперсионный анализ. Во всех типах статистического анализа принимались во внимание и описывались только значимые (при $p < 0,05$) коэффициенты (связей, предикторов и факторов), рассматривались только

состоятельные дисперсионные модели. Объем выборочной совокупности для отдельных основных шкал методики ПАЛ достигал $N = 3780$ человек.

Для повышения точности и надежности исследования типов протестной активности личности применен мультिवыборочный полиметодический подход, предполагающий использование множества разных выборок и групп, сходных по содержанию методик и шкал. Например, в предварительном исследовании, при анализе разных выборок, отличающихся по полу, возрасту и содержанию деятельности, получены весьма похожие паттерны значимых корреляционных связей шкал протестной активности личности с методиками, определяющими особенности психологического неблагополучия личности (низкоуровневые защиты, дезадаптивность, агрессивность, неконструктивные копинг-стратегии и др.). С другой стороны, при исследовании одинаковых выборок сходные по параметрам значимые результаты получены по шкалам разных методик, фиксирующих близкие конструкты (неудовлетворенность, доминирование, включенность, креативность, доброту, самостоятельность, самооценку, эффективность, интернальность и т.п.).

Отметим, что большинство методик как исследовательских инструментов созданы на базе психологических теорий и поэтому должны рассматриваться и *интерпретироваться в соответствии с идеями автора теорий*, его последователей или, по крайней мере, автора методики. Соответственно, методики психологических защит, тест М. Люшера, и даже методика В. Шутца и базовых убеждений личности, следуя данной логике, должны интерпретироваться в контексте психодинамических теорий. Полагаем, что использованные в нашем исследовании методики социальной адаптации СПА, базовых убеждений личности, самоэффективности, смысло-жизненных ориентаций, жизнестойкости целесообразно интерпретировать в контексте психотерапевтических идей К. Роджерса, Р. Янов-Бульман, А. Бандуры, В. Франкла, С. Мадди. Таким образом, даже показатели социометрии целесообразно трактовать в соответствии с *психотерапевтическими взглядами* Дж. Морено. Тем не менее, следует отметить, что некоторые методики прошли долгий «самостоятельный путь» в

экспериментальной психологии и психодиагностике и могут рассматриваться как источник нового знания в психологии.

Учитывая процессы конвергенции, взаимопересечения современных теорий в психологии личности, а также то, что вопросы практического плана являются комплексными, включёнными в живую ткань человеческого бытия [84; 307; 344], нами использован исследовательский инструментарий, интерпретируемый в русле системного, субъектного, субъектно-бытийного подходов, в совокупности снимающих методологические противоречия, существующие ранее и создающих прочную основу для системного, комплексного теоретико-эмпирического исследования феномена протестной активности личности.

Согласно теориям, гипотезам, идеям, описывающим протестную активность, теоретические *конструкты* операционализированы в эмпирические *показатели* (см. таблицу 7). Например, важным аспектом типологизации некоторых форм протестной активности личности является классификация людей в соответствии с характерными защитными механизмами – *индивидуальными способами борьбы с тревогой*. В связи с этим, исследуя оппозицию, большее внимание уделялось *защитным механизмам* психики, которые рассматривались в качестве одного из критериев неконструктивности решения возникающих проблем и противоречий. В других формах протеста большее внимание уделялось иным специфическим показателям. Подчеркнем, что шкалы самых разных методик, описывающих близкие показатели, выступают в виде конкретных *критериев*, определяющих специфику протестной активности.

Поскольку сущность субъектной активности связывается с осуществлением выбора между различными мотивами, целями, ценностями, смыслами, ролями, позициями [6;144; 309; 346], то в качестве показателей *субъектной активности* могут выступать *регуляторная сфера, лидерство, общительность, самостоятельность и независимость, особенности интеллекта; локус контроля и локус каузальности, особенности самоорганизации, внешняя/внутренняя детерминация активности, мера ответственности* и др., фиксируемые в шкалах

методик ССП-98, Т. Лири, В. Прядеина, М. Люшера, Р. Кеттелла, СПА, Жизнестойкости, Самоэффективности и др.

Мотивационно-потребностная сфера включает описание нескольких параметров. *Включенность* в социальные отношения определяется по критериям-шкалам методик Т. Лири, В. Шутца, Жизнестойкости. *Невключенность* отслеживается по параметрам *личностного неблагополучия*, фиксируемым шкалами личностных расстройств, защитных механизмов (LSI) Р. Келлермана-Г. Плутчика, копинг-стратегий (SACS) и агрессии А. Басса и А. Дарки. *Удовлетворенность* и ценность отношений исследуется методиками социометрия, УТРО, Фидлер, ОТЕЦ.

Картина мира основана на параметрах *целостности и самооценности* личности, ее *базовых убеждений о мире*, фиксируемых методиками БУЛ Р. Янов-Бульман, САТ, СЖО (Д.А. Леонтьев). Параметры *согласие* и *принятие* предполагают гармонию с собой, самопринятие и принятие других, жизни в целом и отслеживаются методиками самооценка по С.А. Будасси, социометрия, референтометрия, СПА, САТ.

Важнейший параметр системы протестной активности личности – **ценностно-смысловая направленность личности**, включающая различные ценности (личностные, коллективные, общественные и др.), сферы приложения личностной активности (индивидуальность, семья, работа, социум), цели и смыслы жизни (развитие, гуманизм, экзистенция, трансцендентность), исследуемые методиками ОТеЦ (И.С. Сенин), Ш. Шварца, СЖО, САТ, А. Лэнгле и К. Орглер.

Экзистенциальное самоопределение предполагает изучение способов удовлетворения экзистенциальных потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации (*конформизм/нонконформизм, психологическая зависимость/независимость, самореализация, изоляция/связь с жизнью общества, ответственность*), отслеживаемые с помощью шкал методик БУЛ Р. Янов-Бульман, САТ, СЖО,

СПА, ОТеЦ, Ш. Шварца, Р. Кеттелла, GSES Р. Шварцера-М. Ерусалема, В.П. Прядеина.

Бытийные противоречия определялись и интерпретировались в процессе эмпирического исследования на основе выявленных существенных расхождений, несоответствия между конструктами, параметрами и критериями-шкалами исследования. Особенности теоретических конструктов, параметров и эмпирических критериев, определяющих типологию протестной активности личности, отражены в таблице 7.

Таблица 7

Схема исследования конструктов, параметров и критериев, определяющих типологию протестной активности личности.

Конструкты протестной активности	Параметры протестной активности личности	Критерии (Шкалы методик)
Мотивационно-потребностная сфера	включенность – невключенность; удовлетворенность - неудовлетворенность жизнью	Т. Лири, В. Шутц, LSI; SACS; Мини-Мульт, А. Басс-А. Дарки, Жизнестойкость, Социометрия, УТРО, Фидлер, ОТеЦ.
Субъектная активность	внешняя/внутренняя детерминация активности, саморегуляция, лидерство, общительность, самостоятельность, независимость; интеллект, локус контроля, ответственность, самоорганизация	ССП-98, Т. Лири, В. Прядеин, Р. Кеттелл, М. Люшер, СПА, Жизнестойкость, Самоэффективность.
Картина мира	холичность, целостность; самооценność; согласие и принятие, базовые убеждения о мире	БУЛ Р. Янов-Бульман, СЖО (Д.А. Леонтьев), Самооценка по С.А. Будасси, Социометрия, Референтометрия, СПА, САТ
Ценностно-смысловая направленность	ценности, сферы приложения личностной активности; цели, смыслы жизни (развитие, экзистенция, трансцендентность)	ОТеЦ (И.Г. Сенин), Ценности Ш. Шварц, СЖО, БУЛ, САТ, Опросник А. Лэнгле и К. Орглер.
Экзистенциальное самоопределение	конформизм/нонконформизм, зависимость/независимость, изоляция/связь с жизнью общества, самореализация, ответственность, самоэффективность	БУЛ, САТ, СЖО, СПА, ОТеЦ, Ш. Шварц, Р. Кеттелл, GSES Р. Шварцер - М. Ерусалем, В.П. Прядеин.
Бытийные противоречия	расхождение, несоответствие между конструктами, параметрами и критериями-шкалами исследования.	В совокупности 24 методики

На наш взгляд, подобная организационная исследовательская стратегия позволяет выйти на психологические механизмы конкретной формы протестной активности и определить источники ее поддержки.

4.2. Эмансипация: движение от зависимости к автономности и личностной зрелости

Начнем обсуждение форм протеста с анализа конструктивной формы протеста – эмансипации. Понятие эмансипации часто употребляется в научном дискурсе в контексте независимости, свободы, ответственности. В словаре русского языка «эмансипация» — это «освобождение от зависимости» [261, с. 807]. В словаре иностранных слов «эмансипация» (от лат. *emancipatio*) – это освобождение от зависимости, предрассудков; уравнивание в правах [152].

Понятие эмансипации наиболее полно разработано в возрастной и глубинной психологии, где оно раскрывается как постепенное сбрасывание «пут» зависимости, обретение личностной независимости и самостоятельности. Эмансипация, являясь имманентной силой развития, развивается согласно внутренней логике психического развития ребенка. Вместе с тем в психологии девиантного поведения отмечается, что реакция эмансипации может выступать движущей силой асоциального и антисоциального поведения [102; 196].

В связи с этим, попытаемся выявить специфику эмансипации, проследить ее конкретные проявления в зависимости от динамических факторов в психике человека, побуждающих к обретению автономности либо препятствующих ей.

Исторически (филогенетически) и онтогенетически способность осознавать себя как личность и быть независимым сформировалась позже групповых, интерактивных форм активности [51; 366]. Эмансипация как склонность и стремление к выделению себя, к доминантности наблюдается и в животном мире. Этологи с давних пор интересуются условиями, позволяющими животным подняться на вершину иерархической пирамиды. Оказалось, что помимо агрессивности, настырности и желания выделиться, все остальные качества могут быть у доминанта любыми [75]. К. Лоренц, прослеживая аналогии в поведении

разных видов позвоночных и человека, ссылается на так называемые турнирные бои, которые обходятся без повреждения партнера, но позволяют в случае победы добиться независимости и доминирования в стае или стаде [206].

На человека уже с рождения влияют многие социальные факторы. Психика младенца сразу включается в общее бытийное пространство с другими людьми. Л.С. Выготский не случайно называет младенца «максимально социальным существом», поскольку создающаяся благодаря изначальной беспомощности младенца социальная ситуация развития, определяет активность младенца, его направленность к предметам окружающего мира посредством другого человека. Согласно его мнению, ребенок, несмотря на физическое отделение от матери в период родов, биологически не отделяется от нее до конца младенческого возраста, пока не научится ходить, а его психологическая эмансипация от матери, выделение себя из первоначальной слитности с ней наступает только в раннем детстве. Основное новообразование младенческого возраста он обозначает термином «пра-мы», подчеркивая психическую общность младенца и матери, которая служит исходным пунктом развития сознания и выделению Я [51].

В психоанализе обосновано существование автономии и независимости у младенца практически с рождения. Маргарет Малер, определяя фазу слитности ребенка с матерью как нормальную симбиотическую фазу или фазу зависимости, полагает, что уже в этот период беспомощный младенец, напрягая свое тело в ответ на раздражающие стимулы или неприятные ощущения от слияния с телом матери, делает неуверенные попытки к отделению и обретению собственной независимости [224, с. 23]. В период от двух до четырех месяцев ребенок начинает искать интеракций с матерью. «Комплекс оживления» и «специфическая улыбка» (улыбка, обращенная к матери) «...служит индикатором установления и синтеза психической организации на более высоком уровне сложности, чем тот, который преобладал до этого» [398, с. 100]. В это время ребенок пробует кусать грудь, царапаться и проявлять излишнюю вербальную агрессию, что также является признаком стремления к самостоятельности и развития собственного Я [166; 444].

По Д. Стерну, отделение-индивидуализация и формирование self (self-объектной дифференциации) начинается в возрасте двух месяцев. Утверждение независимости проявляется во всех видах социального поведения, которые регулируют количество и качество вовлеченности: в четыре месяца тем, как младенец отводит взгляд, в семь месяцев – жестами и интонациями голоса, а в два года – словами [332]. Использование такого жеста как покачивание головой, по мнению Р. Спитца, не столько указывает на решение ребенка об отказе, но является свидетельством способности совершать мыслительную операцию отрицания, что в свою очередь неизбежно будет вести к формированию первого абстрактного понятия, лежащего в основе несогласия, появляющегося в процессе мышления» [398, с. 40]. Применение способности рассуждать в обращении с внешним миром, выражение отказа без привлечения действия является мощным импульсом развития от первоначальной беспомощности и полной зависимости к *большей автономии и независимости*.

Психоаналитики отмечают, что к пяти месяцам (субфаза отползания) младенец начинает дифференцироваться от матери и утверждать себя. Дальнейший процесс сепарации-индивидуации, сущностью которого является достижение отделения от матери, «протекает в ситуации возрастной готовности к независимому функционированию и сопровождается удовольствием от этого состояния» [224, с. 23]. М. Малер обращает внимание на защитную позицию ребенка в возрасте от 18 до 36 месяцев и его желание отстаивать свой, находящийся в становлении, приносящий удовольствие и ревностно охраняемый *образ себя* от посягательств матери и других значимых взрослых. Однако не любой импульс можно назвать сепарационным, но только *внутренне заданный импульс*, побуждающий к индивидуации, которая не может быть достигнута без автономной сепарации» [224, с. 31].

Поскольку дети «разрываются» между желанием быть возле своих матерей и потребностью в независимости, в поведении 18-месячных детей присутствует характерная амбивалентность. Они боятся появившегося чувства отдельности и, стараясь вытеснить его, ведут себя так, будто матери являются частью их самих.

Например, ребенок мог потянуть мать за руку, стремясь заставить ее взять тот предмет, который ему хотелось бы взять самому [224].

Динамика формирования зависимости/независимости раскрывается в контексте «моделей привязанности», где надежные варианты привязанности обеспечивают построение внутренних структур и способствуют развитию уверенности и независимости. Дж. Боулби, ссылаясь на наблюдения М. Эйнсуорт, обращает внимание на важный фактор в развитии независимости – исследовательские экскурсии, которые свойственны младенцам со здоровым паттерном привязанности. В случае отсутствия матери попытки освоения мира (экскурсии) становились менее выраженными или прекращались [31].

С. Лебовиси отмечает еще один важный нюанс: «Качества привязанности являются долговременными», сформированные положительные модели привязанности способствуют уверенности в собственных силах на протяжении длительного времени [341, с. 472]. С точки зрения Е.Т. Соколовой, целостная картина мира, формирующаяся в детском возрасте на основе положительных моделей привязанности, может защищать в дальнейшем от превратностей судьбы [327, с.76]. Эти взгляды подтверждаются лонгитюдным исследованием младенцев с различными паттернами привязанности на протяжении всего периода детства вплоть до 15 лет. N. S. Weinfield с коллегами обнаружили следующие различия в их поведении: при решении когнитивных задач дети с надежной привязанностью отличались большим упорством и опорой на собственные силы, чем дети с нездоровым паттерном привязанности. В летних лагерях, вдали от родителей они демонстрировали *дружелюбие и лидерство* [560].

Многие исследователи отмечают важность развития у ребенка стремления к самостоятельности, независимости и поощрения матерью этой важной тенденции, способствующей поддержке и развитию автономности [31; 49; 165; 166; 374]. Так, В.С. Мухина отмечает, что во всех ситуациях в младенчестве и раннем детстве отношения обособления ребенка с миром опосредуются, прежде всего, матерью, в то время как отец и другие значимые люди начинают позже влиять на стиль его обособления [244]. В идеальном случае материнская любовь не препятствует

взрослению ребенка, не культивирует его беспомощность. Но для такой линии поведения мать должна быть уверенной личностью, она должна контролировать свою тревогу, чтобы не заразить ею своего ребенка. «Желание, чтобы ребенок стал независимым и постепенно отделился от нее должно стать частью ее жизни» [367, с. 133]. Обсуждая любовь отца к ребенку, Э. Фромм подчеркивает, что эта любовь, руководствуясь принципами и ожиданиями, не должна быть властной и устрашающей, она должна укреплять уверенность растущего ребенка, чтобы в какой-то момент позволить ему самому распоряжаться собой и обходиться без руководства. Только тогда человек приходит к такому зрелому состоянию, когда он сам становится для себя и матерью и отцом, совмещая в себе материнское и отцовское сознание. Э. Фромм выстраивает следующую цепочку: развитие от привязанностей, которые концентрируются вокруг матери к привязанностям, концентрирующимся вокруг отца, слияние которых позволяет достичь подлинной зрелости [367].

Подчеркнем, что мать, не имеющая собственной полноценной реализации, нередко препятствует эмансипации и развитию самостоятельности ребенка. И. Бахофен в историческом исследовании гинекократической эпохи выделил два противоположных аспекта материнства. К первому типу отнесено благодатное материнство, которое выражается в целостной и безграничной любви к ребенку. Другой тип – любовь-забота, господствующее материнство отличается односторонностью, препятствует формированию духовной независимости и поддерживает инфантилизацию взрослеющей личности. И. Бахофен пишет: «Как понятно нам теперь исключительное превознесение матери в картинах, рисуемых Гесиодом, изображающих ее непрерывную заботу и вечное несовершеннолетие сына, возрастающего более физически, чем духовно, в покое, наслаждающегося уходом материнских рук вплоть до зрелого возраста» [21, с. 233]. На этот же аспект указывает J. McDougall, которая отмечает, что мать ненароком может внушать своему младенцу специфическое состояние, которое она определяет как наркотическое отношение к ее присутствию и ее функциям по уходу за ним,

формирующее тотальную зависимость у ребенка, губительно действующее на ростки независимости [511].

Аналогичный выход на внешние барьеры, препятствующие эмансипации, мы находим и у М. Малер, в частности в ее описании блокирования развития личностной автономии, исходящей от матери. «Вездесущая инфантилизирующая мать, которая препятствует внутреннему стремлению ребенка к индивидуации, обычно выражающемуся в автономном локомоторном функционировании его Эго, может задерживать развитие у ребенка способности разделять Я и Другого, несмотря на прогрессивное или даже опережающее возраст развитие его когнитивных, перцептивных и аффективных функций» [224, с. 23].

А.Ш. Тхостов и К.Г. Сурнов, анализируя феномен «всеприсутствующей матери», отмечают, что избыточное облегчение условий существования, удовлетворением всех потребностей ребенка до момента их актуализации способствует формированию «психотической личностной структуры», превращается в тормоз развития навыков самостоятельности, сепарации, препятствует построению устойчивых границ субъекта. «В результате этого процесса ликвидируется зазор между актуализацией потребности и ее удовлетворением, что абсолютно необходимо для формирования устойчивого выделения себя из мира: мера физиологической неудовлетворенности есть центр кристаллизации субъектности, сознания, самосознания и устойчивых границ Я» [339, с. 17]. Авторы заключают: «невротическая структура» может быть следствием избыточной любви, отсутствия «третьего» в диаде мать-ребенок. В этом случае ребенку не нужно прилагать усилия к завоеванию своего места, своего права, поскольку это право изначально завоевано.

Н.В. Самоукина, отмечая последствия негативного материнского проектирования, считает, что формирование сильного, автономного ребенка или, наоборот, сверхзависимого социального «калеки» зависит от меры активности матери, а также от силы и активности самого ребенка. В условиях психологического негативного проекта «в силовом поле сверхкритики и сверхконтроля потенциально слабый ребенок действительно становится

«стертым», пассивным и покорным, как бы отдавая матери свою жизнь и самого себя. Сильный ребенок будет бороться за возможность самостоятельно строить себя и свою жизнь, преодолевая установки матери, и, повзрослев, уходит от нее» [316, с.76].

Р. Мэй рассуждает о последствиях пресечения автономности со стороны родителей и ссылается на многочисленные зарубежные исследования, в том числе на работу Клары Томпсон, которая утверждает, что когда этой жизненной силе препятствуют в ее развитии, к ней добавляются компоненты злобы, ярости или ненависти. Более того, если родитель пресекает активность прежде, чем ребенок укрепит свой «плацдарм способности и силы», в дальнейшем ребенку будет трудно сформировать эту основу, и он научится это делать с некоторой примесью враждебной агрессии. Впоследствии в спорных ситуациях *типичным ответом личности на спорные ситуации станет агрессия и протест*, компенсирующие осуждение со стороны авторитета [247, с.145-146].

Эмансипация как форма протестной активности часто связана с сильной потребностью изменить систему значимых отношений, повысить свой статус, упрочить влияние, понять свои возможности. Самоутверждение ребенка за счет противостояния именно тем людям, от которых он наиболее зависим, Арнольд Гезелл обозначает понятием «контр-воля» [289].

По Д.Б. Эльконину, всякий шаг в эмансипации от взрослых есть одновременно шаг в сторону все большей и глубокой связи с жизнью общества [400, с. 114]. Д.Б. Эльконин раскрывает условия, препятствующие или способствующие эмансипации. В случае, если дети не могут самостоятельно найти и установить более широкую связь с обществом, а взрослые не помогают им в этом, внутренние противоречия начинают проявляться во внешнем противопоставлении ребенка взрослым, т.е. взаимодействие приобретает негативную окраску. В случае поддержки взрослыми стремления к эмансипации взрослеющая личность тяготеет к самостоятельности и благополучно осваивает новые сферы жизни [400].

Через своевременное обособление от других, человек становится самим собой и обеспечивает свое бытие в мире [244]. Для того, чтобы «прийти к себе», формального обособления недостаточно, нужна постоянная духовная работа, глубокая саморефлексия своих поступков, которая и позволяет устанавливать и сохранять идентичность, преданность себе и достигать подлинной, зрелой эмансипации. Процесс взросления, по R.L. Gould предполагает постепенный отказ от детских иллюзий и ложных предположений в пользу уверенности в своих силах и самопринятия. Тогда, по его мнению, поведение становится все более самостоятельным и жизненно важные решения определяются смысловой системой индивидуума [465].

Следовательно, эволюция эмансипации связана с развитием и оформлением *смысловой сферы* личности. Д.А. Леонтьев, отталкиваясь от идеи А.Н. Леонтьева о том, что личность рождается дважды — в возрасте трехлетнего негативизма и в подростковом возрасте (возникновение самосознания, собственных интересов), выделяет несколько типов эмансипации. Первое рождение личности он предлагает определять как операциональную эмансипацию ребенка от взрослого, поскольку она основана на самостоятельной активности и моторной подвижности ребенка [183]. Вместе с тем зависимость ребенка от родителей свидетельствует о подчиненности смысловой сферы ребенка родительским воздействиям и влиянием семейной атмосферы на смысловые ориентации. С момента второго рождения личности, когда собственная активность субъекта начинает играть ключевую роль в выработке смысложизненных ориентаций, личность обретает интенциональную, смысловую эмансипацию, являющуюся последним звеном в последовательном процессе эмансипации от материнского организма и родительской семьи. Интенциональная эмансипация позволяет человеку стать самостоятельной, автономной личностью, но для этого необходима «...*рефлексивная критическая самостоятельная позиция* по отношению к другим социальным группам и общностям, членом которых человек является» [183, с. 126].

Актуализация эмансипации с выраженным протестом против установленных в обществе норм и правил наблюдается в подростковом возрасте и часто проявляется в непереносимости возражений и критики в свой адрес, нетерпимом отношении к опеке, неприятию существующих порядков, законов, традиций [102, с. 60]. Поэтому феноменология эмансипации активно исследуется в рамках девиантного поведения. По мнению А.Е. Личко, эти реакции возникают на фоне акцентуаций характера и имеют склонность к генерализации и приобретению патологических стереотипов. Автор заостряет вопрос о факторах, под действием которых развивается реакция эмансипации: чрезмерная опека со стороны старших, мелочный контроль, лишение минимальной самостоятельности и всякой свободы, т.е. воспитательская гиперпротекция. Выраженная реакция эмансипации свойственна смешанному истероидно-неустойчивому типу личности и указывает на психологическую склонность к делинквентности; у гипертимных подростков реакция эмансипации наиболее проявляется в поступках, поскольку их сильно тяготит родительская гиперпротекция и мелочный контроль, а у истероидных и шизоидных — в высказываниях [196].

Необходимо отметить также, что ряд ученых (Г. Крайг, Д. Бокум) рассматривают инициируемые подростком семейные ссоры как способы апробации собственной независимости в решении несущественных бытовых вопросов. Опыт ведения переговоров с родителями (если они считаются с мнением подростка и воспринимают его как равного себе) о совместных целях могут дать подросткам большее ощущение независимости [167, с. 516]. В связи с этим роль семьи, где поддерживается формирование интенциональной эмансипации, резко возрастает.

Выявленные тенденции поведения, за которыми стоит стремление к автономности, требуют новой психологической интерпретации подростковой протестной активности, с отходом от рассмотрения протеста только в русле девиантного поведения. Сошлемся на F.X. Barron, который еще полвека назад отметил позитивный вклад протестной активности в личностное развитие, потенциальную *ценность* *своенравных* *характеров*. Признавая, что

отклоняющееся поведение часто представляет собой простое замешательство или же слепое и вредное сражение с ложным врагом, исследователь считает, что некоторое отклоняющееся поведение имеет позитивное оправдание, и взрослые не должны чересчур поспешно негативно оценивать то, что создает для них трудности. «Человек, который не был в юности ни застенчивым, ни дерзким, в свои зрелые годы, скорее всего, не будет стоять ни фартинга ни для себя самого, ни для кого бы то ни было еще» [421, р. 144]. С точки зрения F.X. Barron, *адаптированность личности к социуму, механическое приспособление вызывает измельчание и «стирание» личности*. Близкие рассуждения находим у А.Ф. Лазурского, который полагал, что только бедно одаренные индивидуумы обычно всецело подчиняются влияниям среды, ограничиваясь в лучшем случае пассивным приспособлением к ее условиям и требованиям. Богато одаренные натуры, начиная с подражания и пассивного приспособления, стремятся активно воздействовать на окружающую их жизнь, переделывая ее, сообразно своим запросам и стремлениям и становятся постепенно творцами и преобразователями жизни [176].

Очевидно, что эмансипация, являясь конструктивной протестной формой, не лишена противоречий, одним из которых является характерная амбивалентность чувств по отношению к адресату протеста, когда стремление к автономии сочетается с сильной зависимостью от него. В этом плане имеется аналогия наших выводов с исследованием Н.Е. Харламенковой, где выделено три типа личности зависимый, доминирующий и самодостаточный и проанализирована их качественная специфика. Н.Е. Харламенковой отмечен парадокс, связанный с тем, что доминирующая личность с ярко выраженными агрессивными тенденциями, внешне демонстрируя свою независимость от других людей, на самом деле нуждается в них гораздо в большей мере, чем зависимая личность [373, с. 90]. Следовательно, за усиленной демонстрацией *внешнего «панциря независимости»* скрывается зависимость.

Стремление к эмансипации, характерное для подростков, еще больше актуализируется в юношеском возрасте и опять же проявляется через протестную

активность. Протестуя, молодые люди пытаются построить собственную систему ценностей, обрести новые цели и принципы, которые придадут жизни смысл. В случае, когда протест обусловлен логикой реализации собственных жизненных задач, ценностями и внутренними смыслами личности, сформированными на основе собственного опыта, можно говорить об обретении интенциональной эмансипации [82]. В таком типе протеста заложено сопротивление аккультурации, отказ «приспосабливаться», непреклонное отстаивание ценности индивидуальности и своего «Я», что является признаком здорового характера [421]. Можно предположить, что отмеченные характеристики способствуют выработке субъектной позиции личности.

Обратим внимание на существенный аспект. Эмансипация предполагает обретение человеком внутренней свободы, т.е. *свободы для чего-либо*. С точки зрения Э. Фромма, право выражать свои мысли имеет смысл только в том случае, если человек способен иметь собственные мысли, «...свобода от внешней власти становится прочным достоянием только в том случае, если внутренние психологические условия позволяют нам утвердить свою индивидуальность» [366, с. 201]. Подлинная независимость – это не простое противопоставление себя чему-то, а преодоление внутренних барьеров, которое реализуется через любовь и труд, через подлинное проявление своих чувственных, интеллектуальных и эмоциональных способностей. Только через разрешение внутренних противоречий человек может вновь обрести единство с людьми, с миром и с самим собой, не отказываясь при этом от независимости и целостности своего собственного Я [366, с. 122].

Таким образом, непрерывная эмансипация, в основе которой лежит выраженное стремление к самоутверждению себя как личности и освобождению от опеки и симбиотических связей, способна стать питательной средой для разворачивания устойчивого позитивного мировоззрения, достижения личностной автономии и реализации конструктивной протестной активности личности.

Гарантом внутренней независимости, по К.А. Абульхановой, выступает личностная целостность, значимость личности для себя, а затем – для других. Потребность в целостности (но не независимости) является показателем сформированности социальной активности человека, его готовности к социальным взаимодействиям, которые способствуют развитию его дальнейшей активности. Именно *независимость выступает важным плацдармом на пути к целостности личности* (но не наоборот) [6, с. 81].

Систематизация научных представлений относительно эмансипации позволила выделить следующие существенные ее компоненты: 1) потребность в автономии и независимости формируется у человека с рождения; 2) являясь имманентной логикой и силой развития, эмансипация позволяет преодолевать изначальную психологическую зависимость; 3) эмансипация является непрерывным активным процессом и может эволюционировать от незрелых и эпизодических проявлений к сформированным, зрелым и устойчивым формам (интенциональная эмансипация, автономность); 4) результат эмансипации неоднозначен и зависит от внешних факторов (воспитательных воздействий, жизненных условий) и внутренних (ресурсы, способность к осмыслению внутренних проблем и пр.); 5) реализация эмансипационных тенденций в отличие от зависимости и привязанности способствует формированию личностных структур и их гармоничному сочетанию, личностной целостности; 6) зрелые формы эмансипации содержат потенциальные возможности для обретения внутренней независимости, расширения личностного масштаба, самоактуализации, для формирования и реализации конструктивной протестной активности; 7) незрелые и невротические формы эмансипации препятствуют позитивной самореализации и воспроизводятся в деструктивной протестной активности личности.

В результате теоретического обобщения мы пришли к выводу, что эмансипация представляет собой непрерывный процесс личностного развития, по-разному проявляющийся на разных возрастных этапах. Эмансипация включает в себя широкий спектр психологических понятий — от физического и

эмоционального отделения и реакции, протекающей по типу несогласия и противоборства, до выработанного способа существования. Опыт конструктивного разрешения встречающихся на каждом этапе онтогенеза трудностей и проблем способствует достижению личностной автономности и преодолению всех форм симбиотической зависимости.

Перейдем к *эмпирическому анализу эмансипации*. Отметим, что эмпирическое исследование этой формы протеста подтвердило вышеприведенные теоретические положения. Напомним, что эта конструктивная форма протеста предполагает наличие широкого спектра потребностей, отстаивание себя, своих идеалов и самостоятельно выработанных ценностей, направленность к максимальной самореализации.

Объем выборочной совокупности варьировал от $n = 2192$ до $n = 300$. Выборку составили подростки, лица юношеского возраста и молодежь, т.е. контингент с высоким уровнем личностной активности и наиболее склонный к выраженной протестной активности во взаимодействии с социумом. Обследовано 57,1 % женщин и 42,9 % мужчин. Средний возраст испытуемых составил $M = 20,86$ года, $SD = 6,94$ года; $Md = 19$ лет. С целью описания специфики эмансипации применялся корреляционный анализ по Спирмену шкалы *Эмансипация* методики ПАЛ с 250 переменными, входящие в шкалы 24 методик (см. Приложение 1, Таблица 1). Принимались во внимание и описывались только значимые (при $p < 0,05$ и $p < 0,01$) коэффициенты связей.

Обнаружена *развитость и многомерность потребностей* эмансипированной личности, о чем свидетельствуют значимые положительные корреляции шкалы *эмансипации* фактически со всеми шкалами методики ОТеЦ И.Г. Сенина, отражающей качество личностной активности в жизненных сферах: профессиональной, учебы, семейной, увлечений, общественной жизни ($p < 0,05-0,01$). Положительные связи эмансипации со шкалами *Престижа* ($r = 0,185$; $p < 0,01$) говорят о желании достичь высокого материального положения, реализовывать социальные контакты и *креативность*. Потребности и ценности в сфере обычной активности личности (власть, богатство, общение) сформированы

в полной мере и не противоречат друг другу. Максимально плотные корреляционные связи наблюдаются со шкалами *достижения* ($r= 0,295$; $p< 0,01$), *развитие себя* ($r= 0,287$; $p< 0,01$) и *духовное удовлетворение* ($r= 0,212$; $p< 0,01$). Эмансипант стремится к достижению жизненного успеха, совершенствованию своих способностей и саморазвитию и получает духовное удовлетворение от самореализации в разных жизненных сферах собственной активности.

Удовлетворенность в сфере *духовной активности* и стремление к *самореализации* сочетается с высокой *креативностью* ($r= 0,205$; $p< 0,01$) и сохранением собственной *индивидуальности* ($r= 0,186$; $p< 0,01$). Характерно не только желание сохранить собственные взгляды, идеи, отстаивать собственный стиль и образ жизни, но еще и иметь возможность для трансляции своих убеждений и ценностей, воплощения индивидуального своеобразия и неповторимости собственной личности, что обуславливает неприятие внешних массовидных влияний и чужих ценностей.

Рассмотрим значимые корреляции шкалы *эмансипации* по методике ПАЛ и опроснику ценностей Ш. Шварца (SVI). Опросник SVI по структуре составлен из двух компонентов, его первая часть охватывает убеждения личности, существующие на уровне нормативных ценностей, идеальных представлений, которые не обязательно проявляются в поведении; вторая часть опросника определяет ценности, реально раскрывающиеся в поведении. Опросник составлен из 10 типов шкал-ценностей, образующих мотивационные типы активности или 4 метавценности. Типы активности сгруппированы в две ортогональные оси, представляющие биполярные ценности: *открытость–консерватизм* и *самовозвышение–самотрансцендентность*. Ценности, согласно идеям Ш. Шварца, могут быть *совместимы* или *конфликтны*, к примеру, ценности доброты могут противоречить ценностям достижения [529; 530; 531; 532].

Установлено, что определяющими нормативными ценностями у субъекта с выраженными эмансипационными установками являются стремление к *доброте* (стремление обеспечить благополучие близких людей) ($r= 0,189$; $p< 0,01$), *безопасности* (желание сохранить стабильность в обществе, в отношениях с

другими людьми и самого человека) ($r=0,285$; $p<0,01$) и *достижениям* (направленность к личному успеху) ($r=0,360$; $p<0,01$). Значимые положительные корреляции высокого уровня эмансипации с данными шкалами свидетельствуют, согласно аксиологической теории У. Билски и Ш. Шварца [424], о *согласованности и непротиворечивости* ценностно-смысловой системы эмансипанта. Ценности *самовозвышения* (личные достижения) комплементарны ценностям *самотрансцендентности*.

У личностей с высокими эмансипационными установками наблюдаются небольшие ценностные противоречия: в нормативных ценностях *доброта* ($r=0,189$; $p<0,01$) сочетается со стремлением к *личным достижениям* ($r=0,360$; $p<0,01$) и *безопасности* ($r=0,285$; $p<0,01$). Личностные ценности стремления к *власти* ($r=0,220$; $p<0,01$) сочетаются с приверженностью *традициям* ($r=0,156$; $p<0,01$). Наблюдается некоторое смещение, уклон в сферу ценностей *консерватизма*. Установлены предпочитаемые личностные ценности – *стремление к власти* ($r=0,220$; $p<0,01$) и *традициям* ($r=0,156$; $p<0,01$). Таким образом, отмечена выраженная тенденция к самореализации и экспансии позитивных идей на социум, источником которых являются *традиционные* ценности.

Известно, что *удовлетворенность* выступает значимым фактором протестной активности личности, определяя ее специфику. Поэтому анализ параметров по методике Ш. Шварца был дополнен рельефными характеристиками, обнаруженными по методике СЖО Д.А. Леонтьева. Анализ показал, что личность с высокими эмансипационными установками в целом *удовлетворена жизнью*. Выявлены значимые положительные корреляции шкалы *эмансипации* фактически со всеми шкалами методики СЖО. Значимые положительные связи эмансипации со шкалами *Цели в жизни* ($r=0,272$; $p<0,01$), *Процесс жизни* ($r=0,254$; $p<0,01$), *Результативность жизни* ($r=0,173$; $p<0,01$) методики СЖО, косвенно свидетельствуют об удовлетворенности прожитой жизнью, принятием настоящего и наличием целей, перспектив в будущем, что говорит о способности к развитой и многогранной рефлексии; об осмысленности

жизни в целом и роли смысла в отдельных жизненных контекстах.

Положительные высокозначимые связи эмансипации со шкалами «*Локус контроля Я*» (Я – хозяин жизни) ($r= 0,466$; $p< 0,01$) и «*Локус контроля – жизнь*» ($r= 0,371$; $p< 0,01$) или управляемость и контроль над жизнью, позволяют дополнить характеристики представителей этой типологии развитыми *субъектными качествами*. Эмансипированная личность способна контролировать свои поступки, эффективно управлять своей жизнью, т.е. обладает развитой *субъектной активностью*. Наличие значимых положительных связей со всеми шкалами методики СЖО указывают на управляемость и осмысленность жизни. Ключевой тенденцией эмансипированной личности является стремление реализовать *внутреннюю свободу и самостоятельность* в мыслях, поступках и действиях.

Выявлены позитивные корреляции *эмансипации* с ценностными установками в оценке *Справедливости* ($r= 0,220$; $p< 0,06$) и *Образа Я* ($r= 0,142$; $p< 0,06$) по Шкале базисных убеждений личности Р. Янов-Бульман (WAS), в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой (БУЛ). Можно говорить о позитивной, непротиворечивой *картине мира*, которая характеризуется базовой убежденностью в социальной справедливости, которая в данном тесте определяется как вера в порядочность и доброту окружающих людей; установка на то, что хорошие люди более удачливы, благополучны и счастливы, а добрые поступки вознаграждаются в мире.

Вместе с тем позитивная картина мира дополняется позитивным образом Я – убежденности в наличии у себя положительных качеств, достоинств. Характерная оценка себя как привлекательного, интересного, человека, вызывающего симпатию, говорит о *самопринятии*, которое сочетается с *убежденностью в позитивной оценке своей личности со стороны окружающих*. Таким образом, постижение смысла мира осуществляется через веру в *справедливость*, мировоззрение складывается на основе индивидуальной жизненной философии и многогранной *рефлексии*, что в сочетании с

самопринятием обеспечивает гармоничную согласованность внутреннего и внешнего мира у представителей данного типа.

Концепция R. Janoff-Bulman раскрывает базовую убежденность в доброту и справедливость окружающего мира и необходимость *быть хорошим для получения справедливого вознаграждения за достойное поведение* [481; 482; 483], является интересной, но небесспорной. В основе идей, касающихся базовой убежденности, лежит представление о необходимости поддержания *стабильности субъективной картины мира*, предполагающее *адаптацию и консервативную стратегию*. Концепция R. Janoff-Bulman дополняется концепцией ценностных типов S.H. Schwartz, включающей, напротив, стремление к *самовозвышению и открытости к изменениям* [529; 530; 531; 532]. Необходимо учитывать, что создание данных многошкальных методик сопряжено с разными методологическими основаниями, т.е. сходные по названию шкалы этих методик основаны на сопоставимых, но разных аксиологических концепциях. Тем более, представляет интерес зафиксированное сходство по отдельным параметрам обеих методик, таких как выраженность *доброты* у эмансипированных субъектов, их стремление к *безопасности*, наряду с устремленностью к *достижениям*.

Понимая известную статистическую ограниченность метода корреляционного анализа, в связи с его слабым детерминационным потенциалом, мы применили мультишкально-полиметодический подход. Использование *разных* методик с *близкими* по содержанию шкалами, дающих в итоге анализа *похожие* результаты, позволяет усилить возможности изучения форм протестной активности личности.

Установлены высокосignимые корреляции *эмансипации* со шкалами: *Н смелость* ($r = 0,224$; $p < 0,01$), *Q₂ нонконформизм* ($r = -0,090$; $p < 0,01$) методики Р. Кеттелла; *Сw контроль* ($r = -0,217$; $p < 0,01$) методики диагностики межличностных отношений (FIRO) В. Шутца (в адаптации А. Рукавишникова). Лица с высоким уровнем эмансипации стремятся к *независимости, свободе*; демонстрируют *нежелание подчиняться влиянию группы и внешнему контролю*.

Выявленные значимые связи *эмансипации* с *ассертивностью* ($r=0,252$; $p<0,01$), стремлением *вступать в социальные контакты* ($r=0,284$; $p<0,01$), *поиском социальной поддержки* ($r=0,268$; $p<0,01$) методики С. Хобфолла (SACS); *общительностью* ($r=0,123$; $p<0,01$) методики Р. Кеттелла; *социальными контактами* ($r=0,138$; $p<0,05$) методики ОТеЦ; *включенностью* ($r=0,233$; $p<0,01$) методики В. Шутца; *вовлеченностью* ($r=0,258$; $p<0,01$) теста жизнестойкости С. Мадди доказывают наличие у *эмансипанта* высокой готовности к общению и широким контактам.

Обнаружены значимые положительные связи *эмансипации* со шкалами *Ie включенность* ($r=0,233$; $p<0,01$), *Iw включенность* ($r=0,152$; $p<0,01$), *Ae аффект* ($r=0,183$; $p<0,01$), *Aw аффект* ($r=0,152$; $p<0,01$) методики В. Шутца. Выражены потребность в общении, взаимодействии, интерес к другим людям, группам, мероприятиям, что говорит о том, что люди включены в отношения, им комфортно среди других. Шкала *Ie включенность* определяет потребность во включенности в отношения личность-группа, а в более широком плане соответствует концепции социального интереса А. Адлера. У представителей этой типологии развиты общественное чувство, потребность в эмоциональной близости с другими, поэтому они способны устанавливать *теплые*, приятельские, сердечные *отношения* с окружающими. Это не просто абстрактное принятие экспансивности других или как толерантность к другим, а *принятие личности других, их близости*. Показатели корреляции *эмансипации* со шкалами методики В. Шутца, свидетельствующие о *доверии к себе и людям*, обнаруживают *сходство* с результатами анализа Шкалы базисных убеждений личности Р. Янов-Бульман. Выявлены *позитивные социальные ценности* и *просоциальная направленность* у эмансипированных субъектов. Сформированность позитивных потребностей и целей отражается в корреляциях *эмансипации* со шкалами: *престиж* ($r=0,185$; $p<0,01$), *материальное положение* ($r=0,244$; $p<0,01$), *креативность* ($r=0,205$; $p<0,01$), *развитие себя* ($r=0,287$; $p<0,01$), *достижения* ($r=0,295$; $p<0,01$), *духовное развитие* ($r=0,212$; $p<0,01$), *индивидуальность* ($r=0,186$; $p<0,01$) методики ОТеЦ; *достижения* ($r=0,360$; $p<0,01$), *традиции* ($r=0,156$; $p<0,01$) методики С. Шварца;

всеми шкалами ($p < 0,01$) методики СЖО и жизнестойкости; *самоуважение* ($r = 0,184$; $p < 0,01$) и *самопринятие* ($r = 0,134$; $p < 0,05$) методики САТ.

Далее требовалось выяснить, насколько сложные и просоциальные ценности, выбираемые представителями этого типа, соответствуют их возможностям. Сформированные потребности и ценности, требуют для реализации амбициозных планов развитости *субъектных качеств*: саморегуляции, ответственности, развитого внутреннего локуса контроля, ощущения самоэффективности. Выявлено, что лица с высокими эмансипационными установками характеризуются развитостью *ответственности, самоконтроля и саморегуляции*. Установлены значимые положительные связи *эмансипации* со шкалами: *G нормативность* ($r = 0,177$; $p < 0,01$), *Q₃ самоконтроль* ($r = 0,108$; $p < 0,01$) методики Р. Кеттелла. Выявлены положительные связи эмансипации со шкалами методики «Стилевая саморегуляция поведения человека» (ССП 98) В.И. Моросановой, Е.М. Коноз: *планирование* ($r = 0,240$; $p < 0,01$), *моделирование* ($r = 0,266$; $p < 0,01$), *программирование* ($r = 0,144$; $p < 0,01$), *оценка результатов* ($r = 0,266$; $p < 0,01$), *гибкость* ($r = 0,233$; $p < 0,01$) и индексом *общего уровня саморегуляции* ($r = 0,335$; $p < 0,01$). Значимые позитивные корреляции свидетельствуют о развитой способности к определению значимых целей деятельности, о понимании ситуации и ее моделировании, в способах нахождения адекватного ответа на ситуацию. Способность к рефлексии и адекватной оценке ситуаций дают возможность предвидеть, замечать и корректировать действия. Следует отметить общую способность к планируемой и целенаправленной субъектной активности. Высокие показатели общего индекса саморегуляции эмансипанта говорят о внутренней каузальности, самодетерминированности, подконтрольности деятельности, независимости от внешних обстоятельств и других лиц.

Установлены положительные корреляции *эмансипации* со шкалами *вовлеченности* ($r = 0,258$; $p < 0,01$), *контроля* ($r = 0,184$; $p < 0,01$) и общим индексом жизнестойкости ($r = 0,222$; $p < 0,01$) по тесту *жизнестойкости* С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева). Эмансипированные субъекты способны получать

удовлетворение от работы и собственной активности в целом, что поддерживается ощущением *самоценности и компетентности*. Позитивная связь эмансипации со шкалой *контроля* указывает на активные жизненные установки и веру в свою способность влиять на результат деятельности, соответственно и трудные жизненные ситуации воспринимаются как контролируемые и предоставляющие возможности для саморазвития.

Особенности представлений о себе и характер взаимодействий с социумом определяет шкала социально-психологической адаптированности (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонд в адаптации Т.В. Снегиревой и А.Х. Осницкого. Отметим, что шкалы данной методики построены на основе предложенной К. Роджерсом психологической модели персонального роста.

Выявлены значимые положительные корреляции эмансипации со следующими «адаптивными» субшкалами и общими индексами СПА: *адаптивность* ($r = 0,287$; $p < 0,01$), *принятие себя* ($r = 0,174$; $p < 0,01$), *принятие других* ($r = 0,275$; $p < 0,01$), *эмоциональный комфорт* ($r = 0,197$; $p < 0,01$), *внутренний контроль* ($r = 0,197$; $p < 0,01$). Важное подтверждение субъектных качеств – выявленные позитивные корреляции эмансипации с *индексом интернальности* ($r = 0,191$; $p < 0,01$). Полученные данные соотносятся с взглядами Ю. Подгурецки, который отмечает, что лица с внутренним ощущением контроля дают более высокую оценку шансам на успех, чем люди с внешним ощущением контроля, причем, творческое, экспансивное действие чаще предпринимается представителями первой группы. Автором подчеркивается, что склонность к трансгрессивной ориентации, в отличие от защитной, способствует росту самооффективности [277]. С «негативными» субшкалами методики СПА, определяющими дезадаптивность, значимых корреляций эмансипации не было выявлено. Таким образом, рассмотренные параметры определяют *специфику субъектной активности эмансипанта*, которая проявляется в самодетерминации, развитых регуляторных умениях, выборе плодотворных стратегий взаимодействия, с четко проявляющейся альтруистической мотивации (социоцентризм, сотрудничество), которые обеспечивают результативность,

наряду с получением удовольствия от деятельности и самостоятельностью в принятии решений.

Картину субъектной активности личности дополняет анализ качеств, связанных с представленностью и разным уровнем развития компонентов *ответственности* по методике В.П. Прядеина. Обнаружены позитивные корреляции эмансипации со шкалами конструктивных форм ответственности: *динамическая эргичность* ($r=0,230$; $p<0,01$), *мотивация социоцентрическая* ($r=0,210$; $p<0,01$), *когнитивная осмысленность* ($r=0,292$; $p<0,01$), *эмоциональная стеничность* ($r=0,300$; $p<0,01$), *регуляторная интернальность* ($r=0,316$; $p<0,01$), *результативность предметная* ($r=0,334$; $p<0,01$). Для лиц с высоким уровнем эмансипации характерны обязательность, результативность, способность и желание доводить начатое дело до конца, самостоятельность, независимость, активная установка; глубокое осознание сути ответственности. Эти параметры ответственности указывают на осмысленное и ответственное целеполагание; возможность делать самостоятельный и ответственный жизненный выбор.

Выявлена позитивная корреляция эмансипации ($r=0,235$; $p<0,01$) со Шкалой общей *самоэффективности* (GSES) Ральфа Шварцера, Маттиаса Ерусалема (в адаптации В.Г. Ромека). Шкала *самоэффективности* создана в соответствии с теорией А. Бандуры. Самоэффективность определяет результативность деятельности в плане усилий, прилагаемых человеком, упорства в решении задач разной сложности. Исследователи подчеркивают, что оптимальное эмоциональное состояние и самооценка; склонность к риску, вера в успех, способности, обучаемость и компетентность, а также опыт и прошлые достижения влияют на самоэффективность [197; 364; 376]. Личности, развившие у себя это качество, отмечает А. Бандура, являются режиссерами-постановщиками собственной жизни [281, с. 39]. Обнаружено, что эмансипанты проявляют упорство в достижении целей, склонны к разумному риску, верят в успех. Результаты по методике *самоэффективности* имеют сходство с показателями шкал методик, диагностирующих уровень *ответственности*, *социальной адаптации* и качество *саморегуляции*. Доказано, что эмансипированные субъекты

обладают высокой самооценкой, автономностью и ставят цели, определяющие смысл и содержание жизни. Проявляя интерес к жизни, они высоко оценивают ее продуктивность, удовлетворены самореализацией. Развитая способность к саморегуляции, уверенность в способности влиять на ситуации, самостоятельно определенный выбор целей и развитая способность к саморефлексии дает возможность эффективно решать жизненные задачи и получать удовольствие от работы и от жизни. Выявленные особенности в полной мере соотносятся с отмеченными Н.Е. Харламенковой ключевыми характеристиками самодостаточного типа личности: конструктивным способом самоутверждения, ориентацией на независимость, приоритетом ценностей общения и саморазвития [373].

Отмеченный конструктивный вклад эмансипации в самодетерминацию и автономность не снимает *противоречий* в разных сферах активности личности. Высокий потенциал личностной ресурсности, сформированные регуляторные умения и преобладание саморуководства, способность к эффективному планированию и регулированию, критичность, ответственность и активная жизненная позиция сочетаются с неконструктивными копинг-стратегиями по методике С. Хобфолла: с *агрессивным копингом* ($r= 0,176$; $p<0,01$) и, что важно, готовностью к *асоциальным действиям* ($r= 0,116$; $p<0,05$). Отрицательные корреляции эмансипации со шкалами методики В.П. Прядеина *эмоциональной астеничностью* ($r= 0,121$; $p< 0,01$) и *результативностью субъектной* ($r= 0,300$; $p< 0,01$) говорят о том, что в эмоциональной сфере представителей данной типологии преобладают стенические эмоции, но могут появляться и усиливаться отрицательные эмоции. Наряду со стремлением к завершению общественных дел, может нарастать беспокойство по поводу *собственного успеха и благополучия*.

Негативные корреляции шкалы эмансипации с пятью шкалами методик психологических защит Р. Келлермана – Г. Плутчика ($p< 0,05-0,01$), с семью шкалами опросника Мини-мульти ($p< 0,05-0,01$) свидетельствуют о непротиворечивой, неискаженной картине мира, развитой системе саморегуляции, которая дает возможность справляться с трудностями и следовать

конструктивным жизненным курсом. Полученные данные соотносятся с данными, полученными Е.П. Никитиным и Н.Е. Харламенковой, согласно которым лица с выраженным конструктивным самоутверждением используют разные механизмы психологической защиты, но чаще всего прибегают к *зрелым способам защиты*, таким как идентификация. Характерной особенностью лиц с данным способом жизни в социуме является *стремление к самораскрытию и самовыражению* [253, с. 420]. Вместе с тем у представителей данной типологии отмечены весьма заметные *проблемы в сфере отношений*: шкала *принятие других* (СПА) ($r=0,275$; $p<0,01$), *доброта* (ОТеЦ), ($r=0,189$; $p<0,01$) сочетается с *подозрительностью* ($r=0,087$; $p<0,05$), *агрессивностью* ($r=0,283$; $p<0,01$), *враждебностью* ($r=0,132$; $p<0,01$) (по методике А. Басса и А. Дарки) *агрессивным копингом* ($r=0,176$; $p<0,01$) (по методике С. Хобфолла).

Согласно результатам *опросника интерперсонального диагноза Т. Лири* по определению жизненных установок, сделано заключение о противоречивых и негативных установках лиц с выраженными эмансипационными тенденциями. Определены значимые отрицательные связи *эмансипации* со шкалами *доверия* ($r=-0,184$; $p<0,01$), *доброты* ($r=-0,197$; $p<0,01$), *уступчивости* ($r=-0,147$; $p<0,05$). Положительная связь эмансипации с *индексом доминирования* ($r=0,166$; $p<0,01$) свидетельствует о наличии стремления к лидерству, высшему уровню активности. Установленная отрицательная связь *эмансипации* с *общим индексом дружелюбия* ($r=-0,177$; $p<0,01$) указывает на преобладание негативного настроения по отношению к людям. Вероятно, проблемы конфликтов с социальным окружением связаны с отдельными негативными личностными особенностями эмансипанта, что подтверждается значимыми корреляциями *эмансипации* со шкалами: *обиды* ($r=0,112$; $p<0,01$) методики А. Басса и А. Дарки, *проекции* ($r=0,189$; $p<0,01$) опросника Р. Келлермана – Г. Плутчика, *мании* ($r=0,189$; $p<0,01$) опросника Мини-мульти.

В работе определялись особенности связей эмансипации со шкалами внешнего и внутреннего контроля по опроснику В. Шутца. Выявлены отрицательные корреляции эмансипации со шкалой *Сw контроль (внешний*

контроль) ($r = -0,217$; $p < 0,01$). Вероятно, лица с высоким уровнем эмансипации стремятся избегать контроля со стороны других, *внешнего давления*, преобладает *непринятие* внешнего руководства над своей деятельностью; *несогласие* с суждениями о себе и собственной деятельности; нежелание подчиняться, непокорность. Выявленные корреляции эмансипации со шкалами методики Ф. Фидлера свидетельствуют о выраженной *недоброжелательности* ($r = 0,140$; $p < 0,05$), *неудовлетворенности* ($r = 0,152$; $p < 0,05$), оценке группы как *непродуктивной* ($r = 0,233$; $p < 0,01$).

Вероятно, стремление эмансипанта эффективно решать задачи в групповой деятельности, наряду со стремлением к лидерству, не в полной мере находит отклик в группе. Отрицательная корреляция *эмансипации* с индексом *Удовлетворенности* методики УТРО ($r = -0,179$; $p < 0,01$) подтверждает предположение о непринятии эмансипантом отдельных сторон активности и отношений в группе. Установлены значимые корреляции *эмансипации* со шкалами методики стилей поведения в конфликте К. Томаса и Р. Килмана: *соперничество* ($r = 0,247$; $p < 0,01$), *приспособление* ($r = -0,283$; $p < 0,01$). Основной стиль поведения в конфликте – конфронтационный, связанный с нежеланием понимать соперника, принимать его точку зрения, отстаиванием и навязыванием своего мнение. Придерживаясь жесткой стратегии, представители этого типа демонстрируют нежелание приспособливаться, идти на уступки, они проявляет себя в конфликте как лица, ориентированные на свои интересы, не готовые учитывать потребности партнера. Применительно к этому типу мы можем говорить о готовности к реализации потенциала собственного Я, выраженном желании транслировать личностный масштаб на социум, стремлении к лидерству. Однако на этом пути эмансипированные субъекты встречаются с чужими смыслами и ценностями, непониманием, порождая *агрессию*, *враждебность*, негативный настрой к окружающим, что указывает на проявления деструктивного полюса. Эмоциональная *нестабильность*, *соперничество* затрудняют адекватную оценку ситуаций и указывают на продуманную стратегию, но не всегда обоснованную тактику. Неуступчивость, недоверие, враждебность, вероятно,

обусловлены желанием доминировать и реализовывать свои устремления. Статусные притязания и способность к лидерству усиливают некоторые показатели жизнестойкости (вовлеченность). Однако жизнестойкость, стремление к автономии могут сочетаться с сильной зависимостью от адресата протеста, обуславливая характерную амбивалентность чувств.

Анализ структурных параметров этой формы протеста дает основание рассматривать человека с выраженными эмансипационными установками как аутентичную личность, обладающую позитивными и согласованными ценностями, способную к вычленению и конструктивному разрешению возникающих противоречий. Это пример активного воплощения в жизнь модуса, который выступает как способность к самостоятельному построению жизни, осмысленному ее регулированию в соответствии с кардинальным направлением. Можно говорить об успешности личностного и профессионального самоопределения эмансипированной личности, поскольку ключевые устремления связаны с развитием самооффективности, направленности на личностный рост. В этом плане имеется аналогия наших выводов с исследованиями Г.Ю. Фоменко, где проанализирована качественная специфика экстремального и предельного модусов бытия. Эмансипированные личности в наибольшей степени соответствуют характеристикам людей, выбирающих предельный модус бытия: изначальная постановка надситуативных целей и работа на опережение предстоящих трудностей и испытаний; преобладание «активной неадаптивности»; убежденность в своей самооффективности; инструментальная оснащенность и психологическая подготовка к экстремальным нагрузкам; способность к саморегуляции и самоконтролю над ситуацией [344; 345; 346; 348; 350].

Полагаем, что данному типу свойственна внутренняя неотчужденная активность, при которой человек «оживляет все, чего бы он ни коснулся» [368, с. 96-97]. Отметим, что социум не всегда готов к принятию субъектной активности высокого уровня и может объективно тормозить, подавлять или игнорировать инициативу. Намеренное ограничение со стороны социума личностного потенциала, *масштаба* эмансипированных субъектов вызывает

недовольство ригидностью, косностью системы, ее недостаточной восприимчивостью к инновациям. В таблице 8 на основе структурных компонентов протестной активности описана специфика эмансипации.

Таблица 8

Специфика эмансипации

Мотивационно-потребностная сфера
Альтруистическая ценностная мотивация, мотивация достижения; развитый социальный интерес и потребность в самоотдаче; духовное удовлетворение от самореализации в разных жизненных сферах; расширяющийся круг мотивов и потребностей. Гармоничность мотивационно-потребностной сферы, иерархическое соподчинение базовых потребностей, эмоций, мотивов.
Картина мира
Базовая убежденность в социальной справедливости, доверие к миру, морально-этические установки, устойчивое мировоззрение и позитивное мироотношение складывается на основе многогранной рефлексии; самопринятие, восприятие реальности как возможностей самоосуществления; ценностное отношение к жизни; состояние личностного роста; активная гражданская позиция, чувствительность к несправедливости. Позитивная картина мира и система гуманистических идей, целостное мировосприятие.
Субъектная активность
Самодетерминация, целеполагание на основе автономной ценностной мотивации; расширенный диапазон альтруистической деятельности; творческая активность; выбор конструктивных стратегий взаимодействия; способность занимать субъектную позицию; развитые регуляторные умения; убежденность в самоэффективности; жизнестойкость, отношение к трудным ситуациям как возможности саморазвития.
Ценностно-смысловая направленность
Ценности доброты, безопасности, самовозвышения; открытость к изменениям; выработка взглядов, идей, ценностей и способность их отстаивать и транслировать на социум; альтруистическая направленность; стремление к лидерству; наличие целей и перспектив, социальная продуктивность; генерирование, интеграция и трансляция L-смыслов (смыслов бытия); направленность к самотрансцендированию и самоактуализации. Гармонично выстроенная иерархия и соотнесенность ценностей, смыслов и жизненных целей.
Экзистенциальное самоопределение
Продуктивные варианты удовлетворения экзистенциальных потребностей: настрой на усилие, понимание свободы как соотнесенности с самим собой и духовной независимости, ответственность, альтруизм, связь с жизнью общества.
Противоречия
Альтруизм, духовность, дружелюбие и вспышки агрессии, враждебности; желание сохранения стабильности общественного устройства и неудовлетворенность ролью и функционированием социальных институтов; консерватизм; принятие традиций и неприятие советов старших или контроля со стороны руководства; развитое самопонимание и импульсивность, несдержанность; тактичность, социальная чувствительность и неуступчивость. Автономность, жизнестойкость сочетаются с зависимостью от адресата протеста, обуславливая амбивалентность чувств к нему.

Приведенная выше таблица отражает стремление эмансипированной личности к продуктивной реализации экзистенциальных потребностей (в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации). *Базовое противоречие* – автономность, жизнестойкость сочетаются с зависимостью от адресата протеста, обуславливая амбивалентность чувств к нему. Обнаружен еще ряд *актуальных противоречий*: между желанием сохранения стабильности общественного устройства и неудовлетворенность ролью и функционированием социальных институтов, между умением понимать себя и свои чувства и импульсивностью, несдержанностью. Тактичность, социальная чувствительность сочетаются неуступчивостью, непокорностью; консерватизм и принятие традиционных ценностей сочетаются с неприятием требований, исходящих от старших по возрасту или лиц, занимающих более высокий статус. Выявленные *противоречия* свидетельствуют о том, что эмансипированная личность, обладая обширным личностным потенциалом, хочет не просто встроиться в социум и хорошо адаптироваться, но имеет высокие статусные притязания и, судя по спектру сформированных мотивов, устойчивых позитивных ценностей, обладает заметным личностным масштабом, позволяющим обрести высокий статус. Следовательно, на первый план выходит потребность в реализации собственного масштаба.

Таким образом, через противоречия вырисовываются контуры источников и параметров протестной активности личности у лиц с выраженной эмансипацией. Вместе с тем, обнаруженные противоречия показывают, что даже социально зрелая личность не всегда демонстрирует способность к равномерному и гармоничному восхождению к высшему уровню субъектности. Этот вывод соотносится с представлением А.Н. Поддьякова об относительности достигнутой зрелости реальной системы [278, с.95], что дополнительно подчеркивает процессуальность субъектности и заостряет внимание на проблеме флуктуаций между двумя типами субъектности (истинной/ложной), относительно конструктивных форм протестной активности личности.

4.3. Эскапизм и его варианты в ракурсе проблемы реактивного и рефлексивного способов существования

Отмеченная в предыдущем параграфе многоплановость, свойственная эмансипации, еще больше характерна для эскапизма, который имеет сложный, противоречивый характер. Парадоксально, что эскапистские формы поведения свойственны преимущественно молодому поколению, от которого общество ждет творческой активности в области культуры, в решении глобальных проблем цивилизации. Не случайно природа эскапизма – от аутизма, дефензивности, погруженности в виртуальное пространство, сектантства, до его крайних протестных форм — отшельничества, голодовок, вплоть до ухода из жизни, вызывает устойчивый интерес у исследователей.

Эскапизм (от англ. *escape* – бежать, спастись) рассматривается в литературе как пассивная стратегия, обращенная на прерывание коммуникативных связей с социумом, как стремление личности в ситуации кризиса уйти от действительности в мир иллюзий, фантазии [80; 96; 395]. Обращение к содержанию слова «эскапизм» обнаружило неоднозначность трактовок: а) стремление личности уйти действительности в мир иллюзий, фантазии в ситуации кризиса, бессилия, отчуждения [29]; б) избавление, спасение; в) средство забыться, уйти от действительности [389, с. 176]; г) невозможность вспомнить (здесь прослеживается действие защитных механизмов, например, вытеснение).

Встречается и иная трактовка слова, связанная с политической пассивностью, где эскапизм рассматривается как социальное явление, особенностью которого является стремление индивида или социальной группы уйти от общепринятых стандартов общественной жизни [80]. Теоретический анализ выявил допустимость применительно к психологической феноменологии использования понятий «эскапизм», «бегство» и «уход» как синонимичных, поскольку в смысловом отношении они тесно связаны с понятиями отчуждения, экзистенциального невроза, отстраненности, смыслоутраты. Генезис данного феномена позволяет рассматривать *эскапизм* как форму протестной активности личности, поскольку эскапизм является показательным симптомом

неблагополучия во взаимоотношениях в системе личность – общество – государство. Теоретические основания для рассмотрения эскапизма как формы протестной активности личности дают работы К. Маркса, Э. Фромма, С. Мадди, Г. Олпорта, С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского, К.А. Абульхановой-Славской, Д.А. Леонтьева, М. Хайдеггера, М. Мамардашвили, В. Франкла.

По мнению Г. Олпорта, все люди склонны к бегству, и эскапизм на некоторое время может обеспечить не только восстановление сил, но и иметь определенную конструктивную пользу. Но процесс бегства может быть безвредным только в том случае, если доминирующим процессом является противостояние. Сам по себе эскапизм, убежден Г. Олпорт, означает бедствие, поскольку крайняя степень бегства образует психоз. «У психопата этот процесс является преобладающим; у нормального человека, напротив, преобладает противостояние» [263, с. 42].

Многоплановость проявлений эскапизма, от примитивного бегства-избегания (уровень «страусиной» позиции), до социально значимого поступка (уровень высшего эскапизма), заставляет обратить более пристальное внимание на причины становления кардинально разных вариантов проживания жизни и источники их поддержки. Если один вариант эскапизма связан с отказом от духовных усилий и самоопределения и знаменует следование реактивному способу существования, то в другом, высшем типе проявляется вся мощь человеческого духа, концентрированные усилия личности, направленные на самосовершенствование и благотворное преобразование мира.

4.2.1. Высший эскапизм как поступок и преобразовательная активность личности

Нами выделена редко встречаемая форма протестной активности (высший эскапизм), которая соотносится с предельным модусом бытия [346] и реализуется в конструктивно-преобразовательной активности. По F. Barron, «...люди, внесшие большой вклад в развитие человечества, часто несли в своей душе гордое «нет», и приходили в ярость от той лжи, показухи и несправедливости, которые общество

производит в огромных количествах [421, р. 144]. В период античности философы выражали протест против невежества сограждан, аморальности нравов, несправедливых законов и порядков, но их идеи в лучшем случае игнорировались. «Философы в их социологической ситуации были одинокими, отчасти – париями, которые должны были вследствие своего происхождения вести жизнь в *изоляции, бунтарями*» [413, с. 73]. Остро переживая судьбу человечества, они выбирали разные способы привлечения внимания общественности к какой-либо проблеме. Иногда могли отказаться от привилегий, статуса, как это сделал Гераклит Эфесский, в знак протеста против изгнания друга, отрекшийся от сана царя. Ответом на косность взглядов, несправедливость, нелепые обвинения и унижение достоинства становилось и самоубийство (Менедем, Сократ, Аристотель) [207]. Жертвы инквизиции Ян Гус и Джордано Бруно, как известно, добровольно приняли мученическую смерть, но не отказались от своих идей (вспомним «Фауста» Гете: «Немногих, проникавших в суть вещей и раскрывавших всем души скрижали, сжигали на кострах и распинали»). В XX веке М. Ганди успешно использовал в борьбе за независимость Индии компании гражданского неповиновения, часто сопровождавшиеся драматическими массовыми голодовками со смертельными исходами. Общим для этих выдающихся людей остается следующее: их деятельность и способ мышления исторически оказались необходимыми, кроме того, они стали стимулом к противостоянию, благодаря которому противостоящие становятся понятными самим себе [413, с.230].

Существуют менее кардинальные, но глубокие по воздействию эскапистские акты, такие как отшельничество, странничество. Отшельничество указывает не только на неприятие ценностей и реальности «нового мира», но связано прежде всего с желанием сохранить нравственный уклад старой патриархальной среды, сберечь традиции и духовность. Внешне предстающие как иррациональные и нелогичные, эти поступки вызваны напряженной духовной работой, непрекращающимся совестным актом.

Основанием для высшего эскапизма, по сути, означающего выбор модуса бытия на собственный риск без общества и его одобрения, является внутренняя свобода и выработанная субъектная позиция. Согласно М. Мамардашвили, люди освобождаются ровно настолько, насколько они сами проделали свой путь освобождения изнутри себя. Поэтому, по его мнению, А.С. Пушкина называют невольником чести, «но чести не в ходячем, полковом» ее понимании, а чести как устоя бытия, как элемента чуть ли не космического осмысления порядка и меры. В ней он утверждал также и гражданское достоинство и социальный статус поэта, всякого человека мысли и воображения» [225, с. 186]. В подобном варианте эскапизма реализован выстраданный и подготовленный всей жизнью *волевой протестный акт*, вызов социуму, обосновывающий себя целостным мировоззрением личности. По мнению С.Л. Рубинштейна, в случае, когда волевой акт исходит от человека и направляется им, то такое действие становится в подлинном смысле слова поступком, в котором человек себя выявляет и которым он устанавливает свое отношение к другим [300, с. 466].

Поступок отличен от обычного поведения, в котором соединяются с перевесом в ту или иную сторону внутренние и внешние, но достаточно обыденные, текущие побуждения. В понимании Д.А. Леонтьева поступок выступает как действие, не вписывающееся в традиционные схемы психологической причинности, но требующее признание иного рода причинности, опирающийся на ответственность, смысл, возможности. Д.А. Леонтьев, подчеркивая динамику и активность поступка, отмечает, что этимологически слово «поступок» связано со словом «ступать» и основано на метафоре движения или продвижения по некоторому пути. Поступок всегда продвигает субъекта как личности, в отличие от действия, которое только приближает к цели. «Поступок можно определить как осознанное ответственное действие, которое основано на личностной причинности и продвигает личность в измерении личностного пути [197, с. 36].

Т.В. Корнилова, вслед за В.П. Зинченко, подчеркнувшего нравственный аспект бытийных выборов, считает, что поступок предстает как непрерывное

творение человеком себя и своей жизни. «Поступок – это самоопределение – преодоление неопределенности – на уровне нравственных ориентиров». Анализируя временной аспект поступка, Т.В. Корнилова обращает внимание на существенные различия поступков в актах, или их длящихся непрерывностях, которые принимают вид *подвижничества или злодейства* [163].

В. Франкл убежден в том, что большие и подлинно экзистенциальные решения в жизни человека всегда неререфлексируемы и неосознанны, поскольку истоки совести находятся в бессознательном. Он отмечает существование доморального постижения ценности — совести, которая принципиально предшествует любой эксплицитной морали и именно «совести открыто не сущее, а скорее, напротив, то, что еще не существует, а лишь должно существовать» [359, с. 97].

В. Франкл обращается к проблеме специфического *индивидуального долженствования*, которое не ограничивается *общим моральным законом* (по типу кантовского императива), но предписывается всегда только «*индивидуальным законом*» (по Г. Зиммелю). Совесть снимает дискретность между всеобщим моральным законом и конкретной индивидуальной ситуацией, гармонично согласовывая их и определяя неповторимое бытие [там же, С. 97-98].

М.К. Мамардашвили, отмечая, что во многих языках сознание и совесть происходят от одного корня, определяет сознание как моральный феномен, означающий способность человека руководствоваться ничем не вызванной мотивацией, так называемой идеальной мотивацией [225, с. 78].

Смысл и внезапность поступков частично раскрывается через понятия «постав», «судьба», «предназначение». По М. Хайдеггеру, поступки только тогда становятся событиями, когда отвечают миссии или судьбе. Однако судьба, убежден М. Хайдеггер, — не принудительный рок, «человек впервые только и делается свободным, когда прислушивается к миссии, посылающей его в историческое бытие, приходя так к послушанию, но не к безвольной послушности» [403, С. 231-232]. По словам К. Ясперса, содержание реальности выдающихся людей – это не только опыт фундаментальной человеческой

ситуации, ее основания, но и удостоверение человеческой задачи, предназначения [413, С. 230].

Следовательно, поступок предстает как результат морального выбора, в котором проявляется и отношение личности к миру, ее ценностные установки, мотивационные предпочтения и способы разрешения экзистенциальных вопросов бытия. Поэтому совершая поступок, человек самоопределяется. Причем выбор, считает Р. Мэй, может осуществляться только на основе сложившейся структуры – интенциональности, в которой личность осмысливает прошлый опыт и представляет будущее. Вне интенциональности невозможен ни сам выбор, ни его реализация [364, с. 851].

Полагаем, что личности, способные к высшему эскапизму, аккумулируют в личностно-смысловой сфере нравственные проблемы целой эпохи. Протест Л.Н. Толстого против казней крестьян и морального «псевдооправдания» их убийства или дуэль А.С. Пушкина, суициды Сократа, Менедема, Аристотеля, молчаливый протест М. Ганди – яркие поступки, оказавшие влияние на ход истории, «взорвавшие» ситуацию стагнации и несправедливости в обществе, создавшие вокруг себя нравственно «заряженное» психологическое пространство (в терминах К. Левина) для возникновения культуры, преемственности и проявлений новых духовных возможностей для всего человечества. Данное предположение, взятое за основу, согласуется с определением аутентичной личности, которую мы находим у С.Л. Рубинштейна: подлинная личность определенностью своего отношения к основным явлениям жизни заставляет и других самоопределиться [300, с. 502].

Борцы за справедливость, гуманистические ценности руководствуются универсальными нравственными принципами, которые могут вступить в противоречие с действующими законами, поскольку самостоятельно выработанная и выстраданная в процессе духовной работы мораль глубже и искреннее, чем законы. М.Л. Кинг, усомнившийся по поводу законности расовой сегрегации, резюмировал суть своей субъектной позиции: «Индивидуум, преступающий несправедливый, по его убеждению, закон и добровольно

принимаящий тюремное заключение, чтобы всему обществу показать существующую несправедливость, в действительности выражает высочайшее уважение к закону» [цит. по: (75, с. 399)].

Способность противостоять обществу свидетельствует о выходе индивидуальной регуляции за рамки социальной [190]. Когда индивидуальная жизнь включается в систему более общих взаимосвязей (исторических, культурных, религиозных), смысл поступка становится частью общечеловеческой смысловой сферы. Жизнь, ее объективные обстоятельства, благодаря духовным усилиям человека, не только созвучна его сущности, но и гармонично встроена в превосходящей его системе смысловых взаимосвязей [215].

Высший эскапизм является следствием напряженной внутренней работы, наступательно-утверждающий характер которой связан с поиском и обретением веры, выработкой смыслов и ценностей, с достижением такого уровня нравственного сознания, которое позволяет чувствовать ответственность не только за себя, но и за все человечество. Эта форма протеста соотносится с выделенным Л. Колбергом высшим уровнем нравственного развития, на котором личность как субъект способна творчески преобразовывать моральные нормы общества во имя гуманистических ценностей. На этой стадии решения нравственных проблем суждение выводится из универсальных этических принципов, что автоматически снимает эгоцентризм личности и ее конформность к внешне установленному порядку существования, усиливая доверие к своей субъектной позиции [75]. Вспомним также слова М. Лютера «На том стою, и не могу иначе» или статью Л.Н. Толстого «Не могу молчать» – протестный ответ на казнь крестьян. На наш взгляд, высший эскапизм всегда соотносится с конкретной исторической ситуацией и выступает адекватной внешней формой, которая поддерживает протестную активность на конструктивном уровне и позволяет разрешить острые нравственные противоречия эпохи. Эта форма протестной активности личности полностью соотносится с выделенным В.Н. Дружининым жизненным вариантом «жизнь-служение» [96], подвижничеством.

Для реализации высшего эскапизма надо уйти, но факт ухода приводит к позитивному изменению самой системы (изменение как бы «подстегивается» уходом, самым поступком). В результате происходит своеобразная *деконструкция* бытия. Деконструкция, по Жаку Деррида [474], демонтаж структуры не означает регресс к простому элементу, это «идея сбора судьбы бытия, единства его назначения или отправления» [89, с. 56].

Отметим, что сохранение целостности духовной и трансцендентной иногда достигается за счет разрушения целостности физической, что обосновывает целесообразность названия этой формы протеста в качестве высшего эскапизма. Но это трагическое бытие, отречение, которому нередко сопутствует одиночество, высвечивает главное – бытие-для-других. Благодаря этой протестной форме можно увидеть, каким образом личность достигает высшего уровня субъектности, о котором писал А.В. Брушлинский, т.е. уровня, на котором субъект самостоятельно вводит критерии, по которым реализуется его активность.

Высший эскапизм предполагает способность человека преодолевать ситуативность и «затягивание» жизни, готовность отстаивать свою позицию в любых сложных ситуациях. Основным показателем, отражающим иерархическую соподчиненность всех компонентов системы протестной активности, является субъектное позиционирование личности, выступающее интегратором внутренних противоречий, обеспечивающее аутентичность личности. Применительно к этой форме протеста все экзистенциальные потребности (в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации) продуктивно реализовываются, экзистенциальные дихотомии глубоко осмысливаются. Что же касается *противоречий*, то можно говорить о совершенно *особом типе противоречий*. Неординарная личность, способная противостоять обществу, обладает внутренней свободой от давления непосредственного окружения и обширным личностным масштабом, поэтому соответствующим образом ставит проблемные вопросы бытия и разрешает их. **Базовое противоречие** – между выработанными в процессе углубленной рефлексии индивидуальными

ценностями и смыслами и косностью общественных структур, не готовых воспринять гуманистические ценности.

В таблице 9 на основе структурных параметров протестной активности описана специфика высшего эскапизма.

Таблица 9

Специфика высшего эскапизма

Мотивационно-потребностная сфера
Просоциальный характер потребностей; мотивация служения обществу и людям; потребность в непрерывном совершенствовании; потребность в достижении внутренней свободы и объективации; гармоничная реализация потребностей в самоактуализации, во внутренней согласованности, в подтверждении своей значимости для внешнего мира.
Картина мира
Целостная картина мира; отказ от базовых иллюзий; постижение смысла мира через веру; слияние с миром на основе ценностного отношения ко всему живому; устойчивое мировоззрение на основе системы гуманистических идей и индивидуальной жизненной философии, активная гражданская позиция на основе базовой триады - «забота-сочувствие-солидарность»; чувствительность к социальной несправедливости.
Субъектная активность
Преобразовательная активность; устойчивая субъектная позиция, готовность и способность к преумножению духовных и социально-культурных богатств человечества; расширенный диапазон альтруистической деятельности; способность к осуществлению интерсубъектного позитивного влияния на социум; волевое состояние морального сознания; многогранная рефлексия; восприятие сложной исторической ситуации как возможности заострения экзистенциальных вопросов; способность к самотрансцендированию и самоосуществлению.
Ценностно-смысловая направленность
Генерирование гуманистических ценностей на основе многогранной рефлексии; следование в повседневности внутренним морально-этическим императивам; выработка индивидуальных смыслов бытия; осознание своего предназначения, принятие собственной судьбы и следование собственному жизненному проекту; самоотдача и жертвенность; стремление к метаперсонализации.
Экзистенциальное самоопределение
Выбор самобытия, продуктивные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей и глубокое осмысление жизненных дихотомий; ответственность как осознанная личностная причинность; ответственность не только за себя, но и за судьбу мира; понимание свободы как духовной независимости и соотнесенности с самим собой (аутентичность); принятие подлинно экзистенциальных решений и совершение поступков на основе автономного, морально-нравственного выбора; открытость миру и единство с ним.
Противоречия
Ценностно-смысловые противоречия между выработанными в процессе углубленной рефлексии индивидуальными ценностями и смыслами и косностью общественных структур, не готовых воспринять гуманистические ценности.

4.2.2. Эскапизм как отказ от жизненных усилий и экзистенциального самоопределения

Намного чаще встречается эскапизм, связанный с отказом от жизненных усилий по преобразованию реальности и механическим отгораживанием от социума. Применительно к описанным В.Н. Дружининым «вариантам жизни» эскапизм аналогичен варианту «жизнь-сон», с его ощущением иллюзорности происходящего, вместе с признанием реальности и желанности «внутренней» жизни. В.Н. Дружинин полагает, что «уход» молодых людей в грезы, в сновидения наяву является протестным вызовом, болезненным ответом миру взрослых [96]. С.Л. Рубинштейн указывает на последствия такого ухода: дематериализация бытия выражается в обособлении сущности от существования, превращении их в идеи, в образы, в представления, которые затем обращаются против бытия как бытия сущего[319].

Полагаем, что сущность эскапизма применительно к протестной активности личности наилучшим образом раскрывается в контексте проблемы *отчуждения* и *беспомощности*. Понятие *отчуждения*, *alienation* (от лат. ab — от, alienus — чужой) теоретически наиболее разработано в философии и социологии, где оно рассматривается в различных контекстах: как объективация сущностных сил человека (Г. Гегель) и результат отчужденного труда, связанного с утратой контроля над продуктами человеческой деятельности, нарушающих суверенность целостность личности (К. Маркс); как девиантный ответ на острую аномию, («безнормие»), вызывающее всплеск суицидальной направленности, все типы которой сопровождаются переживанием беспомощности и неконтролируемости мира (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Р.М. Уильямс); в свете деградации индивидуальной культуры (С. Смит, А. Швейцер, Г. Зиммель); в контексте доведенной до крайности формальной рациональности и доминирования бюрократизации, макдональдизации, порождающих беспомощность, инфантильность и обезличенность (З. Бауман, М. Вебер, К. Ясперс, Э. Гидденс, Р. Хиггинс, Дж. Ритцер, Г. Маркузе) [116]. В работах этих авторов отчуждение связывается с постоянной неудовлетворенностью жизнью, с неудачными

попытками справиться с внутренними и внешними противоречиями, порождающими фрустрацию, беспомощность, утрату главных жизненных ориентиров, помещающих человека в социальный вакуум.

Г. Гегель, определяя отчуждение, использовал понятие *кеносис* (в пер. с греч. – опустошение). По мнению Д. Лукача, в отчуждении объективное и субъективное, массовое и индивидуальное сплетены исключительно тесно. Отчуждение возникло в эпоху длительного становления классово-антагонистической формации и, меняя свои формы, возросло и широко распространилось в индустриальном и информационном обществе [210].

Наиболее разработанной концепцией, раскрывающей специфику отчуждения, является концепция К. Маркса, в которой отчуждение понимается как нарушение человеческого, т.е. общественного бытия и рассматривается с разных сторон – как отчуждение в конечном результате (со стороны отношения рабочего к предметам своего труда) и как отчуждение в процессе самого акта производства. Отчуждение труда не позволяет человеку творчески выразить себя, развить свою духовную энергию, поскольку сам труд является чем-то внешним, чуждым, не принадлежащим к сущности человека, властвующим над ним и вызывающим чувство оторванности от самого себя, порождающим враждебность. Указывая на страдательный аспект такой деятельности, К. Маркс выявляет специфику *самоотчуждения*: деятельность как страдание, сила как бессилие, зачатие как оскопление. В целом, физическая и духовная энергия, вся личная жизнь рабочего выступает как отчужденная, т.е. направленная против него самого, от него не зависящая и ему не принадлежащая деятельность [367, с. 397].

Обращаясь к работам К. Маркса, Э. Фромм отмечает важный аспект: «Отчуждение, по Марксу, означает, что человек в своем освоении мира не узнает себя самого как первоисточник, как творца, а мир...кажется ему чужим, посторонним по отношению к нему... Отчуждение означает восприятие мира (и себя самого) пассивно, разорвано, в отрыве субъекта от объекта [367, с. 395].

А. Швейцер объясняет появление отчуждения с точки зрения деградации индивидуальной культуры. Философ обращает внимание на ряд враждебных

культуре обстоятельств, при которых следует ожидать отчуждения: 1) вынужденная смена профессии; 2) перемена места жительства; 3) отчуждение от природы; 4) изнурительный, принудительно навязанный труд. Более того, по его мнению, именно изматывающая сверхзанятость человека приводит к умиранию в человеке духовного начала, причем этот патогенный процесс начинается уже в детстве. В результате постоянного перенапряжения формируется потребность во внешнем отвлечении, когда единственно привлекательными становятся разнообразные способы отвлечения от реальности, не требующие духовного напряжения [390].

Таким образом, философское понятие отчуждения «...характеризует не столько само переживание или его психологические последствия, сколько *онтологическую картину, лежащую в основе соответствующих психологических проявлений*» [192, с. 69].

Э. Дюркгейм впервые указал на каузальную связь двух явлений аномии и эскапизма, считая, что уход от реальности является результатом аномии — особого состояния общества, проявляющегося в ценностно-нормативном вакууме, вызывающем всплеск суицидальной направленности. Возрастание самоубийств, характерное для европейских стран, полагал Э. Дюркгейм, свидетельствует, с одной стороны, о высоком уровне индивидуального несчастья, неспособности выносить жизнь, с другой стороны, говорит о неблагополучии в общественной жизни [100].

В концепции Р. Мертона эскапизм анализируется в русле девиантного поведения как ответ на острую аномию. Мысль Э. Дюркгейма о том, что ситуация «безнормности» может возникнуть при столкновении стремлений и разрушении регулирующих норм, была переформулирована в общий принцип: некоторые структуры общества оказывают определенное давление на отдельных членов общества, толкая их скорее на *путь неподчинения*, чем на путь поведения, сообразующегося с общепринятыми правилами. Поэтому в преступлении Р. Мертон видел нормальную реакцию нормальных людей на ненормальные условия [231].

В предложенной им классификации поведенческих девиаций эскапизму соответствует реакция ретритизма, связанная с пассивным уходом от выполнения социальных норм, свойственная маргинальным группам. Основу ретритизма составляет *противоречие*: сочетание полной интериоризации культурных целей с недоступностью законных средств их достижения. Это противоречие, по мнению Р. Мертона, обуславливает пораженческие настроения, беспомощность, квиетизм, самоустранение и бегство от реальности и общественных норм.

В приведенной типологии адаптации автором делается важное уточнение: ретритизм, как и другие способы адаптации, больше относятся к ролевому поведению, а не к устойчивым свойствам личности. В контексте ролевой вариативности, ретритизм представляется не жестко закрепленной структурой, а способом адаптации, который при определенных условиях может трансформироваться в конформизм, ритуализм, инновацию или мятеж. По Р. Мертону, если бунт ограничен относительно небольшими и относительно слабыми элементами в обществе, он создает возможность для формирования подгруппы, отчужденной от остального общества, но объединенной внутри себя. Эти альтернативные способы приспособления к условиям, существующим в макро- или микросоциуме, избираемые индивидом спонтанно и неосознанно, представляют собой результат напряжений в социальной системе [231].

Кроме того, Р. Мертон рассматривает синдром бегства как духовную слабость, подтверждая свои размышления тем, что еще в XIX веке Римская католическая церковь определяла бегство как *assidie* (равнодушие), включая в ряд грехов, таких же как лень и глупость, из-за которых «источники духа иссушаются» [231, с. 316].

Аналогичной позиции придерживается Р.М. Уильямс. Аномия, согласно его представлениям, включает в себя феномен культурной апатии по отношению к стандартам поведения, проявляющийся в индифферентности, цинизме, моральной усталости, разочаровании, отказе от аффектов, оппортунизме. Культурная апатия обусловлена разрывом связей с прежде принимаемыми культурными целями, продолжительными, но неуспешными попытками справиться с жизнью.

Фрустрация и утрата главных жизненных целей помещают человека в социальный вакуум, а его жизнь утрачивает центральное направление. Этот комплекс жизненных обстоятельств представляет деструктивную реальность, когда недостаток жизненных сил и принципиальности, неспособность твердо придерживаться ценностных норм, ранее принимаемых, приводит человека к внутреннему конфликту, дезориентации и деморализации. Такого рода растерянность и беспомощность вовсе не безобидны, они приводят к «отказу от ответственности», обесцениванию принципиального поведения, отсутствию интереса к поддержанию моральной общности с другими людьми [цит. по: (231, с. 317)]. По сути, речь идет о стертости, размытости субъектной позиции, порождающей изоляцию от мира.

Существенные аспекты бегства как формы поведения, связанной с аномией, раскрываются в работах Г. Маркузе, который подчеркивает противоречия в самой социальной системе (с ее ориентацией на войну и благосостояние). Система, считает он, актуализирует следующие качества: неповиновение тирании большинства, страх и беспомощность, неприятие происходящего, склонность к неэффективным и осмеиваемым акциям протеста и отречения, которые в одномерном обществе выглядят как асоциальные и непатриотичные. Одновременно с этим социальная система побуждает к компромиссам и необходимости скрывать свое истинное лицо, взгляды и убеждения и вести себя так, как это делают герои С. Беккета в его пьесе («В ожидании Годо»), которые способны только ждать и прятаться [229].

Эскапизм может подготавливаться жестко заданными и структурированными негативными ситуациями (смерть супруга, увольнение и пр.), навязывающими освобождение от ролевых обязанностей. Зена С. Блау полагает, что сущностью бегства является ностальгия по прошлому, апатия к настоящему, желание подольше продлить это состояние. В этой ситуации, считает автор, «такие люди еще больше сопротивляются вхождению в новые социальные отношения с другими, чем те люди, которые описываются как «оставленные», поскольку они стремятся продолжать свое апатическое состояние» [цит. по: (231,

с. 316)]. Это положение указывает на фиксированность защитных механизмов, поддерживающих изоляцию личности и ее невротическое расстройство.

В трудах Э. Фромма проблематика эскапизма и беспомощности неразрывно связана с темой отчуждения. Анализируя противоречия между преждевременной интеллектуально-технической зрелостью и эмоциональной отсталостью современного человека, между стремлением быть независимым, сильным и чувством незначительности и беспомощности, Э. Фромм подчёркивает решающее значение нахождения уникального *смысла жизни* [367, с. 395].

Однако вульгарно утилитарный подход к жизни и обыденное к ней отношение (стремление *иметь* вместо желания *быть*), страх перед жизнью, свободой, независимостью, неспособность к трансценденции не позволяют плодотворно разрешить эти противоречия – выйти за рамки всепоглощающего Я, освободиться от тюрьмы эгоизма и установить подлинно человеческие взаимоотношения [370, с. 159-161]. Посредством выбора разных видов отчуждения удается достичь обезличенности и не сознавать себя в качестве самостоятельного индивида, тем самым временно избавиться от мучительного конфликта и преодолеть чувство своей ничтожности по сравнению с подавляющим внешним миром [366, с.131]. Следовательно, механизм ухода от людей является одним из способов защиты от тревоги.

В концепции S.R. Maddi различные формы отчуждения связаны с экзистенциальным неврозом, утратой смысла существования [500]. Формой экзистенциального невроза является крусадерство (crusade – крестовый поход), в содержании которого на первый план выходит поведенческий компонент бессмысленности, ложное центрирование жизни [412]. Крусадерство проявляется в тяготении человека к экстремальным видам деятельности, которые связаны с немотивированным риском, опасным приключениям, авантюрам. Люди, склонные к *бессодержательной активности* играют роль профессиональных демонстрантов, используя любой повод для того, чтобы выступить с протестом, независимо от его содержания и смысла [80].

И. Ялом подчеркивает, что избыточная и бесплодная активность направлена на то, чтобы исчерпать энергию, выполняя при этом функцию защитного механизма — функцию временного снятия переживаний смыслоутраты. В условиях дефицита смысла сама форма протестных выступлений выбирается индивидом для того, чтобы исчерпать энергию, забыться и уйти от переживаний бессмысленности существования и социальной непродуктивности [412].

Отчуждение от себя и экзистенциальный вакуум толкает человека в погоню за приключениями, погружает его в бессодержательный риск [377]. Согласно М. Csikszentmihalyi, стремление к острым необычным стимулам обусловлено потребностью испытать необычное состояние потока [382; 439].

В современном информационном обществе, в котором на первый план вышли интересы транснациональных корпораций, посредством СМИ, рекламы всячески поощряется и поддерживается стремление человека к удовольствиям. Поэтому в картине мира современных подростков и молодежи преобладают материальные ценности, которые связываются с ощущением счастья, радости, свободой (в основном от обязательств), интересным времяпровождением [283; 323]. Молодым людям не разъясняют, что расширенная чувственная жизнь приводит к безразличию и одиночеству [221, с. 70].

Предиктором эскапизма может стать непопулярность в среде сверстников и отверженность. В ситуациях коммуникативных трудностей подростки отстраняются от сверстников, «замыкаются» в себе, игнорируют любые просьбы и предложения, демонстрируют «поведенческий уход» от травмирующей ситуации, что свидетельствует об использовании целого комплекса примитивных и низкоуровневых защитных реакций [248, с. 256].

Испытывая неудачи в ситуациях реального общения, подросток испытывает острое желание в самоутверждении, а сверхценные идеи формируют страстное желание быть героем-победителем. Средой для псевдореализации становится деятельность в интернете, компьютерные игры, социальные сети. Виртуальное пространство становится полем для демонстрации своих способностей и манифестации протеста. Хакерство придает подростку временное ощущение

всемогущества и возвращает самоуважение. Это агрессивно-скрытное проявление эскапизма с изначальным отказом от авторства обнаруживает некоторую близость с вандализмом и граффити.

Еще один важный аспект данной проблемы связан со специфическими проявлениями эскапизма – побегами из дому и бродяжничеством, которые принято рассматривать в рамках девиантного или делинквентного поведения. Мы согласны с Е.В. Змановской, предлагающей считать психологическим маркером девиантности страдание, переживаемое самим человеком или окружающими людьми [121]. С этой точки зрения, бегство – не просто протестная реакция и вызов социуму, но и выраженное отклонение от нормы, вызывающее сильнейший негативный эмоциональный отклик у ближайшего социального окружения.

Бегство может быть обусловлено эмансипационными тенденциями – потребностью в освобождении от контроля и покровительства взрослых, стремлением к самостоятельности [196]. В этом случае наблюдается взаимовлияние эмансипационных и эскапистских тенденций.

Итак, вышеприведенные положения концентрируются вокруг темы усилия и экзистенциального самоопределения, отказ от которого вызывает разные проявления эскапизма.

Отметим, что ряд исследователей (Т. Millon и др.) склонны рассматривать эскапизм как *пассивный* процесс в контексте *избегания* или *пассивного расстройства личности* [513; 515; 516]. Полагаем, что эскапизм является активным психическим процессом. Как и другие деструктивные формы протеста, эскапизм рассчитан на зрителя, на внешнюю оценку и в этом плане *демонстративен и символичен*. Это не тихое бегство, а заметный, показательный и назидательный уход. Подобный уход связан с упреком, укором, отвержением окружения, механическим отгораживанием от социума, невозможностью оставаться в прежней среде, выбором самоизоляции. Но протестный вызов социуму, не сопровождающийся продуктивной преобразовательной активностью, порождает необратимые деформационные изменения в личности.

В эмпирическом анализе рассмотрены особенности *негативного эскапизма*, а также его содержательное сближение с другими деструктивными формами протеста. Применялся корреляционный анализ по Спирмену шкалы Эскапизм методики ПАЛ со шкалами 24 методик (см. Приложение 1. Таблица 1). Принимались во внимание и описывались только значимые (при $p < 0,05$) коэффициенты связей. Объем выборочной совокупности варьировал от $n = 2600$ до $n = 300$.

Рассмотрим значимые связи шкалы *эскапизма* методики ПАЛ со шкалами основных методик исследования. Эскапизм проявляется в тесных связях со шкалами методики психологических защит Р. Келлермана – Г. Плутчика: раскрыты значимые корреляции шести шкал и двух индексов ($p < 0,05 - 0,01$). Максимальная напряженность защитных механизмов обнаружена в сопряжении со шкалами *замещение* ($r = 0,300$; $p < 0,01$), *вытеснение* ($r = 0,215$; $p < 0,01$), *регрессия* ($r = 0,220$; $p < 0,01$), заметная связь наблюдаются и со шкалой *компенсация* ($r = 0,175$; $p < 0,01$). У эскаписта преобладают *примитивные защиты* ($r = 0,259$; $p < 0,01$), в совокупности усиливающие друг друга. Заметно слабее выражены защиты высокого уровня ($r = 0,137$; $p < 0,01$).

Раскрытый паттерн связей свидетельствует о преобладании в структуре личности эскаписта защитного поведения по типу замещения – регрессии, порождающего избегание любых ситуаций, усиливающих тревогу. Актуализация и высокая степень выраженности указанных защит повреждает целостность личности, нарушает ее идентичность, способствует фиксации непродуктивных способов поведения.

Особый интерес представляет сопоставление шкалы *Эскапизм* методики ПАЛ со шкалой *эскапизм* методики СПА ($r = 0,398$; $p < 0,001$). Полученные данные подтверждают конвергентную валидность шкалы *Эскапизм* методики ПАЛ.

Обнаружены значимые связи *эскапизма* со всеми основными шкалами методики Мини-мульти. Определены корреляции *эскапизма* со шкалами: *сверхконтроль* ($r = 0,118$; $p < 0,01$), *пессимистичность* ($r = 0,176$; $p < 0,01$), *эмоциональная лабильность* ($r = 0,140$; $p < 0,01$), *импульсивность* ($r = 0,139$;

$p < 0,01$), *ригидность* ($r = 0,236$; $p < 0,01$), *тревожность* ($r = 0,132$; $p < 0,01$), *индивидуализм* ($r = 0,173$; $p < 0,01$), *гиперактивность* ($r = 0,144$; $p < 0,01$). Эти показатели указывают на высокую степень дезинтеграции в мотивационно-потребностной сфере.

Определены высокосignимые корреляции эскапизма со шкалами методики А. Басса и А. Дарки: *Обида* ($r = 0,159$; $p < 0,01$), *подозрительность* ($r = 0,114$; $p < 0,01$), индекс *враждебности* ($r = 0,169$; $p < 0,01$). У эскаписта преобладают *неконструктивные копинг-стратегии* по методике С. Хобфолла, о чем свидетельствуют полученные отрицательные корреляции эскапизма со шкалой *поиск поддержки* ($r = -0,103$; $p < 0,05$), *осторожность* ($r = -0,108$; $p < 0,05$).

Выявленные у эскапистской личности качества можно рассматривать как симптомокомплекс: *ригидность (паранояльность) – подозрительность – обида – враждебность и нежелание искать у других поддержки*. Все описанные выше корреляции свидетельствуют о выраженных личностных деструкциях.

Глубокие внутриличностные противоречия эскаписта, искажающие *картину мира*, создают серьезные трудности в общении. Выявлена значимая отрицательная связь эскапизма со шкалой *справедливость* ($r = -0,238$; $p < 0,05$) *Шкалы базисных убеждений личности* Р. Янов-Бульман.

Следовательно, сформирована убежденность в том, что хорошие поступки по отношению к другим, благородство не гарантируют встречного вознаграждения и удачи во взаимоотношениях. Мир представляется эскаписту закрытым, враждебным и явно несправедливым, в связи с чем усилия, направленные на выстраивание близких, надежных отношений с окружением кажутся излишними.

Выявлены негативные связи эскапизма со шкалами методики Р. Кеттелла: *общительность* ($r = -0,160$; $p < 0,01$), *нормативность* ($r = -0,199$; $p < 0,01$), *тревожность* ($r = -0,181$; $p < 0,01$); *робость* ($r = -0,092$; $p < 0,05$); *подозрительность* ($r = -0,069$; $p < 0,01$); *дипломатичность* ($r = -0,107$; $p < 0,01$); *самоконтроль* ($r = -0,081$; $p < 0,05$). Подчеркнем явное отличие эскаписта от нигилиста: характерна *высокая социальная тревожность* (фактор О),

определяющая склонность к беспокойству, неприятие себя, чувствительность к мнению других ($r = -0,062$; $p < 0,05$).

Робость, неуверенность в себе, неумение общаться, подозрительность, на фоне *неприятия норм и отсутствия самоконтроля*, указывающие на состоянии внутреннего конфликта, могут приводить к заметным трудностям в межличностных отношениях. Об этом свидетельствует выявленная положительная корреляция шкалы *эскапизм* со шкалой *конфликт с окружением* методики УТРО ($r = 0,143$; $p < 0,05$).

Кроме того, для представителей этого типа характерны: низкая самооценка ($r = -0,125$; $p < 0,05$) по С.А. Будасси, слабое *самопринятие* ($r = -0,317$; $p < 0,001$) по методике СПА и ($r = -0,136$; $p < 0,05$) по методике САТ; недостаточное *самоуважение* ($r = -0,306$; $p < 0,001$) по САТ; низкий *референтометрический статус* ($r = -0,172$; $p < 0,05$).

На наш взгляд, эскапизм связан с внутренним конфликтом, защитной стратегией ухода от открытого взаимодействия с реальностью. Об этом свидетельствуют отрицательные связи *эскапизма* со шкалами *включенность* ($r = -0,177$; $p < 0,05$), *способность принимать эмоции других* ($r = -0,145$; $p < 0,05$) и *выражать чувства* ($r = -0,126$; $p < 0,05$) по методике В. Шутца; а также толерантность и восприимчивость к употреблению *алкоголя* ($r = 0,273$; $p < 0,01$) по методике УТРО.

Дезадаптация во многих сферах обуславливает *двойной конфликт: неприятие себя и неуважение к себе*, помноженное на *неуспешность* в реальной группе, побуждают эскаписта к выходу к уходу, а главным компонентом субъектной активности становится замещающее-компенсаторная активность, склонность к регрессии, стремление к стимуляции, что делает возможным формирование различных зависимостей.

Личность эскаписта весьма примитивна, отсутствует стремление к *саморазвитию* ($r = -0,170$; $p < 0,01$); к овладению *духовными ценностями* ($r = -0,179$; $p < 0,01$), к *достижениям* ($r = -0,149$; $p < 0,05$), к *материальному благополучию* ($r = -0,210$; $p < 0,01$), на это указывают приведенные выше значимые

отрицательные корреляции по методике ОТеЦ. Отсутствует стремление к *личной власти* ($r = -0,198$; $p < 0,01$), выявлено пренебрежение *безопасностью* ($r = -0,203$; $p < 0,01$), выражена только *стимуляция* ($r = -0,190$; $p < 0,01$) по методике С. Шварца.

Склонность к стимуляции, на фоне пренебрежения безопасностью, может приводить к выбору экстремальных форм активности, в том числе способствовать радикализации протестной активности личности. Этот вывод подтверждается результатами методики самоактуализации САТ, согласно которым эскапист активно отрицает высшие ценности ($p < 0,01$). Выявлены значимые обратные корреляции эскапизма со шкалой *ценностные ориентации* ($r = -0,237$; $p < 0,01$).

У представителей этого типа примитивна система смысложизненных установок. Выявлены значимые негативные связи эскапизма со всеми шкалами методики СЖО (по Д.А. Леонтьеву): *Цели* ($r = -0,228$; $p < 0,01$), *процесс* ($r = -0,240$; $p < 0,01$), *результат* ($r = -0,228$; $p < 0,01$), *Локус Я* ($r = -0,310$; $p < 0,01$), *Локус жизнь* ($r = -0,259$; $p < 0,01$) и *общим индексом СЖО* ($r = -0,301$; $p < 0,01$). Представители данной протестной формы не удовлетворены результатом, их не радуют собственные достижения и успехи. Они не сосредоточены на настоящем, отсутствует представление о будущем и жизненной перспективе. Темпоральные разрывы определяют невозможность осмысливать и контролировать свою жизнь, реальные жизненные ситуации; быть ответственными за результаты деятельности.

О *слабости регуляторной сферы* свидетельствуют негативные связи эскапизма с методиками, определяющими соответствующие качества. У эскаписта *преобладают деструктивные компоненты ответственности* – определены обратные корреляции с шестью шкалами ($p < 0,05 - 0,01$) методики ответственности В.П. Прядеина, в частности, *регулятивная интернальность* ($r = -0,162$; $p < 0,01$), *регулятивная экстернальность* ($r = -0,143$; $p < 0,01$). О неразвитых регуляторных умениях говорят обратные связи шкалы эскапизм со шкалами *планирование* ($r = -0,136$; $p < 0,01$), *моделирование* ($r = -0,165$; $p < 0,01$), *программирование* ($r = -0,125$; $p < 0,01$), *оценка результатов* ($r = -0,181$; $p < 0,01$) и *общим уровнем саморегуляции* ($r = -0,206$; $p < 0,01$) методики саморегуляции ССП 98.

Выявлены также положительные корреляции с *ведомостью* ($r = 0,176$; $p < 0,01$), *внешним контролем* ($r = 0,339$; $p < 0,01$) по методике СПА. Неконтролируемость жизни, подчиненность внешним обстоятельствам и другим людям свидетельствует о том, что человеком с эскапистскими установками легко управлять и манипулировать.

Боязнь всего, что связано с изменениями проявляется в связях шкалы *эскапизм* со шкалой *избегание* как копинг-стратегии ($r = 0,076$; $p > 0,1$); а также со шкалой *избегание* ($r = -0,191$; $p > 0,1$) как стилем взаимодействия в конфликтных ситуациях.

Укажем также на отсутствие *агрессии* по методике А. Басса и А. Дарки; *агрессивного копинга, асоциальных действий* по С. Хобфоллу ($p > 0,1$), доминирования по Т. Лири (корреляции не значимы).

Проведенный анализ высвечивает инфантильно-беспомощный характер деятельности представителей данной типологии, связанный с неспособностью выбирать средства, адекватные ее целям. Отмечена слабая личностная вовлеченность в разные виды активности, которая связана только с удовлетворением потребности в стимуляции и сочетается с равнодушием, безучастностью и неудовлетворенностью.

Тревога, вызванная внутриличностным конфликтом, вытесняется, но лишь частично, конфликт прорывается в сознание в виде неприятия себя. Полагаем, что эскапизм обладает многоплановостью и проявляется как реакция на двойной конфликт — внешний и внутриличностный.

Эта протестная форма обнаруживает определенные черты сходства с нарциссизмом: нарциссическая личность не способна заботиться о других, в то время как эскапист, склонный к изоляции, отказывает в заботе самому себе. Е.Т. Соколова, полагает, что нарциссизм сопровождается беспомощностью и непереносимостью даже незначительных неудач, которая обескураживает настолько сильно, вплоть ощущения абсолютной недееспособности. Отчуждение и истязующий мазохизм, по ее мнению, настолько сильно пронизывают личность,

что «человек не может не только просить о помощи, но и принять ее, испытывая при этом искреннюю благодарность» [327, с. 70].

В случае предпочтения этой формы наблюдается сильнейшее объектное тяготение личности, поскольку, по С. Кьеркегору, другой человек представляет ценность только как условие существования данного типа, рассматривается исключительно в качестве средства от внутренней пустоты и страха изоляции [175, с.378].

Эскапизм, сопряженный с нарциссизмом, беспомощностью и капитуляцией перед жизненными трудностями, пассивной жизненной позицией выглядит как один из самых непродуктивных, неконструктивных способов разрешения жизненных проблем и противоречий.

Выявлены *базовые противоречия*: между реальностью и образом бытия; между убежденностью в правильности своего способа существования и его негативной общественной оценкой. Неспособность адекватно осмысливать и выдерживать противоречия приводят к тому, что реальность кажется шокирующей, враждебной и несправедливой, в отличие от идеализированного и иллюзорного образа другой, лучшей жизни, в связи с чем избираются разные способы отвлечения от реального бытия.

Таким образом, негативный эскапизм – это деструктивная форма протестной активности, проявляющаяся в демонстративном, не сопровождающемся прямой агрессией уходе от проблем, которые субъект хочет решать, но неспособен разрешить самостоятельно, на фоне отвержения посторонней помощи.

Несформированность позитивных ценностных установок, диффузная идентичность, неконтролируемость жизни, стирание воли и инициативы, ведомость создают условия для манипулирования эскапистской личностью и ее бездумной подчиненности любой идеологии.

Соотношение структурных компонентов системы протестной активности, их содержательные характеристики применительно к эскапизму представлены в таблице 10.

Специфика негативного эскапизма

Мотивационно-потребностная сфера
Паралич мотивации достижения; отсутствие потребности в саморазвитии; неприятие социальной поддержки; игнорирование собственного опыта, неосознанность своих истинных побуждений и потребностей и перенаправление энергии на острые стимулы; пренебрежение безопасностью; выбор способов отвлечения от реальности, не требующих духовного напряжения; нежелание занимать достойный статус в обществе, неудовлетворенность жизнью.
Картина мира
Недостаточное четкое различие, смешение между реальным бытием и образом бытия. Система представлений о враждебности и несправедливости мира; неразвитость социального мышления; наличие в субъективной картине мира экзистенциального вакуума; темпоральные разрывы – фиксация и ностальгия по прошлому, апатия к настоящему, страх перед будущим; несформированность жизненных принципов и жизненной позиции; отсутствие в картине мира адекватных представлений о себе и собственных ресурсах, отсутствие самоуважения.
Субъектная активность
Неспособность к самодетерминации; зависимость; отказ от активного овладения миром; отчужденная, защитная активность; неспособность сфокусироваться на своем существовании, фиксация на прошлом; невозможность определить свое место в рамках социальной структуры; низкий уровень личностной ресурсности; невротическая ограниченность своего бытия; неспособность к предвидению последствий своих действий; объектное позиционирование личности.
Ценностно-смысловая направленность
Примитивная система смысложизненных установок, отрицание высших ценностей; смыслоутрата, отказ от духовных усилий; бесцельность жизни; усвоение заимствованных ценностей; пассивность в реализации собственных жизненных устремлений; снижение ценности жизни, неспособность выбирать средства, адекватные целям деятельности; готовность к подчинению.
Экзистенциальное самоопределение
Неконструктивные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей и отказ от решения экзистенциальных вопросов; «страусиная» позиция, посредством которой осуществляется уход от столкновения с действительностью; уклонение от ответственности; экзистенциальная изоляция, оппозиция к обществу.
Бытийные противоречия
Между реальностью и образом бытия; между убежденностью в правильности своего способа существования и его негативной общественной оценкой.

Наше понимание этой формы протеста полностью совпадает с оценкой эскапизма Робина М. Уильямса: *«Потерянность, способствующая отказу от моральной автономии и подчинению внешней дисциплине»* [цит. по: (231, с. 317)].

4.4. Внешние и внутренние факторы нигилизма

Перейдем к анализу нигилизма, который предстает как одна из самых опасных, деструктивных форм протестной активности личности. Один из базовых аргументов нигилизма, разрушающий принципы морализма, основывается на следующем убеждении: если в мире нет общеобязательных ценностей, а все относительно и условно, все определяется человеческими потребностями, человеческой жаждой счастья и наслаждения, то во имя чего нужно отказываться от удовлетворения собственных потребностей? [29, с.1045].

За многовековую историю накоплено много примеров нигилистического мироотношения (циничное поведение Нерона, Калигулы в Древнем Риме, «нечаевщина» в России, моральный и правовой нигилизм в Германии в 30-40-х гг. XX в.), которые показывают, что нигилизм, проявляющийся на индивидуальном или групповом уровне, – это разрушительный путь в никуда, к моральной деградации и общественной катастрофе. Обращение к содержанию конструкта «нигилизм» показывает его тесную сопряженность с цинизмом, скептицизмом, анархизмом [70]. Нигилизм (от лат. nihil - ничто) связан с отрицанием общепринятых ценностей; идеалов, моральных норм, культуры, форм общественной жизни [29], вплоть до полного отрицания всего, тотального скептицизма [261, с.365].

Термин приобрел популярность в философии благодаря пессимистической концепции обесценивания мира А. Шопенгауэра и его идеи о том, что все идет к худшему и пустоте [396]; а также фундаментальному анализу нигилизма, проведенному Ф. Ницше. М. Хайдеггер в своей работе «Время и бытие» ссылается на работы Ф. Ницше, где описаны разные типы нигилизма, подчеркнута их связь с переходными состояниями духа: пессимизм; неполный, крайний, активный и пассивный, активно-предельный и экстатически-классический. Пассивный нигилизм символизирует закат и уход мощи духа (нет никакой истины вообще) и препятствует истинному бытию. Активный нигилизм, обладая признаками возрастания мощи духа, подвергает переоценке все христианские ценности и может способствовать выздоровлению, обновлению человечества, став

источником пробуждения новой воли к бытию (метафизика воли к власти). Высшая форма – экстатически-классический нигилизм не признает ничего над собой, представляет «божественный образ мысли». В представлении М. Хайдеггера, нигилизм как падение космологических ценностей одновременно демонстрирует приход нигилизма, сопряженного с ощущением неценности всего, как психологического состояния [372, с.79]. По его мнению, термин «нигилизм» не столько говорит о том, что все сущее – ничто, он также «указывает на историческое движение, приходящее задолго до нас и размахнувшееся далеко за пределы нашего времени» [там же, с.95]. На наш взгляд, М. Хайдеггер говорит об имеющихся у человека возможностях – двигаться к высшей нравственно-духовной форме жизни или опускаться до низшей, бездуховной. В представленных концепциях нигилизм рассматривается в контексте дихотомии духовного восхождения или личностного регресса.

В концепции О. Шпенглера нигилизм вводится в социокультурный контекст и понимается как феномен, появившийся в результате упадка западной науки и культуры, превратившейся в безличную и механистичную цивилизацию, отрицающую сакральность и религию [397]. Подобная трактовка нигилизма получила развитие в теориях и концепциях представителей франкфуртской школы — Г. Маркузе, Т. Адорно, Х. Арндт. В трудах этих авторов раскрывается независимость природного «я» от подавляющей его культуры, а нигилизм связывается с анархическим протестом против «репрессивной культуры» и «одномерности» личности [9; 246].

А. Камю, считавший, что история нигилизма начинается со слов Ивана Карамазова «все позволено, раз нет Бога», ставит другие акценты и анализирует нигилизм в свете проблематики метафизического бунта. Нигилизм, – утверждает А. Камю, – включает в себя не только отчаяние и отрицание, но и волю к ним [136]. И.А. Ильин подчеркивает, что сама воля может быть зла, и тогда она оказывается противодуховной, становится беспочвенной и разрушительной, превращаясь в механизм злобной одержимости [130, с. 28]. В этом случае, по его мнению, искажается совестный акт.

Это убеждение поддерживают русские философы серебряного века (Н.А. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский и др.), которые описывают это явление как «страшный бич, ужасную духовную язву, разъедающую общество», радикальную расшатанность нравственных устоев, вплоть до «животной разнузданности», «легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма и нетерпимость без благоговения» [48, С. 63-155].

С. Франк в работе «Этика нигилизма» указывает на противоречивость и парадоксальность нигилизма, в котором отрицание принципиальных оценок и объективного различия между добром и злом сочетается с жесточайшей добросовестностью в соблюдении эмпирических принципов, по сути, условных и непринципиальных требований. Такому нигилистическому морализму свойственна «принципиальная беспринципность». Вместе с тем, считает философ, нельзя недооценивать энергетический потенциал нигилизма, представляющего собой своеобразное, рационально непостижимое и жизненно крепкое слияние антагонистических мотивов в могучую психическую силу, но без творческого начала. С. Франк убежден, что замена всего творчества разрушением, вытеснение всех социально-гармонизирующих аффектов дисгармоническим началом ненависти приводит к искажению правильного и нормального отношения сил в нравственной жизни [48, С. 171-172].

Выбор деструктивности в качестве основы существования приводит к неисправимым деформациям личности. В «Катехизисе революционера» террорист С. Нечаев заявляет: «Он (революционер) знает только одну науку – науку разрушения. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условностями и нравственностью этого мира. Он для него враг беспощадный, и если бы он продолжал жить в нем, то для того только, чтобы его вернее разрушить» [213, с. 52]. Ж. Бодрийяр позже напишет: «это самоубийственная энергия, поглотившая большинство начинаний, энергия, направленная не столько на созидание, сколько на разрушение» [цит. по: (22, с.35)].

В русской литературе описаны разные типы нигилизма – от отрицательного отношения к обществу, к принятым обычаям и идеологии, до экстремизма и терроризма. Если нигилист Е. Базаров ограничивается простым декларированием идей отрицания, часто абсурдных – «Рафаэль гроша медного не стоит», «Сперва нужно место расчистить», то в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского нигилистические идеи приобретают общественный масштаб, вызывая хаос и террор. Писатель предостерегал человечество об огромной опасности, исходящей от поджигателей-революционеров, бунтовщиков, допускающих анархию и вседозволенность, считающих, что имеют право «избранника судьбы» переделывать мир в соответствии с абстрактной, непродуманной идеей свободы. В «Бесах» показаны методы нигилистов – «систематическое потрясение общественных основ» и регулярное моральное разложение общества, внедрение в общественное сознание неверия, цинизма, наряду с «жаждой руководящей мысли» а также конечная цель — захват власти [72, с. 20].

Обратимся к психоаналитической традиции, в рамках которой саморазрушительное поведение анализируется, с одной стороны, в контексте инстинктивного стремления к Танатосу, биологически заложенного во всех организмах [363]. С другой стороны, показано, что деструктивность является одним из энергичных методов психологической защиты Я от опасностей окружающей среды, от страданий, причиняемых ею, и поддерживается стремлением к удовольствию и счастью. По мнению З. Фрейда, человек, следующий этому методу, – параноик, поскольку видит единственного врага в реальности, которая воспринимается как источник всех страданий. Невозможность сосуществования с реальностью приводит к разрыву отношений с нею и выбору двух путей, один из которых связан с отшельничеством, уходом от мира. В то же время существует другой, более радикальный путь, связанный с патологическим желанием переделать мир, создать вместо него другой, уничтожив его самые невыносимые черты и воплотив свои иллюзии в реальности. С точки зрения З. Фрейда, «тот, кто в отчаянном бунте становится на этот путь, как правило, ничего не достигает – действительность слишком сильна для него.

Он становится безумцем и чаще всего не находит себе помощников в попытках реализации своих иллюзий» [362, с. 81].

Дж. Франкл акцентирует внимание на психологических механизмах саморазрушительного паттерна и рассматривает деструктивность в терминах агрессии и депрессии. Согласно его мнению, склонность к разрушительности, выражаемая в агрессии – это производное влечение, реакция на закрытое, «бронированное», мертвое материнское либидо и отрицательное окружение. Дети, одновременно интроецируя родительские страхи и торможения, и агрессивно реагируя на них, формируют агрессивную позицию по отношению и к собственным торможениям и страхам, и к окружающему миру. Подавляя либидо, они гневно реагируют на эту репрессию, ощущая ее не только в себе, но и со стороны внешнего мира. Отмеченная Дж. Франклом динамика этого процесса – сначала депрессия и тревога, затем, гнев и агрессия передается от родителей к детям и порождает бесконечную цепь патологий от поколения к поколению [360].

На защитный характер нигилистического поведения указывает В. Райх. По его мнению, такие симптомы как ухмылка, шаблонная улыбка, тенденция на все реагировать в ироническом ключе, неискренность, неестественность, а также издевательская агрессивность, «ощетиненность» являются показателями невроза характера и патологической организации личности в целом. В. Райх пишет о характерной охваченности «эмоциональной чумой», причем это заболевание, хотя и попадает под психиатрическое определение «морального идиотизма», в то же время не мешает развитию экстраординарных способностей. На примере фаллически-нарциссического характера психоаналитик показывает, что нарушения или невроз характера – результат авторитарного компульсивного воспитания и образования. Личность с таким характером, обладает хорошими способностями и избытком биологической энергии, оказывающей интенсивное внутреннее давление. Невозможность применить в жизни повышенные способности приводит к бесцельному бунту [290].

В философско-антропологической концепции Э. Фромма разрушительность рассматривается как один из механизмов бегства от свободы, позволяющий

индивиду возвыситься за счет разрушения мира. Э. Фромм концентрирует свое внимание на том, что индивид является основным субъектом социального процесса, поэтому характер оказывает сильное влияние на этот процесс, а также на его склонность к добру или злу. В основе разрушительности лежит чувство собственного бессилия по сравнению с окружающим миром, изоляция индивида, и их следствие – постоянная тревога. Разрушительность постоянно стремится усилить одинокого индивида за счет ликвидации любой внешней угрозы, «разрушить мир – это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру разрушить меня» [366, с. 154].

Анализируя разные виды разрушительности, Э. Фромм дифференцирует естественную реакцию на нападение, угрожающую жизни и целостности индивида, с разрушительностью, которая становится постоянной внутренней тенденцией, ожидающей повода для своего проявления. Им подчеркивается важный момент, отправная точка личностной трансформации: в случае, если человеку не удастся проявить себя, и он подавляет эту тенденцию, то энергия, направленная к жизни, трансформируется в энергию, направленную к разрушению. Э. Фромм заключает: разрушительность по отношению к другим и к себе – это результат непрожитой жизни, ее подавления, усиление разрушительности зависит от степени подавления индивидуальной экспансивности [366, с. 157].

Об аналогичных вещах говорит М. Чиксентмихайи. Он считает, что чрезмерная сосредоточенность на себе лишает человека шанса достичь более высокого уровня развития, приводит к стагнации, поскольку вся психическая энергия направлена не на поиск новых, а на достижение поставленных целей [382].

Без опыта трансцендирования, пишет К. Наранхо, человек разрушается и становится пассивным агентом. Автор проводит аналогию между внутренней страстью и низшими эмоциями, которым подвержен пассивный субъект. Страсти рассматриваются К. Наранхо в качестве эмоциональных состояний – составных частей «машины» или обусловленной личности, лишенной опыта

трансцендирования [249, с. 31]. К. Наранхо выделяет кластер черт характера («аргументированность», «критичность», «скептицизм» и «цинизм»), помогающих преодолевать тревогу, посредством которого индивидуум конкурирует с отцовским авторитетом, а позже в жизни использует позицию авторитета для обеспечения чувства безопасности. В той мере, в какой в эти отношения вовлекается конкурентная узурпация, возникает чувство вины, боязнь общения и укрепляется параноидное чувство небезопасности [249, с. 149].

Нигилизм искажает не только вектор самореализации, утрачивается сама возможность для личностного роста. По В. Франклу, существование, имеющее целью только самого себя, не попадает в цель, поскольку рефлексия лишена перспективы, соответствует неадекватной форме интенции [359, с. 120]. Человеку, утратившему действительный смысл своей жизни, осуществление видится *не эффектом, а целью*. В результате разрушается первичная предметная направленность и возникает та специфическая пристрастность, которая присуща невротическому состоянию. В. Франкл подчеркивает: «Лишь существование, трансцендирующее само себя, человеческое бытие, выходящее за пределы самого себя в мир, в котором оно существует, может реализовать себя, тогда как, делая самого себя и соответственно самореализацию своим намерением, оно лишь теряет себя» [359, с. 70]. Далее В. Франкл раскрывает содержание нигилизма через дифференцировку его форм – выученного и пережитого нигилизма. По его мнению, выученный нигилизм проявляется не в разговорах о Ничто, а в маскировке посредством словосочетания «не более чем», редуционизме, который не только редуцирует у человека целое измерение, но укорачивает человека на специфически человеческое измерение. Пережитый нигилизм интерпретируется В. Франклом в понятиях глубочайшей смыслоутраты, экзистенциального вакуума, внутренней пустоты [там же].

По мнению А. Лэнгле, экзистенциальный вакуум в качестве копинг-реакции формирует позицию «временщика», приспособляющегося к «невыносимой легкости бытия», фанатика или циника [214]. Ложная самореализация (направленность на себя, а не на мир и его задачи и требования)

запускает механизм *искажения* интенционального акта и трансформирует личностную структуру. Появляются внутренние «рубцы», наиболее заметные на уровне Я.

К. Хорни раскрывает процесс постепенного омертвения Я, проявляющийся в отдалении человека от своих собственных чувств, желаний, верований и сил, утрате чувства контроля над жизнью и потере ощущения личностной целостности. В результате человек перестает чувствовать трепет внутренней жизни, лишается непосредственности чувств, спонтанности, свободы. С утратой Я формируется ненависть и к себе и к миру и, что существенно, человек не может принимать решения и нести за них ответственность [377]. Утрата Я на языке психоанализа, по сути, означает утрату идентичности, обезличенность.

Глобальная трансформация сознания ярко проявляется в речи, в которой присутствует напускная бравада, цинизм, агрессивность, грубость. Насмешка и презрение к существующему, по мнению В.М. Жирмунского, порождаются не положительным социальным идеалом, но нигилистическим отрицанием всех общезначимых социальных ценностей, анархическим бунтарством и циническим аморализмом [260, с.163].

Исследователи подчеркивают, что слово имеет внутреннюю форму и мощный энергетический потенциал [244;428]. В.С. Мухина отмечает, что слово является не только знаком внешнего мира, но и знаком наших телесных страстей. Обсуждая этот феномен, В.С. Мухина указывает следующее: «Сквернословие становится привлекательным для социально незрелых подростков, поскольку помогает им ощутить себя обособленными от нормативности взрослой правильной жизни, причем привычка сквернословить, которую они освоили в референтных группах, закрепляется как тип общения во взрослой жизни, когда напускная бравада выдается за раскованность» [244, с. 805].

Нигилиста отличает своеобразная диспозиция, которую К. Ясперс описывает через анализ софистской установки: «Там, где он обретает превосходство ... он переходит в наступление против всего, что есть бытие. Маскируясь возмущением, он направляет свою ненависть на благородство

человека, он обращает в ничто все, что встречается на его пути, ...ему чужды почтение, стыд и верность. Он патетически устремляется в радикальное неудовольствие под видом героического терпения. Для него обычна лишенная экзистенции ирония» [415, с. 392].

Х. Ортега-и-Гассет также полагает, что ироническое отношение к действительности появляется тогда, когда человек не способен отдаться чему-то сполна, подчинить всего себя делу [266].

Нигилисты не просто дискредитируют деятельность, имеющую смысл для других, они получают от этого злобное удовольствие. Поэтому С. Мадди рассматривает нигилизм в рамках клинической патологии как одну из форм «экзистенциального заболевания». По словам С. Мадди, нигилист «проворно докажет, что любовь не альтруистична, а эгоистична, что филантропия является способом искупить вину, что дети скорее порочны, чем невинны, что лидеры скорее тщеславны и одержимы желанием власти, чем вдохновлены великим видением, что труд не продуктивен, а скорее являет собой тонкий покров цивилизации, скрывающий монстра в каждом из нас» [цит. по: (412, с. 504)]. В. Шекспир описывал подобное качество как порок или «перевес свойства», когда «крупница зла все доброе проникнет подозреньем и обесславит» [391, с. 157].

Искаженное сознание «запускает» механизм развития безжалостной отрицающей стратегии жизни, оформление которой начинается уже раннем детстве. Лица, отличающиеся злобной решимостью, имеют продолжительную историю нарушений в межличностных отношениях [392]. Обсуждая эту проблему, А. Адлер пишет: «Черты нелюбимых детей в их наиболее развитой форме можно наблюдать, изучая биографии всех величайших врагов человечества. Здесь сразу бросается в глаза то, что, когда они были детьми, с ними плохо обращались взрослые. Поэтому они развили в себе жесткость характера, зависть и ненависть; они не могут выносить, когда другие счастливы» [364, с. 134]. В результате органической неполноценности, избалованности и заброшенности у детей часто возникает искаженный взгляд на мир, а это порождает жизненный стиль неудачника. И снова А. Адлер подчеркивает, что это

не реальный «опыт» детей, а их восприятие и выводы, которые они извлекают из своего опыта и которые определяют путь, избираемый ими в жизни [7].

В.В. Шиповская полагает, что в основе ненависти, насилия и разрушительности лежит личностная беспомощность. Автором выделены и описаны компоненты личностной беспомощности, содержание которых составляют противоречивые тенденции: нереализованные притязания, неудовлетворенность ближайшим социальным окружением и зависимость от них, желание контролировать других, либо возводить иллюзорные когнитивные построения для оправдания собственных поступков, эмоциональная незрелость, тщеславие и неискренность, стремление к новизне, успеху и привлечению внимания любой ценой, недоверие, безответственность, уязвленная гордость [395]. Перечисленные характеристики беспомощности свойственны и для нигилизма.

М. Мамардашвили рассматривает нигилизм в онтологическом аспекте и дает очень выразительное объяснение этому феномену: «В культуре всегда бывают и такие места, которые остаются как бы пустыми, не заполненными ни усилиями самостроительства личности, ни идеей (или принципом и мироотношением). И именно в этих «пустых местах» пространства культуры рождается зло и нигилизм» [225, с. 37]. И далее М. Мамардашвили раскрывает это положение: «Принцип культуры, в отличие от нигилизма, есть принцип «я могу» (могу иметь нравственность и др.), а противоположное – очень простое «не-я могу», может Бог (или вообще кто-то другой, или что-то другое)». Указывая на эту *исходную точку нигилизма*, М. Мамардашвили выявляет скрытые механизмы трансформации, запущенные искаженным сознанием: «Но здесь неминуема критика Бога, поскольку все это потом не осуществляется, и выходит, что никто не может, а тот, кто делает вид, что может, только притворяется. И тогда все возвышенное представляется как корыстное, как переодевание низменного» [там же]. По мнению философа, первоисточником зла и деструктивности является невыносимость человека для самого себя, которая настойчиво и неотступно требует обращения вовне. При нигилизме сначала происходит *отказ от познания*

собственной сущности, духовных усилий, затем нигилист лишает такой возможности и всех других.

Вместе с тем на зарождение и оформление нигилизма оказывают значительное влияние внешние факторы, в частности, аномия, порождающая изменение сознания в достижении индивидом жизненных целей, его ориентацию на короткие жизненные проекты в условиях быстро меняющихся общественных ориентиров [168]. По мнению Д.И. Фельдштейна, современный социокультурный контекст содержит признаки социальной аномии: ценностно-нормативная рассогласованность, выраженная в разрушении одной ценностно-нормативной системы при несформированности другой; культурная депривация, т.е. лишение доступа к духовным ресурсам и возможностям [343, с. 51].

Итак, теоретический анализ позволяет выделить существенные признаки нигилизма:

1) нигилизм представляет собой деструктивную форму протестной активности личности и является показателем внутреннего раскола личности, проявляющегося в разнонаправленных тенденциях – страхом обретения и утраты свободы;

2) в основе нигилизма лежит чувство собственного бессилия, небезопасности, изоляция и тревога;

3) низкоуровневые защиты приводят к искажению внутренней и внешней реальности и запускают процесс псевдореализации;

4) отказ от трансцендирования, деструктивность, самоизоляция и непримиримость с миром, понимание свободы как вседозволенности свидетельствуют об извращенных способах удовлетворения экзистенциальных потребностей;

5) снижение ценности жизни (своей и чужой) указывают на склонность к объектному позиционированию личности;

6) выбор отрицательных идеалов, деструктивной идеологии, а также актуализация защитных механизмов говорит о нерешенной проблеме самоидентификации, о диффузной (неоплаченной) идентичности;

7) поскольку нигилизм лишен творческого начала, экспансия собственного масштаба на внешние бытийные пространства осуществляется через прямое разрушение общественных и социальных структур и саморазрушение;

9) социальная аномия существенно осложняет процесс самоопределения личности, служит мощной подпиткой нигилизма.

Проведенное эмпирическое исследование нигилизма подтвердило выявленную в теоретическом обзоре крайнюю деструктивность нигилизма. Методический инструментарий, выборка (от N= 2192 до N= 300 человек) были те же самые, что и в исследовании шкалы *эмансипации* (см. Приложение 1, Таблица 1). В *корреляционном анализе* рассматривались связи шкалы *нигилизм* (аномия) методики ПАЛ с 250 переменными 24 методик, проанализированы только значимые ($p < 0,05$ и $p < 0,01$) коэффициенты связи.

Исходным пунктом нашего понимания и интерпретации нигилизма явилось представление о том, что нигилизм – это деструктивная форма протеста, связанная с предпочтением антигуманных ценностей, активное воспроизводство которых сопряжено с выгодой и личным интересом. Отрицание норм и ценностей, анархия может декларироваться и восприниматься как стремление к свободе, но, по сути, означает *преференции и вседозволенность только для себя и членов своей группы*, клана, группировки. Защищая моральный релятивизм, сметающий все запреты, или отстаивая убеждения о «праве силы», нигилист создает *самооправдание* для любых своих поступков.

Ключевые особенности шкалы *Нигилизм* проявляются в значимых корреляциях со шкалами различных методик, раскрывающих его сущность. Атрибутивными характеристиками *нигилизма* являются выраженные *отрицательные связи с ценностями*: шкалы *доброта* ($r = -0,190$; $p < 0,01$), *безопасность* ($r = -0,256$; $p < 0,01$), *личная власть* ($r = -0,217$; $p < 0,01$), *достижения* ($r = -0,232$; $p < 0,01$) по методике С. Шварца; *духовность* ($r = -0,172$; $p < 0,01$), *саморазвитие* ($r = -0,236$; $p < 0,01$) и *достижения* ($r = -0,217$; $p < 0,01$) по опроснику ОТеЦ; *ценностные ориентации* ($r = -0,193$; $p < 0,01$), *самоуважение*

($r = -0,187$; $p < 0,01$) и *позитивное принятие человека* ($r = -0,138$; $p < 0,01$) по методике САТ.

Выраженная девальвация духовных ценностей и ценностей жизни объясняет их переориентацию в сторону крайне *деструктивных ценностных установок* личности, в результате чего все содержание ценностно-смысловой сферы приобретает признаки асоциальности.

Отрицательные показатели корреляций шкалы *нигилизма* со шкалами разных методик: *включенность* ($r = -0,309$; $p < 0,01$) по методике В. Шутца; *вовлеченность* ($r = -0,235$; $p < 0,01$), *контроль* ($r = -0,125$; $p < 0,05$), *принятие риска* ($r = -0,153$; $p < 0,05$) и *общего индекса* ($r = -0,203$; $p < 0,01$) методики *жизнестойкости* (по Д.А Леоньеву); отрицательные связи с оценкой *социометрического* (тенденции к связи, $p < 0,1$) и *референтометрического* ($r = -0,172$; $p < 0,05$) статуса подтверждает гипотезу о крайнем *индивидуализме* личности с выраженными *нигилизмом*, обладающей установками на самоизоляцию.

Отсутствие самововлеченности, слабая включенность, неспособность к контролю и нежелание рисковать, низкий статус и низкая оценка собственной социальной значимости, ценностного вклада говорит о примитивности потребностей, ограниченности возможностей в области неформального общения и деятельности и создает барьеры для удовлетворения базовых потребностей в самоактуализации, во внутренней согласованности и внешнем подтверждении личности.

Определены позитивные корреляции *нигилизма* с большинством шкал и индексами опросника Р. Келлермана – Г. Плутчика (ИЖС): *вытеснение* ($r = 0,393$; $p < 0,01$), *регрессия*, ($r = 0,299$; $p < 0,01$), *компенсация*, ($r = 0,125$; $p < 0,01$); *замещение* ($r = 0,351$; $p < 0,01$); *интеллектуализация* ($r = 0,159$; $p < 0,01$); индексом *зрелых защит* ($r = 0,266$; $p < 0,01$) и индексом *примитивных защит* ($r = 0,137$; $p < 0,01$) и значимые отрицательные корреляции с *проекцией* ($r = -0,184$; $p < 0,01$).

Выраженность примитивных защитных механизмов у представителей данной типологии приводит к поиску замещающих, компенсаторных видов активности, к регрессу; затрудняет понимание себя, других людей, препятствует

конструктивному общению; заметно *искажает картину мира и отражается на идентичности*.

Рассмотрены связи нигилизма с шестью шкалами методики Мини-мульти: *сверхконтроль* ($r = 0,099$; $p < 0,05$), *пессимистичность* ($r = 0,119$; $p < 0,01$), *эмоциональная лабильность* ($r = 0,112$; $p < 0,01$), *импульсивность* ($r = 0,253$; $p < 0,01$), *ригидность* ($r = 0,139$; $p < 0,01$), *тревожность* ($r = 0,128$; $p < 0,01$), *индивидуализм* ($r = 0,244$; $p < 0,01$). Максимально выражены связи с *импульсивностью* и *индивидуализмом*. Эти противоречивые качества свидетельствуют, с одной стороны, о стремлении манипулировать людьми, контролировать и подавлять других, а с другой – о *склонности к отгораживанию от людей*.

Стремление к избеганию контактов также активно проявляется в значимых отрицательных связях шкалы *нигилизм* со шкалами *Ассертивность* ($r = -0,248$; $p < 0,01$), *Вступление в социальный контакт* ($r = -0,340$; $p < 0,01$), *Поиск социальной поддержки* ($r = -0,346$; $p < 0,01$) методики С. Хобфолла. Отсутствие *осторожности* ($r = -0,269$; $p < 0,01$) сочетается с установкой на *асоциальные действия* ($r = 0,130$; $p < 0,01$).

Обнаружены значимые отрицательные связи *нигилизма* со всеми шкалами *ответственности* конструктивного типа по методике В. Прядеина: *динамическая эргичность* ($r = -0,283$; $p < 0,01$), *мотивация социоцентрическая* ($r = -0,262$; $p < 0,01$), *когнитивная осведомленность* ($r = -0,274$; $p < 0,01$), *результативность предметная* ($r = -0,316$; $p < 0,01$), *эмоциональная стеничность* ($r = -0,334$; $p < 0,01$), *регуляторная интернальность* ($r = -0,279$; $p < 0,01$).

В целом, структуру ответственности *негативиста* определяет именно слабость ее конструктивных компонентов, характерна плохая ориентировка в ситуациях, неспособность к самоконтролю, невозможность доводить начатое дело до конца.

Определены отрицательные корреляции показателя *нигилизм* со шкалами ССП 98: *планирование* ($r = -0,239$; $p < 0,01$), *моделирование* ($r = -0,209$; $p < 0,01$), *программирование* ($r = -0,158$; $p < 0,01$), *оценка результатов* ($r = -0,199$; $p < 0,01$),

гибкость ($r = -0,227$; $p < 0,01$) и *общим уровнем саморегуляции* ($r = -0,321$; $p < 0,01$).

Результаты анализа значимых корреляций указывают на исключительно низкое развитие всех параметров *саморегуляции у нигилиста*. Выявлена низкая связь параметра нигилизм с *самооценкой* по С.А. Будасси ($r = -0,125$; $p < 0,05$). Определены отрицательные корреляции *нигилизма* со шкалой *самоэффективности* Р. Шварцера, М. Иерусалема ($r = -0,264$; $p < 0,01$).

Особенности адаптивности субъекта, представлений о себе и характере взаимодействий с другими определяет шкала социально-психологической адаптированности (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонд в адаптации Т.В. Снегиревой и А.Х. Осницкого. Шкалы данной методики построены на основе психологической модели персонального роста К. Роджерса, который обеспечивается за счет безусловно положительного отношения к человеку и уменьшения факторов, ограничивающих чувство собственного достоинства. Установлены значимые отрицательные связи нигилизма со шкалами методики СПА: *адаптацией* ($r = -0,332$; $p < 0,01$), *принятием других* ($r = -0,437$; $p < 0,01$), *интернальностью* ($r = -0,309$; $p < 0,01$).

В целом, данный паттерн значимых взаимосвязей со шкалами комплекса методик указывает на слабость процессов саморегуляции, самодетерминации у нигилиста, обуславливающих общую непродуктивность деятельности, неспособность к общению, низкую *субъектную активность*.

У нигилиста, в частности, выявлены значимые отрицательные связи со шкалой *конфликт с окружением* ($r = 0,132$; $p < 0,05$), потребность в *алкоголе* ($r = 0,358$; $p < 0,01$) методики УТРО. Обнаружены значимые негативные связи *нигилизма* с пятью шкалами оценки климата в группе Ф. Фидлера (оценка шкал обратная): *продуктивность* ($r = -0,157$; $p < 0,05$), *теплота* ($r = -0,133$; $p < 0,05$), *увлеченность* ($r = -0,230$; $p < 0,01$), *занимательность* ($r = -0,139$; $p < 0,05$), *успешность* ($r = -0,260$; $p < 0,01$).

Нигилисты оценивают крайне отрицательно психологический климат в группе, особо отмечая неуспешность, непродуктивность, скуку и отчужденность.

Негативное восприятие атмосферы в группе связано с личностными особенностями нигилистов.

Нигилисты не стремятся, да и не способны к глубокой рефлексии обстоятельств и особенностей реальной ситуации; изначальная установка на неприятие прав людей, неуважение к ним приводит к искаженному пониманию ситуаций межличностного взаимодействия, делает невозможной отследить нюансы поведения окружающих. Об этом свидетельствует выраженность *защитных* механизмов, высокий уровень конфликтности. Обнаруженная характерная для нигилистов потребность в алкоголе говорит о стремлении избавиться от психологического дискомфорта, экзистенциальной тревоги с помощью средств, разрушающих личность.

Анализ корреляций шкалы нигилизма со сходными шкалами нескольких методик указывает на затяжные и глубокие внутри- и межличностные конфликты нигилиста; невозможность самоконтроля и слабость саморегуляции; низкую оценку своих способностей и самооффективности. В то же время отмечено неприятие помощи, нежелание сотрудничать, активное отторжение людей и неприятие группы, закрытость, крайний индивидуализм.

Рассмотрены значимые негативные связи *нигилизма* со шкалами методики 16 PF Р. Кеттелла: *моральная нормативность* ($r = -0,230$; $p < 0,01$); *общительность* ($r = -0,190$; $p < 0,01$), *интеллект* ($r = -0,160$; $p < 0,01$), *эмоциональная стабильность* ($r = -0,180$; $p < 0,01$), *смелость* ($r = -0,132$; $p < 0,01$), *мечтательность* ($r = -0,071$; $p < 0,01$), *беспечность, отсутствие чувства вины* ($r = -0,053$; $p < 0,01$), *тревожность* ($r = -0,100$; $p < 0,01$), *самоконтроль* ($r = -0,143$; $p < 0,01$).

Выделены положительные связи нигилизма со шкалами: *экспрессивность* ($r = 0,078$; $p < 0,01$), *подозрительность* ($r = 0,100$; $p < 0,01$), *дипломатичность* ($r = 0,103$; $p < 0,01$), *радикализм* ($r = 0,099$; $p < 0,05$) и *напряженность* ($r = 0,56$; $p < 0,01$). Высокому уровню нигилизма соответствует нежелание принимать, следовать и подчиняться нормам, несдержанность, низкий самоконтроль; общая поведенческая нестабильность, неумение анализировать, выстраивать отношения.

Нигилист эмоционально неустойчив, тревожен, фрустрирован; он робок, но приземлен, подозрителен, расчетлив.

Определены значимые негативные корреляции шкалы «нигилизм» со шкалами *Справедливость* ($r = -0,386$; $p < 0,01$) и *Образ Я* ($r = -0,279$; $p < 0,05$) методики оценки базовых убеждений личности Р. Янов–Бульман. Характер связей указывает на нежелание следовать правилам морали и отсутствие стремления добиваться признания и расположения со стороны других. Для нигилиста характерно негативное восприятие *собственного образа*, указывающие на проблемы с идентичностью. В основе базовых установок нигилиста лежит неприятие людей, самого себя, мира в целом, оценка его как несправедливого и угрожающего, с которым следует вести борьбу, поэтому *экзистенциальный выбор определяется активным отторжением гуманистических ценностей*.

Частные особенности шкалы *нигилизм* обнаруживаются в отсутствии значимых связей ($p > 0,1$) с большинством шкал отдельных методик: в частности, со шкалой агрессивности А. Басса и А. Дарки, шкалами теста Т. Лири; нет связей с доминантностью; не выражены связи с соперничеством. Однородность и выраженная асимметрия шкалы *нигилизм*, вероятно, обусловлена малым диапазоном возможностей нигилиста, скудностью ролей и сюжетов с его участием. Тотальное отторжение и разрушение ценностей у нигилиста, возможно, связано так же с дефензивными механизмами, поскольку развит комплекс защит, среди которых преобладает вытеснение, замещение и интеллектуализация. Нигилист осознает многие из своих негативных качеств, особенно волевых, но он не склонен менять их на противоположные. Однако не следует уповать на прагматизм, робость, нежелание доминировать, характерные для нигилиста. У циника отсутствует чувство вины, поэтому он с легкостью будет использовать других людей для воплощения своих замыслов.

Итак, для представителей данной типологии характерно: неприятие себя и других, чувство беспомощности и переживание неуспешности в значимых сферах жизни в связи с неспособностью занять высокий статус в группе, примитивность ценностей, желаний, потребностная (эгоистическая) мотивация, низкий уровень

интеллекта и отсутствие потребности в самореализации и включенности в социальную жизнь.

В условиях неудачно складывающихся взаимоотношений, реализации асоциального копинга у нигилиста отсутствует чувство вины, что указывает на духовное разложение, «срезанную» и одностороннюю рефлексию. Нигилисты испытывают потребность во внешнем контроле, для них характерна неразвитость регуляторных умений (низкий уровень программирования, планирования и моделирования действий). Можно говорить о следующих особенностях личности нигилиста: отсутствие позитивных ценностей и идеалов, сниженное чувство опасности; преобладание низкоуровневых примитивных защит, личностные деструкции; нежелание испытывать положительные эмоции, тревожность, эмоциональная неустойчивость и неспособность контролировать себя. Данный симптомокомплекс свидетельствует о своеобразном уплощении личности, искажении ценностно-смысловой системы, тотальном отчуждении, высоком уровне противоречий и неспособности их конструктивно разрешать в силу нравственной и интеллектуальной неразвитости.

Характер экзистенциального самоопределения при нигилизме определяется стремлением эксплуатировать других, использовать их как объекты, «орудий», позволяющих осуществить собственные замыслы. *Отчужденная субъектная активность*, объектное позиционирование личности, на фоне безверия, смыслоутраты, захваченности беспредельными желаниями, реализует процесс духовного «скатывания». Смещение в каждом из компонентов приводит к тому, что «сначала происходит разрушение личности (она - условие Бога), затем разрушается Бог» [225, с. 37]. Отмеченная деформация когнитивной, аффективной и конативной сфер определяет личностный профиль нигилиста, единственной целью которого становится деструктивность, «попирающая закон жизни в себе также как и в других» [336; 365]. При такой глубокой личностной деформации все противоречия разрешаются через разрушительность, конструируется способ бытия личности, в структуру которого не вписываются

морально-этические нормы общества, гуманистические ценности и решение сложных экзистенциальных вопросов (см. таблицу 11).

Таблица 11

Специфика нигилизма

Мотивационно-потребностная сфера
Потребностная, эгоистическая мотивация, стремление к манипулированию людьми; пренебрежение безопасностью; потребность в стимуляции и стремление избавиться от экзистенциальной тревоги с помощью разрушающих личность средств; отсутствие потребности в саморазвитии, творчестве, включенности в социальную жизнь; примитивизм потребностно-мотивационной сферы.
Картина мира
Базовое недоверие к миру; отсутствие в картине мира позитивных идеалов; безальтернативная интерпретация жизни, черно-белое мироотношение; абсолютизирование отрицания, установка на враждебность мира; подозрительность, радикализм, поиск внешнего врага, формирование принципов на основе презрения ко всему и цинического аморализма; представление о себе как об «избраннике судьбы»; восприятие мира в качестве театра абсурда; неприятие и разоблачение возвышенного.
Субъектная активность
Отчужденная активность; социальная непродуктивность, незрелость регуляторных умений, подчиненность иррациональным импульсам и влечениям, небольшой диапазон личностного масштаба; нежелание испытывать положительные эмоции; объектное позиционирование личности.
Ценностно-смысловая направленность
Девальвация духовных ценностей и ценностей жизни; неприятие традиционных законов, прав людей; отрицание общезначимых ценностей, традиций, морали; безжалостность; цинизм и склонность дискредитировать деятельность, имеющую смысл для других; чувство собственного превосходства; чрезмерная сосредоточенность на себе и своих интересах; отсутствие целей в жизни; самооправдание своей разрушительности; самоограничение личностного потенциала.
Экзистенциальное самоопределение
Извращенные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей (обесцененность жизни, понимание свободы как вседозволенности, безответственность, непримиримость с миром, абсолютизация насилия, изоляция). Неприятие людей, оценка мира как несправедливого и угрожающего, с которым следует бороться. Активное отторжение гуманистических ценностей.
Бытийные противоречия
Несогласованность потенциала и самоконтроля; чувство грандиозности и сниженная способность к созиданию; несоответствие между бытием и долженствованием; восприятие жизненных условий как непереносимых, вызывающее фрустрацию и беспомощность; несформированность нравственных норм и убежденность в своей правоте; внешняя принципиальность и моральная беспринципность.

Итак, **базовое противоречие** – несоответствие между бытием и долженствованием. Обратим внимание еще на ряд актуальных противоречий:

несформированность нравственных норм и убежденность в своей правоте; внешняя принципиальность и моральная беспринципность; несогласованность энергетического потенциала и самоконтроля; чувство собственной грандиозности и сниженная способность к творческому созиданию. Как мы видим, весь комплекс разнообразных противоречий применительно к нигилизму концентрируется вокруг экзистенциальных потребностей: потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации, способы удовлетворения которых представителями данного типа сильно извращаются. Неспособность к проблематизации собственного существования и неконструктивное разрешение противоречий приводит к нарушению динамического равновесия в системных позициях «личность-личность», «личность-общество» и «личность-государство».

Можно согласиться с мнением О.В. Лавровой, которая фиксирует важный момент: человек, обрекающий себя на изоляцию, *«утверждает себя в смерти как позиции к миру»* [175, с. 379]. С этих позиций выбор в пользу деструктивности противопоставлен эволюционному варианту экзистенциального выбора, отмеченного М. Мамардашвили — духовному усилию быть [225].

Так можно ли считать личностью человека, жизнь которого ориентирована на деструктивное взаимодействие с миром? По мнению С. Л. Рубинштейна, глубина и богатство личности предполагают глубину и богатство ее связей с миром, с другими людьми; *«разрыв этих связей, самоизоляция опустошают ее»* [300, с. 502]. С точки зрения К.А. Абульхановой-Славской, нельзя считать личностью человека, взявшего на себя роль разрушителя мира. Склонность к уничтожению бытия общественных отношений человечества делает его опасной, *«асоциальной безличностью»* [244, с. 499]. В то же время молодые люди, усвоившие нигилистические ценности, имеют шанс к преодолению деструктивности. В. Франкл заостряет проблему возможных позитивных личностных изменений: *«Будучи молодым человеком, я прошел через ад отчаяния, преодолевая очевидную бессмысленность жизни, через крайний нигилизм. Со временем я умел выработать у себя иммунитет против нигилизма. Таким образом я создал*

логотерапию» [359]. Следовательно, только просоциальная направленность личности и максимальная реализация своего потенциала может помочь преодолеть нигилизм.

4.4. Негативизм: от обособления к отчуждению

В психологии наблюдается многозначность трактовок *негативизма* (от лат. *negatio* — отрицание). Первоначально конструкт *отрицание* использовался лишь в отношении патологических явлений, возникающих при некоторых формах психических заболеваний. По мере развития психологической науки негативизм стал рассматриваться как один из аспектов человеческой деструктивности.

В психоаналитической традиции негативизм выделяется в качестве отдельного пласта психопатологической симптоматики и рассматривается как аномалия характера, выражаемая в невнушаемости, упрямстве, отвергании любых предложений помощи [288, 541].

З. Фрейд в работе «Будущее одной иллюзии», на основе собственной психоаналитической практики, описывает источники негативизма, который возникает в результате ущемления природного нарциссизма. В ответ на это ущемление у индивида формируется сопротивление и ощущение собственной исключительности. З. Фрейд обращает внимание на то, каким образом пациенты объясняют свой негативизм. «Они говорят, что довольно им страдать и терпеть лишения, у них есть право избавиться от дальнейших требований, они не желают больше подчиняться неприятной им необходимости, так как они представляют собой исключения и желают и впредь оставаться таковыми» [363, с. 157]. Анализируя мотив претензий на исключительность, З. Фрейд приводит в качестве примера монолог Глостера в трагедии Шекспира «Ричард III», где тот оправдывает любые свои желания и поступки, вплоть до убийств, несправедливостью природы, создавшей его таким уродливым. З. Фрейд фиксирует, как в глубине души зарождается ощущение вседозволенности, неотъемлемого права требовать компенсации за оскорбления, нанесенные в юные годы нарциссизму и любви к себе. В этом же контексте анализируется женский

негативизм, подпитывающий притязания на привилегии и на освобождение от жизненных тягот, связанный с тем, что «эти женщины всегда смотрят на себя как на обделенных, приниженных, и у них явно выражен протест против матери, вечный упрек за то, что мать родила ее на свет девочкой» [363, с. 160].

Другой причиной негативизма в концепции З. Фрейда является фиксация на одной из стадий – оральной или анальной. Фиксация на орально-садистической фазе выражается у взрослых в таких чертах личности как любовь к спорам, пессимизм, саркастические «подкусывания», в циничном отношении к миру. Людям с этим типом характера свойственно эксплуатировать других людей и доминировать над ними с целью удовлетворения собственных нужд. Фиксация на анальной стадии – это идущее наперекор поведение, которое может сочетаться с издевательством [363, С. 151-154].

На объектное тяготение личности, склонной к негативизму, указывает и А. Адлер. В его концепции жизненного стиля такие личностные характеристики как стремление к превосходству, ригидность, закрытость, регламентированность, стремление к богоподобию, на фоне невероятно разросшейся по сравнению с нормой сети защитных механизмов, являются показателем невротического жизненного плана. Питательной средой для тенденциозной оценки своей индивидуальности служит механистичность, намеренная стимуляция негативных событий и соответствующая их интерпретация. Для создания желанного фундамента для агрессивности и деструктивности, человек старается почувствовать себя отесненным на задний план, обманутым жизнью, мучеником. А. Адлер пишет о своеобразном вращении личности в симптомы, формирующие отчужденный образ жизни, спроектированный и прочно закрепленный благодаря направляющей *ложной цели*. Заключительный этап – телеологическое обоснование жизненного плана, которое приводит к тому, что субъект всегда будет развивать как раз столько психической энергии, сколько ему потребуется, чтобы остаться на своей линии, ведущей к превосходству, мужскому протесту и богоподобию [8, с. 51].

Аналогичное утверждение мы встречаем и у представителя неoadлериянства

Евы Дрейкурс-Фергюсон: «Если человек не удовлетворен своим положением среди других людей и не может внести вклад в общее дело, он будет преодолевать чувство неполноценности стремлением к превосходству и исходить при этом из своих ошибочных представлений» [95, с. 8].

В концепции А. Басса негативизм рассматривается в контексте враждебно-агрессивного поведения и в раннем варианте этой теории негативизм понимался как один из пяти видов агрессии. А. Басс дифференцирует враждебность и агрессию: «враждебность – это реакция отношения...скрытно-вербальная реакция, которой сопутствуют негативные чувства или злая воля и негативная оценка людей и событий; агрессия – ответ, содержащий стимулы, способные причинить вред другому существу» [42, с. 61]. В усовершенствованной варианте теории негативизм рассматривается в качестве одного из видов враждебности, состоящей из субшкал «негодование» и «негативизм» [там же, с. 63].

Немалую роль в развитии у ребенка или подростка негативизма играет особенности отношений с его окружением. В.С. Мухина, рассматривая негативизм как результат плохого воспитания, полагает, что агрессивные или холодные родители могут стать примером для невольного подражания и тогда идентификация с родителями проходит по отчужденному образцу их типичного состояния и поведения. Исследователь подчеркивает, что *доминирование отчужденного типа состояния и поведения может стать типом личности* [244, с. 415].

Нарушенное родительское воспитание с гиперопекой или с пренебрежительным отношением к нуждам ребенка, с непризнанием ребенка как личности порождают негативные протестные реакции детей в виде отказа от еды, гиперактивности, непослушания. Л.И. Божович считает, что негативизм — протест ребенка против насилия, совершаемого над ним взрослыми [28, с. 310]. Вслед за Л.С. Выготским, исследователь разводит понятия «негативизм», при котором «мотивом поведения ребенка является исключительно упрямое желание настоять на своем» и «настойчивость» как подлинную заинтересованностью ребенка в достижении цели. Отмечается, что появление негативизма наносит

ущерб процессу развития и воспитания ребенка, нарушая контакт между ребенком и взрослым и затрудняя процесс воспитания. Препятствия, возводимые взрослыми на пути желаний ребенка, приводят к ослаблению этих желаний, к ослаблению стремления ребенка к самостоятельности. Потворство желаниям детей также снижает самостоятельность, поскольку «через некоторое время дети перестают стремиться проявить самостоятельность и требуют, чтобы их одевали, кормили взрослые» [28, с. 311].

Ряд исследователей (А.Л. Венгер и др.) причину негативизма детей одного года усматривают не в дилемме поощрение–наказание, а в противоречивости самой позиции взрослого, вынужденного как стимулировать, так и ограничивать познавательную активность ребенка. В кризисе одного года ребенок проявляет желание играть со всеми предметами, многие из которых могут быть для него опасны. Поскольку взрослый не только задает образцы предметных действий, но и вынужден ограничивать познавательную активность ребенка, то при столкновении с запретами у ребенка возникают ответные негативные проявления [47].

Р. Паттерсон и его коллеги разработали базовую модель взаимосвязи между характером семейного руководства и агрессивностью, благодаря которой можно глубже понять процессы, обуславливающие зависимость между этими параметрами. Одна из сторон модели – незрелые методы регулирования дисциплины, означающие, что в некоторых случаях родители могут игнорировать отклоняющееся поведение ребенка или позволять ему вести себя подобным образом, тогда как в других случаях могут угрожать физическими наказаниями, не осуществляя свои угрозы. В следующий раз они могут «взорваться» и повести себя агрессивно, наказав ребенка, вплоть до применения физического наказания. Иными словами, родители непредсказуемы и непоследовательны в выборе наказаний за неприемлемое поведение. Непоследовательность регулирования дисциплины подготавливают почву для усвоения ребенком силовой тактики отстаивания своих интересов, и что существенно, складывается негативный образ самого себя. Если родителям не хватает умения научить ребенка следовать

определенным правилам поведения, его доминирующим стилем в отношении с людьми становятся неподчинение и пущенные в ход кулаки [цит. по: (42)].

Вместе с тем негативизм может играть положительную роль в личностном становлении. Психологи едины во мнении, что неокрепшая психика ребенка в явлениях негативизма создает защитный барьер [36; 279; 300]. К.Н. Поливанова, ссылаясь на идею П.Я. Гальперина об ориентировочной основе действия, предлагает рассматривать негативизм как форму ориентировки, пробы, когда ребенок нестандартным и неудобным для взрослых способом опробует привычное действие. Автор полагает, что негативизм, упрямство и непослушание не могут быть преодолены никаким изменением воспитания, они необходимы. Отсутствие пробы лишает ребенка возможности превратить свои способности в «работающие», что «...может повлечь за собой отсутствие опыта в остановке непосредственного поведения и в практике построения собственного поведения» [279, с. 108].

А.В. Брушлинский, подчеркивая важнейшую роль активности в психическом развитии личности, отмечает, что взрослеющая личность – не пассивный и беззащитный объект внешних социальных воздействий. Именно существенные внутренние условия позволяют осуществлять непрерывную взаимосвязь между человеком и миром, в том числе создавая психологическую самозащиту от неприемлемых для данного субъекта внешних воздействий или видов помощи. Поскольку в ходе саморазвития ребенок весьма по-разному восприимчив к различным влияниям извне, он весьма уязвим. Детский и подростковый негативизм при всех его отрицательных свойствах в необходимых случаях обеспечивает *временную защиту от нежелательных внешних воздействий*, в частности, от помощи со стороны взрослых и сверстников. Безусловно, взрослые могут оказывать необходимую помощь ребенку или подростку, но сама по себе помощь недостаточна. Поскольку она действует не прямо, а только опосредствованно через внутренние условия того, кому она оказывается, помощь может быть использована лишь в меру собственной активности личности [36, с. 39].

Г. Олпорт тоже обращает внимание на некоторую продуктивность негативизма. В период негативизма (от полутора до четырех лет) ребенок упражняет свое появляющееся ощущение Я, поэтому почти любое предложение взрослого воспринимается как потенциальная угроза своей целостности. В связи с этим у него развивается обобщенная привычка говорить «нет», даже если он, подумав, ответил бы «да». Защищая пробуждающуюся самооценку, он вынужден заранее отвергать предложения, исходящие от взрослых, поскольку так безопаснее для него [263, С. 249-250].

Негативизм остро проявляется на пороге взросления. Согласно идеям Л.С. Выготского, подростничество распадается на две фазы — негативную и позитивную, фазу влечений и фазу интересов. Отмечая протестующий и отрицательный характер фазы влечения, Л.С. Выготский полагал, что негативная фаза связана с отмиранием прежней системы интересов и свертыванием установившейся системы интересов. Характеризуя симптомы негативной (критической) фазы, он отметил их крайнюю вариативность, ситуационную зависимость, неоднородность и сложность [52].

Проблема осознания и понимания своих возможностей, обозначения и отстаивания границ собственного Я становится особо актуальной при переходе от подросткового к юношескому возрасту. В свое время Л.И. Божович отмечала, что в подростковом кризисе потребность в самопроявлении депривируется самим подростком, который накладывает сам на себя запреты [27; 28].

Кризис юности сопряжен со сложными процессами идентификации, принятия и формирования социальных и профессиональных ролей. В этот период проявления негативизма могут смягчаться, но возможен и неблагоприятный вариант, который связан с неудавшейся самоидентификацией с одним из родителей [403, с. 51]. «Негативная идентичность», считает Э. Эриксон, свидетельствует о неуспешности процесса самоопределения и о готовности к выбору отрицательных образцов для подражания.

Ряд исследователей рассматривают негативизм сквозь призму конструкта интолерантности. С.К. Бондырева и Д.В. Колесов подчеркивая связь зависти и

негативизма, замечают, что стремление многих индивидов к равенству, связано не только с чувством поправленной справедливости и желанием обладания вещью, но и со стремлением устранить интенсивный раздражитель [30, с. 127]. С. Жижек также подчеркивает связь банальной зависти с рессентиментом (от фр. *ressentiment* – негодование, злопамятность, озлобление), в основе которого лежит чувство враждебности к тому, кого субъект считает причиной своих неудач [105, с. 71].

Для получения более углубленных представлений о негативизме целесообразно рассмотреть теорию реверсивности Майкла Дж. Аптера (от лат. *reversus* – обратный), в которой интегрированы данные из разных областей психологии в единое целое [417; 418; 419; 420]. Отметим, что теория создавалась из практических соображений и была ориентирована на практическую помощь больным детям [420]. В рамках данной теории был введен метамотивационный уровень психологического анализа и сформулировано представление о процессе метамотивационной реверсивности. М. Аптер отошел от принципа гомеостаза и упрощенного «механистического» детерминизма и пересмотрел центральное положение Д. Хебба и У. Томсона, касающееся того, что существует лишь одна система активации, на которой можно построить лишь одну точку оптимума активации [14]. В теории реверсивности обоснована тесная взаимосвязь двух различных систем предпочитаемой активации (*целевая* и *метацелевая*), которые рассматриваются как подсистемы системы более широкого психологического плана. Целевое и метацелевое состояния представляют собой амбивалентную пару двух комплементарных феноменологических состояний, каждое из которых неустойчиво и может переходить одно в другое. Эти состояния характеризуются направленностью либо на цель (телическое состояние), либо на процесс (парателическое). Отличие данных состояний заключается в том, что в целевом состоянии индивид получает удовольствие от достижения какой-либо цели, а в метацелевом состоянии ему интересен сам процесс достижения цели. М. Аптер подчеркивает, что доминирование целевой или метацелевой системы не является устойчивой индивидуальной характеристикой, так как люди, у которых

доминирует целевая система, в определенные периоды оказываются под преобладающим влиянием метацелевой системы [14, с. 162]. М. Аптер отмечает, что переход от одного состояния к другому (инверсия) может осуществляться внезапно, он может инициироваться насыщением мотива, доминирующего в данном состоянии; переход может быть вызван фрустрацией мотива либо внешними факторами. Принцип переключения, который является основой теории обратимости, следует из принципа единства противоположностей, позволяя рассматривать человеческую природу в динамике изменений, вызванных внутренними противоречиями [там же, с. 168].

В усовершенствованной теории М. Аптер и М. McDermott представили типологию отдельных психологических состояний, находясь в одном из которых, индивид получает определенный и соответствующий этому состоянию опыт. Эти состояния являются метамотивационными, поскольку они детерминируют потребности и желания человека, которые характеризуются ситуативностью и непостоянством. Авторы теории полагают, что люди воспринимают окружающий мир сквозь призму своих различных метамотивационных состояний, которые влияют на их мысли, заставляют их следовать определенным паттернам, в том числе по отношению к другим людям, обуславливая различный результат воздействий состояний. Индивид, выбравший одну из диспозиций, отказывается от другой, и в определенном состоянии может переключиться с одной диспозиции на другую, или же реверсировать (принцип переключения был отмечен в ранней теории). Находясь в том или ином метамотивационном состоянии (их восемь и они сфокусированы на определенных целях), человек воспринимает и оценивает одну и ту же информацию совершенно по-разному [418; 508; 509].

Одна из пар метамотивационных состояний «уступчивость-упрямство» (иногда обозначается как негативизм-конформизм) характеризует конформное и *негативистическое* состояния и связана с дихотомией «цель против средств». Негативистическое и конформное состояния связаны с реакциями индивида на ограничения его действий со стороны других людей. Данные ограничения могут выражаться в форме ожиданий, норм, правил, предписаний, традиций. В

негативистическом состоянии индивид ищет свободы от всевозможных правил и влияния авторитетов, он бросает миру вызов, ожиданиям других людей, высмеивает нормы, нарушает правила и предписания, любит новаторство, может носить вызывающую одежду, не признает традиции и обесценивает их, внешне ведет себя независимо, выражая повсеместно недовольство и раздражение. В общих чертах, такой человек получает удовольствие от того, что он нарушает правила или от ощущения непринятия [417].

М. Apter и М. McDermott описали следующие комбинации метамотивационных состояний: 1) целенаправленный негативист – это тип людей, использующих негативизм в целях получения удовольствия, радости, развлечения. Данный вид негативизма определяется авторами как «активный», поскольку наблюдается использование протеста для специальной провокации неприятных ситуаций; 2) бесцельный негативист на разочарования или фрустрации реагирует негодованием, мстостью, чувством обиды. Этот тип негативизма является «реактивным», потому что является способом реакции испытуемого на определенную ситуацию. На основе данной теории авторами был разработан «Опросник негативизма», где представлена типология негативизма. Тест включает в себя две субшкалы по восемь вопросов, отражающие два типа негативизма и может быть использован в исследовании психологических особенностей подростков и взрослых испытуемых [508].

На наш взгляд, теория реверсивности обладает высоким эвристичным потенциалом. Но эта теория не объясняет механизм предпочтения стратегии, что именно является пусковым, триггерным (переключающим) механизмом, запускающим *процесс* выбора целевой или метациелевой стратегии. Полагаем, что одним из источников, приводящих от целевой к метациелевой мотивации, может быть искажение ценностно-смысловой сферы (иначе непонятно, какой фактор способствует выбору той или иной диспозиции). Человек может не замечать этого искажения, но в любом случае, наблюдается изменение поведения, внешне проявляющееся в смене одного состояния другим.

Заметим, что в современной психологии негативизм изучается еще и в контексте личностных расстройств [164; 431; 432; 512; 515; 517; 533]. Т. Millon проанализировал различные неконструктивные стратегии поведения и соотнес их проявления с определенным личностным расстройством (параноидное, шизофреническое, избегающее, нарцисстическое, меланхолическое, мазохистское, пограничное, компульсивное). Жизненные стратегии, считает Т. Millon, достаточно информативны, поскольку воссоздают картину, касающуюся того, какие стимулы для субъекта являются наиболее предпочтительными или травмирующими (удовольствие/боль), пространство, в котором они стараются удовлетворить стимулы (Я – другие), а также формы поведения, которые способствуют их подкреплению, «снятию» (устранению) или избеганию (активность – пассивность) [515].

Кроме того, Т. Millon предложил комплекс тестов для фиксации поведенческих проявлений (в том числе латентных личностных элементов, трудно выявляемых при клиническом обследовании) и определения личностных расстройств [513; 514; 515; 516]. В частности, большой популярностью среди психологов, врачей и психотерапевтов пользуется Многоосевой клинический опросник, разработанный на основе эволюционной многоосевой модели личностных расстройств [515; 517].

С помощью этого опросника можно получить информацию, относящуюся к типичному стилю совладающего поведения и аттитюдам пациента к болезни и лечению, наряду с другими психологическими тенденциями, такими как уступчивость, которые оказывают влияние на течение болезни или реакцию пациента на предписания врачей. Опросник МСМІ-III состоит из 175 вопросов, которые образуют 27 шкал. Эти шкалы подразделяются на 5 секций, в одной из которых выделен *негативистический* тип личности (пассивно-агрессивный тип). Т. Миллон обнаружил *негативистические* черты у шизофренического, избегающего, нарцисстического, параноидного, меланхолического, мазохистского, пограничного, компульсивного типов.

Негативистический тип соотнесен с другими типами и такими их проявлениями как: сопротивление, оппозиция (зависимый тип); избегание (меланхолический тип); нерешительность и в то же время дерзость, непокорность (пограничный тип); неприятие традиций, нигилизм (садистический тип). Наибольшую близость к негативистическому типу обнаруживает пограничный тип, обладающий противоречивостью (нерешительность и дерзость), с характерными колебаниями настроения, мистическими предпочтениями, подчиняющийся собственным капризам и прихотям [515].

В параноидном типе, где одновременно выражены пассивно-агрессивными тенденциями отмечены тотальное недоверие, подозрительность, *негативизм*, проявляющийся в потребности унижить работающего с ним психотерапевта, показать его «слабые места», некомпетентность, причем, от подобного взаимодействия такие личности получают огромное удовольствие [164].

В других исследованиях наличие негативистических черт связывается с оппозиционно-вызывающим расстройством личности [498]. Х. Каплан и Б. Сэдок отмечают следующие признаки негативизма в оппозиционно-вызывающем расстройстве: потеря психического равновесия, отказ от выполнения просьб, ссоры, специальное совершение поступков, раздражающих учителей или родителей, обвинение других в своих ошибках, повышенная чувствительность к действиям других, гневливость и мстительность, употребление нецензурных выражений, злорадство. Это расстройство развивается в процессе формирования идентичности и связано с противоречием между потребностью ребенка в автономии и стремлением родителей к сверхконтролю над ним, подавлением естественных стремлений взрослеющей личности. Негативизм служит средством против вторжения в его-автономию [цит. по: (164)].

Теоретический обзор показывает, что негативизм обусловлен взаимовлиянием разных факторов. Эта форма протеста может являться ответом на внешние воздействия, которые противоречат личностным смыслам субъекта,

попыткой отстаивания, сохранения границ собственного Я от излишнего вторжения.

Причиной возникновения и развития негативизма также может быть непосильная психологическая нагрузка, связанная с *несоответствием реальных возможностей личности и внешними требованиями*. Неспособность справиться со сложными ситуациями, проблемами и противоречиями, а также стремление их упростить втягивает личность в лабиринт все новых, усложняющихся проблем и противоречий. Результатом непродуктивного разрешения этих проблем становится негативное мироотношение, низкая самооценка, недовольство собой, что отражается на субъектной активности личности, приобретающей признаки деструктивности.

В эмпирическом исследовании негативизма с помощью корреляционного, дисперсионного и регрессионного видов анализа мы концентрировались на содержании структурных компонентов системы протестной активности личности применительно к этой форме протеста (см. теоретическую схему исследования, Таблицу 7; Приложение 1, Таблица 1). Определялась *специфика негативизма*, одновременно с этим рассматривались характеристики, которые сближают эту протестную форму с другими формами протестной активности. Общий объем выборки, использованный при анализе негативизма, составил $N = 3780$ человек.

Изучение шкалы *негативизма* путем эксплуататорного и конфирматорного факторного анализа методики ПАЛ позволило определить отдельные детерминанты *негативизма*, в появлении которого заметную роль играют *обида, склонность к мести, недовольство*, а также факторы *неудовлетворенности и несправедливости*. Теоретически проработаны параметры негативизма, связанные с влиянием среды, группы, включенностью в отношения; способами самореализации и самоопределения; с отстаиванием собственного влияния, взглядов и идей. Проведена операционализация показателей, определяющих критерии и факторы негативизма. С целью поиска, установления и оценки параметров, обуславливающих негативизм, привлечено множество методик, в

ходе анализа которых фиксировались значимые связи негативизма с разными переменными. Выбор большого количества психологических методик и разных статистических методов обусловлен необходимостью отслеживания разных компонентов протестной активности личности, образующих единую систему: потребностей, мотивов и установок; картины мира, жизненного пути и самоопределения; субъектной активности, саморегуляции и самореализации; ценностей, идеалов и смыслов.

Требовалось определить *приоритет* факторов и предикторов, определяющих негативистические установки и активность личности. С этой целью вначале детально проверялась степень влияния важных показателей, сопряженных с негативизмом: *неудовлетворенность, статус, самооценка* и т.п. По этим показателям отслеживалась протестная активность в различных работах [549; 550; 551; 552; 554], поэтому их включение в исследование обеспечивало возможность проверки некоторых идей и гипотез других авторов.

Применение многомерных методов анализа, в частности многомерного дисперсионного анализа, позволяет оценить силу и направление основных эффектов воздействия, а также совокупное влияние нескольких факторов на зависимые переменные (или определить вклад предикторов в регрессионном анализе), отслеживать качество моделей. Часть данных, N = 176 человек, вошедших в этот фрагмент исследования, получена в рамках научного гранта, направленного на изучение особенностей деструктивного протеста подростков и молодежи, проводимого под руководством автора в 2009-2011 году [75]. Выборка определена с учетом возможности фиксации проявлений негативизма в тех возрастных периодах, где он будет заметно выражен (возраст от 13 до 18 лет).

В модели MANOVA с взаимодействием 2-х независимых переменных, метод GLM, N = 176, (См. Таблица 12), выявлен значимый эффект по многомерным критериям. Выражен прямой эффект влияния *Самооценки по С.А. Будасси* (многомерный критерий След Пиллая $F(6,320) = 2,390$; $p = 0,028$) на вариабельность переменных *Негативизм* и *Удовлетворенность*.

Результат MANOVA с взаимодействием 2 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов.

Модель 1, N= 176	Многомерные критерии		Зависимая переменная 1 Негативизм		Зависимая переменная 2 Удовлетворенность	
	След Пиллая F	Знач. р	F	Знач. р	F	Знач. р
Скорректир. модель			1,841	0,033	1,213	0,267
Свободный член	1428,235	0,0001	2534,307	0,0001	760,514	0,0001
Самооценка по Будасси	2,390	0,028	3,307	0,022	2,226	0,087
Соц. статус	1,519	0,171	1,642	0,182	1,657	0,178
СамооценкаБ.*Соц. статус	1,026	0,430	1,073	0,385	0,814	0,604

1 R квадрат = 0,147

2 R квадрат = 0,102

Переменная *Удовлетворенность* – это шкала методики Ф. Фидлера, взятая с отрицательным знаком (т.е. интерпретируемая как *неудовлетворенность*). Влияние *Статуса* и взаимодействие факторов *Самооценки* и *Статуса* не значимо. Дисперсионная одномерная модель для *Негативизма* показывает хорошее соответствие ($R^2 = 0,147$, $F = 1,841$; $p = 0,033$) и объясняет 15% дисперсии негативизма. Согласно одномерным критериям оценки (эффекты ANOVA, правая часть таблицы 12), установлен главный эффект влияния *Самооценки* (по Будасси) на дисперсию *Негативизма* ($F(3,160) = 3,307$; $p = 0,022$). Все другие модели и эффекты (основные и взаимодействия факторов) не значимы.

Как видно из таблицы 12, отмечено одно из противоречий негативизма, связанное с расхождением между идеальным и реальным представлением о себе. Доказано, что именно самооценка, как «внутренний» фактор сформированного образа, представления о себе, оказывает влияние как на негативизм, так и на неудовлетворенность. В то же время, социальный статус в группе, будучи «внешним критерием» принятия *транслируемого вовне собственного образа*, не оказывает заметного влияния на обе зависимые переменные. Данная

дисперсионная модель демонстрирует преобладание *внутренних установок над внешними обстоятельствами* в оценке негативизма и неудовлетворенности.

Большинство современных авторов для повышения точности исследования рекомендуют применять в анализе множество разных моделей. Далее проверим, как «внешняя» активность – трансляция своего образа на группу, результатом которого является приобретение *статуса*, а также степень значимости данной группы, фиксируемой мерой *удовлетворенности* отношениями в группе, соотносится с «внутренними» переменными – устойчивостью собственного образа (*самооценкой*) и *негативизмом*.

В двухфакторной модели с взаимодействием переменных MANOVA (см. таблица 13), выявлены значимые эффекты многомерного влияния: главный эффект воздействия шкалы *Социального статуса* по методике социометрия (След Пилляя $F(6,320) = 1,763$; $p = 0,044$) на вариабельность переменных *Негативизм* и *Самооценка* (по Будасси).

Многомерные критерии оценки вклада *Удовлетворенности* и взаимодействия факторов *Удовлетворенности* и *Статуса* не значимы. ANOVA определяет значимый главный эффект влияния *Неудовлетворенности* (по Фидлеру) на дисперсию *негативизма* ($F(3,160) = 2,819$; $p = 0,041$), основной эффект действия *Социального статуса* на *Негативизм* ($F(3,160) = 2,392$; $p = 0,024$).

Отслеживается значимое взаимодействие факторов *Неудовлетворенности* и *Статуса*, определяющее вариабельность *негативизма* ($F(9,160) = 1,865$; $p = 0,023$). Значимых главных эффектов и взаимодействия факторов *Неудовлетворенности* и *Статуса*, влияющих на самооценку (по Будасси) не выявлено. Коэффициент детерминации для *Негативизма* не велик, но модель значима ($R^2 = 0,127$; $p = 0,023$), для *Самооценки* детерминация средняя, $R^2 = 0,283$, но модель не значима.

Результат MANOVA с взаимодействием 2 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов

Модель 2 N= 176	Многомерные критерии		Зависимая переменная 1 Негативизм		Зависимая переменная 2 Самоценка (по Будасси)	
	Независимые переменные (факторы) и их взаимодействие	След Пиллая F	Знач. p	F	Знач. p	F
Скорректир. модель			2,068	0,003	0,765	0,794
Свободный член	982,153	0,0001	1793,055	0,0001	85,358	0,0001
Удовлетворенность	1,393	0,217	2,819	0,041	0,067	0,977
Соц. статус	1,763	0,044	2,392	0,024	1,180	0,318
Удовлетвор. * Соц. статус	1,208	0,201	1,865	0,023	0,596	0,898

1 R квадрат = 0,127

2 R квадрат = 0,283

Итак, модели объясняют 12,7% дисперсии *негативизма* и 28% вариабельности *Самооценки*. Выявлено влияние фактора *Социальный статус* на *негативизм*. Взаимодействие факторов *Социальный статус* и *Неудовлетворенность отношениями в группе* также значимо влияют на *негативизм*. При оценке одномерных эффектов, результат взаимодействия факторов (совместное влияние *статуса и неудовлетворенности*), F-критерий значим. На формирование *негативизма* в заметной степени влияет *неудовлетворенность отношениями в группе*, а не только *социометрический статус*. Это еще раз подчеркивает социальный смысл протестной активности, когда не только собственный неуспех в группе, но *неудовлетворенность отношениями в группе* влияют на протестную мотивацию.

Для эмпирической проверки и более точной оценки данного предположения проведен иерархический множественный регрессионный анализ (ИМРА), включающий переменные *неудовлетворенности* и *статуса* в качестве предикторов *негативизма* в двух иерархических моделях (См. Таблица 14).

Результаты иерархического регрессионного анализа. Статистика моделей и инкрементные индексы с разными предикторами.

Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
Модель 1 N= 198	Зависимая переменная: негативизм				
(Константа)	30,025	0,556		53,997	0,0001
Соц. статус	-6,524	3,028	-0,152	-2,155	0,032
Статистика модели 1	R = 0,152; R ² = 0,023; F(1, 197) = 4,642; p = 0,032				
Статистика изменений модели 1	Δ R ² = 0,023; Δ F (1; 197) = 4,642, p = 0,032				
Модель 2 N= 198	Зависимая переменная: негативизм				
(Константа)	27,700	1,284		21,579	0,0001
Соц. статус	-6,487	3,005	-0,151	-2,159	0,032
Удовлетворенность	0,590	0,294	0,140	2,006	0,046
Статистика модели 2	R = 0,207; R ² = 0,043; F(2, 196)=4,368; p = 0,014				
Инкрементный F-тест модели 1x2	Δ R ² = 0,020; Δ F (1; 196) = 4,024, p = 0,046				

Модели иерархического регрессионного анализа (ИМРА) определяют различия в степени влияния отдельных предикторов (или групп), а также их парциальный и кумулятивный вклад в распределение зависимой переменной.

Большая величина влияния *статуса* подтверждается статистически значимыми инкрементными индексами в комплексе регрессионных уравнений. Как следует из результатов модели 1 регрессионного анализа (см. Таблица 14) Социальный статус определяет 2,3% вариации признаков негативизма, его вес статистически значим: Δ R² = 0,023; F (1, 196)= 4,368; p= 0,014.

У второй модели иерархического МРА коэффициент детерминации возрастает до R²=0,043. Вторая модель фиксирует значимый прирост вклада предикторов за счет *Удовлетворенности* в вариацию негативизма (ΔR² = 0,020), при Δ F (1,196) = 4,024; p= 0,046. В данном комплексе уравнений МРА вклад *социометрического статуса* в изменчивость *негативизма* значим, значимо и влияние *неудовлетворенности* на дисперсию *негативизма*. Таким образом, как

объективные, так и субъективные оценки неуспешности в отношениях оказывают заметное влияние на развитие негативизма.

В трехфакторной дисперсионной модели с взаимодействием независимых переменных MANOVA, N= 176, (см. Таблицу 15), определены значимые многомерные эффекты: главный эффект влияния *Самооценки по С.А. Будасси* ($F(15,460) = 2,116; p = 0,010$) на вариабельность шкал *Негативизм* и *Нигилизм*.

Таблица 15

Результат MANOVA с взаимодействием 3 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов. (Фрагмент таблицы).

Модель 3 N= 176 Независимые переменные (факторы) и их взаимодействие	Многомерные критерии		Зависимая переменная 1 Негативизм		Зависимая переменная 2 Нигилизм	
	След Пиллая F	Знач. р	F	Знач. р	F	Знач. р
Скорректир. модель			1,693	0,007	1,890	0,002
Свободный член	883,024	0,0001	1877,304	0,0001	308,063	0,0001
Самооценка по Будасси	2,116	0,010	1,980	0,122	7,484	0,0001
Соц. статус	1,644	0,062	3,728	0,014	4,226	0,008
Согласие	1,344	0,095	1,317	0,251	2,580	0,018
СамооцБ * Соц. статус	1,142	0,251	2,106	0,037	0,861	0,563
СамооцБ * Согласие	0,953	0,603	1,315	0,193	0,708	0,802
Соц. статус * Согласие	1,231	0,086	1,261	0,229	0,951	0,524
СамооцБ * Соц. статус * Согласие	1,256	0,060	1,889	0,021	1,860	0,023

1 R квадрат = 0,601

2 R квадрат = 0,642

Действие других факторов не значимо, влияние статуса и трехфакторное взаимодействие проявляется в виде тенденции ($p = 0,06$). Одномерная модель высокосзначима ($R^2 = 0,601, F = 1,693; p = 0,007$) и объясняет 60% дисперсии *негативизма*. ANOVA устанавливает значимые главные эффекты влияния *Самооценки* ($F(3,92) = 3,728; p = 0,042$); $p = 0,014$); эффекты взаимодействия *Самооценки* со *Статусом* ($F(9,92) = 2,106; p = 0,037$) и взаимодействия *Самооценки, Статуса* и *Несогласия* ($F(21,92) = 1,889; p = 0,021$) на дисперсию

негативизма. Для *нигилизма* значимы как главные эффекты *Самооценки* ($F(3,92) = 7,482$; $p = 0,0001$), *Статуса* ($F(3,92) = 4,226$; $p = 0,008$) и *Согласия*, ($F(3,92) = 2,581$; $p = 0,018$), так и взаимодействие факторов *Самооценки*, *Статуса* и *Несогласия* ($F(21,92) = 1,860$; $p = 0,008$).

Итак, переменные *самооценка*, *статус* и *несогласие*, а также их взаимодействие детерминируют 60% вариабельности признаков *негативизма*. Таким образом, и в данном случае, объективные и рефлексивные параметры *оценки отношений* вносят весомый вклад в *негативизм*.

Сходные по значимости и по детерминации показатели влияния получаются и по дисперсионным моделям, включающих в качестве третьей переменной анализа факторы *недоброжелательность* и *отсутствие взаимной поддержки* по методике оценки атмосферы в группе Фидлера (см. Таблицу 16 и 17).

Трехфакторная модель с взаимодействием переменных MANOVA, $N = 176$, устанавливает значимые многомерные эффекты: главные эффекты влияния *Самооценки по Будасси* ($F(15,460) = 2,380$; $p = 0,003$), *Социального статуса* ($F(15,460) = 1,951$; $p = 0,019$) и *Доброжелательности* ($F(35,460) = 1,690$; $p = 0,009$); взаимодействие факторов *Самооценки* и *Статуса* ($F(45,460) = 1,492$; $p = 0,024$), *Самооценки* и *Доброжелательности* ($F(85,460) = 1,395$; $p = 0,018$), а также трехфакторный эффект *Самооценки*, *Статуса* и *Доброжелательности* ($F(135,460) = 1,256$; $p = 0,045$) на дисперсию разных типов протестной активности. ANOVA указывает на значимые прямые эффекты *самооценки* ($F(3,90) = 3,249$; $p = 0,026$) и *статуса* ($F(3,90) = 3,604$; $p = 0,016$); эффекты взаимодействия *самооценки* со *статусом* ($F(9,90) = 3,788$; $p = 0,0001$), *статуса* с *доброжелательностью* ($F(17,90) = 1,802$; $p = 0,040$), *самооценки*, *статуса* и *доброжелательности* ($F(27,90) = 1,683$; $p = 0,036$) на дисперсию *негативизма*.

Одномерная модель высокосignификантна ($R^2 = 0,614$, $F = 1,703$; $p = 0,007$) и объясняет 61% дисперсии *негативизма*. (См. Таблицу 16).

Результат MANOVA с взаимодействием 3 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов. (Фрагмент таблицы).

Модель 4 N= 176 Независимые переменные (факторы) и их взаимодействие	Многомерные критерии		Зависимая переменная 1 Негативизм		Зависимая переменная 2 Нигилизм	
	След Пиллая F	Знач. р	F	Знач. р	F	Знач. р
Скорректир. модель			1,703	0,007	1,696	0,007
Свободный член	820,356	0,0001	1677,716	0,0001	240,478	0,0001
Самооценка по Будасси	2,380	0,003	3,249	0,026	5,169	0,002
Соц. статус	1,951	0,019	3,604	0,016	6,749	0,0001
Доброжелательность	1,690	0,009	1,360	0,232	2,192	0,042
Самооц.Б * Соц. статус	1,492	0,024	3,788	0,0001	0,694	0,713
Самооц.Б * Доброжелат.	1,395	0,018	1,508	0,110	1,631	0,072
Соц.статус * Доброжелат.	1,118	0,239	1,802	0,040	1,495	0,114
Самооц.Б * Соц. статус * Доброжелательность	1,256	0,045	1,683	0,036	1,017	0,456

1 R квадрат = 0,614

2 R квадрат = 0,613

Трехфакторная MANOVA с взаимодействием независимых переменных (см. Таблицу 17), имеет значимые многомерные эффекты: главные эффекты влияния *Самооценки по Будасси* ($F(15,415) = 1,850$; $p = 0,029$), взаимодействие факторов *Статуса и Поддержки* ($F(105,415) = 1,308$; $p = 0,038$) на дисперсию разных типов протестной активности. ANOVA подтверждает значимые главные эффекты *статуса* ($F(3,83) = 2,789$; $p = 0,046$); эффекты взаимодействия *Самооценки со Статусом* ($F(9,83) = 2,740$; $p = 0,007$), *Статуса с Взаимной поддержкой* ($F(20,83) = 2,126$; $p = 0,009$), *Самооценки, Статуса и Доброжелательности* ($F(28,83) = 1,644$; $p = 0,043$) на дисперсию *Негативизма*.

Одномерная модель высокосignификантна ($R^2 = 0,631$, $F = 1,560$; $p = 0,020$) и детерминирует 63% дисперсии *негативизма*.

Результат MANOVA с взаимодействием 3 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов. (Фрагмент таблицы).

Модель 5 N= 176 Независимые переменные (факторы) и их взаимодействие	Многомерные критерии		Зависимая переменная 1 Негативизм		Зависимая переменная 2 Нигилизм	
	След Пиллая F	Знач. р	F	Знач. р	F	Знач. р
Скорректир. модель			1,560	0,020	1,217	0,183
Свободный член	1012,749	0,0001	2146,530	0,0001	267,184	0,0001
Самооценка по Будасси	1,851	0,029	1,214	0,310	3,639	0,016
Соц. статус	1,006	0,449	2,789	0,046	1,695	0,174
Взаимная поддержка	1,102	0,321	1,227	0,297	1,580	0,153
СамооцБ * Соц. статус	1,365	0,064	2,740	0,007	1,542	0,147
СамооцБ * Вз. Поддерж	0,785	0,933	1,540	0,086	0,715	0,806
Соц.статус * Вз. Поддерж	1,308	0,038	2,126	0,009	0,717	0,798
СамооцБ * Соц. статус * Взаимная поддержка	1,066	0,314	1,644	0,043	1,004	0,475

1 R квадрат = 0,631

2 R квадрат = 0,572

Можно отметить, что негативизм возникает не просто как ответ на неудовлетворенность собственными успехами (или реакция на непопулярность в группе), или на низкую оценку собственного влияния в группе, но, более вероятно (и это доказывает множество дисперсионных моделей), является результатом *неудовлетворенности отношениями* в группе в целом. В следующих трех моделях MANOVA определялось реципрокное, противоположное предыдущим моделям влияние *Негативизма* на разные показатели отношений.

В модели MANOVA (см. Таблица 18), определены значимые мультивариативные эффекты: воздействие *негативизма* ($F(6,364) = 3,235$; $p = 0,004$) и действие фактора (*MD*) *Самооценка по Р. Кеттеллу* ($F(6,364) = 4,374$; $p = 0,0003$) на вариабельность переменных *Удовлетворенность* и *Социальный статус по Ф. Фидлеру*. Взаимодействие факторов не значимо.

ANOVA определяет значимые главные эффекты влияния *Негативизма* на дисперсию *Неудовлетворенности* ($F(3,182) = 2,740$; $p = 0,045$) и на вариабельность *Социального статуса* ($F(3,182) = 3,801$; $p = 0,011$).

Таблица 18.

Результат MANOVA с взаимодействием 2 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов.

Модель 6, N= 198	Многомерные критерии		Зависимая переменная 1 Социальный статус		Зависимая переменная 2 Удовлетворенность	
	След Пиллая F	Знач. p	F	Знач. p	F	Значимость p
Независимые переменные (факторы) и их взаимодействие						
Скорректир. модель			2,106	0,011	2,887	0,0001
Свободный член	439,530	0,0001	2,855	0,093	883,368	0,0004
Негативизм	3,235	0,004	3,801	0,011	2,740	0,045
MD Самооценка	4,374	0,0003	2,116	0,100	6,767	0,0002
Негативизм*MD Самооц	1,144	0,307	1,050	0,402	1,289	0,245

1 R квадрат = 0,148

2 R квадрат = 0,192

Отслеживается главный эффект влияния *MD Самооценки*, обуславливающий дисперсию *Неудовлетворенности* ($F(3,182) = 6,767$; $p = 0,0002$). Совместное действие факторов негативизма и MD самооценки в одномерных тестах не значимо. Коэффициенты детерминации модели для *Статуса* невелика; а для *Неудовлетворенности* – приемлема; модели объясняют 15% дисперсии *Статуса* и 19% вариабельности *Неудовлетворенности*. Таким образом, в этой дисперсионной модели *негативизм* определяет как «объективный» неуспех личности в группе, проявляемый в низком статусе, так и субъективную неудовлетворенность отношениями.

В двухфакторной модели MANOVA (см. Таблицу 19) с взаимодействием двух независимых переменных, выявлены значимые мультивариативные эффекты: влияние шкалы *Негативизма* ($F(6,320) = 2,301$; $p = 0,034$) и взаимодействия факторов *Негативизма* и *Статуса* ($F(18,320) = 2,460$; $p = 0,001$) на вариабельность переменных *Неудовлетворенности* и *Самооценки*. Вклад *Социального статуса* в дисперсию указанных переменных не значим. Согласно

одномерным критериям оценки (ANOVA), установлен главный эффект влияния *Негативизма* на дисперсию *Неудовлетворенности* ($F(3,160) = 3,698$; $p = 0,013$), отслеживается значимое взаимодействие факторов *Негативизма* и *Статуса*, определяющее вариабельность *Неудовлетворенности* ($F(9,160) = 1,965$; $p = 0,047$). Совместное действие факторов негативизма и статуса также значимо обуславливает дисперсию самооценки ($F(9;160) = 3,042$; $p = 0,002$). Коэффициенты детерминации двухфакторной модели средние: модели объясняют 18% дисперсии *Неудовлетворенности* и 19% вариабельности *Самооценки*.

Таблица 19.

Результат MANOVA с взаимодействием 2 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов.

Модель 7, N= 176	Многомерные критерии		Зависимая переменная 1 Удовлетворенность		Зависимая переменная 2 Самоценка по Будасси	
	След Пиллая F	Знач. р	F	Знач. р	F	Знач. р
Скорректир. модель			2,389	0,004	2,559	0,002
Свободный член	489,027	0,0001	774,697	0,0001	132,420	0,0001
Негативизм	2,301	0,034	3,698	0,013	1,187	0,317
Социальный статус	0,299	0,937	0,465	0,707	0,152	0,928
Негативизм * Соц. статус	2,460	0,001	1,965	0,047	3,042	0,002

1 R квадрат = 0,183

2 R квадрат = 0,194

Описываемая модель (Таблица 19), указывает на то, что *низкий статус сам по себе*, рассматриваемый отдельно, значимо не влияет на удовлетворенность отношениями и самооценку личности, поскольку группа не обязательно должна быть референтна для личности.

Негативизм вызывает *неудовлетворенность* отношениями, а взаимодействие факторов *негативизма* и *статуса* определяет не только *удовлетворенность*, но и *самооценку*.

Следующая модель двухфакторного MANOVA с взаимодействием переменных отражает полный комплекс значимых мультивариативных и одномерных эффектов (См. Таблицу 20).

Результат MANOVA с взаимодействием 2 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов.

Модель 8, N= 176	Многомерные критерии		Зависимая переменная 1 Соц. Статус		Зависимая переменная 2 Самоценка Буд.	
	След Пиллая F	Знач. р	F	Знач. р	F	Значимость р
Скорректир. модель			2,299	0,001	1,862	0,008
Свободный член	2,342	0,001	2,905	0,090	96,085	0,0001
Негативизм	4,460	0,004	3,734	0,013	3,789	0,012
Удовлетворенность	2,342	0,001	3,284	0,003	1,502	0,171
Негативизм * Удовлетв.	2,460	0,001	2,116	0,006	1,718	0,036

1 R квадрат = 0,322

2 R квадрат = 0,278

Выявлены эффекты многомерного влияния: воздействие *негативизма* ($F(6,290) = 4,480$; $p = 0,004$), влияние фактора *Удовлетворенности* ($F(14,290) = 2,342$; $p = 0,001$) и взаимодействия *Негативизма* и *Неудовлетворенности* ($F(40,290) = 2,460$; $p = 0,001$) на изменчивость переменных *Социальный статус* и *Самооценка*. Одномерный анализ установил значимые главные эффекты влияния *Негативизма* на дисперсию *Социального статуса* ($F(3,182) = 3,734$; $p = 0,013$), и на вариабельность *Самооценки* ($F(3,182) = 3,789$; $p = 0,012$). Определен значимый главный эффект влияния *Неудовлетворенности* на *Статус* ($F(3,182) = 3,284$; $p = 0,003$). Совместное действие факторов *Негативизма* и *Неудовлетворенности* в одномерных тестах также значимо влияет на дисперсию признаков *Социального статуса* ($F(9,182) = 2,116$; $p = 0,006$) и *Самооценки* ($F(9,182) = 1,718$; $p = 0,036$). Коэффициенты детерминации моделей, определяющих вариабельность *Статуса* достаточно высока ($R^2 = 0,322$), и средне выражена для *Самооценки* ($R^2 = 0,278$). Соответственно, модели объясняют 32% дисперсии *Статуса* и 28% вариабельности *Самооценки*.

Негативизм служит индикатором и регулятором субъектной активности, посредством этой формы протеста личность формирует, демонстрирует, определяет свои статусные притязания и ожидания, самооценку.

Итак, выраженное влияние *негативизма* распространяется как на оценку личности со стороны других, так и на самооценку, а также на весь комплекс внешнего, «объективного» и «внутреннего», субъективного *оценивания личности*. Степень влияния *неудовлетворенности* на *оценивание* высока, но не столь генерализована, она ограничена межличностным восприятием и не затрагивает личностный уровень оценки. В то же время, взаимодействие факторов *негативизма* и *неудовлетворенности* влияет не только на *статус*, как меру отношений, но и снижает *самооценку*, захватывая структуру личности, уровень ее самосознания. Таким образом, при сопоставимой по силе детерминированности процессов, и негативизм, и неудовлетворенность формируют заниженную самооценку и низкий статус личности.

Продолжая описание моделей дисперсионного анализа, рассмотрим влияние на негативизм *асоциального копинга* (по С. Хобфолу), как фактора, сопровождающего трансляцию неуспешного образа на социум. Модель трехфакторного MANOVA с взаимодействием переменных (См. Таблица 21), воспроизводит часть многомерных и одномерных эффектов.

Таблица 21.

Результат MANOVA с взаимодействием 3 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов. (Фрагмент таблицы).

Модель 9 N= 176	Многомерные критерии		Зависимая переменная 1 Негативизм		Зависимая переменная 2 Нигилизм	
	След Пиллая F	Знач. р	F	Значимость р	F	Знач. р
Независимые переменные и их взаимодействие						
Скорректир. модель			1,988	0,007	1,321	0,155
Свободный член	999,053	0,000	2718,587	0,0001	247,809	0,0001
Самооценка по Будасси	1,802	0,042	0,991	0,407	3,498	0,024
Соц. статус	1,101	0,363	0,795	0,504	4,064	0,013
Асоциальный копинг	1,204	0,124	1,820	0,046	1,345	0,199
СамооцБ * Соц. статус	0,787	0,828	1,006	0,451	0,975	0,475
СамооцБ * Асоц. копинг	1,177	0,120	2,212	0,006	1,048	0,442
Соц.статус * Асоц. копинг	0,992	0,523	1,362	0,167	0,842	0,704
СамооцБ * Соц. статус * Асоц. копинг	0,762	0,872	0,337	0,965	0,769	0,657

1 R квадрат = 0,631

2 R квадрат = 0,572

Обнаружен прямой эффект многомерного влияния *Самооценки по Будасси* ($F(15,200) = 1,802$; $p = 0,042$) на вариабельность разных типов протестной активности, в частности, переменных *Негативизм* и *Нигилизм*. Одномерный анализ показывает значимость главного эффекта влияния *Асоциального копинга* ($F(3,40) = 1,820$; $p = 0,046$), а также взаимодействия факторов *Самооценки* и *Асоциального копинга* ($F(3,40) = 2,212$; $p = 0,006$) на дисперсию *Негативизма*. Дисперсионная модель *Негативизма* имеет высокий коэффициент детерминации ($R^2 = 0,631$; $F(3,40) = 1,988$; $p = 0,007$) и объясняет 63% дисперсии *негативизма*.

Анализ позволяет выделить значимое многомерное влияние *самооценки* на весь комплекс разных типов протестной активности, включающих *негативизм*, причем одномерное влияние самооценки на негативизм не значимо. Одномерное влияние *асоциальных действий* значимо, а совместное действие *статуса* и *асоциальных действий* на негативизм высокосignificantly. *Несформированность собственного образа (низкая самооценка)*, на фоне явного пренебрежения к нормам (готовность к *асоциальным действиям*) является источником «подпитки» негативизма.

Далее продолжим анализ негативизма на выборке молодежи (средний возраст $M = 21$ год). Использован авторский опросник УТРО, определяющий особенности удовлетворенности трудом, руководством, формальными и неформальными отношениями в группе. Опросник может фиксировать не только личную неприязнь к руководству, но и неудовлетворенность отношениями в группе в целом. Модель с взаимодействием переменных MANOVA, $N = 131$, (см. Таблица 22), устанавливает значимые многомерные эффекты: главные эффекты влияния *Самооценки по Будасси* ($F(15, 339) = 2,252$; $p = 0,001$); *Негативизма* ($F(15, 339) = 3,695$; $p = 0,0001$); взаимодействия факторов *Самооценки* и *Негативизма* ($F(15, 575) = 2,031$; $p = 0,0001$), на дисперсию пяти видов удовлетворенности отношениями в группе. ANOVA раскрывает значимые основные эффекты влияния: *самооценки* на дисперсию *Отношений с руководством* ($F(3, 115) = 3,452$; $p = 0,019$) и *Референтности* ($F(3, 115) = 2,853$; $p = 0,040$); *Негативизма* на вариабельность *Загруженности* ($F(3, 115) = 6,691$;

$p = 0,0001$), *Референтности* ($F(3, 115) = 5,789$; $p = 0,001$) и *Индекса авторитета* ($F(3, 115) = 6,828$; $p = 0,0001$). Выявлены эффекты взаимодействия факторов *Самооценки* и *Негативизма* на дисперсию: *Безынициативности* ($F(9,115) = 2,227$; $p = 0,022$), *Загруженности* ($F(9, 115) = 3,382$; $p = 0,001$), *Референтности* ($F(9, 115) = 3,359$; $p = 0,001$) и *Индекса авторитета* ($F(9, 115) = 2,793$; $p = 0,005$). Все одномерные модели значимы и определяют от 20 до 32% дисперсии разных видов удовлетворенности отношениями.

Таблица 22.

Результат MANOVA с взаимодействием 2 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов.

Модель 10 N = 131	Многомерные критерии		Завис. переменная 1 Безынициативность		Завис. переменная 2 Загруженность	
Независимые переменные и их взаимодействие	След Пилляя F	Знач. p	F	Знач. p	F	Знач. p
Скорректир. модель			1,981	0,022	3,439	0,0001
Свободный член	684,106	0,0001	1093,591	0,0001	923,716	0,0001
Самооценка по Будасси	2,543	0,001	2,033	0,113	0,757	0,521
Негативизм	3,695	0,0001	0,928	0,429	6,691	0,0001
СамооценкаБ*Негативизм	2,031	0,0001	2,270	0,022	3,382	0,001
(Продолжение таблицы)	Завис. переменная 3 Отн. с руководством		Завис. переменная 4 Референтность		Завис. переменная 5 Индекс авторитета	
Независимые переменные и их взаимодействие	F	Знач. p	F	Знач. p	F	Знач. p
Скорректир. модель	2,101	0,014	3,627	0,0001	3,354	0,0001
Свободный член	880,803	0,0001	1509,083	0,0001	1780,524	0,0001
Самооценка по Будасси	3,452	0,019	2,853	0,040	1,125	0,342
Негативизм	1,474	0,225	5,789	0,001	6,828	0,0001
СамооценкаБ*Негативизм	1,908	0,057	3,519	0,001	2,793	0,005

1 R квадрат = 0,205

2 R квадрат = 0,310

3 R квадрат = 0,215

4 R квадрат = 0,321

5 R квадрат = 0,304

Интерпретация данной модели несколько отличается от предыдущих, поскольку независимые переменные противоположны по влиянию и

отрицательно коррелируют между собой. *Негативизм* влияет на удовлетворенность *отношениями с руководством* и на *референтность* как оценку собственной значимости в группе, фактор *Самооценки* позитивно влияет на *авторитет*, *референтность* и, как сопутствующее следствие успеха, на *загруженность*.

Взаимодействие факторов *Самооценки* и *Негативизма*, будучи разным по направлению влияния, обуславливает *безынициативность*, *загруженность*, *отношения с руководством*, *референтность* и *индекс авторитета* по методике УТРО.

Результаты другой модели MANOVA, N = 631, (см. Таблица 23), устанавливают значимые многомерные эффекты: главный эффект влияния *Негативизма* ($F(9,1845) = 3,084$; $p = 0,001$) и взаимодействия факторов *Доминантности по Р. Кеттеллу* и *Негативизма* ($F(27,1845) = 1,713$; $p = 0,013$), на дисперсию четырех видов *Удовлетворенности отношениями* в группе (УТРО). Результаты межгрупповых эффектов указывают на значимые основные воздействия: *Негативизма* на дисперсию *Загруженности* ($F(3,615) = 4,449$; $p = 0,004$), *Отношений с руководством* ($F(3,615) = 6,527$; $p = 0,0001$), *Референтности* ($F(3,615) = 6,412$; $p = 0,0001$) и *Индекса авторитета* ($F(3,615) = 3,116$; $p = 0,024$); *Доминантности* на вариабельность *Индекса авторитета* ($F(9,615) = 4,183$; $p = 0,006$).

Одномерные эффекты влияния *взаимодействия факторов* на отдельные переменные удовлетворенности отношениями не значимы. Все одномерные модели значимы, но определяют от 4 до 7 % распределения разных типов удовлетворенности деловыми и неформальными контактами.

Обнаружено, что *Негативизм* отрицательно влияет на удовлетворенность формальными сторонами взаимодействия в группе в целом. *Негативизм* формирует отрицательную оценку деловых отношений в сферах: референтности, отношений с руководством, загруженности и общего индекса авторитета. Желание доминировать не влияет на неудовлетворенность деловыми контактами и позитивно сказывается на *Индексе авторитета*.

Результат MANOVA с взаимодействием 2 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов.

Модель 11 N= 631	Многомерные критерии				Завис. переменная 1 Загруженность	
Независимые переменные и их взаимодействие	След Пиллая F	Ст. своб. гипотезы	Ст. свободы ошибки	Знач. p	F	Знач. p
Скорректир. модель					1,744	0,039
Свободный член	2870,480	3	613	0,0001	6410,594	0,0001
Негативизм	3,084	9	1845	0,001	4,449	0,004
Доминантность	1,473	9	1845	0,152	0,564	0,639
Негативизм*Доминантность	1,713	27	1845	0,013	0,887	0,536
(Продолжение таблицы)	Завис. переменная 2 Отн. с руководством		Завис. переменная 3 Референтность		Завис. переменная 4 Индекс авторитета	
Независимые переменные и их взаимодействие	F	Знач. p	F	Знач. p	F	Знач. p
Скорректир. модель	3,208	0,0001	2,696	0,001	2,587	0,001
Свободный член	4763,968	0,0001	7555,906	0,0001	5786,518	0,0001
Негативизм	6,527	0,0001	6,412	0,0001	3,166	0,024
Доминантность	1,141	0,332	1,057	0,367	4,183	0,006
Негативизм*Доминантность	1,627	0,104	1,100	0,361	1,577	0,118

1 R квадрат = 0,041

2 R квадрат = 0,073

3 R квадрат = 0,062

4 R квадрат = 0,059

Далее предполагалось выделить конкретные группы переменных *удовлетворенности отношениями* в группе, отношение к лидеру и работе по методике УТРО, и рассмотреть степень и значимость их вклада в формирование негативистских установок личности. Применялся иерархический множественный регрессионный анализ ИМРА.

Как следует из результатов модели 1 иерархического регрессионного анализа (см. Таблица 24), совокупность значимых предикторов неудовлетворенности отношениям: *Конфликт с окружением* ($p=0,0001$) и *Загруженность* ($p=0,001$) определяет 7,6% вариации признаков *Негативизма*. Модель статистически значима ($R^2 = 0,076$; $F(2, 701) = 29,034$; $p = 0,0001$).

Результаты иерархического регрессионного анализа. Статистика моделей и инкрементные индексы с разными предикторами.

Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
Модель 1 N = 704	Зависимая переменная: негативизм				
(Константа)	23,841	1,085		21,976	0,0001
Конфликт с окружением	0,819	0,140	0,218	5,848	0,0001
Загруженность	0,434	0,125	0,129	3,467	0,001
Статистика модели 1	R = 0,277; R ² = 0,076; F(2, 701) = 29,034; p = 0,0001				
Модель 2	Зависимая переменная: негативизм				
(Константа)	21,026	1,327		15,840	0,0001
Конфликт с окружением	0,785	0,139	0,209	5,643	0,0001
Загруженность	0,443	0,124	0,132	3,568	0,0004
Отношения с руководством	0,451	0,125	0,131	3,619	0,0003
Статистика модели 2	R = 0,306; R ² = 0,093; F(3, 703) = 24,056; p = 0,0001				
Инкрементный F-тест модели 1x2	$\Delta R^2 = 0,017$; $\Delta F(1; 700) = 13,098$, p = 0,0001				
Модель 3	Зависимая переменная: негативизм				
(Константа)	19,100	1,402		13,627	0,0001
Конфликт с окружением	0,643	0,142	0,171	4,518	0,0001
Загруженность	0,347	0,128	0,103	2,711	0,007
Отношения с руководством	0,229	0,135	0,066	1,694	0,091
Статус	0,506	0,143	0,139	3,532	0,0004
Иерархия	0,248	0,133	0,073	1,871	0,062
Статистика модели 3	R = 0,338; R ² = 0,114; F(5, 698) = 18,001; p = 0,0001				
Инкрементный F-тест модели 2x3	$\Delta R^2 = 0,021$; $\Delta F(2; 698) = 8,197$, p = 0,0003				

Во второй модели иерархического МРА за счет включения переменной *Отношений с руководством* обеспечивается значимый прирост варибельности *негативизма* ($\Delta R^2 = 0,017$; $\Delta F(1; 700) = 13,098$, p = 0,0001). Параметры модели ($R^2 = 0,093$; F(3, 703) = 24,056; p = 0,0001) и коэффициент предиктора (p = 0,0003) статистически значимы.

В третьей модели, вводимые регрессоры *Иерархия* и *Статус*, дополнительно объясняют 2,1 % прироста дисперсии *Негативизма* ($\Delta R^2 = 0,021$;

$\Delta F(2; 698) = 8,197$, $p = 0,0003$). Модель показывает хорошую пригодность и обладает заметными прогностическими свойствами ($R^2 = 0,114$; $F(5, 698) = 18,001$; $p = 0,0001$), вклад переменной *Статус* значим ($p = 0,007$), влияние *Иерархии* обнаруживается в виде тенденции ($p = 0,062$).

Таким образом, прирост вклада предиктора *Отношения с руководством* ($\Delta R^2 = 0,017$) в изменчивость *Негативизма* значим, влияние *Статуса* тоже существенно ($\Delta R^2 = 0,021$).

Для негативиста характерна амбивалентность отношения к руководителю: недоверие к руководству; неприязнь и зависть к фаворитам, успешным членам группы (шкала *иерархия*), которая сочетается с ожиданием *поддержки* со стороны руководителя (вероятно, с надеждой на продвижение) и желанием влиять на других (шкала *статус*). Кроме того, негативист имеет проблемы с формированием и акцептированием идеальных образцов поведения.

Результаты анализа значимых критериев свидетельствуют об отсутствии желания воспринимать *идеальные образцы поведения*, задаваемые лидерами, успешными членами группы, руководителями, нежелании учиться у последних.

Таким образом, рассмотрение всех значимых взаимно детерминирующих негативизм факторов – неприятие *идеального образца* (лидера, руководителя, успешных и др.); *неудачи в построении собственного образа* (низкая самооценка, конфликт с окружением) и в *трансляции личного образа* на группу (низкий статус) дает основание считать *трансформационную схему протестной активности*, основанную на триаде «образец–образ–трансляция» частично доказанной эмпирически.

Продолжим анализ переменных *удовлетворенности* отношениями, определяемых предикторами *негативизма* и *доминантности*. Результаты MANOVA, $N = 631$, (см. Таблицу 25), указывают на значимые многомерные эффекты: главный эффект влияния *Негативизма* ($F(9,1845) = 4,103$; $p = 0,0001$) и взаимодействия факторов *Доминантности по Р. Кеттеллу* и *Негативизма* ($F(27,1845) = 1,731$; $p = 0,011$) на дисперсию трех видов *Удовлетворенности отношениями* в группе по методике УТРО.

Результат MANOVA с взаимодействием 2 независимых переменных. Оценка многомерных и одномерных эффектов.

Модель 12, N= 631	Многомерные критерии		Зависимая переменная 1 Карьера		Зависимая переменная 2 Статус		Зависимая переменная 3 Алкоголь	
	След Пиллая F	Знач. р	F	Знач. р	F	Знач. р	F	Знач. р
Независимые переменные и их взаимодействие								
Скорректир. модель			2,327	0,003	3,208	0,0001	3,239	0,0001
Свободный член	2597,435	0,0001	4192,076	0,0001	4763,968	0,0001	2417,028	0,0001
Негативизм	4,103	0,0001	2,265	0,080	6,527	0,0002	7,913	0,0001
Доминантность	1,535	0,130	3,665	0,012	1,141	0,332	0,567	0,637
Негативизм *Домин.	1,731	0,011	1,735	0,078	1,627	0,104	1,847	0,057

1 R квадрат = 0,054

2 R квадрат = 0,073

3 R квадрат = 0,073

Результаты межгрупповых эффектов указывают на значимые основные воздействия: *Негативизма* на дисперсию *Статуса* ($F(3,1398) = 6,527$; $p = 0,0002$) и *употребления Алкоголя* ($F(3,1398) = 7,913$; $p = 0,0001$); *Доминантности* на вариабельность *Карьеры* ($F(9,1398) = 3,665$; $p = 0,012$). Одномерные эффекты влияния взаимодействия факторов на конкретные переменные *удовлетворенности отношениями* не значимы. Все одномерные модели значимы, но определяют от 5,4 до 7,3% распределения разных типов *удовлетворенности отношениями* в группе.

Взаимодействие факторов *Негативизма* и *Доминирования* (E) по Р. Кеттеллу оказывает значимое влияние на *Карьеру*, *Статус*, шкалу *употребления Алкоголя* методики УТРО. Воздействие это разнонаправлено. Отмечен широкий спектр *неудовлетворенности* (особенностями самой деятельности, отношениями в коллективе, характером и стилем руководства). На фоне *неудовлетворенности жизнью* у *негативиста* отсутствует потребность в реализации собственного потенциала, но выражена потребность в средствах, отвлекающих от решения проблем (алкоголь).

Далее, используя иерархический регрессионный анализ (ИМРА), предикторами которого выступали шкалы методики Р. Кеттелла, продолжим анализ критериев, определяющих личностные особенности негативизма. Рассмотрены результаты иерархического регрессионного анализа личностных переменных, влияющих на негативизм.

В таблице 26 отражены результаты иерархического регрессионного анализа переменных, определяющих *интеллект, эмоциональность, следование нормам социума* (шкалы методики Р. Кеттелла), действующих на *негативизм*.

Таблица 26.

Результаты иерархического регрессионного анализа переменных, влияющих на негативизм.

Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
Модель 1, N= 2602	Зависимая переменная: Негативизм				
(Константа)	32,994	0,379		87,050	0,0001
В интеллект	-0,423	0,089	-0,093	-4,780	0,0001
Статистика модели 1	R = 0,093; R ² = 0,009; F(1, 2602)= 22,849; p = 0,0001				
Статистика изменений модели 1	Δ R ² = 0,009; Δ F (1; 2602) = 22,849, p = 0,0001				
Модель 2, N=2602	Зависимая переменная: Негативизм				
(Константа)	31,908	0,595		53,668	0,0001
В интеллект	-0,419	0,088	-0,092	-4,732	0,0001
О тревожность	0,169	0,072	0,046	2,368	0,018
Статистика модели 2	R = 0,104; R ² = 0,011; F(2, 2601)=14,248; p = 0,0001				
Инкрементный F-тест модели 1x2	Δ R ² = 0,002; Δ F (1; 2601) = 5,608, p = 0,018				
Модель 3, N=2602	Зависимая переменная: Негативизм				
(Константа)	34,939	0,734		47,607	0,0001
В интеллект	-0,353	0,088	-0,078	-4,004	0,0001
О тревожность	0,183	0,071	0,050	2,578	0,010
Г нормативность	-0,469	0,068	-0,135	-6,928	0,0001
Статистика модели 3	R = 0,170; R ² = 0,029; F(2, 2600)= 25,670; p = 0,0001				
Инкрементный F-тест модели 2x3	Δ R ² = 0,029; Δ F (1; 2600)= 47,998, p = 0,00001				

Представлена статистика моделей и инкрементные тесты с разными предикторами. Все модели, тесты и коэффициенты всех предикторов статистически значимы. Низкие абсолютные значения статистик и коэффициентов детерминации, обусловлены, вероятно, большой выборкой, $N = 2602$ человека.

Как следует из результатов модели 1 иерархического регрессионного анализа, *Интеллект* определяет 1% вариации признаков *Негативизма*, его вес статистически значим: $\Delta R^2 = 0,009$; $F(1, 2602) = 22,849$; $p = 0,014$. Значимая статистика модели 1 и предиктора, свидетельствует об отрицательном вкладе интеллекта в дисперсию *негативизма*. Первая регрессионная модель описывает ситуацию, при которой усиление *негативизма* происходит на фоне снижения интеллекта. Вторая модель иерархического МРА фиксирует значимый прирост вклада предикторов за счет *Тревожности* в вариацию *негативизма* ($\Delta R^2 = 0,002$), при $\Delta F(1, 2601) = 5,608$; $p = 0,018$.

Вторая регрессионная модель доказывает факт возрастания *негативизма*, обусловленного ростом *тревожности*. В итоговом комплексе уравнений МРА (см. модель 3) вклад *Нормативности* в изменчивость *Негативизма* составляет около 3% ($\Delta R^2 = 0,029$), вес вклада статистически значим ($p = 0,0001$), изменения модели при включении предиктора *негативизм* высокосignификантны ($\Delta R^2 = 0,029$; $F(1, 2600) = 47,998$; $p = 0,00001$).

В третьей регрессионной модели усиление *негативизма* сопровождается *снижением желания следовать нормам социума*, слабостью самоконтроля, импульсивностью. При закреплении *негативизма* в структуре личности происходят следующие процессы: ослабляется *способность к анализу ситуаций*, что приводит к их неадекватной, искаженной оценке; кроме того, возрастает тревога. Одновременно с этим наблюдается снижение нормативности поведения, происходит процесс трансформации и инверсии традиционных ценностей. Отсутствие устойчивой субъектной позиции, незрелость регуляторных умений, на фоне искаженных ценностей и черно-белой картины мира приводит к тому, что личность оказывается неспособной справиться с внутренними антисоциальными

импульсами или с натиском внешних деструктивных призывов. Таким образом, основываясь на значимых моделях и коэффициентах данного комплекса уравнений множественного регрессионного анализа, проведенного на большой выборке, *можно считать эмпирически частично доказанным эффект эскалации протестной активности личности.*

Проведенный *корреляционный анализ* шкалы негативизма с 24 методиками по Спирмену (см. Приложение 1, Таблица 1) подтвердил полученные нами результаты и дополнил наши представления.

Проанализированы связи *негативизма* со шкалами методики Р. Кеттелла. Выявлены значимые отрицательные корреляции шкалы *негативизма* со шкалами *Эмоциональная устойчивость* (С) ($r = -0,133$; $p < 0,01$); *самоконтроль* (фактор Q₃) ($r = -0,081$; $p < 0,01$). Для лиц с негативизмом характерны эмоциональная нестабильность и низкий контроль эмоций и поведения. Отмечен низкий уровень регуляторных умений: неспособность к самоконтролю и самодисциплине, безудержность и импульсивность. Кроме того, представители этой типологии обладают слабым коммуникативным ресурсом, об это говорят: *Замкнутость* (А-) ($r = -0,133$; $p < 0,01$), *Робость* (Н-) ($r = -0,063$; $p < 0,01$), *Проницательность*, *искушенность* N ($r = 0,068$; $p < 0,01$), *Доминантность* E ($r = 0,056$; $p < 0,01$). Отмечены социальная замкнутость, закрытость, узкий круг общения; отсутствие наивности, добродушия; в то же время зафиксировано желание контролировать других, влиять на них, доминировать. Выявлены низкая чувствительность к социальному взаимодействию, «заикленность», сфокусированность на себе, своих взглядах, идеях и интересах, *жесткость*, «толстокожесть» (I-) ($r = -0,105$; $p < 0,01$); безответственность, *пренебрежение к нормам социума* (G-) ($r = -0,137$; $p < 0,01$); негативное отношение к людям, неприятие, *подозрительность* (L+) ($r = -0,068$; $p < 0,01$), *неискренность* (N+) ($r = 0,068$; $p < 0,01$); *робость*, *нерешительность* (Н-) ($r = -0,063$; $p < 0,01$), но наряду с этими качествами отмечены *эмоциональная экспансивность*, беспечность, стремление заявлять о себе (F+) ($r = 0,050$; $p < 0,05$).

Установлены значимые корреляции негативизма со шкалами опросника «Стилевая саморегуляция поведения человека» (ССП) В.И. Моросановой,

Е.М. Коноз. Выявлены отрицательные связи негативизма со шкалами Моделирование ($r = -0,136$; $p < 0,01$), Программирование ($r = -0,185$; $p < 0,01$), Оценка результатов ($r = -0,162$; $p < 0,01$) и индексом общего уровня саморегуляции ($r = -0,140$; $p < 0,01$), что свидетельствует о неразвитой способности к определению значимых целей деятельности, неспособности к углубленной рефлексии, адекватной оценке ситуации, некритичности, неспособности предвидеть, замечать и исправлять ошибки. Вместе с тем положительные связи негативизма с самостоятельностью ($r = 0,083$; $p < 0,05$) говорят о склонности к независимым действиям, нежелании считаться с мнением других при формировании собственного решения.

Данный комплекс противоречивых личностных качеств (самоуправство при отсутствии цели, плана и неспособности к многогранной рефлексии) дает возможность описывать негативиста как личность, склонную к опрометчивым поступкам, обладающую высоким самомнением и излишне самонадеянную, чьим лозунгом, вероятнее всего будет «Главное, ввязаться в бой». Следует отметить особенности самостоятельности негативиста. *Самостоятельность, при отсутствии планирования и ответственного целеполагания*, в данном случае выглядит как спонтанное и непродуманное действие, больше напоминает *самоуправство* и в этом плане *составляет специфику субъектной активности негативиста*. Низкие показатели общего индекса саморегуляции негативиста могут приводить, скорее, к *внешней каузальности* или зависимости от внешних стимулов или внутренних импульсов. Низкий потенциал *личностной ресурсности*, выбор неоптимальных способов совладания с жизненными трудностями говорит о выборе пассивной жизненной позиции. Картину субъектной активности личности негативиста дополняют результаты анализа шкал опросника В.П. Прядеина, определяющего уровень развития различных компонентов ответственности. Выявлены значимые позитивные корреляции *негативизма* со шкалами *деструктивных компонентов ответственности*: *динамическая аэргичность* ($r = 0,093$; $p < 0,05$), *мотивация эгоцентрическая* ($r = 0,128$; $p < 0,01$), *эмоциональная астеничность* ($r = 0,185$; $p < 0,01$), *регуляторная*

экстернальность ($r = 0,101$; $p < 0,01$), *когнитивная осведомленность* ($r = 0,144$; $p < 0,01$), а так же *тревожность* ($r = 0,109$; $p < 0,01$). Для негативиста характерны необязательность, неспособность и нежелание доводить начатое дело до конца, зависимость, пассивная установка; неглубокое осознание сути ответственности. В эмоциональной сфере негативиста преобладает общая тревожность, в случае неуспеха деятельности отрицательные эмоции усиливаются. Внешняя детерминация субъектной активности и ответственности преобладает во всех сферах, в частности, в мотивации, центрированной на получении выгоды от деятельности, ее эффекты проявляются в экстернальности, зависимости от внешних обстоятельств и других лиц. Об отчужденной субъектной активности говорит эгоцентризм, желание привлечь внимание к себе, позерство.

Выявлены значимые отрицательные связи *негативизма* с индексом *принятия других* методики СПА ($r = - 0,101$; $p < 0,05$). Отсутствие дружелюбия, *непринятие других* (на эти параметры мы обращали внимание ранее), характерные для лиц с высоким уровнем негативизма, также обнаружались и в анализе методики СПА. Позитивные корреляции негативизма со шкалой *доминирования* ($r = 0,127$; $p < 0,01$), вероятно, объясняются напористостью, обусловлены стремлением контролировать других. Вероятно, стремление к власти у негативиста связано с желанием контролировать и подавлять других.

Выявлены значимые положительные корреляции негативизма со шкалами как *внутреннего контроля* ($r = 0,237$; $p < 0,01$), так и *внешнего контроля* ($r = 0,135$; $p < 0,01$) методики СПА. По критерию *экстернальности* у негативиста проявляются сходные результаты с близким по содержанию показателем методики В.П. Прядеина. Интерес представляет анализ особенностей связи *негативизма* и *экстернальности* (по методике СПА). По результатам проведенного однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), $N=476$, (см. Таблица 27) выявлено значимое влияние фактора (независимой переменной) *негативизма* на *внутренний контроль* ($F(3,473) = 10,485$; $p < 0,0001$), а также *негативизма* на *внешний контроль* ($F(3,473) = 4,221$; $p < 0,006$). Анализ апостериорных критериев по Шеффе ($p < 0,001$ и $p < 0,05$) позволил выделить

значимую подгруппу – только лица с самым высоким уровнем негативизма значительно отличаются выраженностью и внутреннего и внешнего контроля.

Таблица 27

Результаты однофакторного ANOVA, апостериорные критерии по Шеффе.

Зависимые переменные	Ст. св. dfb	Ст. св. dfw	F	Знч. р	Различия по Шеффе	Разность средних (I-J)	Ст. ош. SE	Знч. р	Порядок возрастания средних
Внутренний контроль	3	474	10,485	0,0001	1-4	-4,773	1,009	0,0001	1→2→3→4
Внешний контроль	3	474	4,221	0,006	1-4,2-4	-3,296	1,065	0,023	1→2→3→4
Независимая переменная: негативизм									

Анализ апостериорных критериев позволяет заключить, что лица с очень высоким уровнем негативизма обладают как интернальностью, так и экстернальностью. Формальный анализ интернальности можно дополнить содержательным анализом. В теории Дж. Роттера locus контроля рассматривается как линейный биполярный конструкт [364], тогда как в современных представлениях [442] locus контроля сопряжен с *локусом каузальности* и не линеен. Интернал может ощущать несвободу за счет ощущения давления внешнего контроля – обязательств, которые он *вынужден* принимать, обстоятельств, которые надо учитывать [цит. по (93, с. 178)]. Предполагалось, что будут зафиксированы связи негативизма со шкалами внешнего и внутреннего контроля по опроснику В. Шутца FIRO, однако в исследовании значимые корреляции не были выявлены. Полагаем, что высокий уровень когнитивной осведомленности и интернальности может свидетельствовать о том, что негативист способен с удовольствием наблюдать за протестной активностью других субъектов, оказывая поддержку.

Установлен основной стиль поведения в конфликте – конфронтационный, для которого характерно нежелание понимать соперника, принимать его точку зрения. Выявлена позитивная связь негативизма со шкалой соперничества ($r = 0,424$; $p < 0,001$), отрицательные связи шкалы негативизма со шкалами избегания ($r = -0,334$; $p < 0,01$) и приспособления ($r = -0,283$; $p < 0,01$). Представители этого типа не просто отстаивают свое мнение, они склонны его

навязывать другим. Этой жесткой стратегии негативист придерживается, отвергая нейтральную тактику избегания и не желая идти на какие-либо уступки, т.е. совершенно не учитывая интересы оппонента. Согласно модели К. Томаса и Р. Килмана, данные стили характеризуют человека, ориентирующегося только на себя и отвергающего интересы другого. Негативист проявляет себя в конфликте как жесткий, бескомпромиссный человек, ориентированный только на свои интересы. Высокий уровень соперничества наряду с бескомпромиссностью по этой методике сопоставимы с высокими показателями самостоятельности методики ССП и дополняют информацию о картине мира и субъектной активности негативиста, основанной на самоуправстве, отсутствии рефлексии.

Согласно результатам опросника ОТеЦ И.Г. Сенина по определению терминальных ценностей можно сделать заключение об обедненности и примитивизме *ценностно-смысловой системы* личности негативиста. На этот факт указывают выявленные значимые *отрицательные корреляции шкалы негативизма* с показателями *развития себя* ($r = -0,146$; $p < 0,01$), *стремления к достижениям* ($r = -0,157$; $p < 0,01$), *к духовному развитию* ($r = -0,164$; $p < 0,01$); а также отрицательные связи со сферами профессии ($r = -0,144$; $p < 0,01$) и обучения ($r = -0,180$; $p < 0,01$). Определяющими ценностями по методике С. Шварца согласно выявленным корреляциям являются *стремление к власти* ($r = 0,135$; $p < 0,01$) и *стремление к стимуляции* (новым ощущениям, переживаниям) ($r = 0,222$; $p < 0,01$). По этому параметру обнаружено сходство негативизма и эскапизма.

Обнаружены следующие *противоречия*, которые проявляются на уровне *нормативных ценностей*: *нонконформизм* ($r = -0,201$; $p < 0,01$) *без опоры на традиционные ценности*; *стремление к стимуляции* ($r = 0,222$; $p < 0,01$) *не подкреплено самоконтролем*; *желание власти* ($r = 0,135$; $p < 0,05$) *не связано с личными достижениями*.

У негативиста преобладают крайние полюса активности: *стремление к изменениям и самовозвышению осуществляется вне опоры на традиции, при отсутствии благожелательности и добросердечности к окружающим*.

Активное *отрицание ценностей доброты* ($r = -0,170$; $p < 0,01$) соответствует обнаруженному эгоцентризму и примитивизму личности негативиста. Согласно результатам анализа теста СЖО, человек с негативистическими установками предстает как личность, неудовлетворенная жизнью в целом, определена значимая отрицательная корреляция негативизма с общим индексом смысложизненных ориентаций ($r = -0,115$; $p < 0,05$).

Выявлены значимые отрицательные связи негативизма со шкалами *Цели в жизни* ($r = -0,124$; $p < 0,05$), *Процесс жизни* ($r = -0,154$; $p < 0,01$), *Результативность жизни* ($r = -0,101$; $p < 0,05$), что свидетельствует о неудовлетворенности прожитой жизнью, непринятием настоящего и отсутствием целей, перспектив в будущем. *Указанные темпоральные «разрывы», свойственны также негативному эскапизму.* Обнаружены значимые *отрицательные* связи негативизма со шкалой «доброта мира» ($r = -0,343$; $p < 0,01$) методики исследования *базисных убеждений личности* Р. Янов-Бульман. Сформированное базовое недоверие к миру генерализуется, обуславливая пессимистические установки, образуя *специфическую картину мира*, в которой преобладает убежденность в недоброжелательности окружающих.

Определены значимые *отрицательные* связи негативизма со шкалами методики Т. Лири: *уступчивость* ($r = -0,160$; $p < 0,05$), *доверие* ($r = -0,252$; $p < 0,01$), *доброта* ($r = -0,155$; $p < 0,05$) и *отзывчивость* ($r = -0,215$; $p < 0,01$). Отрицательная связь шкалы негативизма с общим индексом *дружелюбия* ($r = -0,149$; $p < 0,05$) позволяет считать враждебность, общий негативный настрой по отношению к людям ключевым свойством личности. Отрицательная связь негативизма со шкалой *доминантность* ($r = -0,172$; $p < 0,01$) методики Т. Лири свидетельствует скорее о пассивности, неразвитости *субъектных* качеств личности.

Выявлены значимые отрицательные корреляции *негативизма* со всеми шкалами теста жизнестойкости С. Мадди. Отмечен низкий уровень жизнестойкости, о чем свидетельствуют значимые отрицательные корреляции с общим *индексом жизнестойкости* ($r = -0,138$; $p < 0,01$). Негативизм сопряжен со слабой *вовлеченностью* ($r = -0,136$; $p < 0,01$), что говорит о неспособности

получать удовлетворение от работы и от собственной активности в целом, отчужденности. Отрицательная связь негативизма со шкалой *контроля* ($r = -0,115$; $p < 0,05$) свидетельствует о неверии в свою способность влиять на результат деятельности, о пассивных жизненных установках и беспомощности.

Отрицательная связь негативизма со шкалой *принятия риска* ($r = -0,148$; $p < 0,01$) позволяет говорить о непринятии позитивности собственного опыта, неверии в собственные силы, стремлении «плыть по течению», а также «закрытость» к новому, фатализм, безынициативность. Эти установки вносят свой вклад в формирование субъективного чувства неудовлетворенности.

Обнаруженная тенденция стремления к независимости не подкреплена сформированностью собственного образа, личностным проектом. Выявленные психологические переживания с различных сторон раскрывают внутреннюю картину мира и позволяют констатировать наличие глубокого внутреннего конфликта. Конфронтационное общение, чувство внутренней дисгармонии, неудовлетворённость жизнью указывают на высокий уровень противоречий. Высвечивается особый вариант смысловой структуры негативиста, сформированной из ощущения обделенности, несправедливости, заряженной глубоким недоверием к жизни и в силу этого сконцентрированной на иллюзии своей исключительности и непрекращающемся поиске компенсации. В дополнение к нашим выводам приведем высказывание В.В. Знакова. «Человек может считать, что он поступает так из чувства справедливости, хотя его действия могут быть мотивированы жестокостью. Субъект может верить, что он руководствуется долгом, в то время как его главным мотивом является тщеславие. Фактически человек, прибегающий к таким рационализациям, считает их в большинстве случаев истинными» [123, С. 8-9].

Черты, описывающие стереотипность, стандартность мышления, склонность к примитивным решениям проблем и нежелание изменяться соотносятся с Ф-шкалой Т. Адорно, подчеркивающей особенности фашистского, тоталитарного мышления. Характеристики структурных компонентов, проявляющих специфику негативизма, представлены в таблице 28.

Специфика негативизма

Мотивационно-потребностная сфера
Потребительская мотивация; потребность в стимуляции; мотивация самоублажения (поиск выгод и привилегий), неспособность удовлетворять потребности своими силами, стремление использовать способности окружающих в своих целях; потребность в опеке и патронации; позерство и получение удовольствия от нарушения правил; отсутствие потребности в личных достижениях и самоотдаче.
Картина мира
Пессимизм, цинизм, отсутствие моральных и этических установок; базовое недоверие к миру; система убеждений о несправедливости мира; негативная оценка людей и событий; одномерность картины мира; восприятие себя в качестве члена обделенной группы общества; убежденность в отсутствии доброты; склонность к приписыванию враждебности другим людям; подозрительность и ожидание заговора.
Субъектная активность
Отчужденная, защитная активность; неспособность актуализировать творческие потенции; социальная пассивность (страх «переработать»); сниженные регуляторные умения, слабая рефлексия; неспособность предвидеть, замечать и исправлять ошибки, нереальные ожидания, отсутствие убеждения в самоэффективности и нежелание завершать дело; неспособность к эмпатии; зависимость от внешних обстоятельств и других лиц; самостоятельность без ответственности, трансформирующаяся в самоуправство, сужение временной перспективы, дисгармоничное соотношение в самосознании прошлого, настоящего, будущего.
Ценностно-смысловая направленность
Дефицит позитивных ценностей и смыслов; пассивные жизненные установки; самоограничение личностного потенциала, скудость интересов, сниженный интерес к жизни; нежелание приобретать новый жизненный опыт; безынициативность; отсутствие настойчивости в достижении целей; неверие в собственные силы; стремление к изменениям и самовозвышению осуществляется вне опоры на традиции.
Экзистенциальное самоопределение
Неспособность к глубинной и системной рефлексии экзистенциальных дихотомий; искаженные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей: извращенное понимание независимости как обладание властью и возможность контролировать и использовать других людей, возложение ответственности на других; самоизоляция и непримиримость с миром, эгоцентризм.
Противоречия
Негативный образ себя и сознание собственной исключительности; стремление к высокому статусу не соответствует реальному уровню возможностей и способностей; сочетание интернальности и экстернальности; самостоятельность в принятии решений и отсутствие планирования и ответственного целеполагания; склонность к независимым действиям и желание опеки, патронации; ощущение собственной обделенности и неприятие прав окружающих; отрицание традиционных ценностей, ведущей роли старшего поколения и аполитичность; стремление обрести права и привилегии и неприятие обязанностей и ограничений, дерзость и нерешительность; потребность в личной власти и нежелание достигать целей; нонконформизм и отсутствие доброты.

Высвечивается **базовое противоречие** – ощущение собственной обделенности и неприятие прав окружающих. Отметим еще *ряд противоречий*. В *когнитивной сфере* это противоречие между: идеальным и реальным Я (низкая самооценка и вера в свою исключительность); низкой самоэффективностью и стремлением обесценивать труд других; негативной оценкой деловых контактов и потребностью в патронажи; статусными притязаниями и уровнем достижений; стремлением к доминированию и отсутствием инициативности, неудовлетворенностью жизнью и отказом от усилий. В *эмоциональной сфере* это противоречие между закрытостью и эмоциональной экспансивностью. В *мотивационно-потребностной сфере* это противоречия между: интенсивностью влечений и слабостью самоконтроля; потребностью в самостоятельности и неспособностью определить главные жизненные цели; потребностью в поддержке и нежеланием считаться с мнением других; потребностью в личной власти и малопродуктивной деятельностью, боязнью загруженности; стремлением к доминированию и уклонением от ответственности, наряду с зависимостью. В *поведенческой сфере* это противоречия между: опрометчивостью поступков и неадекватной оценкой собственных действий; нерешительностью и самонадеянностью; стремлением «плыть по течению» и нонконформизмом; самостоятельностью и безответственностью, переходящей в самоуправство; интернальностью и экстернальностью.

Таким образом, комплекс отмеченных противоречий отражает проблемы самоидентификации. Неспособность к многомерной рефлексии не позволяет конструктивно разрешать эти противоречия, что еще больше интенсифицирует протестную активность. Указанные процессы дополнительно поддерживаются скудостью интересов, отсутствием эмпатии, дефицитом позитивных ценностей и смыслов, сниженным интересом к жизни и недоверием к миру. Проведенный анализ позволяет увидеть, что через все блоки противоречий проходит *проблема отчуждения и самоидентификации*, т.е. личность неспособна сфокусироваться на внутренней сущности, а значит сформировать и поддерживать аутентичное бытие.

4.5. Оппозиционность и деформационные изменения личности

Понятие оппозиции всегда ассоциируется с протестом, но именно широкое использование этого понятия в СМИ, гуманитарных науках, повседневная практика его употребления создает трудности в работе с этим понятием. Оппозиция (от лат. *oppositio* «противопоставление») означает противодействие, сопротивление чьим-либо действиям, взглядам, противопоставление своих взглядов, своей позиции. В политологии и социологии оппозиционная активность ассоциируется с протестной группой лиц, решающих проблемы политической борьбы путем противостояния партии власти [493; 551; 545; 558].

Оппозиционный настрой актуализируется в подростковом возрасте, в то время, которое подросток посвящает поиску видов активности, в которых он может реализовать себя. В литературе по девиантологии оппозиционную активность описывают как *реакции оппозиции*, часто отражая только негативные особенности этого конструкта [161; 230]

Известная дисгармоничность психического облика, связанная с неравномерностью физического созревания и процессов социально-нравственного взросления, осмыслить и «выправить» которую оказывается под силу далеко не каждому подростку, провоцирует нарушения общественного порядка, норм закона.

Для определения специфики оппозиции и сравнения этой формы протеста с другими протестными формами необходимо наполнить выделенные параметры системы протестной активности конкретными психологическими характеристиками. Как и другие формы протеста, оппозиция проанализирована нами через конфигурацию разноуровневых бытийных противоречий.

Эмпирическое исследование оппозиции было направлено на анализ содержания структурных компонентов системы протестной активности личности (см. Теоретическую схему исследования, Таблица 7). Благодаря такому анализу предполагалось обнаружить источники, выявить факторы и механизмы этой протестной формы. Определялась *специфика оппозиции*, одновременно с этим проводился сопоставительный анализ и выявлялись характеристики, сближающие

оппозицию с другими формами протестной активности личности. Использована выборка (от $N=2192$ до $N=300$ человек), по которой ранее проанализирована шкала *эмансипации*. В корреляционном анализе рассматривались связи шкалы *оппозиции* методики ПАЛ с 250 переменными 24 методик (см. Приложение 1, Таблица 1).

Выявлены значимые корреляции шкалы *оппозиции* со всеми основными шкалами ($p<0,01$) методики Мини-мульти, с четырьмя шкалами ($p<0,05-0,01$) опросника А. Басса и А. Дарки. Крайне неконструктивный паттерн копинг-стратегий по методике С. Хобфолла ($p<0,05-0,01$); нежелание *принимать других* ($r=-0,233$; $p<0,05$) и стойкая *дезадаптация* ($r=-0,272$; $p<0,01$) по методике СПА, позволяют констатировать наличие глубокого внутриличностного и межличностного конфликта.

Отмечены положительные корреляции *Оппозиции* с четырьмя шкалами ($p<0,05-0,01$) опросника психологических защит Р. Плутчика – Г. Келлермана – Г. Конте (ИЖС), среди которых особое место занимает регрессивно–замещающая активность. Интенсивное использование защитных механизмов приводит к слабому ресурсному обеспечению личности [344; 346].

Кроме того, формируется искаженная картина мира, возможны периоды потери контакта с реальностью. Выявлена тенденция к отрицательной корреляции *оппозиции* со шкалой *отрицание* ($r=-0,086$; $p<0,08$), т.е. влечения, вызывающие тревогу, не вытесняются, доходят до сознания, человек не защищается от репрезентаций, принимает их, даже если они вызывают фрустрацию.

Помимо корреляционного анализа, в исследовании оппозиции применялся множественный линейный регрессионный анализ (МРА). Проводился анализ моделей линейного МРА, в большинстве случаев использован стандартный (симультанный) метод. Проверялась оценка значимости регрессионных моделей, и были отобраны для анализа лишь модели, значимые при $p<0,05$. Учитывался коэффициент детерминации модели R^2 , описывался $R^2 > 0,20$; но в отдельных случаях (как правило, при больших выборках) использован R^2 , превышающий 0,10. Ряд исследователей (К.В. Карпинский и др.) отмечают, что иногда

достаточно низкие значения R^2 могут приниматься во внимание.

Применен метод принудительного включения переменных, вводились в уравнение и описывались предикторы только со *значимыми коэффициентами* при $p < 0,05$. Адекватный для уравнений МРА размер выборки обеспечен кратным превышением числа испытуемых над количеством предикторов, обычно более чем в 10 раз. Лишь в нескольких моделях допускаются незначимые значения константы в уравнении МРА; так как обычно в психологических исследованиях константа не подлежит интерпретации.

Важно определить не только состоятельность отдельных моделей и точность предсказания уравнения МРА по конкретным предикторам. Поскольку в психологических исследованиях на зависимую переменную всегда влияет несколько предикторов, то необходимо использовать множество моделей МРА, выбирая наиболее состоятельные модели [234].

Вклад каждой отдельной шкалы–переменной, определяемый коэффициентами предиктора, может существенно меняться в зависимости от набора и количества предикторов, их взаимодействия; от объема выборки, задействованных в модели. Использование вместо единственного уравнения регрессии множества уравнений МРА усиливает их устойчивость и прогностическую ценность. Повторяемость структуры уравнений в разных моделях МРА свидетельствует о большей адекватности статистических моделей.

С учетом *значимости моделей и коэффициентов предикторов* для Оппозиции было получено 57 состоятельных моделей линейного множественного регрессионного анализа МРА (отобрано для анализа и представлено 20 моделей). Рассматривался вклад в зависимую переменную каждого из предикторов, составивших шкалы 24-х методик. Естественно, особо отмечались ключевые коэффициенты, отдельные шкалы, имеющие большие бета-коэффициенты в уравнениях регрессии и повторяющиеся в разных моделях; указывались и шкалы-предикторы, имеющие меньшие веса, оказывающие менее значимое влияние, но определяющие специфику отклика.

Рассмотрим показатели регрессионных моделей, определяющих *оппозицию*.

Отдельный интерес представляют модели МРА, включающие индексы *психологических защит*, в частности, *отрицания*, с описания которых мы и начнем анализ.

Выявлены семь состоятельных регрессионных моделей МРА с высоким коэффициентом детерминации (от $R^2=0,445$ до $R^2=0,541$; $N=185$); в которых *отрицание* выступает значимым негативным предиктором оппозиции, все β коэффициенты механизма *отрицания* в уравнениях МРА отрицательны (см. Таблицу 29, модели 7-13).

Поддерживают *оппозицию* (β коэффициенты семи уравнений МРА), помимо *отрицания, регрессия, замещение; депрессия, психопатия; косвенная агрессия; импульсивность, асоциальные действия; заниженная самооценка, доминантность, жесткость, приземленность, несогласие, низкий статус; внешний контроль, доминирование.*

Согласно теории Р. Плутчика, механизм *отрицание* является главным в диспозиции истерии, поскольку при этом типе реагирования происходит отождествление себя и роли, а также *идеализация* объекта. Негативное влияние предиктора *отрицания* и заметно выраженная тенденция к отрицательной связи отрицания с *оппозицией*, позволяющая с определенной вероятностью отнести оппозиционера к типу людей, для которых не решена проблема выбора оптимальных ролей, отсюда вероятны неудовлетворенность собой и/или ролью (статусом); возможно неприятие *идеалов* и *образцов*, обесценивание достижений других людей, получение удовольствия от их унижения.

Ключевыми предикторами, определяющими вариабельность оппозиции в семи описываемых регрессионных моделях, являются *замещение, реактивное образование; самооценка MD и психологическая зависимость I по Р. Кеттеллу.*

В таблице 29 представлены 15 моделей множественного регрессионного анализа МРА, где зависимой переменной является шкала *Оппозиция*, а предикторами выступают наряду с другими шкалами шкалы *психологических защит* методики ИЖС. Жирным шрифтом выделены значимые статистики предикторов и моделей.

Модели множественного регрессионного анализа. Способ принудительного включения предикторов. Зависимая переменная: Оппозиция

Модель 1; N=262	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
Замещение	0,088	0,019	0,259	4,693	0,0001
Реакт. образование	-0,047	0,021	-0,119	-2,244	0,026
Негативизм БД	0,875	0,332	0,138	2,634	0,009
Осторожность	-0,314	0,105	-0,154	-2,994	0,003
Асоциальные действия	0,310	0,094	0,179	3,311	0,001
MD самооценка	-0,505	0,185	-0,144	-2,727	0,007
В интеллект	-0,615	0,276	-0,112	-2,225	0,027
I психол. зависимость	-0,533	0,189	-0,143	-2,823	0,005
Статистика модели 1, N=262	$R = 0,613; R^2 = 0,325; F(8, 253) = 18,989; p < 0,0001$				
Модель 2; N=217	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	17,999	4,459		4,037	0,0001
Замещение	0,088	0,020	0,255	4,379	0,0001
Реакт. образование	-0,058	0,023	-0,142	-2,505	0,013
Негативизм БД	1,489	0,360	0,228	4,133	0,000
Осторожность	-0,285	0,115	-0,131	-2,464	0,015
Асоциальные действия	0,270	0,098	0,158	2,767	0,006
MD самооценка	-0,467	0,200	-0,133	-2,333	0,021
В интеллект	-0,716	0,289	-0,128	-2,477	0,014
I психол. зависимость	-0,395	0,197	-0,105	-1,999	0,047
Фидлер согласие	0,608	0,252	0,142	2,410	0,017
Фидлер занимательность	-0,988	0,262	-0,243	-3,765	0,000
Фидлер успешность	0,516	0,244	0,140	2,115	0,036
Статистика модели 2	$R = 0,690; R^2 = 0,476; F(11, 205) = 16,997; p = 0,0001$				
Модель 3; N=262	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	14,736	3,746		3,934	0,0001
Замещение	0,093	0,019	0,273	4,890	0,0001
Реакт. образование	-0,060	0,021	-0,150	-2,829	0,005
Негативизм БД	0,760	0,335	0,120	2,267	0,024
MD самооценка	-0,548	0,187	-0,156	-2,923	0,004
I психол. зависимость	-0,509	0,192	-0,137	-2,657	0,008
В интеллект	-0,574	0,280	-0,105	-2,048	0,042
Асоциальные действия	0,297	0,095	0,172	3,127	0,002
Статистика модели 3	$R = 0,594; R^2 = 0,353; F(7, 254) = 19,800; p = 0,0001$				

Таблица 29 Продолжение

Модель 4; N=262	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. B	Станд. ошибка SE B	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	9,116	3,381		2,696	0,007
Замещение	0,099	0,019	0,291	5,133	0,0001
Реактив. образование	-0,065	0,021	-0,162	-3,046	0,003
Негативизм БД	0,860	0,338	0,136	2,543	0,012
MD самооценка	-0,539	0,190	-0,153	-2,829	0,005
Асоциальные действия	0,298	0,096	0,173	3,100	0,002
Статистика модели 4	R = 0,570; R ² = 0,325; F(5, 256) = 24,202; p= 0,0001				
Модель 5; N=195	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. B	Станд. ошибка SE B	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	15,390	4,648		3,311	0,001
Замещение	0,083	0,021	0,238	3,929	0,0001
Реакт. образование	-0,076	0,027	-0,165	-2,811	0,005
Негативизм БД	1,624	0,372	0,246	4,360	0,0001
MD самооценка	-0,460	0,212	-0,127	-2,166	0,032
Асоциальные действия	0,247	0,104	0,143	2,380	0,018
Доминирование СПА	0,317	0,129	0,137	2,452	0,015
Осторожность	-0,365	0,120	-0,167	-3,044	0,003
В интеллект	-0,716	0,299	-0,128	-2,393	0,018
Фидлер Согласие	0,858	0,271	0,195	3,165	0,002
Фидлер Занимательность	-1,074	0,275	-0,256	-3,900	0,0001
Фидлер Успешность	0,507	0,252	0,134	2,009	0,046
Статистика модели 5	R = 0,714; R ² = 0,510; F(11, 183) = 17,336; p= 0,0001				
Модель 6; N=195	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. B	Станд. ошибка SE B	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	12,631	4,210		3,000	0,003
Замещение	0,095	0,021	0,273	4,525	0,0001
Реактив. образование	-0,090	0,027	-0,194	-3,292	0,001
Негативизм БД	1,587	0,371	0,241	4,280	0,000
Асоциальные действия	0,264	0,106	0,153	2,503	0,013
Доминирование СПА	0,313	0,131	0,136	2,386	0,018
Осторожность	-0,390	0,122	-0,178	-3,187	0,002
В интеллект	-0,735	0,305	-0,132	-2,410	0,017
Фидлер Согласие	1,067	0,268	0,242	3,977	0,0001
Фидлер Занимательность	-0,751	0,254	-0,179	-2,952	0,004
Статистика модели 6	R = 0,714; R ² = 0,510; F(9, 185)=19,259; p= 0,0001				

Таблица 29 Продолжение

Модель 7; N=197	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	24,808	4,827		5,140	0,0001
MD самооценка	-0,470	0,209	-0,133	-2,252	0,0255
Е доминирование	0,667	0,259	0,142	2,571	0,0109
I психол. зависимость	-0,746	0,215	-0,196	-3,474	0,0006
Соц. статус	-5,789	2,714	-0,121	-2,133	0,0342
Отрицание	-0,062	0,026	-0,135	-2,352	0,0197
Регрессия	0,079	0,023	0,231	3,405	0,0008
Замещение	0,077	0,025	0,220	3,122	0,0021
Реакт. образование	-0,094	0,027	-0,206	-3,519	0,0005
Pt тревожность	-0,093	0,040	-0,135	-2,316	0,0217
Статистика модели 7	R = 0,667; R ² = 0,445; F(9, 187)=16,649; p= 0,0001				
Модель 8; N=197	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	19,512	5,154		3,786	0,0001
MD самооценка	-0,498	0,206	-0,141	-2,422	0,016
Е доминирование	0,692	0,255	0,148	2,710	0,007
I психол. зависимость	-0,773	0,212	-0,203	-3,652	0,0003
Соц. статус	-5,306	2,677	-0,111	-1,982	0,049
Отрицание	-0,064	0,026	-0,140	-2,474	0,014
Регрессия	0,070	0,023	0,204	3,021	0,003
Замещение	0,071	0,024	0,203	2,917	0,004
Реакт. образование	-0,097	0,026	-0,211	-3,670	0,0003
Pt тревожность	-0,091	0,040	-0,132	-2,290	0,023
Импульсивность	0,360	0,136	0,147	2,651	0,009
Статистика модели 8	R = 0,682; R ² = 0,465; F(10, 186)=16,170; p= 0,0001				
Модель 9; N=185	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	12,934	3,943		3,280	0,001
Соц. статус	-7,064	2,857	-0,144	-2,473	0,014
Внешний контроль	0,295	0,067	0,262	4,378	0,0001
Доминирование СПА	0,457	0,139	0,190	3,292	0,001
Отрицание	-0,069	0,027	-0,147	-2,536	0,012
Замещение	0,093	0,022	0,264	4,187	0,0001
Реакт. образование	-0,109	0,029	-0,228	-3,805	0,0002
Статистика модели 9	R = 0,659; R ² = 0,415; F(6, 178)=22,774; p= 0,0001				

Таблица 29 Продолжение

Модель 10; N=185	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	19,876	4,610		4,311	0,0001
Соц. статус	-8,306	2,840	-0,169	-2,924	0,004
Внешний контроль	0,366	0,071	0,325	5,159	0,0001
Доминирование СПА	0,348	0,142	0,145	2,450	0,015
Отрицание	-0,078	0,027	-0,168	-2,915	0,004
Замещение	0,100	0,022	0,285	4,575	0,0001
Реакт. образование	-0,111	0,028	-0,232	-3,936	0,0001
D пессимистичность	-0,144	0,052	-0,179	-2,772	0,006
Статистика модели 10	R = 0,677; R ² = 0,458; F(7, 177)=21,325; p= 0,0001				
Модель 11; N=185	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	16,125	4,603		3,503	0,001
Соц. статус	-7,460	2,767	-0,152	-2,696	0,008
Внешний контроль	0,314	0,070	0,279	4,461	0,0001
Доминирование СПА	0,363	0,138	0,151	2,635	0,009
Отрицание	-0,078	0,026	-0,167	-2,986	0,003
Замещение	0,088	0,021	0,252	4,115	0,0001
Реакт. образование	-0,101	0,027	-0,211	-3,680	0,0003
D пессимистичность	-0,147	0,051	-0,182	-2,901	0,004
Косвенная агрессия	0,984	0,284	0,201	3,461	0,001
Статистика модели 11	R = 0,702; R ² = 0,492; F(8, 176)=21,339; p= 0,0001				
Модель 12; N=185	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	12,898	4,832		2,669	0,008
Соц. статус	-7,434	2,743	-0,152	-2,710	0,007
Внешний контроль	0,315	0,070	0,279	4,504	0,0001
Доминирование СПА	0,340	0,137	0,142	2,483	0,014
Отрицание	-0,081	0,026	-0,174	-3,142	0,002
Замещение	0,082	0,022	0,234	3,809	0,0002
Реакт. образование	-0,106	0,027	-0,221	-3,870	0,00015
D пессимистичность	-0,154	0,050	-0,191	-3,060	0,003
Косвенная агрессия	0,945	0,282	0,194	3,346	0,001
Импульсивность	0,270	0,133	0,111	2,028	0,044
Статистика модели 12	R = 0,710; R ² = 0,504; F(9, 175)=19,760; p= 0,0001				

Таблица 29 Продолжение

Модель 13; N=185	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	10,891	4,769		2,284	0,024
Соц. статус	-6,805	2,662	-0,139	-2,557	0,011
Внешний контроль	0,306	0,068	0,271	4,514	0,0001
Доминирование СПА	0,349	0,133	0,145	2,624	0,009
Отрицание	-0,063	0,026	-0,135	-2,464	0,015
Замещение	0,083	0,021	0,237	3,991	0,0001
Реакт. образование	-0,116	0,027	-0,242	-4,304	0,0001
D пессимистичность	-0,163	0,049	-0,202	-3,330	0,001
Косвенная агрессия	0,907	0,273	0,186	3,319	0,001
Импульсивность	0,269	0,129	0,111	2,091	0,038
Фидлер Согласие	0,973	0,268	0,212	3,634	0,0003
Фидлер Занимательность	-0,580	0,251	-0,136	-2,313	0,022
Статистика модели 13	R = 0,736; R ² = 0,541; F(11, 173)=18,572; p= 0,0001				
Модель 14; N=185	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	3,315	5,358		0,619	0,537
Соц статус	-5,866	2,554	-0,120	-2,297	0,023
Внешний контроль	0,347	0,072	0,306	4,845	0,0001
Доминирование СПА	0,314	0,133	0,131	2,368	0,019
Замещение	0,072	0,021	0,205	3,483	0,001
Реакт. образоваине	-0,122	0,026	-0,258	-4,795	0,0001
D пессимистичность	-0,173	0,047	-0,216	-3,679	0,0003
Косвенная агрессия	0,759	0,273	0,155	2,777	0,006
Импульсивность	0,330	0,125	0,136	2,634	0,009
Фидлер Согласие	1,045	0,254	0,230	4,119	0,0001
Фидлер Занимательность	-0,725	0,244	-0,170	-2,973	0,003
MD самооценка	-0,438	0,209	-0,122	-2,094	0,038
Н смелость	0,680	0,274	0,145	2,482	0,014
I психол. зависимость	-0,429	0,200	-0,112	-2,139	0,034
Q2 нонконформизм	0,771	0,246	0,164	3,131	0,002
Статистика модели 14	R = 0,768; R ² = 0,589; F(14, 169)=17,308; p= 0,0001				

Таблица 29 Продолжение

Модель 15; N=26	Зависимая переменная: Оппозиция				
Предикторы	Нестанд. коэф. В	Станд. ошибка SE В	Станд. коэф. β	t	Знч. p
(Константа)	37,847	12,348		3,065	0,006
Замещение	0,322	0,085	0,626	3,785	0,001
F экспансивность	1,773	0,525	0,567	3,380	0,003
H смелость	-1,795	0,614	-0,465	-2,923	0,009
I психол. зависимость	-2,042	0,657	-0,480	-3,106	0,006
N проницательность	-2,427	0,774	-0,564	-3,136	0,005
Вовлеченность	-0,859	0,326	-0,457	-2,631	0,016
Статистика модели 15	R = 0,768; R ² = 0,589; F(6, 19)=17,308; p= 0,0044				

Вначале приведем подробные индексы и дадим описание нескольких *типичных* моделей МРА (модели 1-15), остальные модели рассмотрим несколько позже, а затем будем следовать более обобщенному способу представления, анализа и интерпретации материала.

Рассмотрим регрессионную Модель 7 (см. Таблица 29). Индекс модели: Оппозиция = 24,80 (Константа) – 0,470 MD самооценка + 0,667 E доминирование + 0,746 I психол. зависимость – 5,789 Социальный статус – 0,062 Отрицание + 0,079 Регрессия + 0,077 Замещение – 0,094 Реактивное образование – 0,093 Pt тревожность. *Основные статистики* модели 7: R² = 0,445; F (9, 187) =16,649; p= 0,0001.

Комплекс данных регрессоров детерминирует 44,5% вариации оппозиции, модель значима. Лица, предпочитающие эту форму протеста, демонстрируют низкую самооценку, стремление к доминированию; жесткость по отношению к людям, независимость; низкий статус. Кроме того, отмечены низкий уровень *отрицания* и *реактивного образования*, но выраженность *регрессии* и *замещения*, на фоне отсутствия *тревожности* (психастении).

Несмотря на то, что защитный механизм *отрицание* определяет лишь небольшой процент вариации признаков *оппозиции*, его вес в регрессионном уравнении статистически значим. Проведен иерархический МРА с переменными модели 7, без включения и с включением шкалы *Отрицание* (см. Таблица 30).

Показано, что психологическая защита *отрицание* обеспечивает заметный прирост дисперсии *оппозиции* (ΔR^2) в инкрементном тесте на 1,6 %; при $F(1, 187) = 5,532$; на уровне значимости $p = 0,020$.

Таблица 30

Результаты иерархического МРА с переменными модели 7. Статистика моделей и инкрементные индексы с разными предикторами.

Сводка для модели 7. Зависимая переменная: оппозиция									
Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стд. ошибка оценки	Статистики изменения				
					Изменение R квадрат	Изменение F	ст.св. 1	ст.св. 2	Знч. измен. F
1	0,655a	0,428	0,404	6,67370	0,428	17,614	8	188	0,0001
2	0,667b	0,445	0,418	6,59468	0,016	5,532	1	187	0,0197
а. Предикторы: (константа) Pt тревожность, I чувствительность, E доминантность, MD самооценка, Соц. статус, Реакт. образ., Регрессия, Замещение									
б. Предикторы: (константа) Pt Психопатия, I чувствительность, E доминантность, MD самооценка, Соц. статус, Реакт. образ., Регрессия, Замещение, Отрицание									

В целом, в рассматриваемом комплексе регрессионных уравнений ИМРА (см. Таблица 31) общий вклад четырех показателей *психологических защит* в вариацию оппозиции ($\Delta R^2 = 0,209$) достаточно высок и значим при $F(4,187) = 17,636$; $p = 0,0001$.

Таблица 31

Результаты иерархического МРА с переменными модели 7. Статистика моделей и инкрементные индексы с разными предикторами.

Сводка для модели 7. Зависимая переменная: оппозиция									
Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стд. ошибка оценки	Статистики изменения				
					Изменение R квадрат	Изменение F	ст.св. 1	ст.св. 2	Знч. измен. F
1	0,485a	0,235	0,215	7,65781	0,235	11,762	5	191	0,0001
2	0,667b	0,445	0,418	6,59468	0,209	17,636	4	187	0,0001
а. Предикторы: (константа) Pt тревожность, I чувствительность, E доминантность, MD самооценка, Соц. статус									
б. Предикторы: (константа) Pt психопатия, I чувствительность, E доминантность, MD самооценка, Соц. статус, Отрицание, Реакт. образование, Регрессия, Замещение									

В данном комплексе уравнений вклад *защитных механизмов* составляет весьма заметную часть от доли вкладов других предикторов в изменчивость

оппозиции ($\Delta R^2 = 0,235$; $p = 0,0001$). Таким образом, *защитные механизмы оказывают существенное влияние на оппозиционную активность личности.*

Другая модель МРА – модель 8 (см. Таблицу 29), является простым расширением предыдущей модели 7 за счет добавления одного нового регрессора: *импульсивности*. Индекс модели 8: Оппозиция = 19,512 (Константа) – 0,498 MD самооценка + 0,692 E доминирование + 0,773 I психол. зависимость – 5,306 Социальный статус – 0,064 Отрицание + 0,070 Регрессия + 0,071 Замещение – 0,097 Реактивное образование – 0,091 Pt тревожность + 0,360 Импульсивность. Основные статистики модели: $R^2 = 0,465$; $F(10, 186) = 16,170$; $p = 0,0001$. Комплекс данных предикторов обуславливает 47% вариации оппозиции, модель значима.

Описание модели 8 аналогично предыдущей, поскольку в уравнении МРА сохраняются все описанные регрессоры, а добавляется лишь одна независимая переменная — *импульсивность*, шкала методики С. Хобфолла (SACS). Импульсивный человек чаще всего действует неосмотрительно, подчиняясь внешним или внутренним импульсам, решения принимаются необдуманно. Стратегия преодоления – прямая. Контроль сознания над принимаемыми решениями и выполняемыми действиями ослаблен.

Рассмотрим следующую модель МРА, индекс модели 9 (см. Таблица 29): Оппозиция = 12,934 (Конст.) – 7,064 Социальный Статус + 0,295 Внешний контроль + 0,457 Доминирование СПА – 0,069 Отрицание + 0,093 Замещение – 0,109 Реактивное образование. Основные статистики модели: $R = 0,659$; $R^2 = 0,415$; $F(6, 178) = 22,774$; $p = 0,0001$. Комплекс предикторов дает 41,5% дисперсии оппозиции, модель значима. Для представителя данной типологии характерен *низкий статус, экстернальность, стремление к доминированию* (по шкале методики СПА).

Рельефно проявляется противоречие: стремление к *доминированию* сочетается с *низким статусом* (как фактом непринятия другими лидерских притязаний) и внешней детерминацией поведения, затрудняющей самореализацию. Кроме того, отмечен низкий коммуникативный потенциал, недоверие на фоне агрессивности.

Укажем на присушие Оппозиции, согласно анализу значимых моделей МРА №№ 10, 11, 12, 13 (см. Таблица 29), *отвержение пессимистичности, косвенную агрессию, импульсивность, негативную оценку климата* в группе, дополняющие сложную картину личностных противоречий оппозиционера.

Определена значимая положительная корреляция *оппозиции* со шкалой *вытеснение* ($r = 0,291$; $p < 0,01$). Лица с оппозиционными установками стремятся вытеснить в бессознательное неприемлемые импульсы, которые имеют тенденцию возвращаться обратно в сознание. Неприятные образы, идеи, представления, трансформируются, отторгаются, но возвращаются в искаженном виде в виде ошибок, негативных действий и отрицательных эмоций.

Механизм изоляции, включенный в шкалу вытеснение, частично пропускает в сознание вытесняемые импульсы, лишая их эмоционального накала. Оппозиционер, вытесняя факт неблагоприятного поступка (своего или чужого), может не осознавать содержание психотравмирующей ситуации, но интрапсихический конфликт сохраняется, а вызванное эмоциональное напряжение может субъективно восприниматься как внешне немотивированная тревога или *негативное отношение к кому либо*. Возможны разные способы избавления от тревоги, чувства неполноценности, неудовлетворенности, в частности, с помощью компенсации или регрессии.

Выявлена значимая положительная корреляция *оппозиции* со шкалой *регрессия* ($r = 0,320$; $p < 0,01$). Отметим, что регрессия способствует защите от внутренней тревоги посредством возврата к примитивным формам реагирования. У оппозиционера регрессия возвращается в виде примитивных инстинктов, архаических поведенческих типов поведения, которые могут быть сопряжены с сильными эмоциями любви и ненависти, т.е. с амбивалентностью.

Установлены три состоятельные регрессионные модели (см. Таблица 29, модели 7, 8; и Таблица 32, модель 17) со средними коэффициентами детерминации (от $R^2=0,308$ до $R^2=0,465$); в которых регрессия выступает значимым предиктором оппозиции (все β коэффициенты механизма регрессия в уравнениях МРА положительны).

Модели множественного регрессионного анализа. Способ принудительного включения предикторов. Зависимая переменная: Оппозиция

Модель 17; N=126		Зависимая переменная: Оппозиция			
Предикторы	Нест. к. В	SE В	Ст. к. β	t	Знч. p
(Константа)	7,424	2,898		2,562	0,012
Q3 самоконтроль	-0,615	0,194	-0,240	-3,174	0,002
Отдых	1,054	0,209	0,384	5,044	0,0001
Регрессия	0,053	0,021	0,194	2,528	0,013
Реакт. образование	0,060	0,018	0,262	3,390	0,001
Статистика модели 17	R = 0,555; R ² = 0,308; F(4, 121)= 13,454; p= 0,0001				
Модель 18; N=126		Зависимая переменная: Оппозиция			
Предикторы	Нест. к. В	SE В	Ст. к. β	t	Знч. p
(Константа)	8,167	2,272		3,595	0,0001
Реакт. образование	0,057	0,016	0,248	3,599	0,0001
Отнош. с руководством	0,378	0,169	0,166	2,236	0,027
Карьера	0,632	0,154	0,309	4,110	0,0001
Неудовл. работой	-0,855	0,164	-0,363	-5,209	0,0001
Отдых	0,894	0,194	0,326	4,609	0,0001
Статистика модели 18	R = 0,670; R ² = 0,448; F(5, 120)= 19,497; p= 0,0001				
Модель 19; N=126		Зависимая переменная: Оппозиция			
Предикторы	Нест. к. В	SE В	Ст. к. β	t	Знч. p
(Константа)	9,597	2,215		4,332	0,0001
Реактивное образование	0,055	0,016	0,242	3,449	0,001
Карьера	0,749	0,147	0,367	5,100	0,0001
Неудовлетвор. работой	-0,795	0,165	-0,338	-4,828	0,0001
Отдых	0,908	0,197	0,331	4,606	0,0001
Статистика модели 19	R = 0,625; R ² = 0,425; F(4, 121)= 22,382; p= 0,0001				

Предикторами *оппозиции* (β коэффициенты), помимо регрессии, выступают *реактивное образование, замещение; психопатия; заниженная самооценка, доминантность, отсутствие сентиментальности, низкий самоконтроль, импульсивность, низкий статус*. Важным предиктором *оппозиции* в двух описываемых регрессионных моделях является *низкий статус*. Дополняет картину личностного неблагополучия *оппозиционера* анализ моделей 17, 18 и 19 (см. Таблица 32), имеющих заметные показатели детерминации (от R² = 0,308 до R² = 0,448). Отмечено значимое влияние предикторов методики УТРО и Кеттелла:

стремление к отдыху; небрежность.

Представители данного типа демонстрируют *отсутствие желания работать*, однако, на фоне *негативной самооценки и низкого статуса*, выражена *потребность использовать, контролировать, подавлять и унижать других; неделикатность, невнимательность, нежелание считаться с установленными правилами и нормами, сниженный самоконтроль.*

Обнаружена значимая положительная связь *оппозиции с механизмом компенсация* ($r = 0,130$; $p < 0,01$). Как один из самых сложных механизмов защиты, компенсация предполагает избавление оппозиционера от чувства тревоги, неуверенности, неудовлетворенности, путем усиленного развития недостающих качеств, вовлеченности в разные виды активности, способные восполнить недостаточно развитые умения, способности. Механизм компенсации в определенной степени позитивен для личности, но виды компенсационной активности, выбираемые оппозиционером, могут носить антиобщественный характер.

Еще одним сложным, но низкоуровневым защитным механизмом является *проекция*, включающая оценку репрезентаций, как создающих угрозу Я, вытеснение представлений и эмоций в бессознательное, а затем деформацию (искажение) и их перенос вовне. Сложен процесс первоначальной оценки объектов или чувств, представляющихся угрожающими, и в поиске объектов, мишеней для внешней проекции. Некоторые люди, объекты, собственные желания и чувства представляются как опасные и неприемлемые. Но *тотальная* негативная оценка других создает угрозу Я, также как и собственная агрессия, направленная на других, создает вторичную угрозу самооценке. Для сохранения позитивного отношения к миру и к себе необходимы *другие, несущие угрозу*. Поэтому *другие* определяются не только как преследующие конкретно данного человека, но и наделяются качествами, несущими угрозу всему миру. Из внешнего мира при проекции принимается только хорошее, приносящее удовлетворение, в то время как не приносящее удовольствия отторгается, выносится вовне и приобретает негативный характер [284; 288].

При проекции компромиссная и ложная самооценка поддерживается за счет переноса личностью собственных негативных чувств и агрессии на других; негативное особым образом «огибает» личность, а сам человек ощущает себя более благополучным. Выявленная значимая *отрицательная связь шкалы оппозиции* и показателя *проекции* ($r = - 0,195$; $p < 0,01$) может означать открытое, невытесненное неприятие, переживание ненависти, сопровождающееся повышенной агрессией, тревогой и сниженной самооценкой.

Отрицательная проекция, вероятно, может трактоваться как функциональная противоположность проекции, а это феномены, описываемые как инкорпорация, интроекция, интериоризация, имеющие отношение к *слабому Я*, приводящие к неразличению себя и объектов, слабой дифференцировке чувств, на что указывают З. Фрейд, М. Клайн и О. Кернберг [145; 284; 288]. Отсюда следует поглощенность объектом или собой, а также недовольство (редко восхищение) собой и объектами. Интериоризация конфликта со значимыми объектами может формировать *одержимость идеями, имеющими сверхценность* и т.п.

Выявлена значимая положительная корреляция шкалы *оппозиции* с механизмом *замещение* ($r = 0,367$; $p < 0,001$). Замещение – один из самых ранних и примитивных защитных механизмов, заменяющий недоступные, сложные или связанные с негативными эмоциями объекты на более приемлемые. Замещение часто сопровождается фиксацией на определенных объектах, к которым субъект может испытывать амбивалентные чувства. С другой стороны, личность может предпочитать только определенные объекты или идеи, но бескомпромиссно и активно отрицать и бороться с другими [284; 288; 363].

Выявлено пятнадцать состоятельных регрессионных моделей (см. Таблицу 29, модели 1-15) с высокими коэффициентами детерминации (от $R^2 = 0,325$, до $R^2 = 0,589$), определяющих дисперсию оппозиции индексами *замещения* (все β коэффициенты механизма *замещения* в уравнениях МРА положительны). Предикторами *оппозиции* (β коэффициенты 14 уравнений МРА), помимо *замещения*, выступают *реактивное образование, неприятие отрицания;*

косвенная агрессия, негативизм; импульсивность, отсутствие осторожности, асоциальные действия; непринятие депрессивных и психастенических паттернов поведения, психопатия; заниженная самооценка, доминантность, несентиментальность, нонконформизм, раздражительность, несогласие, низкий статус и другие. Важным предиктором оппозиции в описываемых моделях также является *низкий статус*. В одной из моделей МРА обнаружилось, что источником поддержки оппозиции является *отсутствие вовлеченности; экспрессивность и эмоциональность, робость; практичность; приземленность*. Повышенная мотивация сопряжена с негативизмом, черствостью и пренебрежительным отношением к людям, ограниченностью, т.е. преобладает *эгоцентрическая* мотивация. Оппозиционер часто *импульсивен, неосторожен, асоциален*, но при этом *озлобленность* сочетается с предпочтением оставаться в тени других.

Установлено 17 значимых моделей МРА (см. Таблица 29, модели 1-14 и Таблица 32, модели 17-19) со значительными коэффициентами детерминации (от $R^2 = 0,325$, до $R^2 = 0,589$), обуславливающих вариацию оппозиции *реактивным образованием* (14 коэффициентов механизма отрицательны, а 3 положительны). Кроме перечисленных выше типических проявлений, отмечены: *непринятие норм, напряженность, несогласие, скука, низкий статус, экстернальность*. Положительные β коэффициенты шкалы *образования реакции* имеются в уравнениях, включающих также шкалу стремление к *отдыху и карьере*.

Шкала *реактивное образование* дает значимую *отрицательную корреляцию со шкалой оппозиции* ($r = -0,173$; $p < 0,01$). Реактивное образование меняет негативные чувства, связанные с *объектами*, на позитивные, принимаемые в данной ситуации эмоции. Негативные чувства вытесняются положительными эмоциями и могут гиперкомпенсироваться в действиях. Оппозиционер, *отрицая* возможность смены негативных чувств на противоположные эмоции, демонстрирует ригидность убеждений, установок, негибкость взглядов. Оппозиционер фиксирован на старых идеях, на прошлом и не склонен пересматривать прежние взгляды и отношения. В политике оппозиционер будет, вероятно, непримиримым оппортунистом и консерватором. С другой стороны,

неспособность к *гиперкомпенсации* может означать склонность к прямой реализации примитивных, агрессивных или сексуальных потребностей. Можно предположить прямолинейность оппозиционера, «отсутствие тормозов», желание непосредственно удовлетворять примитивные потребности, не трансформируя их в приемлемые для социального взаимодействия потребности.

Все отмечаемые выше предположения подтверждает дальнейший анализ: оппозиционер чаще проявляет явную *агрессию*, он *неосторожен*, и даже поддерживает *антисоциальные установки*. В работе применялась методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла (SACS) в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой. Методика, состоящая из девяти шкал, позволяет определять просоциальные – антисоциальные, прямые–непрямые и пассивные–активные линии поведения в стрессовой ситуации. Выявлены значимые позитивные корреляции шкалы *оппозиции* со шкалами *асоциальных действий* ($r = 0,265$; $p < 0,01$), *агрессивной стратегии выхода из стресса* ($r = 0,087$; $p < 0,05$), *избегание* ($r = 0,167$; $p < 0,01$) и значимые негативные корреляции с копинг-стратегиями *ассертивность* ($r = - 0,166$; $p < 0,01$), *вступление в социальный контакт* ($r = - 0,166$; $p < 0,01$), *поиск социальной поддержки* ($r = - 0,223$; $p < 0,01$), *осторожность* ($r = - 0,260$; $p < 0,01$).

Получены значимые позитивные корреляции шкалы оппозиции методики ПАЛ и четырех шкал методики А. Басса и А. Дарки: *косвенная агрессия* ($r = 0,139$; $p < 0,01$), *раздражительность* ($r = 0,145$; $p < 0,01$), *негативизм* ($r = 0,112$; $p < 0,01$) и *обида* ($r = 0,162$; $p < 0,01$), общим индексом *агрессивности* ($r = 0,087$; $p < 0,05$). У лиц с оппозиционными установками выражены следующие особенности агрессивного поведения – ненаправленная агрессия, вспыльчивость, грубость, брутальность и обида, подпитывающие *ощущение несправедливости по отношению к себе, порождающие неприязненное отношение к окружающим*. Наконец, у оппозиционера преобладает *негативизм*, часто описываемый как оппозиционная манера поведения. Отмеченные показатели дают основание для вывода о недостаточной способности и готовности оппозиционера к борьбе и предпочтении им методов, провоцирующих окружающих к протесту.

Упрощенный вариант известной методики ММРІ – опросник Мини-мульти позволил сконцентрироваться на характере внутриличностных проблем. *Оппозиция* коррелирует с вспомогательной шкалой *F фальсификация* ($r=0,206$; $p<0,01$), что свидетельствует о стремлении исказить реальность, представляя себя в выгодном свете. Обнаружено, что все основные шкалы опросника дают позитивные корреляции со шкалой *оппозиция*: ипохондрия ($r=0,128$; $p<0,01$); депрессия ($r=0,145$; $p<0,01$), истерия ($r=0,128$; $p<0,01$), паранойяльность ($r=0,106$; $p<0,01$), психастения ($r=0,103$; $p<0,01$), шизоидность ($r=0,190$; $p<0,01$), гипомания ($r=0,110$; $p<0,01$). Максимально выраженная связь шкалы *оппозиции* наблюдается со шкалой *психопатии* ($r=0,237$; $p<0,01$).

Картину личностного неблагополучия дополняет враждебный и агрессивный настрой к окружающим, примитивность ценностей и одномерная интерпретация мира в черно-белых схемах. Представители этой протестной формы не способны справляться со своими негативными импульсами, страхами, обидами, проявляют ригидность, негибкость, индивидуализм, кроме того, крайне агрессивно настроены.

Определено 13 состоятельных регрессионных моделей с низкими, средними и высокими коэффициентами детерминации (от $R^2=0,145$, до $R^2=0,669$), определяющих дисперсию оппозиции показателями основных шкал *личностных расстройств* Мини-мульти (β коэффициенты расстройств различаются по знаку). Дополнительными регрессорами *оппозиции* в этих 13 уравнениях выступают *защитные механизмы, косвенная агрессия, раздражительность, негативизм, импульсивность, низкая самооценка, стремление к доминированию, жесткость*.

Рассмотрены негативные связи *оппозиции* со шкалами методики Р. Кеттелла: общительность ($r=-0,272$; $p<0,01$), интеллект ($r=-0,272$; $p<0,01$), эмоциональная стабильность ($r=-0,272$; $p<0,01$), нормативность ($r=-0,167$; $p<0,01$); чувствительность ($r=-0,181$; $p<0,01$), мечтательность, ($r=-0,076$; $p<0,01$), самоконтроль ($r=-0,139$; $p<0,01$). Определены положительные связи оппозиции со шкалами: доминантность ($r=0,101$; $p<0,01$), экспрессивность ($r=0,092$; $p<0,01$), подозрительность ($r=0,131$; $p<0,01$), дипломатичность ($r=0,075$;

$p < 0,01$), радикализм ($r = 0,064$; $p < 0,05$) и напряженность ($r = 0,114$; $p < 0,01$). Отмеченные характеристики говорят об уплощенности, примитивизме, ограниченности личности. Представители данной типологии сосредоточены на манипулятивных стратегиях взаимодействия, которые кажутся им привлекательными, при этом восприятие мира отличается жесткостью и конкретностью.

Особенности представлений субъекта о себе и характере взаимодействий с другими определяет шкала социально-психологической адаптированности (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонд. Обнаружены значимые отрицательные связи шкалы *оппозиции* со шкалами СПА: *Адаптивность* ($p < 0,05$), *Индекс адаптивности*, *Принятие других*, *Индекс принятия других*, *Индекс эмоционального комфорта*, шкалой *Интернальность* ($p < 0,01$). Определены значимые положительные корреляции *оппозиции* со шкалами: *Деадаптивность* ($r = 0,195$; $p < 0,01$), *Непринятие других* ($r = ,165$; $p < 0,05$), *Эмоциональный дискомфорт* ($r = 0,244$; $p < 0,01$), *Внешний контроль* ($r = 0,244$; $p < 0,01$), *Доминирование* ($r = 0,139$; $p < 0,01$), *Индекс доминирования* ($r = 0,140$; $p < 0,01$), *Эскапизм* ($r = 0,137$; $p < 0,01$). Эти связи указывают на неудачи в межличностном взаимодействии, эгоцентризм, нежелание считаться с мнением других, переживаемый эмоциональный дискомфорт. Претензии на доминирование и желание управлять другими не подкреплены способностью к *саморуководству*.

Выявлены значимые отрицательные связи *оппозиции* со шкалами Цели в жизни ($r = - 0,128$; $p < 0,01$), Процесс жизни ($r = - 0,141$; $p < 0,01$), Результативность жизни ($r = - 0,172$; $p < 0,01$) по тесту смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева. Эти показатели указывают на *отсутствие целей в будущем*, *низкий уровень осмысленности жизни*, *слабую оценку временной перспективы*, ощущение «сиюминутности» жизни, следование стереотипной интерпретации «жизнь одним днем» ради настоящего момента. В то же время неудовлетворенность настоящим, отсутствие эмоционального интереса к жизни и понимания ее смысла, неспособность к реализации жизненных планов порождает *неудовлетворенность жизнью* в целом. Отмеченные параметры – *неудовлетворенность*, *темпоральные*

разрывы, неспособность к многоуровневой рефлексии, фиксация на неудачах характерны и для других деструктивных форм протестной активности личности — эскапизма, нигилизма, негативизма. *Неспособность контролировать жизнь*, на фоне неудовлетворенности, приводит к выбору неадекватных методов решения спорных ситуаций. На фоне нерешительности, страха обнаружить собственную робость и несостоятельность преобладающим стилем взаимодействия становится соперничество, в какой-то мере компенсирующее эту неуверенность. Эти выводы подкреплены анализом положительной связи *Оппозиции* со шкалой *соперничество* ($r = 0,421$; $p < 0,001$) методики К. Томаса и Р. Килмана.

Исследованы значимые связи параметра *оппозиционность* со шкалами: *несогласие* ($r = 0,132$; $p < 0,05$), *скука* ($r = 0,187$; $p < 0,01$), *неуспешность* ($r = 0,209$; $p < 0,01$) методики Ф. Фидлера; *невключенность* ($r = -0,167$; $p < 0,01$) по В. Шутцу и *невовлеченность* ($r = -0,171$; $p < 0,01$) методики Жизнестойкость; негативные корреляции с *референтометрическим статусом* ($r = -0,199$; $p < 0,01$); *самооценкой* по Будасси ($r = -0,128$; $p < 0,05$); *самоуважением* ($r = -0,152$; $p < 0,01$) методики САТ. Оппозиционера характеризует явное неприятие окружающих, конфликтность, неуспешность; отсутствие потребности в личностной «включенности» в общение и работу; низкий статус и пониженный уровень самоуважения. *Дисгармоничные отношения с социумом* высвечивают нерешенную проблему самоидентификации.

Согласно результатам теста С. Шварца, ценности стимуляции, власти, безопасности также оказались незначимыми ($p > 0,1$) для оппозиционеров, то есть, в отличие от негативиста, испытывающего *острую потребность в личной власти*, оппозиционер *не стремится к власти* ($r = -0,171$; $p < 0,01$). Это не столько меньшая ценность власти, сколько *отвержение личного желания власти*.

Система мотивов оппозиционера ограничена удовлетворением *простейших потребностей*. Оппозиционеры стремятся только к удовлетворению *материальных потребностей*, на что указывают результаты, полученные по опроснику И.Г. Сенина. Отсутствие значимых корреляций шкалы *оппозиции* с такими личностными ценностями как стремление к *достижению* ($r = -0,013$;

$p < 0,4$), *духовному развитию* ($r = -0,005$; $p < 0,7$) указывает на *девальвацию духовных ценностей и ценностей личностного роста* в ценностно-смысловой системе оппозиционера.

Картину *субъектной активности* оппозиционера дополняют результаты анализа значимых корреляций шкалы *оппозиции* со шкалами опросника *ответственности* и опросника «Стилевая саморегуляция поведения человека». Определены значимые связи *оппозиции* со шкалами методики *саморегуляции: моделирование* ($r = -0,124$; $p < 0,01$), *программирование* ($r = -0,128$; $p < 0,01$), *оценка результатов* ($r = -0,148$; $p < 0,01$), *гибкость* ($r = -0,108$; $p < 0,01$), *самостоятельность* ($r = 0,110$; $p < 0,01$), *общий уровень саморегуляции* ($r = -0,149$; $p < 0,01$). Отмечена сниженная способность к саморегуляции и связанные с ней *неудачное моделирование и программирование, проблемы с гибкостью и оценкой результатов*.

Выявленные высокосignимые корреляции шкалы *оппозиции* со шкалами методики *ответственности* акцентируют низкую *динамическую эргичность* ($r = -0,236$; $p < 0,01$), слабую *социоцентрическую мотивацию* ($r = -0,148$; $p < 0,01$), сниженную *регуляторную интернальность* ($r = -0,182$; $p < 0,01$), слабую *эмоциональную стеничность* ($r = -0,140$; $p < 0,01$), невыраженную *когнитивную осведомленность* ($r = -0,212$; $p < 0,01$), низкую *результативность предметную* ($r = -0,128$; $p < 0,01$) и *результативность субъектную* ($r = -0,165$; $p < 0,01$). Полученные данные говорят об *инертности в отношении принятия решений в сфере деловых отношений*, а также *неспособности контролировать эмоции*. Неспособность получать удовлетворение от работы говорит об *отчужденной активности, неаутентичности*, а *приземленность* указывает на *усеченную реализацию задуманного*. Комплекс выявленных связей свидетельствует о *неразвитых регуляторных умениях и влечении личности к объектному полюсу*. Подчеркнем, что оппозиционер не стремится к самостоятельному решению проблем, так как не может адекватно определять особенности ситуации, не способен быть лидером, часто не может совладать даже с самим собой. Показатели значимых корреляций, обнаруженные по тесту *жизнестойкости* –

низкая вовлеченность ($r = -0,171$; $p < 0,05$) и *сниженный уровень общей жизнестойкости* ($r = -0,134$; $p < 0,05$) подтверждают предположение о низком развитии *субъектных свойств* оппозиционера. Характерные *особенности оппозиции* раскрываются в анализе статистик, указывающих на почти полное отсутствие значимых корреляций ($p > 0,1$) с методиками, определяющими направленность личности, ценности, смыслы: ОТеЦ, Ш. Шварц, В. Шутц, Т. Лири, САТ, отрицательные связи с тестом Жизнестойкость. Фиксация на неудачах, низкий уровень жизнестойкости препятствуют поискам выхода из проблемных ситуаций, а самоограничение личностного потенциала, отказ от жизненных усилий не дает возможности в полной мере реализовать креативность.

Не располагая заметными личностными *ресурсами*, не обладая *статусом и авторитетом*, представители данной типологии не настроены на борьбу за ценности и идеалы. Вероятно, единственной ценностью для них остаются ценности отрицания, неприятия, обвинения и использования других. Кроме того, неустойчивая система ценностей, размытость субъектной позиции может способствовать их легкой смене в угоду обстоятельствам, конъюнктуры.

Выявленное в процессе эмпирического исследования содержание структурных компонентов протестной активности личности позволяет нам говорить о высоком уровне *противоречий*, свойственном представителям данной типологии.

Основное противоречие – между стремлением получать материальные дивиденды и социальной пассивностью, нежеланием добиваться результатов. Требуя привилегии, лица с оппозиционными установками не торопятся проявлять заботу о людях и реализовывать свой потенциал в профессиональной сфере. Более того, спектр неприятий только расширяется, порождая конфликты в сфере личностно-эмоциональных взаимоотношений.

Обнаружен еще ряд *актуальных противоречий*: это противоречие между внешней открытостью в противостоянии и провокационным поведением, направленном на подстрекательство других на сопротивление, наряду с желанием остаться в «тени». Креативность сочетается с нежеланием

реализовывать творческие способности, неумением доводить проекты до конца; повышенная мотивация сопряжена с неразвитыми регуляторными умениями; неудовлетворенность жизнью, отношениями с отсутствием желания достигать целей; нерешительность и робость с агрессивностью, дерзостью, прямой до грубости; радикализм в поведении сопряжен с ригидностью убеждений, консерватизмом во взглядах. Выявленное *противоречие* между стремлением к доминированию и отсутствием стремления к личной власти связано с неприятием обязанностей, сопряженных с обретением власти, нежеланием нести ответственность. Доминирование в данном контексте не означает наличие лидерских способностей, скорее можно говорить о низкой подчиняемости и бравировании независимостью в отличие от лидерства, связанного с высоким организаторским и коммуникативным потенциалом. Склонность к доминированию представителей данной типологии связана с потребностью *контролировать* других, использовать их в своих целях, что говорит о «вещном» отношении к миру. Потребность к подавлению и унижению других может указывать на наличие садистских побуждений, что дополнительно свидетельствует об объектном позиционировании личности.

Интенсивное использование защитных механизмов (регрессия, замещение, отрицание, компенсация, замещение) и несформированность нравственно-этических норм приводит к дефектному стилю восприятия мира, искаженной картине мира, затрудняет проблематизацию фрустрирующих ситуаций, препятствует их продуктивному разрешению, порождая невротическое ограничение всех сфер жизнедеятельности. Представители данного типа не способны в полной мере реализовывать творческие способности, которые используются преимущественно в качестве выработки манипулятивных стратегий, направленных на *подстрекательство* других людей к протесту, без учета последствий, что делает эту протестную форму потенциально опасной для общества. Содержательные характеристики структурных компонентов системы протестной активности применительно к оппозиции представлены в таблице 33.

Специфика оппозиции

Мотивационно-потребностная сфера
Эгоцентрическая мотивация; отказ от активного овладения миром, подчиненность желаниям; стремление к удовлетворению примитивных потребностей и получению материальных дивидендов; потребность в контроле, подавлении и унижении других; потребность в доминировании и неприятие личной власти; стремление к отдыху; склонность к небрежности и низкий уровень нормативности поведения; неосознанность своих истинных побуждений и потребностей; склонность к противостоянию; неготовность к борьбе за ценности и идеи; склонность к подстрекательству других к противостоянию и стремление остаться в «тени»; невозможность длительно выдерживать психоэмоциональные нагрузки; неспособность получать удовлетворение от работы; отсутствие потребности в достижениях; неудовлетворенность жизнью.
Картина мира
Одномерность картины мира; интерпретация мира в черно-белых схемах; система убеждений о несовершенстве мира; недоверие к жизни; ощущение эмоционального дискомфорта и неконтролируемости мира; негативная оценка себя, людей и событий.
Субъектная активность
Защитная (оборонительная) активность; внешняя детерминация активности; восприятие других в качестве объектов; неспособность реализовать имеющиеся творческие потенции; усеченная реализация задуманного, невозможность довести начатое дело до конца; отсутствие вовлеченности, робость; социальная пассивность; неразвитые регуляторные умения (сниженный самоконтроль, импульсивность), одномерная рефлексия; неспособность к самостоятельному разрешению проблемных ситуаций; низкий уровень жизнестойкости.
Ценностно-смысловая направленность
Преобладание приземленных ценностей и девальвация духовных ценностей и ценностей личностного роста в ценностно-смысловой системе; провокация как способ достижения цели; самоограничение возможностей, скудость интересов, безынициативность; отсутствие целей в будущем; низкий уровень осмысленности жизни; ощущение «сиюминутности» жизни; неспособность к планированию и реализации жизненных планов; фиксация на неудачах.
Экзистенциальный выбор
Примитивные способы разрешения экзистенциальных вопросов, неспособность сконцентрироваться и осмыслить экзистенциальные дихотомии; неудовлетворительные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей – деструктивность; эгоцентризм; нежелание осуществлять жизненное усилие; возложение ответственности на других, самоизоляция и недоверие к миру.
Бытийные противоречия
Внешняя открытость в противостоянии и подстрекательство других на противоборство, наряду с желанием остаться в «тени»; стремление к доминированию, управлению другими и неспособность к самоконтролю; креативность и нежелание реализовывать творческие способности, неумение доводить проекты до конца; стремление к получению материальных дивидендов и нежелание добиваться результатов; нерешительность и агрессивность, робость и дерзость; радикализм целей и ригидность установок.

Таким образом, через все блоки противоречий проходит проблема недоразвития социального интереса, которая косвенно свидетельствует об отчуждении личности и нерешенной проблеме самоидентификации. Полученные результаты соотносятся с результатами, полученными Е.Ю. Коржовой, которая отмечает, что ситуативно-целостная личность может быть адаптивной или творческой в зависимости от конкретной ситуации. Однако стремление к сознательной саморегуляции, на фоне отсутствия выраженного духовно-нравственного стержня приводит к внутренней противоречивости и непоследовательности в поступках [285, с.158].

4.6. Сопоставительный анализ форм протестной активности личности

Как показал проведенный анализ, протестная активность личности проявляется через многообразие ее форм: эмансипацию, высший/негативный эскапизм, нигилизм, оппозицию, негативизм. Концентрация на процессе тесной сопряженности и взаимовлиянии структурных компонентов системы протестной активности позволила провести сопоставительный анализ деструктивных/конструктивных форм протеста и, зафиксировав общие, повторяющиеся тенденции, выделить основания для их дифференциации. Существенные различия в деструктивных/конструктивных формах протестной активности личности обнаруживаются по следующим основным параметрам:

- *ценностно-смысловая направленность личности*: а) деструктивные формы — система заимствованных жизненных принципов и ценностей, ценностно-целевые приоритеты заострены вокруг полюса D-смыслов (деструктивность и фиксация на теме смерти); самоограничение личностного потенциала; б) конструктивные формы — гуманистические ценности с гармонично выстроенной иерархией и нравственной соотнесенностью жизненных целей; движение к самоактуализации на основе множественности выборов;

- *мотивационно-потребностная сфера*: а) деструктивные формы — невротический жизненный план, потребностная, эгоистическая мотивация (подчинение принципу удовольствия) и блокада ценностной мотивации;

отсутствие потребности встраивания в социальную жизнь; сниженный самоконтроль аффектов, неадекватное восприятие личностных ресурсов; зависть и неудовлетворенность; б) конструктивные формы — позитивная ценностная мотивация, потребность в самоисполненности; эффективная самодетерминация на основе осознанной саморегуляции;

-моделирование «картины мира»: а) деструктивные формы — система стереотипов, порождающих искаженное видение мира; несогласованность и оппозиция между внутренним и внешним миром, порождающие недоверие, отчуждение и абсолютизацию протеста; ощущение неподконтрольности жизни; б) конструктивные формы — система гуманистических идей, организующих гармоничную картину мира, устойчивое и целостное мировосприятие.

Таблица 34

Дифференциальные критерии конструктивных и деструктивных форм протестной активности личности

Деструктивные формы	Конструктивные формы
Ценностно-смысловое позиционирование личности	
Система заимствованных жизненных принципов и ценностей.	Гуманистические ценности с гармонично выстроенной иерархией и нравственной соотнесенностью жизненных целей.
Преобладание в жизненных координатах D-смыслов (фиксация на теме смерти).	Генерирование, интеграция и трансляция L-смыслов (смыслов бытия).
Самоограничение личностного потенциала.	Целеустремленность и движение к самоактуализации на основе множественности выборов.
Мотивационно-потребностная сфера	
Невротический, разбалансированный жизненный план, нездоровая потребностная мотивация и блокада позитивной ценностной мотивации.	Позитивная ценностная мотивация, ориентация на самопознание в широких сферах жизни, потребность в самоисполненности.
Сниженный самоконтроль аффектов, неадекватное восприятие личностных ресурсов, зависть, неудовлетворенность.	Направленность на личностный рост, самодетерминация на основе осознанной саморегуляции.
Образ мира	
Система установок, стереотипов, способствующих искаженному образу реальности. Несогласованность и оппозиция между внутренним и внешним миром, недоверие к миру, отчуждение, ощущение неподконтрольности жизни.	Образ мира моделируется, исходя из системы гуманистических идей, организующих гармоничную картину мира, устойчивое и целостное мировосприятие

Таблица 34 Продолжение

Субъектная активность личности	
Объектная позиция, использование незрелых защитных стратегий, самоограничение личностного потенциала, склонность к немотивированному риску, отчуждение от мира, девальвация ценностей жизни. Суженная (поверхностная) и запаздывающая рефлексия совершенных поступков указывают на внешнюю детерминацию активности личности.	Отношение к себе и другим людям как к субъектам, активизация духовных усилий, направленных на самосовершенствование и самореализацию в соответствии с собственным проектом. Способность личности к осуществлению позитивного интересубъектного влияния на социум, развитая система саморегуляции, эффективная самодетерминация и продуктивная реализация личностного потенциала с опорой на собственные ресурсы.
Экзистенциальное самоопределение.	
Извращенные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации, создающие иллюзию разрешения экзистенциальных вопросов бытия (снижение ценности человеческой жизни, формальное понимание свободы как вседозволенности, самоизоляция, клановая солидарность, непримиримость с миром, намеренное сужение собственного бытия).	Глубокое осмысление жизненных дихотомий и продуктивные варианты удовлетворения экзистенциальных потребностей (экзистенциальная реализация свободы как соотнесенности с самим собой, духовная независимость, ответственность, позитивная самореализация, связь с жизнью общества).

Системообразующими в конструкте «протестная активность личности» являются **субъектная активность личности и экзистенциальное самоопределение.**

Субъектная активность личности: а) в деструктивных формах – объектная позиция, использование незрелых защитных стратегий, самоограничение личностного потенциала, склонность к немотивированному риску, отчуждение от мира, девальвация ценностей жизни, суженная (поверхностная) и запаздывающая рефлексия совершенных поступков указывают на внешнюю детерминацию активности личности; б) в конструктивных протестных формах (высший эскапизм, эмансипация) на первый план выступает отношение к себе и другим людям как к субъектам, активизация духовных усилий, направленных на самосовершенствование и самореализацию в соответствии с собственным

проектом; способность личности к осуществлению позитивного intersubъектного влияния на социум, развитая система саморегуляции, эффективная самодетерминация и продуктивная реализация личностного потенциала с опорой на собственные ресурсы.

Характер экзистенциального самоопределения: а) деструктивные формы: непродуктивные и извращенные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации, создающие иллюзию разрешения экзистенциальных вопросов бытия (снижение ценности человеческой жизни, формальное понимание свободы как вседозволенности, самоизоляция, клановая солидарность, непримиримость с миром, намеренное сужение собственного бытия); б) конструктивные — глубокое осмысление жизненных дихотомий и продуктивные варианты удовлетворения экзистенциальных потребностей (экзистенциальная реализация свободы как соотнесенности с самим собой, духовная независимость, ответственность, позитивная самореализация, связь с жизнью общества).

Поскольку характер противоречий, а также способы их разрешения являются одним из важных критериев конструктивности взаимодействия личности и социума, выделен и описан *комплекс противоречий*, характерных как для деструктивных, так и конструктивных форм протеста. Нами классифицированы бытийные противоречия, характерные для ***деструктивных форм протеста:***

- *ценностно-смысловые противоречия:* стремление к экспансии собственного масштаба и неприемлемые способы личностного позиционирования;

- *противоречия в бытийных пространствах личности в преломлении к системным позициям «личность-общество» и «личность-государство»:* восприятие жизненных условий как непереносимых, вызывающее фрустрацию и стремление к снятию последней не собственной активностью, а внешними политическими или юридическими мерами; желание достичь социального статуса

и неготовность к полноценному включению в социум в связи с неспособностью определить своё место в общественных структурах;

- *внутриличностные противоречия* – несогласованность энергетического потенциала и самоконтроля; чувство собственной грандиозности и сниженная способность к творческому созиданию; несоответствие между бытием и долженствованием;

- *экзистенциальные противоречия*: между осознанием фундаментальной изоляции и несформированной потребностью в принадлежности к большему целому.

Как мы видим, для всех деструктивных форм протестной активности личности характерно неконструктивное разрешение бытийных противоречий – невозможность их выдерживать, нежелание их осознавать в виде проблем и находить продуктивные способы их решения, что обуславливает социальную непродуктивность личности и указывает на неспособность личности занять достойное, адекватное своим способностям и возможностям положение в обществе. Наличие комплекса примитивных защит и несформированность нравственно-этических норм поддерживает объектную ориентацию, усугубляет внутриличностный конфликт и затрудняет проблематизацию фрустрирующих ситуаций, препятствуя их продуктивному разрешению. Склонность к безальтернативным интерпретациям жизни приводит к одномерному черно-белому восприятию мира с преобладающим ощущением ущемленности.

Весь комплекс разнообразных противоречий применительно к деструктивным формам протестной активности личности концентрируется вокруг экзистенциальных потребностей: потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации, *способы удовлетворения которые сильно извращаются.*

Таким образом, реконструкция механизмов отчуждения и беспомощности позволила увидеть их вклад в систему протестной активности. Выявлен базовый экзистенциальный страх, выступающий движущей силой деструктивной протестной активности, – страх перед жизнью, свободой, ответственностью,

независимостью.

В *конструктивных формах протеста* на первый план выступают нравственные, ценностно-смысловые противоречия между выработанными в процессе углубленной рефлексии ценностями и косностью общественных структур, не готовых воспринять транслируемые субъектом ценности.

Осознание себя деятелем, субъектом, способным с помощью самостоятельно выработанных ценностей и смыслов творчески преобразовывать наличные условия бытия, способствует умению выявлять проблемные ситуации и их решать на основе активной и устойчивой субъектной позиции, взяв на себя ответственность за последствия своих действий.

Качество субъектной позиции зависит от уровня духовности, нравственности, этического самопонимания, от степени внутренней свободы. Отметим, что реализация конструктивных форм протеста (это касается не только эмансипации, но и высшего эскапизма) не означает окончательное и автоматическое снятие противоречий, т.е. человеку необходимо постоянно их разрешать в ситуациях повседневности в соответствии с достигнутым уровнем зрелости личности и ее масштаба. В противном случае человек останавливается в своем развитии и происходит характерное «скатывание вниз» к примитивному, механистичному уровню существования с невозможностью сохранения целостности личности и аутентичности бытия. Духовная стагнация, застой, отказ от проблематизации собственного существования инициируют процесс, который приводит к личностной трансформации и смене субъектного позиционирования на объектное, в результате которого человек быстро оказывается в тех же условиях, которые способствуют образованию деструктивных форм протеста. Следовательно, через анализ противоречий получает более четкую определенность проблема субъектного позиционирования личности.

На основе выделения и способов разрешения противоречий, актуализируемых в протестных формах, определена специфика протестных форм.

Деструктивные формы:

- *оппозиция* – повышенная мотивация достижения и фиксация на неудачах, препятствующая достижению целей; креативные способности и приземленность, вызывающая усеченную реализацию задуманного; соперничество и отсутствие желания достигать целей; внешняя открытость в противостоянии и провокационное поведение, подстрекательство других на сопротивление, наряду с желанием остаться в «тени»;

- *негативизм* – склонность к независимым действиям и зависимость в опеке, патронажи; склонность к доминированию, желание контролировать и подчинять среду и сниженный самоконтроль, негативный образ себя и сознание собственной исключительности; сочетание интернальности и экстернальности; самостоятельность в принятии решений и отсутствие планирования и ответственного целеполагания; ощущение собственной обделенности и неприятие прав окружающих; дерзость и нерешительность; высокие статусные притязания личности и отсутствие потребности в самореализации; нонконформизм и отсутствие доброты;

- *нигилизм* – чувство собственной грандиозности и сниженная способность к созиданию; желание преобразований и неспособность в гуманистическом русле реализовать свои цели, вследствие небольшого диапазона творческих способностей и низкого личностного потенциала; несоответствие ценностных приоритетов и требований жизни, девальвация ценностей жизни, десакрализация существования и тотальность деструктивности; несогласованность энергетического потенциала и самоконтроля; внешняя принципиальность и моральная беспринципность;

- *негативный эскапизм* – экзистенциальный вакуум вызывает демонстративный уход от проблем, которые субъект хочет решать самостоятельно, но в результате не способен решить; эскапизм проявляется как реакция на двойной конфликт — внешний (межличностный) и внутриличностный.

Конструктивные формы:

- *высший эскапизм* – форма протеста, согласующаяся с характеристиками истинной субъектности, переходящая в процессе сложного взаимодействия различных параметров (внешних/внутренних) в преобразовательную активность;

- *эмансипация* – стремление к автономии, жизнестойкость сочетаются с сильной зависимостью от адресата протеста, обуславливая амбивалентность чувств по отношению к этому субъекту; желание сохранения стабильности общественного устройства и неудовлетворенность ролью и функционированием социальных институтов; духовность, креативность, развитые способности и готовность к борьбе с теми, кто препятствует процессу самореализации.

Таким образом, использование в совокупности единых структурных элементов позволило увидеть феномен в развернутой социально-исторической перспективе, сравнить психологические характеристики протестных форм, установить специфику и сходство в их содержании. В зависимости от того, какая форма протестной активности предпочитается, можно судить о самоопределении личности – конструктивно-преобразовательном, творческом или деструктивном, бездуховно-бесплодном и разных модусах бытия.

Выявленные в исследовании психологические закономерности показывают, как изменение одного параметра, например, искажение в ценностно-смысловой сфере (смещение в сторону некрофильной ориентации, восприятие людей как расходного материала и пр.) или изменение мировоззрения, социальной позиции влечет за собой модификацию других структурных параметров системы протестной активности. Это дополнительно свидетельствует о том, что протестная активность представляет собой разновидность модусов бытия личности, принимающих характер социальных деструкций, которые определяются хорошо структурированными и устойчивыми протестными формами, трудно поддающимися корректировке.

С учётом обобщений, сделанных в 1-4-й главах, в рамках предлагаемой концепции мы можем дать *определение* протестной активности личности. Протестная активность личности определяется как процесс, направленный на

переструктурирование внешнего (микро- и макросоциума) в соответствии со спецификой самоопределения личности в конкретно-исторических противоречиях.

В самом общем виде протестная активность рассматривается как процесс, обусловленный несогласованностью субъективного мира и объективных пространств бытия личности, благоприятствующий или препятствующий сохранению целостности личности и аутентичности бытия, опосредованный особенностями субъектной активности и экзистенциальным самоопределением, посредством которых конструируется и воспроизводится способ бытия.

Конструкт протестной активности личности предстает как сложный интегральный психологический феномен, проявляемый в конкретно-историческом контексте и варьируемый вокруг двух полюсов психодуховной жизни личности (конструктивного/деструктивного), результирующих в различные протестные формы, специфика которых обусловлена вариантом личностного выбора и типом субъектного позиционирования.

Таким образом, доказано, что протестная активность личности – это не просто череда сменяющих друг друга реакций, отдельных актов, связанных с простой неудовлетворенностью, но сложный и противоречивый процесс со своей особой динамикой.

РЕЗЮМЕ ПО ГЛАВЕ 4.

В главе 4 раскрыто содержание концепции протестной активности личности, подробно анализируются формы протеста, осуществлена верификация структурно-диалектической модели протестной активности, доказываются гипотезы исследования. В § 4.1 задается общая стратегия исследования форм протеста. В каждом из следующих параграфов (§§ 4.2 - 4.6), на основе структурных компонентов системы протестной активности личности осуществляется конкретизация и содержательное наполнение деструктивных/конструктивных протестных форм – эмансипации, высшего/негативного эскапизма, оппозиции, нигилизма, негативизма. Становление устойчивых

протестных форм осуществляется на основе сложной системы, включающей ценностно-смысловую направленность личности, бытийные противоречия и способы их разрешения, образ мира, установки в мотивационно-потребностной сфере, в сочетании с ключевыми параметрами – характером экзистенциального самоопределения и особенностями субъектной активности личности, что позволяет провести сопоставительный анализ.

Существенные различия в деструктивных/конструктивных формах протестной активности личности обнаруживаются по всем основным параметрам системы протестной активности личности. В деструктивных формах протеста отмечены: объектная позиция, использование незрелых защитных стратегий, самоограничение личностного потенциала, склонность к немотивированному риску, отчуждение от мира, девальвация ценностей жизни; поверхностная и запаздывающая рефлексия совершенных поступков, внешняя детерминация активности личности. Кроме того, во всех без исключения деструктивных формах протеста отмечены извращенные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей: снижение ценности человеческой жизни, формальное понимание свободы как вседозволенности, самоизоляция, клановая солидарность, непримиримость с миром, намеренное сужение собственного бытия.

В конструктивных формах на первый план выступает субъектное позиционирование, активизация духовных усилий, направленных на самосовершенствование и самореализацию в соответствии с собственным проектом. Отмечена способность личности к осуществлению позитивного intersubjectного влияния на социум, развитая система саморегуляции, эффективная самодетерминация и продуктивная реализация личностного потенциала с опорой на собственные ресурсы. Выявлено глубокое осмысление жизненных дихотомий и продуктивные варианты удовлетворения экзистенциальных потребностей: экзистенциальная реализация свободы как соотнесенности с самим собой, духовная независимость, ответственность, позитивная самореализация, связь с жизнью общества. С учётом обобщений, сделанных в 1-4-й главах формулируется определение протестной активности

личности. Протестная активность личности – это процесс, направленный на переструктурирование внешнего (микро- и макросоциума) в соответствии со спецификой самоопределения личности в конкретно-исторических противоречиях. В самом общем виде протестная активность рассматривается как процесс, обусловленный несогласованностью субъективного мира и объективных пространств бытия личности, благоприятствующий или препятствующий сохранению целостности личности и аутентичности бытия, опосредованный особенностями субъектной активности и экзистенциальным самоопределением, посредством которых конструируется и воспроизводится способ бытия.

Получено подтверждение прогностических возможностей структурно-диалектической модели протестной активности личности. Выявленные психологические закономерности показывают, как изменение одного параметра, например, искажение в ценностно-смысловой сфере (смещение в сторону некрофильной ориентации, восприятие людей как расходного материала и пр.) или изменение мировоззрения, социальной позиции влечет за собой модификацию других структурных параметров системы протестной активности. Расширенное понимание протестной активности личности позволило объяснить следующий парадокс: почему люди, выступая за благие намерения и преследуя возвышенные цели в их понимании, будучи энергичными, перерождаются в обезличенных монстров и их активность становится деструктивной и приводит к катастрофическим для общества и самих участников протеста последствиям. Обосновано и доказано, что смещение и искажение в каждом из структурных компонентов, в том числе объектное тяготение личности, создают условия для подобной трансформации протестной активности, которая оборачивается взрывами и насилием. Доказано, что протестная активность личности – это не просто череда сменяющих друг друга реакций, отдельных актов, связанных с простой неудовлетворенностью, но способ проживания жизни, сложный и противоречивый процесс со своей динамикой.

ГЛАВА 5. НЕУСПЕШНОСТЬ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ПРОТИВОРЕЧИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ КАК ОСНОВА ДЕСТРУКТИВНОЙ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В данной главе развивается авторский подход к проблеме изучения протестной активности личности и сделана попытка объяснения глобальной негативной тенденции, связанной с возрастанием привлекательности экстремистских организаций в среде молодежи. Поскольку протестная активность личности является неоднозначным и сложным феноменом, как по своим эффектам, так и по ценностно-смысловому содержанию, необходимо рассмотреть проблему психологической готовности личности к присвоению разного рода ценностей и последующей их трансляции на социум с помощью нескольких форм протестной активности. В связи этим для целей нашего исследования весьма значимы четыре положения С.Л. Рубинштейна [299; 300], которые касаются: 1. Неразрывности и взаимообусловленности отношения человека и бытия и самоопределения личности, осуществляемого через сознательное определение своего отношения к другим людям. 2. Взаимопроникновения и взаимодействия многообразия и противоречивости сторон личности или сфер психического, смыкающихся в единстве личности. 3. Иерархии жизненных ценностей (значимостей) и потребностей как производных от соотношения человека и мира и проявляющих отношения человека с миром. 4. Характера бытийных противоречий – уровней, на которых они возникают и на которых снимаются.

Наряду с этими принципами, актуальными являются положения системного подхода [18; 19; 205], затрагивающие проблемы: а) воспитания, формирования личности, ее сопряженности с проблемой психического развития индивида с акцентом на единстве процесса развития, в котором взаимное опосредствование биологического и социального выступает в наиболее развернутой и полной форме, осуществляясь через систему психологических свойств человека; б) механизма ассимиляции индивидом социальных программ и социального проектирования личности; в) полисистемности бытия с акцентом на

специфичности и многообразии проявлений целостных образований психики, их зависимости от сферы бытия, уровня собственной организации и развития.

Очевидно, что протестная активность, как одновременно психологическая и социальная проблема, требует комплексного подхода к ее решению, связанного с изучением не только личностных аспектов, но и учета социального контекста. Поэтому в своем анализе мы будем следовать требованию субъектно-бытийного подхода: *введение какого-либо феномена в широкий социальный контекст предполагает осмысление системы социальных детерминант с точки зрения их психологической противоречивости* [351]. Последовательное развитие этого положения в данной главе позволит еще больше заострить внимание на сущностных противоречиях современности и проблеме самоопределения молодежи в конкретно-исторических противоречиях

Рассматриваемые в этой главе психологические факторы поворота личности к деструктивной протестной активности дают основание к выбору и пересмотру методов ее профилактики и преодоления, к выработке превентивных мер, которые до сих пор остаются малоэффективными.

5.1. Ценностно-смысловые регуляторы протестной активности и проблема самоопределения личности

С точки зрения В.С. Степина, каждая историческая эпоха имеет отличительные особенности, связанные с особой конфигурацией культурных феноменов, определяющих глубинные программы человеческого бытия, мировоззренческие представления и установки [320]. Историческая динамика определила специфику XXI века, связанной с глобализацией и зарождением новой культурной формации, которая заключается в радикальном сдвиге в основаниях культуры. На первый план вышла неопределенность [162; 163; 182], которая стала системообразующим признаком бытия личности, породив новый комплекс разнородных и противоречивых требований к личности и осложняя процесс её гармоничного вхождения в жизненный мир, «вписывания» в систему общества [11; 118; 119].

Такое противоречие требует прогрессивного ответа на вызов сложности, воплощение которого через преодолевающую активность личности направлено на актуализацию и удержание особого состояния, названного Д.А. Леонтьевым «экзистенциальным тонусом» [190]. Отсюда вытекает важный вывод. Если человек способен полноценно ответить на вызов сложности, ему открываются безграничные возможности самопознания и развития творческого потенциала, и он способен усложнять собственную природу. Однако многие молодые люди отказываются практиковать сложность и пытаются удержать стереотипы и примитивные схемы, благодаря которым реальность выглядит предсказуемой и понятной. Подобный ответ – отказ от преодоления неопределенности, на фоне самоограничение личностного потенциала (боязни «переработать») приводит к низкой самооценке личности и понижает удовлетворенность жизнью. Возникает несоответствие между *неудовлетворенностью жизнью* и *нежеланием активизировать усилия* для достижения результата.

К сущностным противоречиям современности относится противоречие между открывшимися неограниченными *возможностями для самореализации* и преобразования бытийных пространств в соответствии с социальными представлениями, ценностями и идеалами при одновременно жестком *нарастании прессинга социального контроля* над личностью.

Следующее актуальное российское противоречие возникает, исходя из того, что процесс социализации, содержанием и целью которого должно быть *наращивание субъектных качеств* (ответственность за результаты, самостоятельность, включенность в социальную жизнь) происходит в условиях *отчуждения и социальной пассивности*, связанной с восприятием себя в качестве объекта по отношению к социальным структурам и государству [1; 6; 191; 194].

Д.В. Сочивко и Н.А. Полянин, анализируя специфику современного процесса социального отчуждения молодежи, определяют его качественные изменения, связанные с окончательным выходом этого процесса из-под контроля социокультурных и образовательных институтов и погружения его в сферу субкультурных влияний. Подчеркивается, что отсутствие системной молодежной

политики создает предпосылки для вовлечения молодежи в организованную преступность в разных ее видах и формах. Не без основания признается, что даже самые «безобидные» в направленности деятельности молодежные движения построены на протестности, часто проявляемой в криминальных формах [329].

В условиях *контагия* – особого психологического климата в обществе, благоприятствующего экстремизму и терроризму [265] становится невозможным полноценное удовлетворение трех сопряженных базовых потребностей: в самоактуализации, во внутренней согласованности и внешнем подтверждении личности.

Еще одно актуальное противоречие, существенно осложняющее процесс социализации и становления субъектности связано с непреодоленным ценностным хаосом, зародившимся в 90-е годы. По мнению Л.И. Анцыферовой, именно общество задает развивающейся личности общие принципы восприятия и интерпретации мира, определяет значение тех или иных аспектов жизни, формирует направленность на определенные ценности. Общество предъявляет систему общественных норм и образцов и указывает, какие эмоции, в каких ситуациях ценятся или не одобряются социумом [13]. Процесс усвоения индивидом программ социального наследования, по Б.Ф. Ломову, осуществляется через специальные социальные институты, выполняющие функции образования и воспитания [205]. Согласно С. Московичи, индивид не столько мыслит сам, сколько актуализирует в себе опыт прошлых поколений, цитирует их социальный опыт мышления [242, с. 98].

Однако сегодня процесс усвоения индивидом ценностей выходит из-под контроля социокультурных и образовательных институтов и попадает в первую очередь под власть субкультурных и иных влияний, далеко не безобидных в плане психологического воздействия. Исследователи отмечают, что наше государство оказалось не готово к определению путей и средств формирования ценностей молодого поколения [108; 293; 343]. Сбой естественного механизма передачи опыта от старших к младшим, зародившийся в период ценностной анархии 90-х гг., обусловил разрыв межпоколенной преемственности системы

ценностей, резкое снижение нравственности и социального доверия в российском обществе, трансформацию ценностно-смысловых матриц россиян [78;406].

Заметной тенденцией в общественной жизни, по мнению А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко, становится постепенная утрата российским обществом своей яркой специфики и обретение характеристик западных обществ, принципами которых являются нажива, прибыль и владение собственностью [108, с.13]. Указанное явление трансформирует духовный характер встраивания молодого поколения в культуру, который резко меняется на узко-прагматический, порождая социальный характер, ориентированный на обладание, описанный в работах Э. Фромма в русле созданной им типологии социального характера. Российское общество, переживая системный кризис, все чаще предлагает в качестве социализации механизм конкуренции и даже вражды, сопряженный с выраженным индивидуализмом, нарциссизмом, в связи с чем преобладает негативная динамика культурных и общественных ценностных ориентаций у молодого поколения [70; 71; 257; 406; 409].

Именно в низком морально-нравственном состоянии нашего общества, переживающем системную деградацию, затрагивающую мораль, нравственность и механизмы их взаимосвязи, видят А.Л. Журавлев и А.В. Юревич главный источник деструктивности. Испарение, вслед за моралью из сознания молодежи и других слоев нашего общества таких категорий, как «добро» и «зло», служит, по их мнению, естественным результатом [257, с.14].

Преодолеть указанное явление, на фоне растущих и всесторонних процессов социального отчуждения, очень трудно. С точки зрения А.В. Юревича, отдельные декларативные призывы к возрождению морали и нравственности, на фоне нигилизма значительной части нашей молодежи, приученной псевдолиберальными идеологами «делать все наоборот» в отношении призывов старшего поколения, могут дать и прямо противоположный эффект [406, с. 76]. Хотелось бы отметить, что этот вывод напрямую сопрягается с данным З. Фрейдом метафорическим обоснованием противоречивого характера воспитания, связанного с неискренностью взрослых, злоупотребляющих

этическими требованиями в этом процессе, которые выпускают юношество в жизнь со столь неверной психологической ориентацией, «как если бы полярную экспедицию снаряжали летней одеждой и картами верхнеитальянских озер» [362, с. 125].

При обсуждении причин утраты доверия молодежи М.М. Решетников отмечает следующее: «Мы не заметили, как после долгого пути под знаменем европейского (христианского) гуманизма оказались в мире без веры и идей. Мы все реже прибегаем к высокому слогу при описании современной действительности и все чаще приумножаем зло. И молодежь отказывает нам в доверии» [293, с. 146].

В психологическом плане подобная ситуация приводит к тому, что социальные противоречия и воздействия своеобразно осмысливаются взрослеющей личностью, наделяются личностной значимостью и подвергаются искаженной интерпретации в безальтернативном ключе. Под воздействием массовой культуры и мощной пропаганды (relax and enjoy), поддерживающую примитивную и в то же время противоречивую картину мира, многие молодые люди не могут определить для себя ценностно-смысловые приоритеты. Диагностируемая разными исследователями патология ценностно-смысловой регуляции [192; 283; 298; 504] и неспособность определить границы оптимального в субъектной активности вызывает особое состояние, названное К.В. Карпинским духовным кризисом, обусловленным приземленным, искаженным или даже извращенным по меркам общечеловеческих духовных ценностей смыслом жизни [140]. Чувство беспомощности, фатализма, бесперспективности и безнадежности часто сопровождают это состояние [395].

С другой стороны, отечественные психологи, обращаясь к проблеме воспитания, сразу же вводят эту проблему в бытийный контекст, анализируя ее сквозь призму самоопределения, сопряженного с мерой затраченных индивидуальных усилий, порождающих качественные различия в способах существования личности [190; 344; 353]. Л.И. Анцыферова подчёркивает решающее значение ценностно-смыслового самоопределения, результат которого

зависит от качества субъектной активности личности. Поскольку, по ее мнению, общественные нормы имеют зонную природу и их границы в той или иной степени размыты, то развивающаяся личность уже на ранних этапах своего жизненного пути является активным субъектом формирования собственных индивидуально-личностных эквивалентов этих норм, который чутко улавливает индикации общества относительно возможностей изменения и преобразования различных параметров норм. Девиантное поведение и нормотворчество представляют собой два полюса выхода субъекта за границы социальных предписаний [13].

На этот же аспект указывает А.В. Брушлинский, подчеркивая, что человек как субъект не просто пассивный потребитель информации, подвергающийся различным информационным воздействиям. «Он сам ее «производит» в той или иной степени, поскольку в ходе своей деятельности, общения *он самоопределяется, занимает определенную жизненную позицию* и потому весьма избирательно относится ко всему, что влияет на него в ходе всей жизни, обучения, пропаганды» [39, С. 41-42].

В связи со сказанным, возрастает индивидуальная ответственность каждого, кто соприкасается с молодыми людьми. А.В. Брушлинский, отмечая уникальность, активность, ответственность, самостоятельность человека как субъекта, специально заостряет проблему: насколько другие люди и общество имеют моральное право воспитывать человека в духе строго определенных нравственных ценностей? Он убежден в том, что никто не обладает абсолютной истиной и единственно верными идеалами и не может вести за собой людей, навязывая им взгляды, вмешиваясь в их жизнь и пытаясь ее изменить. С его точки зрения, основы гуманизма в корне подрываются, когда социальность сводится только к одной из форм – к социальности лишь как принуждению, диктату, с помощью которых общество навязывает (нередко насильственно) индивиду определенную систему норм и духовных ценностей. В этом случае складывается не двусторонняя, а лишь однонаправленная связь индивида с обществом, которое авторитарно воздействует на него, превращая его лишь в объекта внешних

влияний. В результате человек как субъект (в частности, субъект самовоспитания) лишается нормальных условий жизни и может стать изгоем по отношению к данному конкретному обществу, типу культуры и т.д. [36, с. 24]. Только сотворчество и созидание, подчеркивает ученый, образуют прочный фундамент духовности, на основе которого каждый выбирает и прокладывает свой жизненный путь, формируя субъектную позицию, нравственные ценности и идеалы [35, С. 9-10].

Очень актуальна и оригинальна линия рассуждения В.П. Зинченко об опасности банального, но трагического хода мысли, ведущему к «конструированию человека будущего» или «нового человека», поскольку подобный тип футурологии означает необоснованное вмешательство в личную жизнь взрослеющей личности, которое пытаются образовывать по футурологическим образцам. Каким быть человеку – это проблема его собственного выбора, а не социальной психолого-педагогической алхимии [117, с. 13]. В этой связи ученый задается следующим вопросом: «если Бог создал человека по своему образу и подобию, то принимает ли на себя образование божественную функцию образования человека, и если да, то по чьему образу, духу и подобию»? До сих пор, отмечает ученый, есть системы образования, которые, не «спросясь» у человека, берут на себя божественную функцию не только образования, но даже всестороннего и гармоничного развития его личности. «Человек – это целый мир. Может быть, назначение мира образования состоит в образовании мира у своего субъекта (субъектов)» [118, С.14-15].

С точки зрения А.С. Макаренко, в педагогических контекстах недопустимо говорить только об идеале воспитаний, как это уместно делать в философских высказываниях [цит. по: 27, с. 40].

Напомним также, что в свое время Ф.М. Достоевский специально изучал «падших ангелов» в колонии малолетних преступников, чтобы разрешить проблему, связанную с возможностью «переделки» порочных душ в непорочные. Писатель приходит к выводу, что вся дикость поведения обусловлена не столько незнанием своего социального положения, но прежде всего *покинутостью*,

отверженностью и «зверским равнодушием» к их существованию со стороны мрачных и страшных особей людей, в которых исчезли следы человечности и гражданственности.

Отметим, что в концепции С.Л. Рубинштейна моральное воспитание рассматривается не как что-то внешнее по отношению к существованию человека, означающее предъявление неких внешних требований, но как важнейшая характеристика его бытия, его взаимоотношений с другими людьми, включенными в это бытие, *как процесс изменения условий жизни человека* [15].

По Э. Фромму, воспитание предполагает прежде всего знакомство молодежи с лучшей частью культурного наследия человечества. «Но поскольку большая часть этого наследия выражена в словах, оно действительно только тогда, когда эти слова реализуются в личности учителя или в практической жизни и устройстве общества. На человека может повлиять только воплощенная идея, идея же, оставшаяся словесной, меняет только слова» [367, с.371].

Приведенным суждениям созвучны размышления К. Ясперса, который так обозначает проблему: как сохранить свою личность, когда человек не находит опоры ни в прежних, ни в нынешних поколениях, он оторван от традиции действительной жизни, пребывает в условиях случайности? Без какого-либо отклика и подлинного противника он сам становится для себя двойственным, а вырваться из рассеянности требует почти нечеловеческих сил. В этих условиях есть один путь: человек должен на свой страх и риск сам давать себе задания [415, с. 366]. На наш взгляд, задание в этом контексте подразумевает формирование устойчивой системы ценностей, субъектной позиции, позволяющей успешно справляться с проблемами и противоречиями и конструировать различные пространства личностного бытия.

Таким образом, указанный обзор позволяет подчеркнуть особую роль бытийных противоречий и экзистенциального самоопределения, от которого зависит характер бытия и содержание ценностно-смысловой сферы личности. Неудовлетворительное разрешение проблемы ценностно-смыслового самоопределения в системе разноуровневых противоречий становится

фундаментом для деструктивной протестной активности личности.

В следующем параграфе мы продолжим изучение ценностно-смыслового самоопределения молодежи, но уже со стороны внутригрупповой активности, влияющей на процесс усвоения внутригрупповых ценностей у студентов и их индивидуальный статус.

5.2. Психологические факторы неудовлетворенности межличностными отношениями в молодежных группах

В данном параграфе мы попытаемся под новым углом зрения подойти к решению изучаемой проблемы со стороны изучения психологического климата в студенческих группах и индивидуального статуса личности. В частности, мы попытаемся ответить на следующие актуальные вопросы: при каких условиях значимость студенческой группы снижается и она перестает быть референтной для личности? Какие процессы в учебной группе запускают активный поиск других сообществ?

Дискуссионным остаётся также вопрос о значении психологических факторов и механизмах их влияния на возникновение неудовлетворенности и негативного психологического климата в группе, результатом которых становится переживание фрустрации. Поскольку многие исследователи решающее значение неудовлетворенности и связанной с ней протестной активности (см. параграф 1.4), целесообразно сконцентрироваться на характере внутригрупповой активности и феноменах, понижающих уровень удовлетворенности межличностными отношениями в студенческой группе, обуславливающих психологическое неблагополучие личности.

Роль лидера в формировании ценностей студенческой группы: механизмы личностного влияния

Обучение в Вузе является важным этапом формирования личности будущего специалиста, связанным с определением целей и перспектив дальнейшей жизни, ценностно-смысловым самоопределением. На всех этапах становления, от первого до последнего курса студенты приобретают опыт

влияния на других людей, совершенствуют умения и навыки межличностного познания, необходимые как для учебы в вузе, так и для успешного профессионального развития. Именно в учебной группе студент получает опыт социальной активности, личностного позиционирования.

В наших работах было доказано, что процесс усвоения внутригрупповых ценностей активен и в нем участвует как студент, так и группа [73]. Студент ориентируется на ценности, формирующиеся в группе – нормативные эталоны (термин, предложенный Кроником А.А.). При этом происходит сравнение собственных качеств с особенностями лидеров, лиц собственной статусной когорты, друзей, соперников и т.д. Ценности, преломляемые подобным образом сквозь призму интрагрупповой активности, оказывают косвенное влияние на личность, но сила их влияния значительна. По утверждению Д.А. Леонтьева, основой отклоняющегося развития становится несформированность ценностной регуляции в количественном отношении (низкий удельный вес ценностей по сравнению с потребностями как источников мотивации) и в качественном отношении, когда ассимилируясь в структуру личности ценности малых девиантных групп, в то время как макросоциальные ценности остаются внешними [189].

Отметим, что в группу могут попасть лица, различающиеся по ценностям, по отношению к учёбе, лидерскому потенциалу, способностям и психодинамическим особенностям, что затрудняет общение и процессы группообразования. По данным Я.Л. Коломинского, до 30% лидеров отличаются деструктивностью, оказывающей негативное влияние на сплоченность и психологический климат в этих группах. Группы такого типа могут объединяться для пропуска занятий, отпора требовательным преподавателям [73].

Как отмечает Р.М. Шамионов, растущая социальная активность личности и групп, не подкрепленная духовно-нравственными регуляторами, становится в ряде случаев источником асоциальных и ненормативных видов активности и приобрести разрушительный характер. В зависимости от конфигурации диспозиционных образований социальная активность может спровоцировать

различные риски, которые характеризуются двойной направленностью, поскольку касаются как самой личности, так и микро- и макросоциума [385].

Сложно представить эффективный учебный процесс в группе с разными целями и ценностями, где эмоциональные отношения преимущественно носят отрицательный характер, а процесс интеграции в процессе становления и развития группы сопровождается дифференциацией позиций, престижей, статусов членов группы.

Заметим, что понятие «авторитетность» имеет интересные феноменологические проявления. Исследователями описаны случаи «иррадиации» авторитета, когда лицо, авторитетное в определённой области, представляется авторитетным в других или во многих областях деятельности. При введении понятия референтности не предполагалась многополюсность феномена, но со временем была введена отрицательная шкала в проявлении качеств и изучен феномен «антиреферентности» в закрытых сообществах. В целом, для закрытых сообществ или групп, существующих в режиме жесткого внешнего контроля, характерна выраженная статусная иерархия: заметный отрыв как лидеров, так и аутсайдеров от остальных членов группы. Статусная иерархия в большей степени проявляется в сравнении членов закрытой группы по параметру «доминирование - подчинение», что весьма характерно для групп с жёстким внешним контролем. В данном случае наблюдается, по меткому определению М.Ю. Кондратьева, «не власть авторитета, а авторитет власти». В закрытых режимных сообществах (спецшколах, интернатах, колониях) в силу их специфики процессы интрагруппового структурирования, в частности статусно-ролевые отношения, обусловлены влиянием фактора доминирования – подчинения, сопряженного с угрозами, насилием, подавлением [154].

Среди механизмов личностного влияния и лидерства в студенческих группах наряду с доминированием анализируются механизмы «информационного влияния»: идентификация, каузальная атрибуция, «ценностный обмен». В нашей стране направление исследований в рамках «ценностного обмена» получило интересное продолжение в работах Р.Л. Кричевского и его школы [170].

Согласно Е.М. Дубовской, особая роль в формировании ценностей студенческой группы принадлежит лидерам. Лидерам приписывается до 50-70% особо ценимых в группе качеств. Идентификация с лидерами происходит по некоторым качествам чаще, чем с другими членами юношеской группы. Доказано, что идентификация происходит по тем личностным качествам, которые слабо выражены или отсутствуют у членов группы. Отмечается, что «влияние лидера обусловлено реализацией им в группе таких качеств, которые являются наиболее значимыми для других членов группы» [97, с. 125].

Феномен ценностного обмена важен ещё и потому, что лидер, являясь выразителем интересов группы, формирует систему ценностей в группе: происходит своеобразный обмен значимых для группы ценностей, носителем которых является лидер, на власть, которая сама по себе выступает как ценность. Созданная лидером система групповых ценностей и норм играет важную роль в развитии группы. Кроме того, лидер развивает перспективные цели и ценности группы [73].

В связи с этим нужно способствовать усилению влияния реального доминантного лидера, который сплачивает группу на основе позитивных ценностей, особенно там, где складывается неблагоприятный психологический климат. Показателями благополучия группы может служить не только прямая позитивная оценка психологического климата и эмоциональных отношений, но и единство группы в оценке реального лидера, гибкость структуры группы, адекватные межличностные оценки низкостатусных студентов.

Низкий статус как препятствие для полноценного удовлетворения экзистенциальных потребностей личности

Полагаем, что аутсайдеры группы требуют повышенного педагогического внимания, поскольку они не только менее реалистично оценивают собственный статус, но вносят вклад в общий негативный «фон» психологической атмосферы. В то же время неблагополучная группа обычно дает преимущественно негативные оценки низкостатусным студентам. Некоторые исследователи склонны объяснять эту ситуацию с точки зрения социальной психологии, в

частности, в аспекте выраженности оценочного компонента. Так, Л.Я. Гозман в русле исследуемой им феноменологии эмоциональных отношений подчеркивает, что объект положительного эмоционального отношения отражен в сознании субъекта более конкретно, индивидуально, чем объект отрицательного, поскольку в последнем случае внимание субъекта сконцентрировано на собственных негативных переживаниях, объект воспринимается более стереотипно, стигматизируется [65, с.23].

По-прежнему актуальны и эвристичны применительно к проблеме неудовлетворенности и психологического дискомфорта в группе положения Курта Левина. Согласно его мнению, в группе с низким социальным статусом всегда есть некоторое количество людей, стыдящихся своей принадлежности к этой группе — тех, кто хотел бы уйти, но вынуждены оставаться в группе. К. Левин пишет: «Подобная ситуация усугубляется еще одним фактом: человек, чей баланс сил негативен, будет стараться удалиться от центра настолько далеко, насколько это будет позволено внешним большинством. Он остановится у определенного барьера и будет постоянно пребывать в состоянии фрустрации» [177, с. 355].

К. Левин подчеркивает, что этот член группы будет более фрустрирован, чем те представители меньшинства, которые чувствуют психологический комфорт, находясь внутри этой группы. Подобная фрустрация приводит к состоянию выраженного стресса, порождая высокую агрессивность личности, которая может обернуться против той группы, к которой человек принадлежит, либо будет направлена на себя [177].

На наш взгляд, в психологическом плане оттесненность на периферию группы приводит к неуспешности экзистенциального самоопределения, поскольку в подобной ситуации такие студенты по сути дела полностью лишаются возможности в рамках ВУЗа полноценно удовлетворять выделенные Э. Фроммом [369] экзистенциальные потребности *в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации.*

Совершенно закономерен в этом случае активный поиск новой группы, неуклонное повышение в глазах низкостатусного студента ее референтности и падение значимости учебной группы. Учитывая уровень личностного неблагополучия аутсайдеров, можно предположить, что именно такие фрустрированные члены группы могут стать мишенью для вербовщиков из сект, организаций экстремистской и террористической направленности.

Факторы, понижающие уровень удовлетворенности межличностными отношениями в студенческой группе

В одном из эмпирических исследований нами оценивалась связь ценностей с удовлетворенностью отношениями в студенческих группах. Использованы следующие методики: социометрия и референтометрия; модификация методик аутосоциометрии и аутореферентометрии — точность ожидаемых выборов со стороны других; модифицированная методика Келли — мера оценки личности по принадлежности к статусу и методика «степень власти» — ранжирование студентов по степени влияния в группе (по Кондратьеву М.Ю.); модификация методики Ф. Фидлера — исследование психологической атмосферы в группе и знаковая методика изучения эмоционального отношения; методика «свободная характеристика» — изучение межличностного восприятия по характеру и числу высказываний.

В исследовании приняли участие 1005 студентов, обучающихся в ВУЗах г. Краснодара и г. Санкт-Петербурге, всего обследовано 56 учебных академических групп. Обратим внимание на некоторые феномены, выявленные в процессе обширного эмпирического исследования:

1. *Жесткость структуры группы по вертикали*: глубина статусного расслоения или дисперсия статусов в социометрической и референтометрической структуре. Выраженная статусная дисперсия определяет заметную дистанцию в статусной иерархии между лидерами и аутсайдерами. Анализ показывает, что статусное расслоение в социометрической и референтометрической структурах негативно влияет на оценку психологического климата ($\tau = 0,382$; $\tau = 0,491$; $p < 0,05$). В жесткой структуре группы по вертикали усиливается поиск *идеального*

лидера. С другой стороны, повышение статуса в разных структурах групповой активности, как возможность проявить себя, уменьшает статусное расслоение.

2. Феномен *поляризации межличностных оценок* характерен тем, что лидеры оценивают других позитивно, а аутсайдеры — негативно при высокой дисперсии статусов и в условиях статусной обусловленности межличностного восприятия. В студенческой группе существует определенный стиль межличностного восприятия и оценивания. Особенности этого стиля зависят как от статусного расслоения, так и от степени осознанности этого статусного расслоения. Величина осознанности статусных различий определяет жесткость лидеров в оценках низкостатусных студентов. В группах, где восприятие зависит от статуса, низкостатусные студенты дают отрицательные характеристики высокостатусным ($\tau = 0,233$; $p < 0,05$). Если межличностное восприятие основано на статусной иерархии (студенты склонны оценивать друг друга только как лидеров или аутсайдеров), то взаимные оценки противоположных статусных когорт становятся более резкими, отрицательными по знаку. Таким образом, статусная обусловленность межличностного восприятия влияет на поляризацию межличностных оценок как лидеров, так и аутсайдеров.

3. Феномен *аутсайдеров*. Негативная психологическая атмосфера, жесткость структуры группы по вертикали ухудшает отношение к аутсайдерам, усугубляя неблагоприятные условия для общения. Сильные статусные различия в группе определяют жесткость лидеров в оценках низкостатусных студентов. Результаты исследования дают ключ к разгадке механизма феномена аутсайдеров — в жесткой атмосфере усиливается поиск виновных, «козлов отпущения» по Ф. Фидлеру, т.е. виновные легко находятся из числа аутсайдеров.

Наши выводы соотносятся с мнением Р.М. Шамионова о том, что адекватная оценка собственных возможностей в достижении статусного успеха, соотнесенного с результатами социального сравнения, может служить основой для проявления определенных видов социальной активности. В то же время, отмечает ученый, в результате социального сравнения возможны личностные издержки, связанные с изменением идентичности и проникновением в

самосознание элементов, препятствующих социальной активности, порождающих социальное иждивенчество как определенной личностной позиции [385, с. 5]. Очевидно, что демонстрируемая аутсайдерами беспомощность и пассивность связана прежде всего с размытой субъектной позицией.

4. Феномен *смещения ценностей в область поиска идеального лидера*. В неблагоприятных для общения условиях в группе активизируются процессы поиска идеального лидера. Чем ниже студенты оценивают психологическую атмосферу в группе, тем выше единство группы в представлениях об идеальном лидере группы. Этот феномен возникает как защитное образование при снижении оценки психологической атмосферы и эмоциональных отношений в группе. На фоне низкого единства в оценке реальной лидерской структуры наблюдается идеализация лидерских качеств, актуализируются процессы поиска нового лидера, отвечающего запросам большинства.

Модели внутригрупповой активности, их объяснительный потенциал

На основании выделенных феноменов нами были построены *модели внутригрупповой активности*. *Конструктивная модель* учитывает оптимальные и благоприятные условия для повышения внутригрупповой активности: если структуры власти, аттракции и авторитета в группе различаются, то для студентов открывается возможность поднять свой статус в любой из этих структур, в связи с чем возрастает оценка психологической атмосферы и эмоциональных отношений. Результатом этого процесса становится позитивное восприятие лидеров аутсайдерами и единство группы в оценке реального лидера.

Деструктивная модель внутригрупповой активности обобщает наиболее пессимистические варианты общения студентов: близость структур внутригрупповой активности уменьшает возможность поднять свой статус и рождает неудовлетворенность эмоциональными отношениями, что вызывает поиск идеального лидера. Параллельно с этим происходят процессы статусного расслоения, которые приводят к негативному восприятию лидерами низкостатусных студентов, к поляризации межличностных оценок, что в итоге

вызывает защитное завышение самооценок в межличностном восприятии и повышение точности ожидаемых выборов у студентов, неуспешных в общении.

Структурно-динамическая модель внутригрупповой активности отслеживает изменения, как в характере внутригрупповой активности, так и в общении студентов при воздействии неблагоприятных факторов. При затрудненном общении сначала происходит статусное расслоение и структура группы становится более жесткой, затем изменяется содержание межличностного восприятия. При последующем снижении внутригрупповой активности ухудшается оценка группы в целом, ее психологического климата и эмоциональных отношений. В случае, когда плодотворное общение становится невозможным, на место сплоченности приходит разобщенность и негативная оценка климата. Одновременно резко снижается точность ожидаемой оценки и наблюдается поляризация взаимных оценок. Особенно неблагоприятно низкая степень интрагрупповой активности сказывается *на коммуникативной компетентности низкостатусных студентов*, которые не могут адекватно оценивать свои качества и свой статус в этих неблагоприятных условиях [73].

Существенным при этом является способность лидеров давать адекватные межличностные оценки в условиях взаимной неприязни у большинства членов группы. Обнаружено, что лидеры более адекватно оценивают собственный статус, чем другие члены группы, поэтому эти способности необходимо максимально использовать в воспитательной работе и при проведении различных тренингов. В то же время в неблагополучных группах лидеры склонны не замечать личностные качества низкостатусных студентов, что говорит об отношении к ним как к объектам.

Подчеркнем, что выявленные негативные феномены, возникающие в случае *неудовлетворенности, жесткой структуры группы, статусного расслоения*, совпадают с описанными М.Ю. Кондратьевым негативными эффектами, характерными для закрытых сообществ с криминальной направленностью [154]. В этом случае студенческая группа, приобретая некоторые признаки закрытости и

криминальности, служит мощной подпиткой деструктивной протестной активности личности.

Резюмируем изложенное. Проведенное исследование внутригрупповой активности показало, что жесткость группы, закрытость, оторванность лидеров, окруживших себя «фаворитами» от основной группы, отсутствие возможности проявить себя, эгоцентризм, разобщенность приводят к неприятию слабых или аутсайдеров, формируют негативный психологический климат и неудовлетворенность общением, подготавливая почву для поиска нового лидера. В свою очередь, неудовлетворенность статусом в группе и связанное с этим эмоциональное неблагополучие, влияя на негативную оценку реального лидера, создает предпосылки для активного поиска идеального лидера, ценности которого будут приниматься личностью. Этот поиск может закончиться драматически, привести к кардинальной смене привычного окружения и выбору в качестве референтной группы организаций экстремистской или террористической направленности. В связи с тем, что распространенной тенденцией становится вербовка молодых людей с высшим образованием, необходимо тщательно осуществлять мониторинг психологического климата и отношений в студенческой группе.

В то же время результаты исследования выводят на актуальную проблему: неверно сводить психологическое неблагополучие только к специфике внутригрупповой активности, в рамках которой создаются совершенно разные условия для членов группы. Надо понимать, что при безусловной важности перестройки негативного психологического климата в группе и конструктивного педагогического воздействия на процессы интрагруппового структурирования не удастся полностью устранить постоянно изменяющиеся жизненные трудности и противоречия личностного бытия. Невозможно поставить эффективный заслон терроризму и экстремизму (в плане противодействия вербовке в экстремистские организации) без учета готовности личности к саморазвитию. Переосмысливая рассмотренные теоретические положения и исследовательскую фактологию, можно предположить, что эффективность превентивных мер будет зависеть от

способности личности к пониманию невозможности искать простые ответы на сложные экзистенциальные вопросы бытия, готовности к мобилизации, выработке активной субъектной позиции и полноценному самоосуществлению в мире в конкретных исторических условиях.

В следующем параграфе мы продемонстрируем, каким образом нерешенная проблема идентификации, связанная с недостаточной сформированностью ценностно-смысловой регуляции и размытой субъектной позицией становится препятствием для адекватного определения своего места в социуме.

5.3. Специфика протестной активности подростков и молодежи

Во второй главе мы выяснили, что эскалация протеста наблюдается в периоды, когда обостряются противоречия между привязанностью и стремлением к самостоятельности и личность стремится от зависимости к независимости. В соответствии с задачами исследования рассмотрим факторы протестной активности подростков и молодежи. С помощью авторского опросника протестного поведения личности (ППЛ), состоящего из 73 вопросов, фиксировались: готовность к протесту; поведенческие проявления; неудовлетворенность, неприятие ситуаций, враждебность, подозрительность, зависть, идентификация с протестующими и т.п. В опроснике использована пятибалльная шкала (от 0 до 4 баллов), среднее 100 баллов. Внутренняя согласованность опросника по α -Cronbach = 0,82.

Личностные расстройства диагностировались по опроснику «Мини-мульти». Агрессивность изучалась с помощью методики А. Басса-А. Дарки. Для выявления внутриличностных факторов тревоги использован опросник психологических защит Р. Келлермана – Г. Плутчика (SLI). Копинг-стратегии определялись по шкале С. Хобфолла (SACS). Для оценки статуса как параметра неудовлетворенности отношениями применялась социометрия. Показатели шкал вышеназванных методик сопоставлялись с уровнем *протеста* по методике ППЛ.

Статистический анализ осуществлялся с применением t-критерия Стьюдента и корреляционного анализа по Спирмену в программе Statistica 6.0.

Рассматривались лишь достоверные различия и значимые связи ($p < 0,05$). Выборку исследования составили студенты различных вузов и старшекласники общеобразовательных школ Краснодарского края, $N = 300$ человек.

Сначала был определен уровень протестной готовности в обеих выборках, были получены следующие показатели: в выборке подростков $M = 102,59$ баллов, $SD = 16,9$, а в выборке молодежи $M = 97,63$ балла, при $SD = 20,73$. Подростки характеризуются несколько более высокой готовностью к протестному реагированию, чем молодежь, различия значимы ($t = 2,043$; $p < 0,042$).

Далее, из выборок подростков и молодежи методом контрастных групп (нижние и верхние квартили) выделены подгруппы с высокими и низкими показателями протеста по методике ППЛ. В выборке подростков выявлены значимые различия между подгруппами с низкими ($M = 79,20$ баллов; $SD = 7,37$) и высокими ($M = 126,89$ баллов; $SD = 9,12$) показателями протеста ($t = -17,804$, $p < 0,001$). В молодежной выборке обнаружены значимые различия между подгруппами молодежи с низкими ($M = 74,73$ баллов; $SD = 12,48$) и высокими ($M = 122,53$ баллов; $SD = 7,48$) показателями протеста ($t = -21,38$; $p < 0,001$).

Следующий этап исследования был направлен на сравнение средних по шкалам психологических защит. Установлено, что показатели психологических защит по 7 из 8 шкал в выборке молодежи достоверно выше ($p < 0,001-0,05$), чем в выборке подростков. И хотя повышение профиля защит у молодежи достигается за счет включения защит высокого уровня – *компенсации, интеллектуализации, реактивного образования*, общий уровень напряженности психологических защит достаточно высок. Наибольшее расхождение среди выборок наблюдается по шкале *Вытеснение*: 56,43 балла у подростков и 77,66 балла у молодежи ($t = -6,13$). Показатель *Отрицания* во всех возрастных группах оказался заметно выше: 77,85 балла в группе подростков и 81,39 балла у молодежи. В исследуемых группах вытесняются и подавляются внутренние импульсы или обстоятельства, вызывающие тревогу. Обнаружены расхождения по шкале *Регрессия*: 68,16 балла у подростков и 82,17 балла у молодежи ($t = -4,38$). У молодежи более выражены показатели *Замещения*: 83,07 балла против 67,66 баллов у подростков ($t = -5,41$),

вероятно, подавленные негативные эмоции связываются с объектами, представляющими меньшую опасность.

По шкале *Компенсация* также наблюдаются различия: у подростков 76,86 балла; у молодежи 85,60 балла ($t = - 3,26$). Выраженность компенсации в молодежной выборке свидетельствует о зависимости от чужого мнения, внутренней неудовлетворенности, желании избавиться от внутреннего несовершенства (воображаемого или реального), стремлении восполнить или развить некоторые личностные качества. Аналогичные выводы сделаны К.В. Ким и М.В. Ивановой, обнаружившие взаимосвязь протестной активности, механизмов защиты и ценностей молодых людей разных национальностей, проживающих в г. Якутске [75]. Использование опросника ППЛ позволило авторам установить, что у молодежи с высоким уровнем готовности к протестной активности максимально выражены такие защиты как *компенсация и вытеснение*.

Выявлен высокий уровень психологической защиты *Проекция* в обеих выборках - у подростков 66,21 балла, у молодежи 51,13 балла ($t = 4,31$), т.е. неприемлемые чувства и мысли чаще приписываются другим людям. По шкале *Интеллектуализация* уровень защит средний: у подростков 58,75 балла; у молодежи 66,06 балла ($t = - 1,99$; $p < 0,05$). Молодежь более склонна к абстракции, к уходу от эмоционального реагирования. По шкале *Реактивные образования* уровень защит высок: у подростков он составляет 68,79 балла, у молодежи – 75,95 балла ($t = -2,13$; $p < 0,05$). Молодые люди предотвращают возникновение неприемлемых для них мыслей и чувств, развивая противоположные устремления.

Результаты корреляционного анализа указывают на высокозначимые положительные связи ($p < 0,01$) протестных установок подростков с 4-мя шкалами психологических защит: с *Регрессией*, *Компенсацией*, *Проекцией*, *Замещением*, а также с *Индексом примитивных защит*. Подростки, склонные к протестной активности во взаимодействии с социумом, демонстрируют личностную незрелость, они не способны адекватно оценивать себя и других, им свойственно негативное мироотношение, картина мира, пестрящая многочисленными

искажениями. Анализ корреляций указывает на то, что молодежь, склонная к протестной активности, также использует примитивные психологические защиты. Установлены положительные связи ($p < 0,01$) показателей протеста с *Регрессией*, *Замещением* и *Индексом примитивных защит*. Молодежь, склонная к протесту, несдержанна и не может адекватно оценить ситуацию, обнаруживает склонность к приписыванию враждебности другим людям, т.е. ищет внешних врагов, виновных в ее проблемах. Наличие низкоуровневых защит свидетельствует о состоянии разочарования, обиды, пессимистических выводах о несовершенстве мира. Ощущение попранной справедливости и восприятие себя в качестве члена фрустрированной группы общества вызывает острую зависть и неудовлетворенность собой и жизнью.

При осуществлении серии других наших исследований, проведенных в 2009-2012 годах ($N = 1200$ человек) также уточнялась специфика протестной активности. Обнаружилось, что подростки и молодежь с выраженными протестными установками проявляют негативизм, склонны к идеализации, зависимы от чужого мнения, тяготеют к ценностям лидера. Кроме того, недовольство, *неудовлетворенность* проявляют не только аутсайдеры, но и лидеры группы. Полученные результаты соответствуют данным, полученным в исследовании Е.А. Сергиенко, в котором зафиксировано, что 62,5 % молодых людей на этапе самоопределения в жизни находятся в состоянии полной или частичной неудовлетворенности жизнью. В молодом возрасте в период самоопределения наиболее неудовлетворенной областью жизни являются отношения с другими людьми, в меньшей степени неудовлетворенность выражена в области автономии, что связано с чувством независимости [323, с.94].

В нашем исследовании установлено, что в обеих выборках показатели шкал личностных свойств по методике «Мини-мульти» находятся в пределах нормы. У подростков завышены показатели шкалы F (шкалы достоверности), что свидетельствует об аггравации, стремлении к преувеличению имеющихся проблем. Выявлены положительные связи ($p < 0,001-0,05$), показателя *негативизма* со шкалами *депрессии*, *истерии*, *импульсивности*, *паранойяльности*, *психастении*,

шизоидности, гипомании. Наличие этих связей указывает на стойкие паттерны характерологических и поведенческих изменений, свидетельствующих о внутриличностном конфликте. С одной стороны, подростки с протестными установками могут проявлять независимость, активны в отстаивании своих позиций и идей, склонны к соперничеству и доминированию. В то же время они оппозиционно настроены, склонны к негативизму, идеализации и индивидуализму. Эмоционально незрелая личность легко увлекается новыми идеями и зависима от авторитетов. Неуверенность в себе и обидчивость препятствует полноценному развитию автономности. Обнаружено *противоречие*: стремление быть принятым и заслужить уважение и любовь сочетается с боязнью утраты объекта привязанности. Общий паттерн связей показателя протеста со шкалами методики Мини-мульти в выборке молодежи иной. Положительная связь показателя протеста со шкалой *Гипомании* ($p < 0,01$) у молодежи указывает на то, что лица с протестными установками деятельны, тяготеют к лидерству, но также как и подростки, способны увлечься новыми идеями, ценностями, зависимы от авторитетов. Вероятно, молодых людей с протестными установками можно легко вовлечь в сомнительные компании. Исследование стратегий преодоления стресса по методике SACS указывает на несколько завышенные показатели по всем шкалам копинг-стратегий в выборке подростков (см. Таблица 35).

Из таблицы 35 видно, что в выборке молодежи наблюдается средний уровень выраженности копинг-стратегий. Выражены различия между выборками подростков и молодежи по восьми шкалам копинг-стратегий: *Ассертивность, Вступление в социальный контакт, Поиск социальной поддержки, Осторожность, Импульсивность, Непрямые действия, Асоциальные действия и Агрессивные действия*. Подростки демонстрируют высокие показатели копинг-стратегий, применяя как активные, просоциальные и непрямые стратегии преодоления стресса, так и неконструктивные стратегии. В группе подростков установлены положительные корреляции ($p < 0,001 - 0,05$) показателей протеста и неконструктивных копинг-стратегий, в частности, с *Осторожностью, Избеганием, Непрямыми действиями, Агрессивными действиями*.

Средние по шкалам копинг-стратегий и значимость различий по t-критерию Стьюдента в выборках подростков и молодежи

Копинг-стратегии	Подростки (среднее в баллах)	Молодежь (среднее в баллах)	Различия по t- критерию	Уровень значимости P
Ассертивность	20,65	17,43	7,854	0,001
Вступление в социальный контакт	23,91	16,72	14,364	0,001
Поиск социальной поддержки	23,83	15,87	14,975	0,001
Осторожность	20,69	16,91	7,848	0,001
Импульсивность	17,98	16,49	3,025	0,003
Избегание	17,15	16,42	1,378	0,169
Непрямые действия	19,99	16,42	6,910	0,001
Асоциальные действия	18,09	16,46	2,822	0,005
Агрессивные действия	20,03	16,07	7,179	0,001

Целесообразно также проанализировать взаимосвязи показателей протеста с показателями социометрического *статуса*. В выборке подростков отмечена тенденция к связи (отрицательная) протестных установок с показателем статуса ($r = -0,157$; $p < 0,10$). В выборке молодежи выявлена значимая отрицательная корреляция протестных установок со статусом ($p < 0,05$). Низкий статус негативно влияет на общую психологическую удовлетворенность личности, служит подпиткой чувства не востребоваемости, поддерживая высокий уровень протестной активности личности.

Показатели агрессии определялись в группах подростков и молодежи по опроснику А. Басса и А. Дарки. Установлено, что показатели *Физической агрессии* в выборке молодежи находятся в пределах средних значений, а у подростков несколько завышены. Уровень *Косвенной агрессии* у подростков значимо ниже, чем у молодежи (5,43 и 4,69 балла; $t = 3,69$; $p < 0,01$). Подростки чаще используют сплетни и интриги. По шкале *Раздражение* также наблюдаются различия: у подростков 6,42 балла, у молодежи 5,69 баллов ($t = 2,85$; $p < 0,01$), свидетельствующие о большей вспыльчивости подростков. Уровень *Вербальной агрессии* завышен в обеих выборках: у подростков 9,53 балла, у молодежи 8,39

балла ($t = 3,87$; $p < 0,01$). *Негативизм* более выражен у подростков (3, 42 и 2,93 балла; $t = 2,93$; $p < 0,01$), что указывает на неприятие старших, нежелание следовать принятым в обществе нормам и правилам. Показатели *Чувства вины* также более выражены у подростков (5, 82 и 5, 25 балла; $t = 2,34$; $p < 0,05$). В выборке подростков выявлены положительные связи показателей протестных установок по 9 из 10 шкал методики А. Басса – А. Дарки ($p < 0,01$).

В молодежной выборке отмечена лишь одна значимая положительная связь протеста с *Косвенной агрессией* ($p < 0,05$). Отметим, что обнаруженные проявления протеста соответствуют возрастным закономерностям развития личности.

Итак, в подростковом возрасте стремление к доминированию, неприятие критики, сопровождаемое неприкрытой агрессивностью и мстительностью, отражает заостренность *ценностно-целевых приоритетов* вокруг полюса D-смыслов (поклонение деструктивности); наличие низкоуровневых примитивных защит порождает *искаженную картину мира, упрощенную ее интерпретацию*, проявляющуюся в приписывании враждебности другим, обуславливающей недоверие и отчуждение. Арсенал неконструктивных стратегий выхода из стресса указывает на сниженный самоконтроль аффектов, ощущение неподконтрольности мира, неконструктивный характер преодоления проблем и противоречий, на сложности трансляции собственного образа на социум.

Обнаруженное *противоречие* между стремлением к независимости, самостоятельности, активному отстаиванию своих позиций и выраженной зависимостью от референтной группы, наряду с настойчивыми, агрессивными требованиями социальной поддержки, придает своеобразную окраску протестной активности подростка, порождая дисгармоничность встраивания подростка в социальную жизнь и проблемы самоидентификации.

Анализ специфики протестной активности молодежи показал, что молодые люди весьма восприимчивы к ценностям и тянутся к лидерам, готовым отстаивать эти ценности. Кроме того, лица, склонные к деструктивному протесту, испытывают потребность во внешнем контроле. Исследователи подчеркивают, что склонность к идеализации и идентификация с лидером резко возрастает в

значимой группе [9; 229; 362; 363; 366].

У молодежи отмечены следующие *противоречия* между: стремлением к лидерству, высоким энергетическим потенциалом и несамостоятельностью, склонностью к идеализации и ведомостью, зависимостью от мнения авторитетных лидеров. Выявленные противоречия подтверждают нерешенную проблему самоидентификации, связанную с недостаточной сформированностью ценностно-смысловой регуляции, размытой субъектной позицией, порождающей дисгармоничность встраивания подростков и молодежи в социальную жизнь.

Предполагается, что любое психическое явление следует изучать в том числе в его крайних формах проявленности. Поскольку выраженный деструктивный протест сопряжен с сильной агрессией, часто сопровождается асоциальными действиями и общественно опасен, то целесообразно рассмотреть особенности протестной активности у лиц, осужденных к лишению свободы. С целью оценки критериев склонности к деструктивной протестной активности во взаимодействии с социумом далее представлены эмпирические исследования протестной активности личности респондентов, осужденных к лишению свободы.

5.4. Внутренние и внешние детерминанты протестной активности субъектов, находящихся в условиях несвободы

В условиях низкого морально-нравственного состояния нашего общества неминуема эскалация криминальных отклонений. Как показывают исследования Д.В. Сочивко и Н.А. Полянина, уровень конфликтности и протестной активности личности в учреждениях пенитенциарной системы выше, чем в обществе в целом. Массовое недовольство осужденных, переходящее в активные протестные действия (бунты, мятежи) сопровождается погромами и захватом заложников. По мнению ученых, протесты в воспитательных колониях свидетельствует о «серьезном криминогенном воздействии на современную молодежь организованной преступности и их представителей, остающихся неизвестными» [329, с. 62].

В свете сказанного целесообразно рассмотреть данную проблему в

следующем ракурсе: почему в этих условиях актуализируются деструктивные формы протестной активности, с какими противоречиями сталкивается личность в закрытой среде, а также какие способы их разрешения усугубляют негативную жизненную ситуацию, в которой находятся осужденные. Требуется понимания и проверки идея генезиса протестной активности осужденных: либо протест формируется в условиях пространственно-временного ограничения, или же склонность к протесту у осужденных формируется в процессе онтогенеза. Необходимо также раскрыть следующий вопрос: насколько тяжелые условия лишения свободы будут способствовать эскалации протестной активности.

Выборку исследования составили 120 женщин, отбывающих наказание в исправительном учреждении общего режима. Предполагалось, что высокий уровень протестной активности осужденных женщин сопряжен с неразрешенными противоречиями в различных пространствах личностного бытия, препятствующих эффективному межличностному взаимодействию.

В исследовании применялись методики: параметрическая социометрия, тест акцентуаций характера (К. Леонгард–Шмишек), диагностика тревожности (Д. Тейлор), методика предрасположенности к конфликтному поведению (К. Томас), методика диагностики индивидуально-психологических особенностей (Г. Айзенк), методика агрессивности А. Басса – А. Дарки, цветовой тест М. Люшера; авторский опросник протестного поведения личности ППЛ. На первом этапе исследования изучены противоречия, порождающие острую неудовлетворенность жизнью и поддерживающие высокий протестный потенциал личности. Выборка осужденных была разделена на две контрастные группы по 30 человек: женщины со средним уровнем протестной активности личности и осужденные, демонстрирующие высокий протестный потенциал. В выборке осужденных не оказалось лиц с низким уровнем протеста, что свидетельствует о массовом недовольстве, усилении неудовлетворенности, которая при определенных обстоятельствах способна выплеснуться в бунт.

Обнаружилось, что в группе осужденных, склонных к выраженному протестному реагированию, на первый план выступают многочисленные

внутриличностные противоречия, вызывающие разлад, рассогласованность личностной сферы. На фоне негативной жизненной ситуации, по сути, основного психотравмирующего фактора, эти противоречия обостряют конфликтно-ролевое взаимодействие и приводят к дисбалансу всех личностных бытийных пространств. Причём осужденные не осознают и не вычленяют самого факта их наличия и оказываются неспособными к продуктивному разрешению этих проблем, в связи с чем нарушается регуляция поведения.

Обнаружено, что большинство женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы и проявляющих высокую протестную активность, имеют выраженный уровень *экстраверсии* и *нейротизма*, им присущ холерический тип темперамента. В общей выборке осужденных выявлены положительные связи ($p < 0,05$) показателя *Экстраверсии* со шкалой *Физической агрессии*, а также шкалы *Нейротизм* с *Индексом общей агрессивности*. Вероятно, внутренняя тревога осужденных и направленность на активное взаимодействие влияет также и на агрессивность. Прослеживается также положительная связь *Нейротизма* с *Индексом тревожности* по методике М. Люшера. Эти данные подтверждают наличие внутренней тревоги у всех осужденных.

Преобладание *циклотимного*, *гипертимного* и *возбудимого* типов акцентуаций у высокопротестных осужденных говорит о низком контроле над влечениями, когда внешние стимулы и сама ситуация вынужденной изоляции вызывают накопление раздражительности и агрессии. В выборке протестных осужденных выявлена отрицательная корреляция акцентуации *демонстративного* типа с *социометрическим статусом* ($p < 0,01$), а также отрицательная корреляция шкалы *гипертимности* со *статусом* ($p < 0,05$). Вероятно, стремление «демонстративных» быть в центре внимания препятствует в установлении прочных межличностных контактов, а повышенная активность «гипертимных» также не способствует эмоциональному комфорту, поскольку людей, желающих с ними общаться немного.

В выборке осужденных, демонстрирующих высокий протестный потенциал, обнаружена положительная связь акцентуации *ригидного* типа со шкалой *Чувство*

вины ($p < 0,05$). Характерная для ригидной личности чрезмерная обидчивость, мстительность поддерживает негативный эмоциональный настрой и выплескивается в виде агрессивных выпадов против обидчика, результатом которых становятся переживание чувства вины. Обнаружен высочайший уровень общей агрессивности у высокопротестных осужденных, они склонны к *косвенной агрессии*, периодически проявляют *физическую* агрессию, *раздражительность*, *вербальную агрессию*, *подозрительность*, *негативизм*. В межличностном конфликте именно такие лица демонстрируют высокую агрессивность.

Выявлен совершенно разный рисунок стилей поведения осужденных в конфликте. Респонденты со средним уровнем протеста чаще всего используют стили: *приспособление*, *компромисс* и *избегание*, почти не используют *сотрудничество* и уклоняются от *конкуренции*. У лиц с высоким уровнем *протестной активности* наблюдаются положительные корреляции со шкалами *Сотрудничество* и *Конкуренция* методики К. Томаса и отрицательные связи со стилями *Приспособление* и *Компромисс* ($p < 0,05$). Осужденные предпочитают не «умеренные» стили – *приспособление* и *компромисс*, но чаще используют такие полярные стили разрешения конфликтов как *сотрудничество* и *конкуренция*.

Согласно тесту М. Люшера, у осужденных с выраженным протестом средние показатели порядка предпочтений цветов следующие. На первом месте – коричневый цвет, на втором – зеленый, на третьем – желтый, в середине ряда – на четвертом месте – серый, затем следует синий, на шестом – фиолетовый, черный на седьмом месте, а красный цвет занимает в ряду предпочтений последнее место. Помещение красного и черного на последние места ряда (-3 -7) свидетельствует о раздражительности, гневе, стрессе, потребности в избавлении от внешних ограничений, желании независимости.

Значимые различия между выборками наблюдаются в выборе коричневого ($t = 3,50$; $p < 0,001$), красного ($t = -3,53$; $p < 0,001$) и серого цветов ($t = -1,964$; $p < 0,054$). Показатель протестной активности личности имеет отрицательную связь с порядком предпочтения *коричневого* цвета ($p < 0,05$). Выбор коричневого цвета, характерный для высокопротестных осужденных, обычно связывается с

повышенной тревожностью, физическим дискомфортом, нахождением вне стен дома. Сочетание выборов коричневого и зеленого цветов у осужденных, демонстрирующих высокий протестный потенциал (+6 +2), обычно свидетельствует о сдерживаемой раздражительности, потребности в расслаблении, отдыхе, избавлении от напряженных отношений, переживаемых как враждебный настрой окружающих лиц, недоброжелательность с их стороны, усилия по сдерживанию раздражения. Желтый и серый цвета, поставленные протестными респондентами на третье и четвертое места, *указывают на активный поиск выхода из конфликта, источники которого не осознаются*, что говорит об импульсивности и непродуманности поступков, а также неспособности или нежелании осознать проблемы и эффективно разрешать постоянно возобновляющиеся противоречия.

Показатель протестной активности личности имеет положительные связи с порядком предпочтения *красного* цвета ($p < 0,05$). Постановка красного на последнее место предпочтений у высокопротестных осужденных указывает на фрустрированность жизненно важных потребностей и невозможность самореализации, а также возможность неконтролируемого поведения с приступами компульсивной агрессии.

Итак, в исследовании доказано, что у осужденных показатели *внутриличностного конфликта* (нейротизм, внутренняя тревога, агрессивность, выраженные акцентуации) вносят большой психологический вклад в поддержание высокой протестной готовности личности, чем показатели *статуса и типа реакций на конфликт*. У лиц, демонстрирующих высокий уровень протестной активности, наблюдаются личностные диспропорции - высокий нейротизм как показатель обеспокоенности, базовой тревоги и стремление к социальным контактам в виде экстраверсии.

Преобладание циклотимного, гипертимного и возбудимого типов акцентуаций у лиц, отбывающих наказание, косвенно свидетельствует о внутриличностном конфликте, низком контроле над влечениями, когда внешние стимулы и неблагоприятные жизненные ситуации, одной из которых является

ситуация внешних ограничений, характерная для ситуации изоляции, вызывают накопление раздражительности и агрессии. Неудивительно, что у осужденных доминирует физическая, косвенная агрессия, им присущи раздражительность, вербальная агрессия, подозрительность, негативизм и предельно завышенный уровень общей агрессивности, что говорит о низких регуляторных умениях и искажениях в когнитивной и морально-нравственной сферах личности..

Различный накал деструктивной протестной активности связан еще и с разными стилями поведения в конфликте. Для осужденных, демонстрирующих средний протестный потенциал, характерна тактика сглаживания конфликта путем приспособления, компромисса и избегания. Респонденты, демонстрирующие высокий уровень протеста, склонны занимать активную позицию в конфликте, чаще избирают жесткую конкуренцию.

Дисгармоничность эмоциональной сферы осужденных проявляется в выборе коричневого цвета, что свидетельствует об эмоциональном дискомфорте, чувстве потери домашнего очага. Дополнительным подтверждением эмоционального дискомфорта служит отвержение красного цвета, указывающее на перевозбуждение и вытеснение агрессии. Ситуация вынужденной изоляции оказывается высокотравматичной для осужденных и на фоне острой тоски по дому, уюту вызывает агрессию.

Несмотря на то, что лица с высоким уровнем протеста невротичны, испытывают дискомфорт, импульсивны, возбудимы, агрессивны и склонны соперничеству, показатели протестной активности не дают положительных связей с рецидивизмом. Поэтому о протесте можно говорить не как о компоненте криминогенного комплекса, но скорее как о компоненте дизонтогенеза личности, поддерживающем личностную дисгармоничность в условиях несвободы. Осужденные женщины переживают острое состояние внутриличностного конфликта, вызванного с одной стороны, подавлением внутренней агрессии, недоверием, с другой стороны, переживают неудовлетворенность в связи со специфическими условиями жизни в закрытом учреждении и самой ситуацией внешнего ограничения, препятствующей подлинной реализации женской роли.

Непереносимость этой психологической нагрузки становится основанием деструктивной протестной активности личности.

Подчеркнем, что склонность к деструктивной протестной активности формируется в процессе онтогенеза, а не в условиях вынужденной изоляции, где происходит лишь усиление накопленного негативного потенциала протеста.

Наше исследование позволило *выявить ряд общих противоречий, с которыми сталкивается личность в условиях несвободы*. Обнаруженный высокий уровень негативизма, импульсивность и непродуманность поступков осужденных свидетельствует о том, что они не способны в полной мере осознать ту сложную и травматичную жизненную ситуацию, которую сами же инициировали. Более того, они *даже не пытаются* конструктивно разрешить противоречия, поскольку используют крайне неэффективные, антисоциальные способы их разрешения: физическую агрессию, враждебность, соперничество, подозрительность, деструктивный протест.

Неспособность к рефлексии своих поступков, неумение вычленять проблемы и непродуктивность разрешения различных противоречий еще больше усложняет жизненную ситуацию, приводит к переживанию беспомощности, безнадежности и бесперспективности жизни, усугубляя дисгармоничность всех бытийных пространств личности, являясь подпиткой деструктивной протестной активности личности.

В следующем параграфе мы рассмотрим условия, при которых деструктивные формы протестной активности личности переходят в категорию угроз безопасности личности и социума.

5.5. Условия радикализации деструктивных форм протеста

Сегодня мы стали очевидцами того, как сотни хорошо образованных молодых людей (спортсменов, активистов) из состоятельных и интеллигентных семей, вдохновленные призывами международного вербовочного аппарата к джихаду, симпатизируя террористам, становятся рекрутами и едут сражаться за ИГИЛ. Очертим круг вопросов, требующих решения. Каким образом образцовое

студенчество (не только российское) стало благодатной почвой для вербовки в экстремистские организации и важным резервом террористических структур? Чем обусловлена эта негативная глобальная тенденция? Почему молодежь, выбирая столь опасный для личности и социума способ жизнедеятельности, не видит для себя иных альтернатив, и что можно сделать для того, чтобы поставить эффективный заслон экстремизму и терроризму – феноменам деструктивной протестной активности личности?

Задаваясь этими далеко не банальными вопросами, исследователь, как правило, пытается отыскать удовлетворительные ответы не только в психологии, но и в смежных областях гуманитарного знания (социологии, политологии), где разработано множество объяснительных моделей этих феноменов. Однако применяемые в социальных науках разнообразные линейные модели человека чрезмерно упрощают образ реального человека, не позволяя приблизиться к решению главной теоретико-методологической задаче «создания образа психосоциального человека, модели, которая реализовывает включение психологических механизмов в модели социальных процессов» [113, с. 72]. М.М. Решетников полагает, что основной недостаток многих концепций состоит в том, что теории разрабатываются на уровне здравого смысла, без учета того, что указанные явления выходят далеко за рамки обыденной жизни, захватывая сферу иррационального [293, с. 141-142].

Членство в экстремистских организациях означает выпадение человека из общества, утрату культурных и социальных корней, забвение своей семьи и друзей детства [319; 328]. В связи с этим проблема терроризма и экстремизма сегодня является чрезвычайно актуальной в гуманитарных науках [156; 265; 292; 379; 436; 473 502; 562]. С точки зрения М.М. Решетникова, несмотря на отсутствие дефицита теорий в этой области, прагматически ценного для преодоления фанатизма и терроризма предложено немного. Это связано с тем, что теории разрабатываются на уровне здравого смысла, одновременно с этим обращаясь к явлениям, выходящим далеко за рамки обыденной жизни [293, с. 141-142]. Подобная исследовательская ориентация, по мнению ученого,

неадекватна предмету исследования, так как совершенно не принимает во внимание исторический контекст ситуации.

Исследователи преимущественно концентрируются на социальных факторах, способствующих формированию радикальных форм активности, связанных с аномией, пропагандой, использованием новых сетевых технологий, со статусным расслоением [43; 57; 168; 342]. Глубинные психологические механизмы деструктивного варианта становления личности, обеспечивающие ее перемещение из одной среды в другую, подготавливающие смену социальной роли и отказ от привычного образа жизни, остаются на периферии исследований. Поэтому мы сконцентрировались на проблеме выявления факторов, определяющих радикализацию деструктивной протестной активности личности и методах ее профилактики. Подчеркнем, что трансформации личности мы будем рассматривать преимущественно со стороны негативных изменений. Для понимания и решения этой проблемы обратимся к положениям субъектного и субъектно-бытийного подхода.

Г.Ю. Фоменко отмечает, что при анализе любого социально-деструктивного феномена (религиозная трансформация, экстремизм, терроризм) исследователь сталкивается как минимум с двумя основными методологическими трудностями. Первая – стандартное требование сравнительного анализа основной и контрольной групп. Вторая – «фундаментальная проблема специфичности», суть которой заключается в том, что хотя множество людей обладают такими же индивидуально-психологическими чертами, которые характерны для представителей изучаемой группы, или подвергаются воздействию тех же социальных факторов, очень немногие из них становятся сектантами, экстремистами, террористами [354, с. 212].

В свете субъектно-бытийного подхода предложена интерпретация терроризма как симптома системного неблагополучия во взаимоотношениях личности – общества – государства и в каждом из субъектов этого взаимодействия, позволяющая комплексно рассмотреть указанную проблему [314].

При этом противоречия современности выделены не стандартным образом (межрелигиозные и межконфессиональные противоречия; межэтнические и культурно-этнические противоречия, политические, идеологические и т.п.), а с точки зрения анализа психологического содержания макросоциальных координат. Было выделено следующее сквозное психологическое содержание актуальных социальных детерминант: 1. Противоречие между повышением роли субъектных характеристик человека при одновременном резком ограничении степени его автономности возрастанием социального прессинга. 2. Когнитивный диссонанс между абстрактным признанием одних норм и реальным следованием других. 3. Разнородные и иногда взаимоисключающие требования со стороны природной, социокультурной, этнической и прочих систем [351; 352]. Подобный ракурс рассмотрения процесса самоопределения личности, с точки зрения Г.Ю. Фоменко, позволяет преодолеть, по крайней мере, две вышеуказанные основные методологические трудности при анализе любого социально-деструктивного феномена (экстремизм, терроризм, религиозная трансформация и т.п.).

С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что смысловой анализ человеческого поведения предполагает раскрытие духовной жизни человека для определения того, что для человека значимо, как происходит изменение акцентов, переоценка ценностей [299]. Э. Фромм считал, что понимание человеческой души должно основываться на анализе человеческих потребностей, вырастающих из условий его существования [376, с.128].

В соответствии с рассмотренными положениями факторы радикализации деструктивной протестной активности личности уместно анализировать в контексте экзистенциальных потребностей. Выяснение того, на какой основе удовлетворяются экзистенциальные потребности в случае предпочтения радикальных форм протеста, сопряжено с анализом механизмов смещения, искажения, инверсии и подмены, *действие которых создает видимость разрешения ключевых экзистенциальных вопросов бытия*. Анализ проблемы в таком русле позволит приблизиться к пониманию истинных мотивов, побуждающих к экстремизму и терроризму, даст возможность заострить

деформационные изменения личности, которые очевидны при повороте личности к радикальной протестной активности.

Напомним, что экзистенциальные потребности, закрепляющиеся эволюционно, сопряжены с базовым противоречием человеческого бытия – необходимостью быть частью природы и в то же время отдельным от нее. Это противоречие, подчеркивающее двуаспектность человеческого бытия, диктует необходимость удовлетворения разнородных потребностей. Специфика удовлетворения этих потребностей, способы реализации внутреннего потенциала человека определяется социальным порядком, в соответствии с которым живет человек [366; 369; 376].

Потребность в связи (в привязанности) исходит из утраты людьми инстинктивных связей и призывает человека к созданию отношений, основанных на продуктивной любви к людям – взаимной заботе, ответственности, уважении и понимании [376, с.130]. В противном случае, потребность в межиндивидуальных узлах искажается, также извращается желание принимать участие в жизни другого человека.

По мнению М. Сейджмана, одной из главных причин присоединения к джихаду является желание остаться в компании друзей, где члены этих организаций приобретают такое чувство социальной общности, которое они не смогли получить нигде. Парадоксально, но молодые люди совершают теракты не по идейным соображениям и не из чувства ненависти к западным ценностям, *стремление к джихаду основано на любви к членам своей группировки* [319, с. 165]. Следовательно, полное взаимопонимание реализуется только в результате обособления в замкнутой группе, тем самым поддерживается клановая солидарность. Причем, у лидеров группировок данная потребность, посредством *инверсии* (от лат. *inversio* — переворачивание) трансформируется в стойкое стремление эксплуатировать других, которое связано с восприятием людей в качестве объектов, «орудий», позволяющих осуществить собственные замыслы по переустройству мира.

Для подтверждения предположения об извращенном способе удовлетворении потребности в связи приведем слова террориста Нечаева: «У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение» [213, с. 52]. Приведенный отрывок из «Катехизиса революционера» говорит о грандиозном чувстве самозначимости, манипуляции, безответственности, «*утверждении себя в смерти как позиции к миру*» [175, с. 379].

Фактически такая личность представляет собой образец глубокой личностной аномалии. Мы согласны с D. Sankowsky и Н.М. Cleckley, которые описывают ключевые личностные черты, свойственные харизматическим лидерам (отсутствие любви и сострадания, бесчувственность, эмоциональная холодность) в контексте нарциссизма и антисоциального расстройства личности [430;528].

Следующая потребность – *потребность в трансценденции* обусловлена необходимостью преодоления животной природы, т.е. не оставаться созданием, объектом, а становиться творцом, субъектом своей жизни. Поэтому Э. Фромм предлагает понимать все человеческие страсти как попытку человека преодолеть собственное банальное существование во времени и перейти в трансцендентальное бытие [365, с. 27]. В оптимальном варианте эта потребность удовлетворяется посредством творческой активности, которая способствует максимальному развитию способностей в процессе самореализации [393; 304].

Исследователи подчеркивают, что возможность реального самоосуществления в мире приносит глубокую удовлетворенность жизнью, ощущение собственной значимости и полезности, способствует развитию внутренней свободы. А.А. Деркач и Э.В. Сайко, ссылаясь на определенные В.А. Петровским уровни состоятельности (самореализация, самопрезентация, самотрансляция, самотрансценденция), отмечают, что последние фиксируют психологическую лестницу структурирования пространства творческого восхождения субъекта в процессе самореализации как выхода за пределы самого себя, предполагающей прежде всего *принятие социумом такой презентации и*

осознание своей значимости, значимости своей творческой деятельности для других [87, с. 233-244].

Экстремистская деятельность не только искажает содержание этой потребности, полностью блокируются ключевые интенции человека – жизнеутверждение, созидание, способность к творчеству. Несмотря на то, что привлекательность террора как сферы деятельности тоже связана с мотивом преобразования, активного изменения мира, в самореализации присутствует двойственность и противоречивость. «Самореализация, завершающаяся самоуничтожением, указывает на ограниченность возможностей и констатацию несостоятельности человека, не находящего других способов воздействия на мир, кроме насилия и деструкции» [265, с.119].

Э. Хоффер, изучая мотивы фанатиков, отмечает параметры смещения от подлинной реализации к ложной, связанного с *безнадежностью* – оценкой своей жизни как непоправимо испорченной и невозможностью определения достойной цели в самопродвижении, в результате чего заметно снижаются перспективы личной карьеры. В случае, когда личная заинтересованность воспринимается как нечто позорное, недостойное и порочное, все, что предпринимается для собственного успеха, укрепления своего «Я», кажется человеку заведомо обреченным [379, с. 28].

Т. Шибутани добавляет: чрезмерные амбиции, на фоне личностной несостоятельности, активизируют острую борьбу за власть и признание и становятся способом компенсации низкого уровня собственного достоинства, а *власть рассматривается как страхование от подспудного чувства неполноценности* [392, с. 395].

Следовательно, организация дает возможность неудовлетворенным самореализацией стать другими людьми, исполнить видную роль и приобрести качества, которые они не могли обрести ранее в связи с ограниченными ресурсами собственного «Я». Массовое движение, особенно в фазе его подъема, привлекает и удерживает не тех, кто хочет продвинуть свое «Я», а тех, кто старается освободиться от своего нежеланного «Я» и удовлетворить страсть к

самоотверженности [379]. Так создается субъективно достоверная иллюзия реализованности лучших качеств своей личности. В отличие от подлинной самореализации, требующей духовных усилий, «фантазматическая самореализация фанатика лишена этих обременяющих обстоятельств, она быстра, субъективно достоверна, надежна, проста и понятна и возносит его на самый верх пантеона героев» [340, с. 31]. Добавим, что при «стертом» Я, слабой воле и низком самоконтроле, утрате самоуважения возрастает потребность во внешнем контроле, к примыканию к массе, толпе, мощной организации, наблюдается активизация бессознательных сил.

Далее, *потребность в укорененности в мире* связана с желанием ощущать свои природные корни, чувствовать себя неотъемлемой частью мира, «принадлежать» ему. Гарантируя прочность и безопасность бытия, она формируется с самого рождения, на основе коренной связи ребенка с матерью, но на следующих этапах онтогенеза (за границами детства) сохранение отношений диадной зависимости расценивается как нездоровая, невротическая фиксация [376, с.130]. В оптимальном варианте удовлетворение данной потребности связано с переживанием слитности, близости и родственности с другими людьми, дающем ощущение стабильности и предсказуемости мира.

На какой же основе удовлетворяется данная потребность в деструктивном варианте? Обратим внимание на единомыслие исследователей относительно того, что секты и экстремистские организации обеспечивают *чувство принадлежности* [319; 340; 354]. Э. Хоффер указывает на «семейное сходство» массовых движений, причем понятие «семья» употребляется им в таксономическом смысле. В том случае, когда адепты примыкают к движению как союзники до конца, то они находят возрождение к новой жизни в тесно сплоченном коллективе [379].

Смысл сопричастности к этой силе заключается в том, что человек приобщаясь к этой мощи и славе, *идентифицируется с ними*. Отказавшись от собственной свободы, независимости и уничтожив собственное Я, индивид приобретает новую уверенность, защиту от мучительного сомнения, невыносимой

беспомощности и депрессии. Одновременно снимается проблема принятия самостоятельных решений и сомнений, сопряженных с этим выбором.

Однако за выбор, связанный с отчуждением от себя, приходится дорого платить. Попытки полностью «стереть» личность удаются только частично, временно и появление Я необратимо. На уровне сознания индивид может чувствовать себя уверенным, ощущать принадлежность к целому. «В действительности человек сильно страдает от поглощения своего Я и никогда не сливается в одно целое с той силой, к которой прилепился. Между ними всегда остается фундаментальное противоречие, а вместе с тем и побуждение, хотя бы и неосознанное, преодолеть мазохистскую зависимость и стать свободным» [366, с. 135-136].

Далее, *потребность в самоидентичности*, предполагающая стремление к сохранению и подчеркиванию уникальности своей индивидуальности. Ее оптимальная реализация связана с достижением автономности, самостоятельности, с самоуважением, самоутверждением и ощущением контролируемости жизни. В случае неудовлетворительного решения этой проблемы, человек идентифицируется с другим человеком или с группой и чувство идентичности и самотождественности исходит не из собственного выбора, а из отождествления с другими лицами. Присоединение к организациям даже в виде сочувствия и принятия идей позволяет обрести гордость, уверенность, целеустремленность, способствует отождествлению себя с усилиями, достижениями и перспективами движения [379]. Чувство причастности к клановым ценностям снимает проблемы, спровоцированные неудавшимся процессом идентификации, позволяет почувствовать определенность в ситуации неопределенности бытия, дает шанс для формирования и *удержания «новой» позитивной идентичности*.

Напомним, что исключение из политической и социальной жизни явилось причиной протеста французских граждан в 2005 году, описанного как *странный случай фатической коммуникации*. Эта необычная форма протеста представляла собой то, что Ж. Лакан определил «как импульсивный переход к действию,

который невозможно перевести в речь или мысль и который несет с собой невыносимую фрустрацию» [105, с. 64]. С. Жижек подчеркивает не столько беспомощность протестующих, сколько отсутствие «когнитивного картографирования», их неспособность поместить опыт своей ситуации внутрь значимого целого. Следовательно, самоутверждение, встроенность в социум, желание влиять на социальные процессы является одной из актуальных потребностей личности, необходимой предпосылкой существования.

Далее, *потребность в системе ориентации и служении*, которая актуализирует мощный энергетический потенциал личности. Ее интенсивность и значимость для человека связана с тем, что люди чувствуют необходимость в определенной системе ориентиров, нуждаются в стабильном, понятном и последовательном способе восприятия и понимания окружающего мира. Система ориентиров изначально может быть рациональной или иррациональной, но может содержать элементы того и другого, в зависимости от того, в какие идеалы верит человек. Различия в удовлетворении данной потребности определяются жизненными целями, ценностно-смысловыми приоритетами личности. Человек способен выбирать между служением власти и разрушению или служением разуму и любви, именно *выбор проявляет истинность/ложность идеалов*, их способность к максимальному раскрытию возможностей человека и гармонизации его внутреннего мира [334].

Вследствие чего искажается удовлетворение данной потребности? Выбирая себе кумира (государство, партию, идею или церковь), фанатик абсолютизирует этого идола и абсолютно ему подчиняется, обретая смысл жизни и расчетливый душевный подъем [365]. Высокую устремленность к «новой» жизни, возрождению обеспечивает сотериологический мотив. Посредством самоотождествления со «священным делом», приобретается основа для гордости, уверенности, надежды [379].

Полагаем, что с помощью привлечения таких конструкторов как *искажение, подмена, инверсия, смещение* появляется возможность приблизиться к

рассмотрению механизмов трансформации личности в случае вхождения в экстремистские организации.

Отметим, что механизм *подмены* начинает работать уже на этапе включения неофита в секту, когда он сталкивается с интенсивным психологическим воздействием и его пытаются убедить в том, что он «не тому богу служит», «есть только одна истинная вера», «единственный путь спасения» и т. п., когда ложное, ненастоящее выдается за подлинное. Традиционные ценности заменяются клановыми, которые выдаются за истинные ценности, но адепт не способен заметить этой подмены. С.Л. Рубинштейн указывает, что процесс разрушения и нарушения ценностей является свидетельством разложения и распада, деградации личности [299; 301].

Постепенно в экстремистской организации создается особая атмосфера псевдодоверия, псевдосопричастности, старые связи и ценности окончательно разрушаются, а главными в окружении становятся лидер и новая «семья». В замкнутой группе делается «прививка» богоизбранности, элитарности, мессианства. *Инверсия* закрепляется еще и тем, что прививается недоверие и ненависть к *иным*, врагам, т.е. всем, не входящим в организацию и не принимающим клановые идеалы и ценности.

Далее происходит интересный процесс: *смещение* – от служения «*высшим идеалам*» (борьба за которые стала единственной целью в жизни и ключевым фактором вступления в организацию) к служению и беспрекословному подчинению *лидеру-фанатику*, который представляется проводником этих идей и точно знает, куда идти.

Завершается процесс вхождения в экстремистскую группу *инверсией* – готовностью отдать жизнь за лидера и «идею». На этапе, когда ценность жизни заменяется ценностью смерти [453], цикл искажения завершается, «кольцо Танатоса» смыкается. В связи с этим приведем высказывание С. Жижека, который ссылаясь на идею З. Фрейда о том, что влечение к смерти противоположно принципу удовольствия и принципу реальности, заключает: «подлинное «зло»

(влечение к смерти) связано с причинением вреда самому себе, оно заставляет нас действовать вопреки своим интересам» [105, с. 71].

Проанализированные этапы отражают деформацию жизненного мира человека, которая влечет за собой деформацию ценностей, всего того, что раньше определяло личностное бытийное пространство. В результате, по Е.В. Некрасовой, происходит специфическое «сжатие» жизненного пространства, проявляющееся в том, что предметы и явления, ранее имевшие *смысл*, поскольку были способны удовлетворять потребности, и *ценность*, поскольку отвечали возможностям человека и позволяли осуществлять самореализацию, постепенно исчезают из жизненного пространства, становятся фоном, на котором протекает обедненная, симплифицированная жизнедеятельность [250].

Г.Ю. Фоменко отмечает, что при работе с жертвами культов и т.п. приходится сталкиваться с отмеченным М. Мамардашвили законом неизменяемости (или трудноизменяемости) измененного, который действует в нашей психологической и сознательной жизни. «Если в сознание человека вкладываются очень простые схемы (чем занимаются миссионеры всех мастей) и на этой основе у него достигается тождество с самим собой, то возникает такое закосменение, которое не чувствительно ни к каким аргументам» [381, с. 45-46].

В радикальных формах протестной активности личности обнаруживается *система противоречий*: между желанием самореализации и отказом от творческого самовыражения; между желанием жить яркой, насыщенной жизнью и ее обесцененностью, поскольку субъектная активность личности сопряжена с концентрацией на теме смерти.

Обратим внимание еще на *ряд парадоксов и противоречий*: радикальное требование свободы сочетается с непониманием ее истинного смысла; интенсивная зависимость от авторитетов сочетается с настойчивым требованием абстрактной свободы и независимости. Это противоречие дополняется отказом от проживания собственной судьбы, характерного для всех выделенных и описанных нами деструктивных протестных форм (нигилизм, оппозиция, негативизм, эскапизм). Кроме того, нами выделено противоречие несоответствия

между имеющимися ограниченными ресурсами собственного «Я» и неадекватными амбициями и представлениями о себе, вплоть до ощущения богоподобия, собственной грандиозности и восприятия себя как мессии и сверхчеловека.

Таким образом, незрелость индивидуального сознания, обуславливающая стремление влиться в массу, становится основой для безропотного подчинения личности лидеру, вплоть до утраты духовного «Я». Неудачные попытки справиться с экзистенциальными дихотомиями, не позволяющие удовлетворительно разрешать бытийные противоречия, приводят к ценностно-смысловым искажениям и неуспешности процесса экзистенциального самоопределения, результатом которого становится предпочтение деструктивных форм протестной активности личности. Такие люди легко попадают в экстремистские группы, объединенные на основе отчуждения, клановости, нравственных изъянов.

Результаты исследования выводят на актуальную проблему *профилактики радикальных форм протестной активности личности*. На наш взгляд, один из самых важных вопросов, требующих своего разрешения: как не допустить деструктивной протестной активности личности по отношению к социальным институтам и по отношению к самой себе или, по крайней мере, нивелировать степень ее выраженности?

Необходимо отметить, что усложненная реальность, знание о которой ограничено, неопределенность как базовая характеристика современного бытия усиливают сложность прогнозирования и профилактики деструктивных явлений, к которым нельзя подходить с прежними мерками и противодействовать им привычными и испытанными способами.

В рамках субъектно-бытийного подхода признается, что система, культивирующая объектное отношение к личности и лишаящая человека возможности влияния на происходящие процессы, существенно осложняет процесс самоопределения личности и создает питательную среду для деструктивных протестных форм и экстремистских настроений [313, с. 252].

Мы считаем, что нельзя ставить человека в объектную позицию, поскольку воспринимая себя объектом и инструментом в руках социальных структур и государства, человек неминуемо разрушается, попутно разрушая все вокруг себя. Когда изменится подобное отношение и личность перестанет развиваться в условиях бессубъектности, (по В.Е. Лепскому, главной болезни современной России [193]), не будет чувствовать исключенность из числа тех, кто принимает решения, только тогда сможет быть преодолена проблема экстремизма и терроризма, поскольку исчезнет главная причина для деструктивного протеста.

А.Н. Кимберг подчеркивает: человек, как правило, принимает ответственность за результаты некоего процесса в том случае, если он имеет или имел влияние на линии причинности этого процесса. Соответственно, если человек лишён субъектности в отношении некоторого процесса, то не происходит и принятия им ответственности за ход и результаты этого процесса [146, с. 39]. Ощущение влияния на социальные процессы, появление возможности контролировать ситуацию за пределами узкого жизненного пространства нивелируют оппозиционный настрой, подтачивая основу для деструктивных протестов. В профилактике деструктивной протестной активности в среде студенческой молодежи важен также учет опыта А.С. Макаренко, предложившего педагогические приемы максимальной требовательности и доверия, *систему перспективных линий*. Исследовательская позиция, где утверждается необходимость использования технологий направленного формирования устойчивой системы ценностей [50], «ценностно-смысловых установок, ориентированных на особенности развития смысловых ориентиров студентов в поликультурной, межэтнической и межконфессиональной среде» [133, с. 39], подкрепляет сделанный вывод.

Таким образом, профилактические меры предупреждения и противодействия деструктивной протестной активности, а также научно обоснованная технология позитивного влияния на эти процессы в концентрированном виде заключаются в развитии нравственного и творческого потенциала личности, в просветительской деятельности, связанной с

формированием у молодежи активной гражданской позиции, патриотизма, в которой зрелый конструктивный протест приобретает особую значимость.

Основой социальной стабильности и прогрессивного развития общества является не конформный, безликий «массовый человек» (более того, именно он является потенциально взрывоопасным элементом), а когнитивно сложная, активная личность, интегрированная в культурный контекст, воспринимающая и позиционирующая себя как подлинный субъект исторического процесса, понимающая степень и границы своего влияния на происходящие процессы, творчески преобразующая и разрешающая противоречия, обладающая глубоким и масштабным мышлением. В этом случае просто не оказывается причин для деструктивной активности личности по отношению к социальным институтам и по отношению к самой себе.

РЕЗЮМЕ ПО ГЛАВЕ 5.

В данной главе развивается авторский подход к проблеме изучения протестной активности личности, развернутый в предыдущих главах и предпринята попытка объяснения глобальной негативной тенденции, связанной с возрастанием привлекательности экстремистских организаций в среде молодежи. В контексте субъектно-бытийного подхода введение какого-либо феномена в широкий социальный контекст предполагает осмысление системы социальных детерминант с точки зрения их психологической противоречивости. Последовательное развитие данного положения в работе позволило еще больше заострить внимание на сущностных противоречиях современности и проблеме самоопределения молодежи в конкретно-исторических противоречиях.

В § 5.1 обсуждаются сопряженные с глобализацией глубокие социокультурные изменения, порождающие комплекс разнородных и противоречивых требований к личности, оказывающие негативное воздействие на жизненные ценности и цели молодых людей, склонных к гиперболизации социальных явлений, уязвимых для пропаганды и манипуляции. Неспособность определить ценностно-смысловые приоритеты, переживания беспомощности,

фатализма, бесперспективности и безнадежности становятся фундаментом для деструктивной протестной активности личности. В § 5.2 раскрываются условия, при которых значимости студенческой группы снижается, и она перестает быть референтной для личности, анализируются процессы в учебной группе, запускающие механизм активного поиска других сообществ. Обсуждаются феномены, обуславливающие неудовлетворенность, проиллюстрированные на эмпирическом материале: поляризации оценок в группе, жесткость структуры группы по вертикали (статусное расслоение), смещение ценностей в область поиска идеального лидера и феномен аутсайдеров. Обосновано, что нарастание неудовлетворенности и невозможность повысить статус может закончиться драматически для личности и группы, привести к кардинальной смене привычного окружения, вплоть до предпочтения групп экстремистской направленности, членство в которой компенсирует неуспешность в учебной группе. В §5.3 рассмотрены факторы протестной активности подростков и молодежи, выявлены противоречия, подтверждающие нерешенную проблему самоидентификации, связанную с недостаточной сформированностью ценностно-смысловой регуляции, размытой субъектной позицией, которая препятствует гармоничному встраиванию подростков и молодежи в социум.

В связи с тем, что любой феномен следует изучать в том числе и в его крайних формах проявления, в § 5.4 представлены эмпирические исследования протестной активности личности респондентов, осужденных к лишению свободы. Обосновано и доказано, что склонность к деструктивной протестной активности во взаимодействии с социумом формируется в процессе онтогенеза, а не в условиях пространственно-временного ограничения, где происходит лишь поддержание и усиление протеста. Обнаруженный высокий уровень деструктивной протестной активности, импульсивность и непродуманность поступков осужденных свидетельствует о неспособности в полной мере осознать сложную жизненную ситуацию, которую сами же инициировали. В §5.5 рассматриваются условия, при которых деструктивные формы протестной активности личности переходят в категорию угроз безопасности личности и

социума, причем радикализация форм протеста анализируется в контексте экзистенциальных потребностей. В данном анализе мы обращали внимание, на какой основе удовлетворяются эти потребности (в установлении связей с другими, трансценденции, укорененности в мире, самоидентичности, в системе ориентации). Описаны психологические механизмы смещения, искажения, инверсии и подмены, действие которых создает *видимость разрешения ключевых экзистенциальных вопросов бытия*. Выявлено, что личностная незрелость молодых людей, низкая осмысленность и неконтролируемость жизни, неудачные попытки справиться со сложными экзистенциальными вопросами, стремление к легкости бытия, отсутствие потребности в продуктивной самореализации, ориентация на ложные идеалы приводит к ценностно-смысловым искажениям и неуспешности самоопределения. Радикализация протестной активности личности является следствием самоопределения в социальном мире по формуле «от меня ничего не зависит». Выполненные в данной главе исследования позволяют утверждать, что именно конформный, безликий «массовый человек» является потенциально взрывоопасным элементом. Когнитивно сложная, личность, интегрированная в культурный контекст, обладающая масштабным мышлением, творчески преобразующая и разрешающая противоречия не склонна к деструктивной протестной активности во взаимодействии с социумом.

Рассматриваемые в главе психологические факторы поворота личности к радикальной протестной активности дают основание к пересмотру методов ее профилактики, которые до сих пор остаются малоэффективными. Рассмотрение протестной активности личности в макросоциальных координатах доказывает опасность объектной позиции для личности, поскольку воспринимая себя объектом и инструментом в руках социальных структур и государства, личность неминуемо разрушается, попутно разрушая все вокруг себя. Когда личность перестанет развиваться в условиях бессубъектности, не будет чувствовать исключенность из числа тех, кто принимает решения, только тогда сможет быть преодолена проблема экстремизма и терроризма, поскольку исчезнет главная причина для деструктивной протестной активности.

ГЛАВА 6. СУБЪЕКТЫ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

6.1. Проблема субъекта и субъектности в современной психологии: теоретико-методологический аспект

В настоящее время не снижается интерес психологов к проблеме субъекта и субъектности [3; 12; 66; 107; 109; 110; 111; 125; 191; 237; 262; 270]. Обращение к субъектной парадигме позволяет по-новому интерпретировать разные контексты и измерения человеческого бытия, которое сегодня рассматривается в неразрывной связи с личностью, выступающей субъектом социально-экономических, социокультурных, политических, этнических отношений. Методология субъекта задает новый ракурс рассмотрения сложной психической жизни человека в культурно-историческом контексте, поскольку категория «субъект» акцентирует внимание на качестве активности, преобразовательности. Привлечение этой категории в научный дискурс позволяет на конкретно-психологическом уровне анализа рассматривать субъекта в качестве источника порождения и преодоления противоречий между объективными условиями деятельности и возможностями и притязаниями личности [315, с.31].

История становления взглядов на проблему субъектности в отечественной психологии связана с именами С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского, А.Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-Славской, которые дали гуманистическую трактовку личности как субъекта и сформулировали методологические основы исследования субъектности. Исследователи ставят вопрос о сущности, качестве, мере субъектности личности, по-разному проявляющей себя в активности, а также последствиях выбора субъектом того или иного способа существования [1; 4; 6; 305; 327; 346; 347; 348; 350]. Вместе с тем, по мнению К.А. Абульхановой, никакого единства в подходах к изучению проблемы субъекта в отечественной психологии нет, и пока что полифония употребления понятия «субъектность», по ее мнению, так велика, что трудно выделить даже самое широкое основание простой интеграции [1, с. 36].

По справедливому замечанию Л.И. Анцыферовой, феномен субъекта, субъектности нуждается не только в социально-психологической, но индивидуально-психологической проработке [281].

Не прекращаются научные дискуссии, связанные с разным пониманием категорий «субъект», субъектность, «субъектная позиция» [5; 11; 13; 36; 38; 43; 238; 303; 306; 322; 342; 344]. В субъектность вкладывается различное содержание, по-разному рассматриваются и ее критерии, в зависимости от предпочитаемого подхода в рассмотрении отношений субъекта и личности – акмеологического или эволюционного, выделенных Е.А. Сергиенко [381].

В акмеологическом подходе дана позитивная трактовка субъектности, с которой связывается критерий совершенства, идеального отношения человека к своей жизни в плане оптимального уровня развития человечности, этичности [281, с. 25]. Вместе с тем как бы ни была оптимистична позитивная трактовка субъектности человека, полагает Л.И. Анцыферова, ее нельзя абсолютизировать, поскольку люди, выстраивая и создавая пространство собственной жизни, уникальный жизненный мир, занимаясь самосозиданием и избирая стратегии жизни, нередко деформируют себя. Поэтому определение личности как успешного творца собственного индивидуального жизненного пути, достигающего высокие цели, несмотря на трудности, противодействия и давления внешних и внутренних сил, относится лишь к самому высокому уровню развития личности, выступает идеалом отношения человека к своей жизни [281, с. 36-37].

Е.А. Сергиенко, полемически заостряя внимание на положении о совершенстве субъекта, считает, что акмеологический критерий приводит к противоречиям: если субъектом человек становится только на высших этапах собственной жизни, то непонятно, как он приходит к этим высшим уровням своего развития и кем он был до этого наивысшего уровня. Подобный критерий субъекта, по ее мнению, фактически ставит вопрос о самодостаточности категории субъекта для психологии, поскольку он обозначает только высшие достижения личности. Поэтому в эволюционном подходе взят за основу эволюционный критерий выделения субъекта – постепенное уровневое развитие

человека как субъекта, от протосубъектности к субъекту деятельности и жизни [381, с. 41-42]. При всем разнообразии трактовок субъектности, общим для данных научных подходов является гуманистическая трактовка личности как субъекта. Рассмотрим подробнее понятие «*субъектность*», которое раскрывается в психологии через понятие «*активность*».

В рамках философской антропологии и онтологии качества человека как субъекта раскрываются в осуществлении своей специфической сущности как субъекта активности, творческой самодеятельности, субъекта в высшем его значении. Представление о субъектности в концепции С.Л. Рубинштейна связано с непрерывным самосовершенствованием и развитием «по восходящей», т.е. субъектность предстает как непрерывный процесс. Рассматривая субъекта как носителя активности и источник причинности бытия, С.Л. Рубинштейн дифференцирует действие внутренних условий. В одном случае они связаны с воздействием внешних условий, в другом выступают как совершенно независимые от них, в виде самопричинения, самодетерминации. В его концепции становление субъектности происходит не только в деятельности, но и в этическом отношении к другому как субъекту [299]. С.Л. Рубинштейн обращает внимание на то, что на протяжении жизненного пути человек неоднократно проходит испытание на прочность субъектной позиции. По его мнению, есть такие *субъекты, которые не выдерживают испытания в своем притязании на этот ранг (субъекта), а есть другие, выдерживающие* [299]. «Выдерживание» испытания на ранг субъекта предполагает способность личности в любых жизненных ситуациях занимать активную субъектную позицию, принимать решения на основе нравственных убеждений, брать на себя ответственность (в том числе за другого человека). Достижение внутренней свободы становится основанием для сохранения ранга субъекта [299; 300; 301].

А.В. Брушлинский, продолжая традиции школы С.Л. Рубинштейна, подчеркивает, что субъект – это человек, люди на высшем уровне активности, интегральности. В положении о том, что человек не рождается субъектом, а становится им в процессе своей деятельности, общения и других видов

активности подчеркивается важнейшее качество субъектности – ее процессуальность. Характеризуя субъектность, ученый выделяет ряд специфических уровней активности личности. На первом уровне окружающая среда выступает как система раздражителей, с которой человек взаимодействует на уровне реакций. На втором уровне окружающая среда предстает как система сигнальных раздражителей. И лишь на третьем уровне среда выступает как объект действия и познания. Высший уровень активности является таковым по отношению к предшествующим, досубъектным стадиям развития, а также по сравнению со всеми остальными характеристиками людей (как личностей, индивидуальностей, индивидов) [38, с.15].

В связи с разными уровнями активности соотношение *субъекта и личности*, полагает А.В. Брушлинский, может рассматриваться как проблема. Понимание высшего уровня активности, по его мнению, позволяет решить ее. Высший уровень активности – это прежде всего способность противостоять обстоятельствам. Характеризуя субъекта как высшую целостность, А.В. Брушлинский указывает, что на качественно новом этапе его развития видоизменяется вся основная система его психических процессов и свойств, и эти изменения могут происходить постепенно или немедленно [37, с.31].

При обсуждении проблемы субъекта и субъектности, Л.И. Анцыферова задается вопросом о том, способен ли всегда человек выступать субъектом своих действий, поступков, чувств, влечений, мыслей, своего развития и изменения на протяжении жизни. Ответ на этот вопрос, по ее мнению, можно найти, опираясь на принцип развития и учитывая многомерность психического бытия человека в каждый момент его жизни, а также разнокачественность его функционирования в различных социальных сферах [281, с. 39-40]. Основной характеристикой субъекта, считает исследователь, является переживание человеком себя как суверенного источника активности, способного *в определенных границах* намеренно осуществлять изменения окружающего мира и самого себя [13].

Аналогичный выход на самодетерминацию как главную характеристику субъекта мы находим в теории субъектности R. Harre, в которой понятию

субъекта отводится центральная роль, а субъектность рассматривается как способность человека к автономии, вариативности и самодетерминации поведения [470; 471].

В определении А.В. Петровского субъектность человека проявляется в его деятельности посредством особой активности, в которой человек воспроизводит себя, свое бытие в мире [269]. В концепции В.А. Петровского субъектность человека рассматривается в контексте особого целеполагания, проявляющегося в надситуативной активности личности. Ученый заостряет вопрос: что обеспечивает человеку доказательство собственной субъектности или что дает возможность состояться субъектом, несмотря на неумолимое действие сил, лишаящих его этой возможности? С его точки зрения, субъектность и подлинная самопричинность его взаимоотношений с миром предполагает, прежде всего, личную ответственность. То есть, человек добровольно готов отвечать перед собой за неадаптивные последствия собственных действий и свободно может взять на себя ответственность за саму возможность несовпадения целей и результатов своей активности [272].

К.А. Абульханова, ссылаясь на С.Л. Рубинштейна, подчеркивает решающую роль *противоречий и способов их разрешения* в становлении субъекта. Выделяя этот основной критерий субъекта, она пишет: «Субъекта характеризуют не сами по себе противоречия, а именно способ их экспликации в виде проблем, жизненных задач и способ их решения. Личность в качестве субъекта определяется особой способностью использовать свои психические, личностные, профессиональные, жизненные возможности в качестве средств решения этих противоречий [1, с. 36]. Автором обсуждается противоречие между личностью, ее мотивами, способностями, потребностями и теми требованиями, которые предъявляет к ней общество, выступающие как две реальности, которые никогда не соответствуют друг другу. Качество и мера становления личности субъектом связаны со способностью и способом разрешения этого противоречия. В одном случае личность жертвует свободой, индивидуальностью, активностью в пользу адаптивности, в другом, – разрешение противоречия соотносится с выбором

независимости, т.е. личность способна жертвовать социальным одобрением, благами [286, с. 46].

Эти два варианта выбора, по мнению автора, отражают отсутствие субъектности или субъектность – способность удержать себя в качестве субъекта своей жизни. Среди основных субъективных причин, вызывающих личностные деформации и деструкции, изменение оптимальных пропорций во внутриличностной организации исследователь называет неадекватность способа жизни, ее неподлинность, когда человек становится только пассивным исполнителем, «производным» своего способа жизни. К.А. Абульханова считает, что о личности как о субъекте можно говорить в том случае, когда личность способна быть центром самоорганизации и саморегуляции, который позволяет ей соотноситься с действительностью *целостным, а не парциальным способом* [4].

Созданная К.А. Абульхановой классификация противоречий, в которые вовлечена личность и которые создаются ее собственной активностью, показывает, что ряд противоречий личностью не может быть разрешен, поскольку это противоречия другого масштаба (речь идет о мужественных поступках, изменивших ход исторических событий). Но само участие в их разрешении, взятие на себя ответственности за них возводит личность в ранг субъекта. Таким образом, формулирует автор, понятие субъекта, употребляемое для обозначения высшего уровня развития личности, *континуально* – оно не обозначает максимальной точки, порога, предела развития [281, с. 25].

Существенные дополнения к проблеме субъектности мы находим в размышлениях Е.А. Сергиенко. Исследователь предлагает рассматривать личность в качестве стрелковой структуры субъекта или командного звена, задающего общее направление самоорганизации и саморазвития, а субъекта в качестве исполнительного звена, задающего конкретную реализацию через координацию выбора целей индивидуальных ресурсов человека. Подобная иерархия предполагает, что носителем содержания внутреннего мира человека выступает личность, а реализовывать это содержание в конкретных жизненных ситуациях будет субъект. Такое соотношение, по мнению Е.А. Сергиенко, дает

возможность человеку осуществлять зрелые формы поведения, в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект-личность, он будет стремиться сохранить свою целостность и совершать поступки, соотнося их с жизненными смыслами, т.е. в соответствии с собственной субъектностью. Следовательно, психологическая зрелость подразумевает *континуум согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта*» [381, с. 42].

На неоднозначность и неоднородность конструкта субъектности указывает и З.И. Рябикина. По ее мнению, на разных стадиях развития общества и личности, в различные возрастные периоды, переживаемые человеком во всевозможных психологических состояниях, мера субъектности может различаться [305; 306]. Субъектность может быть доличностной, личностной, внеличностной и личность в пространствах своего бытия в разной степени способна реализовать субъектную позицию. Различия в субъектности, с точки зрения З.И. Рябикиной, связаны с тем, что субъектность предполагает потребность (как вид определенной зависимости организма от среды) и активность (возможность модифицировать) [304, с. 51].

Полагая, что личность не всегда эффективна в проявлениях субъектности, З.И. Рябикина вводит конструкт «истинная/навязанная субъектность», где истинная субъектность соответствует аутентичности бытия, а навязанная субъектность является показателем отчужденной активности личности. Успешное решение проблемы истинной субъектности или неотчужденной активности, по мнению автора, требует от личности осознания и соотнесения своих потребностей с деятельностными возможностями, представленными в условиях ее жизни и той среде, где эта жизнь разворачивается [304, с. 71-72]. Таким образом, через понятие истинной и навязанной субъектности уточняется качество субъектности (в плане выбора разных условий для самореализации личности).

Д.А. Леонтьев считает, что быть подлинным субъектом своей жизни в каждый момент своей жизни, т.е. осуществлять подлинное субъект-объектное отношение способен не каждый человек (в каждый момент жизни), чаще люди действуют на основе безличных автоматических механизмов, таких как стимул-реакции и др. [197, с. 9].

Быть субъектом своей жизни, отмечает Н.В. Гришина, – это осуществлять выбор субъектной позиции по отношению к своим жизненным задачам и обстоятельствам. Субъектность предстает в ее концепции не как статичная характеристика, которой человек обладает или нет (как, например, какой-то чертой личности), но как выбор, который предстоит делать в каждой конкретной ситуации [69].

Проблематика субъектности занимает важное место в работах Г.Ю. Фоменко [344; 345; 346; 347; 348; 350]. По ее мнению, субъектность обнаруживается *в трех направлениях активности*: на преобразование внешнего мира; овладение собственным внутренним миром, своим поведением, внешними пространствами; установление внутренней интегрированности и баланса в отношениях с миром [344, с. 126]. Исследователь конкретизирует содержание понятия «истинная/навязанная субъектность» и создает *типологию личностной субъектности*. В эмпирическом исследовании Г.Ю. Фоменко доказывает, что истинная субъектность характерна гармоничным балансом интериоризованной и экстериоризованной субъектности, а также конструктивностью разрешения экзистенциальных противоречий, наряду с готовностью к ответственному принятию решений на основе сознательных нравственных убеждений. Неотчужденная активность, оптимальная сбалансированность всех личностных бытийных пространств, восприятие и позиционирование себя как субъекта, внутренняя потребность занимать именно субъектную позицию; масштаб возникающих противоречий и уровень их конструктивности; ответственность за содеянное и упущенное – таковы ключевые характеристики истинной субъектности. Именно эти качества, по мнению автора, обеспечивают полноценное профессиональное развитие и возможность аутентичного бытия личности в условиях «аномальной» реальности [344; 345; 348; 350]. Навязанная субъектность, в отличие от истинной, отвечает характеристикам условного существования поскольку ее содержание указывает на видимость субъектной активности [344, с. 15]. Выделяя ряд критериальных различий между истинным и условным существованием, Г.Ю. Фоменко останавливается на различиях в

ценностно-смысловом позиционировании личности, которые в случае аутентичного бытия позволяют гармонично осуществлять процесс переструктурирования среды в соответствии со структурой личностных смыслов. Для неаутентичного бытия характерна противоречивость, так как создавая иллюзию адекватного поведения, таковым по сути не является, поскольку связано с разрывом, отсутствием содержательной связи между способами поведения и глубинными ядерными образованиями самой личности, её смыслами» [315, с. 30].

В условиях искусственности, неподлинности жизни, по Ж. Бодрийяру, человек неспособен быть собой, поскольку желание самоопределения «стерто», личность не просматривается и человек полностью отдан в руки внешним формирующим его силам. Искусственность требует постоянного участия в чудовищном спектакле (поставленном не самим человеком), и человек, отказавшийся от самоопределения, вынужден играть данную ему роль [26]. Это убеждение поддерживает В.Н. Дружинин, который обозначил зависимое, предсказуемое существование человека как жизнь по канону, т.е. существование, полностью воспроизводящее кем-то и когда-то написанный сценарий [96]. Вместе с тем игра, элементом которой являются тактические и фасадные маски, служит способом приспособления к сложной и изменчивой действительности, чтобы добиться успеха в рамках культуры, ориентированной на конкуренцию [277, с.68].

Человек, живущий неподлинной жизнью, живет образом самого себя, поскольку в этом случае игнорируется *внутренний опыт*. Редуцирование образа Я порождает ценностно-смысловые искажения, причем чем больше искажается сознание, тем больше уродуется жизнь [41].

Закончим наши рассуждения высказыванием Э. Фромма: «Все проявления человеческой природы не отвечают на вопрос, что означает быть человеком, они отвечают на вопрос, насколько мы можем различаться, будучи людьми» [369, с. 263].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что качество, содержание, меру субъектности определяет уровень личностной зрелости (включающая степень осознанности бытия и позицию по отношению к жизненным условиям),

экзистенциальный выбор и избранный в соответствии с этим выбором способ существования личности. На наш взгляд, конструкт субъектности дает возможность под новым углом зрения интерпретировать изучаемый феномен, сконцентрироваться на особенностях, уровнях и флуктуациях субъектности в формах протеста, тем самым позволяя дополнительно подчеркнуть специфичность протестной активности личности в ряду самых разнообразных видов активности (творческой, деятельностной, поисковой, созерцательной, познавательной, волевой, сознательной/бессознательной, адаптивной/неадаптивной и др.).

6.2. Специфика субъектности личности в различных формах протестной активности: анализ ложной и истинной субъектности

В рамках нашего исследования мы используем понятие ложная/ истинная субъектность, содержание которого мы попытаемся раскрыть. Отметим, что методологической основой выделения этого понятия, помимо выше приведённых рассуждений, служат также представления об истинной/навязанной субъектности Г.Ю. Фоменко и З.И. Рябикиной [304; 305; 306; 312; 344].

В. Франкл утверждал: несмотря на то, что человек не свободен от условий, он свободен занять позицию по отношению к ним [359]. Полагаем, что реализация конструктивных форм протеста меняет внутреннюю сущность человека, обновляет ее и делает личность субъектом своей жизни. Особенности субъектной позиции проявляются через поступки, которые определяются экзистенциальным выбором.

По мнению Д.А. Леонтьева, первым европейским человеком в персонологическом смысле, который оказался в состоянии противопоставить себя, свой мир, свою позицию позиции и миру полиса стал Сократ [207].

Субъектную позицию проявил А.С. Пушкин в 1825 году, когда честно ответил царю, что он мог бы быть на сенатской площади вместе с декабристами. Эти неординарные личности осознавали, что эпоха, в которой они живут, не дает удовлетворительных ответов на вопросы «зачем», поэтому для достижений,

превосходящих обычные веления жизни, необходимы либо моральное одиночество и непоследовательность (они, по словам Т. Манна, встречаются весьма редко и по существу героичны), либо мощная жизненная сила [227, с. 48].

М.К. Мамардашвили обращает внимание на тесную сопряженность поступков и бытия: *поступки, деяния, диктуемые определенными намерениями, вливаются в общие сцепления и общий контекст бытия и свой смысл обретают и получают именно в бытии* [226, с. 23]. Это положение соотносится с идеей Э. Янча, согласно которой любое «микро»- событие вплетено особым образом в «макро»-событие [561].

Отметим, что в конструктивной протестной активности противопоставление собственных убеждений позиции социума осуществляется на гуманистической основе и поэтому безопасно для общества. Кроме того, субъектное позиционирование предполагает принятие ответственности за свои поступки.

Прямое тому подтверждение – выразительные слова Мартина Лютера Кинга: «Я не призываю к нарушению закона или неповиновению ему. Это путь к анархии. Тот, кто нарушает несправедливый закон, должен делать это открыто, осознанно, с готовностью понести наказание. Индивидуум, преступающий несправедливый, по его убеждению, закон и добровольно принимающий тюремное заключение – чтобы всему обществу показать существующую несправедливость, в действительности, выражает высочайшее уважение к закону» [310, с. 599]. Как известно, благодаря активной субъектной позиции М.Л. Кинга, его сомнений по поводу законности расовой сегрегации, со временем удалось добиться отмены несправедливых законов.

Субъектная позиция связана со стремлением к благополучию всего человечества и предполагает отказ от клановости, выход за пределы узкогрупповых интересов. Для усиления данного тезиса обратимся к словам М. Ганди «Мой патриотизм – это не замыкание на одной нации; он всеобъемлющ, и я готов отказаться от такого патриотизма, который строит благополучие одной нации на эксплуатации других» [91, с. 399].

Реализация активной субъектной позиции предполагает намеренное заострение противоречий. Отмечая неизбежность и закономерность возникающих противоречий между реальностью и любой моральной нормой будущего, С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что именно моральное положение неизбежно делает это общее (типовое) моральное положение неадекватным данному частному случаю и не обеспечивает моральное разрешения конфликта, заключенного в данной ситуации. Поскольку противоречия морали отражают бытийные противоречия, то благодаря конкретности морали (также как и истины), этические положения соотносятся с конкретной ситуацией [299].

Согласно С.Л. Рубинштейну, когда общественно значимое становится для личности ее кровным, личным, составляющим ее существо, воля в этом случае становится более единой, цельной, монолитной. Но, несмотря на неизбежность противоречий в мотивах, противоречивые тенденции не противостоят в ней как внешние противоположности, а включаются как подчиненные моменты в единство основных устремлений» [300, с.468]. По его мнению, всегда находится стержневая для данной личности позиция, благодаря которой все свойственные ей противоречия смыкаются в единстве [300, с. 410]. Поэтому прогресс, развитие личности как субъекта С.Л. Рубинштейн связывал не с устранением противоречий, а с их характером – уровнями, на которых противоречия возникают и на которых снимаются [299, с. 385].

Эти положения соотносятся с положением Ю. Хабермаса: моральные воззрения эффективно ограничивают волю лишь того, когда они укоренены в этическом самопонимании как ядра, сопрягающем заботу о собственном благоденствии с заинтересованностью в справедливости [371].

К этим же вопросам обращается в своих работах В.В. Знаков. Исследуя воинов-интернационалистов, ученый обнаружил, что «афганцы», имеющие реальный экстремальный опыт, овладевают на войне навыками, которые затем используют (уже в мирное время) в разнообразных жизненных ситуациях, лишенных признаков экстремальности. Автор, анализируя феномен обостренного реагирования на социальную несправедливость, связанный с характерной для

афганцев совестью, указывает на то, что в большинстве случаев «афганцы» демонстрируют солидарность, т.е. защищают не свои права и привилегии, проявляют более активную гражданскую позицию, чем их соотечественники [124, с. 118]. Следовательно, проявляя солидарность, личность демонстрирует, прежде всего, свою субъектную позицию.

По мнению Г.Ю. Фоменко именно субъектная позиция личности выступает интегратором всех сложнейших противоречивых качеств личности в единое целое, через процесс осознания и переживания себя как от-личное (индивидуальное, неповторимое), целостное Я и дает возможность личности выстроить аутентичные отношения с миром [344, с.126].

Качество субъектности и устойчивость субъектной позиции зависит от уровня, на котором личность взаимодействует с миром. В этом контексте обратимся к идеям Л.И. Анцыферовой. На первом уровне, с ее точки зрения, недостаточная адекватность в осознании своих истинных побуждений, без учета качества и степени своего воздействия на ситуацию, препятствует успешности действий, неудовлетворительные результаты которых переживаются субъектом, но неадекватно, т.е. неудачи связываются со злой волей окружающих. Субъектные качества на этом уровне проявляются через акты целеполагания и через действия по преодолению трудностей на пути достижения целей [13].

Л.И. Анцыферова обращает внимание на существенный нюанс: человек может быть успешным в какой-либо сфере (политика, предпринимательство) и в то же время находиться на низком уровне развития как личности [281, с.41].

На втором уровне личность выступает как субъект, способный сознательно соотносить цели и мотивы действий, намеренно формирующий ситуации своего поведения, стремящийся предусмотреть результаты собственных действий, способный к переделке стихийно сложившихся психических свойств, а также к адекватному соотношению собственных возможностей с социальными задачами и требованиями деятельности. На высшем уровне личность становится субъектом своего жизненного пути, который она сознательно измеряет масштабами исторического времени своей эпохи. На первый план здесь выступают качества

индивидуальности — не просто уникальности, которая характеризует каждого человека, но общественно-исторической (в предельном случае общечеловеческой) значимости неповторимости субъекта. На высшем уровне, полагает Л.И. Анцыферова, личность (реформатор, революционер) обладает наибольшими степенями свободы – свободы выявлять, переживать и собственными действиями разрешать острые противоречия развития общества. Причем, нахождение общественно значимого способа разрешения этих противоречий одновременно с этим оказывается радикальным путем преобразования собственной жизненной ситуации [13]. Следовательно, подчеркивает автор, «высокое развитие человека как личности невозможно без столь же высокого развития его как субъекта. Человек должен утверждать, защищать, реализовать в поступках, в межличностных отношениях, в делах свою духовность, нравственность, ценности истины, справедливости, добра» [281, с. 41].

По нашему мнению, *низший уровень субъектности, отражая несформированность субъектной позиции*, «остановку» личности (в плане духовного развития), неаутентичность личностного бытия, соответствует стихийному модусу бытия, результирующему в разные деструктивные формы протестной активности (*нигилизм, эскапизм, негативизм, оппозиция*). Представители этого уровня соответствуют конформному типу личности, характеристикам «поддакивающего человека», согласно одному из определений человека Э. Фромма [369, с. 262].

Для более выразительной характеристики этого уровня, где доминирует стертая субъектная позиция, обратимся к высказыванию А. Швейцера, который задается вопросом, почему среди современников встречается так мало людей с верным нравственным чутьем. Мы беспрестанно, отвечает он, приносим свою личную нравственность на алтарь отечества, вместо того, чтобы оставаться в оппозиции к обществу и быть силой, побуждающей его стремиться к совершенству [цит. по: (368, с. 167)]. Следовательно, субъектная позиция отражает особенности взаимодействия личности с социумом.

Сегодня, как и 80 лет назад, актуальны строки немецкого пастора-антифашиста Мартина Нимёллера, узника нацистских концлагерей: «Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не коммунист. Потом они пришли за социал-демократами, я молчал, я же не социал-демократ. Потом они пришли за профсоюзными деятелями, я молчал, я же не член профсоюза. Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не еврей. А потом они пришли за мной, и уже не было никого, кто бы мог протестовать» [75, с. 165]. Опыт исторических катастроф и трагедий 20 века показал, как опасно такого рода молчание.

Полагаем, что именно на низшем уровне субъектности наблюдается отчуждение личности от бытия, результатом которого становится отчужденная субъектная активность, которая только создает иллюзию деятельности, поскольку человек и его дело разделены, человек отчужден от своего дела, действие совершается над ним [368, С. 96-97]. Конкретное описание отчужденной субъектной активности применительно к деструктивным формам протеста дано в четвертой главе.

Средний уровень субъектности, на наш взгляд, соответствует *эмансипации*. В параграфе 4.1 продемонстрировано, что представители этой типологии обладают высоким потенциалом личностной ресурсности, им свойственны сформированные регуляторные умения и преобладание саморукводства, способность к эффективному планированию и регулированию деятельности, критичность, ответственность и активная жизненная позиция, что указывает на сформированность качеств истинной субъектности. В то же время в исследовании выявлен существенный нюанс: указанные субъектные свойства могут сочетаться с неконструктивными копинг-стратегиями. Нами отмечено противоречие, заключающееся в том, что стремление к лидерству и наиболее полной реализации личностного потенциала может ограничиваться самой социальной системой, что порождает агрессию, враждебность, негативный настрой к окружающим. Сопутствующими эффектами претензий на доминирование, превосходство, излишней склонности к конкуренции становятся неуступчивость, непокорность, наряду с неприятием требований, исходящих от социальных институтов,

отторжением советов старших по возрасту, контроля и указаний со стороны лиц, занимающих более высокий статус. Следовательно, свойственное представителям этой типологии субъектное позиционирование может при определенных обстоятельствах меняться на объектное, что говорит о флуктуациях субъектности.

Относительно эмансипации скорее можно говорить о возможностях изменения в потенциале и качестве субъектности, в зависимости от сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов. В этом плане наши выводы перекликаются с идеей Г.Ю. Фоменко, которая, анализируя проблемы, противоречия и деструкции личности, присущие предельному модусу бытия, приходит к заключению: *предпочтение личностью этого модуса бытия в экстремальных условиях является только предпосылкой, но не гарантией аутентичности её существования* [344].

Полагаем, что *третьему уровню субъектности* может соответствовать *высший эскапизм*, поскольку представители этого типа способны сохранить аутентичный способ существования, проявляющийся в творческом отношении к себе и пространствам объективной реальности. На этом уровне человек проявляет качества *Номо негans*, что означает, по Э. Фромму, способность в некоторых ситуациях говорить «нет», ради утверждения истины, любви, целостности, даже ценой собственной жизни, а также качества человека надеющегося (*Номо esperans*) [369, с. 262]. Этот уровень предполагает способность постигать реальность самостоятельно, в свою очередь, избавление от базовых иллюзий позволяет чувствовать себя уверенно в разных жизненных обстоятельствах, при любых общественных изменениях.

Перечисленные личностные качества в полной мере соотносятся с выделяемыми А.Л. Журавлевым и А.Б. Купрейченко свойствами нравственной элиты общества: стойкость, социальная ответственность, видение временной перспективы, нравственная зрелость. С их точки зрения, нравственная жизнь, противостояние и противодействие новым легковесным, узкогрупповым или сиюминутным принципам, ценностям и идеалам есть сознательно выбранный

способ и тип самоопределения индивидуальных или групповых субъектов [109, с. 33].

Таким образом, проведенный анализ позволяет анализировать деструктивные и позитивные аспекты протестной активности личности в контексте выявления специфики субъектного позиционирования, проявляющего аутентичность/неаутентичность бытия. Полагаем, что существуют деструктивные формы протестной активности личности, обладающие признаками *ложной субъектности*: отчужденная субъектная активность; сниженный уровень саморегуляции; невротический жизненный стиль с ложным «Я»; негативная идентичность; протестная активность осуществляется под знаком лицемерных призывов и требований; разрыв между инициативами и ответственностью; антигуманистические способы экспансии собственного масштаба на бытийные пространства; отношение к окружающим как к объектам, достойных изощренной манипуляции. Для *истинной субъектности*, соответствующей конструктивным протестным формам, характерны: развитая духовность, устойчивое и целостное мировоззрение; трансляция универсальных нравственных ценностей и этических принципов; поступки на основе нравственного выбора; осознание границ своей ответственности; способность руководствоваться идеальной мотивацией; способность к самотрансцендированию и самобытию, гуманистические формы расширения своей бытийности.

Отмеченные характеристики истинной и ложной субъектности применительно к протестным формам соотносимы с психологическими характеристиками истинной и навязанной субъектности, выделенными ранее в рамках концепции личности в экстремальных условиях [344; 346].

В таблице 36 нами обозначены дифференциальные критерии ложной и истинной субъектности применительно к протестной активности личности. Из таблицы видно, что через признаки истинной и ложной субъектности особым образом высвечивается специфичность протестной активности и различия в экзистенциальном самоопределении личности и избранном способе бытия. Прежде всего, это различия в понимании свободы и ответственности, которые в

одном случае исходят из духовной силы человека, в другом – из духовной неразвитости и сопряженной с ней зависимостью от других. Нами выявлено, что не стремление к свободе актуализирует деструктивную протестную активность, а ее искаженное понимание, «стертость» субъектной позиции, нежелание становиться субъектом своей жизни парадоксальным образом порождает деструктивные протестные формы. На наш взгляд, рабская, «поддакивающая» конформистская установка только создает иллюзию социальной полезности. На самом деле субъектное позиционирование, связанное с отказом от собственной уникальности и судьбы является потенциально опасным, порождает феномен ухода от личной ответственности, бессмысленность, бесцельность жизни и разрушительную протестную активность в разных ее формах.

Таблица 36

Дифференциальные критерии субъектности в контексте протестной активности личности

Ложная субъектность	Истинная субъектность
Невротический жизненный стиль с ложным «Я»	Способность к самотрансцендированию и самобытию
Негативная идентичность	Позитивная идентичность
Разрыв между инициативами и ответственностью	Осознание границ своей ответственности
Антигуманистические способы экспансии собственного масштаба на бытийные пространства	Гуманистические формы расширения своей бытийности, потребность в самосовершенствовании и самоосуществлении.
Размытая субъектная позиция, Отчужденная субъектная активность.	Развитая духовность, устойчивое и целостное мировоззрение, самодетерминация.
Понимание свободы как отсутствия притеснения, свободы от обязательств, но для потребления. Сворачивание свободы с помощью ложных аргументов и искаженных структур существования.	Свобода как обретение внутренней независимости. Выход за пределы узкогрупповых интересов и стремление к благополучию всего человечества.
Протестная активность осуществляется под знаком лицемерных призывов и требований, результируя, как правило, в насилие и тиранию.	Трансляция нравственных ценностей и этических принципов, способствующих нравственной деконструкции бытия.

Подчеркнём, что способность личности к трансляции зрелых форм протестной активности не решает автоматически проблему субъектности, их предпочтение является только предпосылкой истинной субъектности. Об этом свидетельствуют выявленные в эмпирическом исследовании проблемы и противоречия, характерные для эмансипации. Соответственно выявленным разным ракурсам субъектности требует более глубокого осмысления и конкретизации проблема флуктуаций между двумя типами субъектности относительно конструктивных форм протестной активности личности.

6.3. Роль удовлетворенности и неудовлетворенности в профессиональной сфере в формировании специфической протестной активности личности

Если субъектность мы определяем через конструирование различных пространств бытия, то соответственно должны рассмотреть степень удовлетворенности личности в профессиональной сфере, что даст дополнительную информацию о социальной продуктивности лиц, предпочитающих разные формы протестной активности. Неудовлетворенность жизнью, статусом в группе применительно к деструктивным формам протестной активности личности была выделена нами ранее.

Рассматривая понятийный конструкт удовлетворенность/неудовлетворенность, К.А. Абульханова-Славская отмечает, что при отсутствии каких-то критериев и норм, позволяющих оценивать жизнь человека извне, этот критерий становится главным и безошибочным критерием, «который, хотя и не поддается логическому объяснению, но вряд ли может быть истолкован произвольно» [6, с. 11].

Для разъяснения конструкта удовлетворенность/неудовлетворенность обратимся к положениям субъектного и субъектно-бытийного подхода. В данных подходах подчеркивается, что профессиональная деятельность на определенном этапе личностного становления становится ведущим видом деятельности человека, на основе которой формируется образ субъекта творческого труда [148;

451]. По мнению Г.Ю. Фоменко, профессиональная деятельность «становится тем социальным пространством, которое транслирует индивиду нормативные значения и одновременно выступает областью реализации индивидуальных смыслов» [344, с. 192] Удовлетворенность избранным трудом, с ее точки зрения, является показателем соответствия человека работе, она связана с хорошим физическим и психическим здоровьем, внутренней мобилизацией (даже при экстремальных нагрузках), способностью к реализации оптимальных стратегий выходов из кризисной ситуации.

В контексте субъектного и субъектно-бытийного подхода самоопределение в развитии взрослого человека предполагает также выявление личностью меры и возможности внешней детерминации ее уникального внутреннего пространства, поэтому внешние факторы не могут стать определяющими в переживании удовлетворенности своим профессиональным бытием [306; 312; 337; 338; 350].

А.А. Бодалев, отмечая активную роль личности в организации ею внешних и внутренних бытийных пространств, подчеркивал, что какие бы жесткие ни предъявлялись ей требования, личность все равно принимает их и трансформирует для себя самой в соответствии с характером и степенью своей субъективности – уровнем развития сознания, сформированности потребностей. Личность способна выбирать для себя род занятий самостоятельно организовывать многое как в содержании, так и в форме своего бытия. И эти тенденции поведения личности либо «работают» на ее развитие по восходящей, либо тормозят его, а иногда ведут к социальной деградации [25, с.62- 63].

С этой позицией перекликается и мнение К.А. Абульхановой-Славской, подчеркивающей имеющиеся у человека возможности самореализации и отмечающей оттенки неудовлетворенности. В одном случае недовольство жизнью сопровождается обвинениями в адрес окружающих в том, что человеку не создали условий и не открыли дорогу. У другого человека недовольство, хотя и осознается (в плане упущенных возможностей), но в то же время не приводит к принципиальным изменениям, т.е. продолжается жизнь по выбранному стандарту. Далее К.А. Абульханова-Славская подчеркивает конструктивную роль

неудовлетворенности, поскольку она может подтолкнуть человека к позитивным изменениям [6, с. 11-12]. Важно вовремя осмыслить и отреагировать на неудовлетворенность, а не загонять чувство недовольства вглубь. Таким образом, формулирует автор, неудовлетворенность является своеобразным камертоном, позволяющим в правильном ценностно-смысловом направлении «настраивать» свою жизнь, предоставляющим шансы для позитивных личностных изменений.

Вместе с тем в процессе жизнедеятельности индивидуальные смыслы могут подвергаться искажениям и вызывать деформацию личности. Отметим, что в субъектно-бытийном подходе профессионализация рассматривается как процессуальное образование, которая предстает как протяженный этап формирования личности. Это этап, содержащий много противоречий, а их осознание и разрешение приводят к качественному преобразованию личности [312]. З.И. Рябикина и Г.Ю. Фоменко обращают внимание на возможность в этом процессе «ловушек», когда возникающие противоречия не осознаются, конструктивно не разрешаются, и изменения, происходящие с личностью, могут быть категоризированы как деформационные, деструктивные.

Укажем признаки, на основании которых, согласно авторам, формируются деструктивные формы личностной активности: уклонение от изменений, нежелание делать выбор и неспособность к вариативности профессионального эталона, ригидность, бегство от собственного предназначения, нацеленность усилий не на личностный рост, а на подчинение себе других, конформизм, готовность отречься от самостоятельной сущности (мазохизм), деструкция, приводящая к состоянию внешней и внутренней неопределенности [312]. Деформация личности, чувство неудовлетворенности, отчужденность, неспособность самореализоваться, подчинить в своем Я внешние пространства, трансцендентировать себя в них и почувствовать их как свое продолжение, по мнению З.И. Рябикиной, составляют проблему «неправильного» личностного роста, которая обуславливается неверно выбранным эталоном профессионала, который личность «назначает» себе в качестве цели саморазвития [304].

В вышеприведенных положениях акцент ставится на отчуждении, но если в

концепциях К. Маркса и А. Швейцера [398; 245; 420] отчуждение выступает как навязанное, «выученное», обусловленное определенным этапом развития общества, то в субъектно-бытийном подходе источники и причины перемещаются в ценностно-смысловую плоскость, порождаются самой личностью и, следовательно, личностью как субъектом могут преодолеваются [124; 198; 199; 200; 201; 262; 349; 350].

Значительно расширить представления об этом феномене позволяет рассмотрение неудовлетворенности через кризисы, которые предстают не как отдельные явления, а ключевые проявления профессионального становления субъекта, «включающего все взаимосвязанные процессы в целостности и завершенности: зарождение, становление, развитие, угасание психологических систем» [337, с. 8]. Э.Ф. Зеер подробно описал недовольство и неудовлетворенность, сопровождающие этапы данного кризиса. В первой предкритической фазе проблемы на работе не всегда осознаются, но проявляются в психологическом дискомфорте, в раздражительности, недовольстве организацией, оплатой труда, стилем руководства. Во второй критической фазе осознанная неудовлетворенность работника приводит к поиску путей развития дальнейшей профессиональной жизни. При этом усиливается психическая напряженность, возникают конфликты: мотивационный, когнитивно-деятельностный, детерминированный неудовлетворенностью, и поведенческий, обусловленный неудовлетворенностью межличностными отношениями в первичном коллективе, социально-профессиональным статусом и др. В третьей посткритической фазе кризиса его разрешение может пойти по конструктивному или деструктивному сценарию и может сопровождаться острой неудовлетворенностью [75, с. 295-296]. В контексте данных представлений неудовлетворенность трудом можно рассматривать как «переживание», как актуальное эмоциональное состояние, либо особую психическую деятельность по преодолению кризиса неудовлетворенности. На наш взгляд, успешность/неуспешность протекания отдельных этапов профессиональных кризисов связана со степенью осмысления возникающих противоречий и с

выбором разных способов их разрешения.

Многие аспекты неудовлетворенности, которые мы рассматриваем с учетом влияния конкретных социально-исторических условий на личность, раскрываются через понятие «биографический стандарт занятости», предложенное А.Н. Дёминым. Один из феноменов, отражающий стандарт занятости – учащение индивидуальных кризисов занятости и рост психологической напряженности карьеры, А.Н. Дёмин рассматривает в контексте безработицы [90, С. 95-96]. Отмеченная типология кризисов занятости эвристична и может адекватно объяснять скрытые источники протестных форм, связанные с желанием самоосуществления личности, блокирование которых приводит к деструктивному протесту и социальным дисгармониям – от эскапистского реагирования до выраженных нигилистических установок личности.

Парадоксально, что удовлетворенность от высокооплачиваемой, но связанной с чрезмерным стрессом, нагрузками и отнимающей все свободное время работы, может снижаться и приводить к разочарованию в прежних целях и ценностях, к кардинальному изменению образа жизни. Н.В. Гришина, анализируя жизненный сценарий «дауншифтинга», подчеркивает, что решение об уходе от социальной активности принимается не в результате вынуждающих обстоятельств, но является исключительно добровольным выбором, способствующим более счастливой жизни и согласию с окружающей средой [69]. Следовательно, профессиональная деятельность, заостряя личностный выбор, выступает как пространство саморазвития, обостряет все актуальные противоречия, придает им своеобразную окраску [104; 344; 345; 349].

По мнению В.А. Толочка, уровень удовлетворенности трудом зависит от множества переменных, и прогнозировать тенденции поведения работников необходимо только в контексте анализа взаимосвязей основных переменных – возраста, стажа, уровня занимаемой должности, размеров организации. Выступая в качестве показателя успешности (наряду с результативностью, психологическими затратами и др.), удовлетворенность работой влияет на разные стороны организационного поведения человека. Автор отмечает, что

удовлетворенность не всегда связана напрямую с результативностью труда, в большей степени удовлетворенность связана с текучестью кадров, которая снижается или стабилизируется, если удастся повысить субъективную удовлетворенность трудом. Неудовлетворенность положительно связана с прогулами и опозданиями, неадекватным использованием рабочего времени и ресурсов, с производственным травматизмом, с хищениями на производстве, насилием и другими формами агрессии [337]. М. Аргайл обращает внимание на такие проявления *неудовлетворенности* как уход (увольнение, поиск новой работы); выражение протеста (переговоры с руководителем, написание писем, забастовки и т.п.); лояльность (терпеливое перенесение трудностей); пренебрежение (прогулы, опоздания, невысокая производительность) [15, с. 81].

Полагаем, что это явление следует анализировать еще и в терминах ценностной и потребностной мотивации включенности в трудовую деятельность. Очевидно, что соотношение параметров *удовлетворенности* и *неудовлетворенности* трудовой деятельностью имеет сложный неkontинуальный, скачкообразный, противоречивый характер, и эти параметры могут иметь *разные мотивационные основания*. Согласно двухфакторной теории удовлетворенности трудом Ф. Herzberg, *удовлетворенность* связана с содержанием работы, с достижениями и признанием; а *неудовлетворенность* возникает в связи с неприятием условий труда, проблемами в межличностных отношениях, низким статусом [463; 475]. Эти идеи, безусловно, нуждаются в дальнейшем осмыслении и эмпирической проверке.

Очевидно, что *удовлетворенность* и *неудовлетворенность* — это не статичные процессы, поэтому нужно обращать внимание на динамику этих процессов. Д.В. Ньюстром и К. Девис определили *динамику удовлетворенности*, которая возрастает по мере приобретения профессионального и жизненного опыта, а *ожидания работников приближаются к их подлинным возможностям* вследствие адаптации к условиям труда. Однако с возрастом удовлетворенность может снижаться из-за реальных или субъективно воспринимаемых замедленных темпов служебного продвижения, стабилизируясь неплохими перспективами

выхода на пенсию. Сотрудники, занимающие более высокий статус, как правило, больше удовлетворены своим трудом, поскольку имеют достойную заработную плату, имеют лучшие условия и больше возможностей для самореализации своих способностей. Обнаруженная исследователями взаимосвязь *удовлетворенности с эффективностью труда* говорит о положительном влиянии более высокой производительности на степень удовлетворения от труда. Улучшение результатов работы в западных странах часто приводит к высокому экономическому, социальному и психологическому вознаграждению, которое должно соответствовать достигнутому человеком показателям, его интеллектуальным, физическим и психическим затратам и *должно субъективно восприниматься работниками как справедливое* [258].

Проследить соотношение параметров «удовлетворенность/неудовлетворенность» позволяет теория приобретенных потребностей Дэвида МакКлелланда, в контексте которой выделено три вида потребностей высших уровней – власть, успех, причастность. Эти потребности приобретены в процессе социального взаимодействия и начинают транслироваться в процессе профессиональной деятельности. Однако данные потребности не расположены в иерархической последовательности, как в теории А. Маслоу или в теории К. Альдерфера. В теории Д. МакКлелланда высшие потребности могут сочетаться или одна из них может доминировать в личностной структуре. Именно в контексте профессиональной деятельности в полной мере проявляется их специфика. Д. МакКлелланд полагает, что в организации нужно своевременно отмечать тех людей, кто стремится к власти, но, в то же время, не проявляет склонности к авантюризму или тирании. Проявление своего влияния, с его точки зрения, является позитивным фактором и для развития личности и для организации, поэтому надо заранее готовить этих людей к принятию высших руководящих постов. Большое значение приобретает фактор своевременности наделения людей полномочиями, поскольку длительная неудовлетворенность статусом, невозможность в полной мере проявить себя обуславливает эмоциональное выгорание личности с сопутствующими ему деформационными

изменениями личности. Д. МакКлелланд настойчиво подчеркивает взаимосвязь профессиональной успешности с предоставленными организацией возможностями. По его мнению, человек может никогда не преуспеть, если у него не будет для этого возможностей, в случае, если организация не предоставит ему достаточную степень инициативы [цит. по: (387, с. 41)]. Мы не случайно обращаем внимание на этот аспект, поскольку ощущение не востребованности, невозможности влияния на социальные процессы становится основой деструктивной протестной активности личности во взаимодействии с социумом.

В.А. Толочек также заостряет внимание на том, что профессиональное становление субъекта (ПСС) не всегда может быть успешным и приносить удовлетворение, т.е. не является процессом исключительно им активно управляемым. ПСС в масштабе общества и государства, с его точки зрения, слишком отделено от целей и условий жизнедеятельности человека, испытывает воздействие множества случайных обстоятельств, имеет значительный временной лаг между воздействиями общества и реакциями людей [337, с. 7].

Опыт консультирования ветеранов афганской и чеченских войн позволяет нам говорить о том, что эти люди требовательны к соблюдению моральных норм и весьма чувствительны к социальной несправедливости. Неудовлетворенность и разочарование наступает в том случае, если руководство «скатывается» на уровень примитивных, по их мнению, норм морали. Высокие нравственные стандарты, сформировавшиеся в период подготовки к опасной для жизни служебной деятельности; опыт выживания на войне вступает в противоречие с нормами, сложившимися в условиях современной экономики, порождающей нездоровую, жесткую и нечестную конкуренцию между сотрудниками.

Таким образом, очевидно, что источники и проявления удовлетворенности и неудовлетворенности как факторов протестной активности личности различны и их можно анализировать только в рамках диалектической логики (удовлетворенность и неудовлетворенность), подчеркивающей взаимозависимость и взаимопорождение внутренних и внешних факторов. Логика мышления антиномиями (удовлетворенность или неудовлетворенность) сужает

границы психологической реальности и примитивизирует интерпретацию феномена протеста.

Проведенный теоретический анализ позволяет говорить о том, что удовлетворенные работники на этапе инновационных изменений быстрее овладевают профессиональными умениями и навыками, чаще демонстрируют образцы активного гражданского поведения, принимают демократические изменения, реже обращаются с жалобами, претензиями. Вместе с тем своевременно отрефлексированная личностью неудовлетворенность может выступить ресурсом для преодоления собственной ригидности. С другой стороны, длительная фиксация личности на неудовлетворенности постепенно «подтачивает» личность, служит мощной подпиткой деструктивных форм протестной активности.

Обратимся к результатам *эмпирического исследования*, где критерий неудовлетворенности (ее качество, проявления) рассматривается сквозь призму типологии протестной активности личности. Напомним, что подробно все формы протестной активности личности были рассмотрены нами в четвертой главе. Мы остановимся на показателях, которые могут дать дополнительную информацию об удовлетворенности в профессиональной сфере.

Выявлены высокосignимые корреляции шкалы *негативизм* (при $p < 0,05$; $p < 0,01$) со шкалами методики УТРО, в частности, положительные корреляции со шкалами: Конфликт с окружением, Недоверие начальству, Безынициативность, Загруженность, Иерархия, Отношения с руководством, Референтность, Неудовлетворенность работой, Отношение к алкоголю, Статус и общими индексами: Неприятие начальства, Фаворитизм, Неудовлетворенность, Авторитет. Установлено, что негативизм поддерживается переживанием неуспешности, недостаточности собственного влияния в группе (низкий социометрический и референтометический статус). Представители данной типологии недовольны психологическим климатом в организации, отношениями в группе. Также обратим внимание на высокосignимые отрицательные корреляции показателей *негативизма, нигилизма, оппозиции и эскапизма* со

шкалами Развитие себя, Достижения, Духовное удовлетворение и значимость Профессиональной сферы ($p < 0,01$). Очевидно, что в случае предпочтения деструктивных протестных форм субъект не стремится добиваться успеха, достигать значимых целей, не способен получать удовлетворение от сферы духовного бытия, отсутствует интерес к избранной профессии (эффект отчужденной профессионализации). Высокозначимые позитивные корреляции *эмансипации* (при $p < 0,01$) с названными ценностными шкалами, напротив, свидетельствуют о готовности к саморазвитию, самореализации, поиску духовного совершенствования, о высокой значимости для человека профессиональной сферы.

Таким образом, в случае реализации конструктивных форм протестной активности профессиональная деятельность приобретает особую ценность, более того, включенность в производственную активность и сопряженную с ней систему отношений может становиться главным содержанием жизни. Следовательно, предпочтение какой-либо формы протеста (деструктивной/конструктивной) проявляет меру и качество актуализации потенциала профессионала.

6.4. Сопоставительный анализ регуляторной специфики спортсменов, демонстрирующих разные формы протестной активности личности

Проблема саморегуляции является центральной проблемой в контексте субъектного подхода, с его акцентами на поиске внутренних источников активности человека, осознании себя субъектом собственной жизни и сохранении продуктивного модуса в профессиональной деятельности и в жизни в целом [6; 69; 286; 347; 393; 394].

Необходимо отметить не только множественность подходов к проблеме саморегуляции и неоднозначность понимания сложившихся в современной психологии механизмов и закономерностей процессов саморегуляции, но и смещение акцента в современных исследованиях с наличных умений субъекта к целостному познанию пути достижения высокого результата, оцениваемого по

индивидуально-личностным аспектам саморегуляции. Характерной тенденцией в современных регуляторных исследованиях является стремление к интеграции и совмещения с другими теоретическими подходами и моделями, что заметно обогащает альтернативные парадигмы [155; 442; 443;444; 524].

Специфика спортивной деятельности, характеризующаяся направленностью на спортивное совершенствование и успех, наряду с ростом конкуренции, непредсказуемостью и вариативностью соревновательных условий указывает на необходимость регуляторных исследований. Г.Б. Горская отмечает, что ориентация на предельно высокий уровень исполнительского мастерства и результативности деятельности может стать источником дисгармонизации индивидуально-психологических особенностей спортсменов и требований деятельности вследствие многомерности и разнонаправленности регулирующего влияния их психической индивидуальности на деятельность. По ее мнению, необходимо принимать во внимание долговременность включения человека в спортивную профессиональную деятельность и возникновение в связи с этим ее макровременных регуляторов, способных влиять на субъективную оценку тех или иных ситуативных воздействий. Исследователь полагает, что специфика спорта дает возможность разработать достаточно точные критерии эффективности деятельности, которые позволяют установить универсальные элементы психической регуляции исполнительской деятельности, осмысление которых раскрывает новые пути создания благоприятных условий самореализации профессионала в любом виде исполнительской деятельности [67].

Требуется психологический анализ данной проблемы, так как влияние конкретных форм протестной активности в их взаимодействии с личностными особенностями в рамках целостного регуляторного процесса не изучено. Предполагаем, что конкретные формы протестной активности вносят разный психологический вклад в индивидуальный профиль саморегуляции. Знание регуляторных функций протестной активности будет способствовать адекватной оценке протестных форм и позволит направлять энергию протеста в конструктивное русло соревновательного поединка.

Психическая саморегуляция рассматривается как «многоуровневая и динамическая система психических процессов по инициации, длительному поддержанию и контролю активности, направленной на достижение принятой субъектом цели» [240, с. 13]. О.А. Конопкин отмечает, что саморегуляция является результатом системного и неразрывного взаимодействия всех участвующих в ней психических феноменов, тем самым подчеркивается единство регуляторной деятельности [178, С. 32-33].

В отечественной психологии широко исследуются возрастные аспекты саморегуляции (Г.Б. Горская, Е.А. Пархоменко, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская); роль индивидуальных особенностей саморегуляции в развитии субъектных и личностных качеств профессионала и профилактике профессиональных деформаций (В.И. Моросанова, Г.Ю. Фоменко, О.А. Конопкин, А.В. Карпов, Е.В. Маркова); роль индивидуальных аспектов саморегуляции в сохранении психического здоровья и преодоления стресса в сложных жизненных ситуациях и ситуациях повседневности (Л.Ф. Бурлачук, Н.В. Гришина, А.Н. Дёмин, Е.О. Лазебная, Н.Е. Водопьянова, С.К. Нартова-Бочавер, В.В. Шиповская и др.) [75]. Исследователи пришли к пониманию высшего уровня саморегуляции как полностью осознаваемого процесса, т.е. целенаправленного процесса регуляции на всех этапах деятельности [240].

О.А. Конопкин, автор известной концепции осознанной саморегуляции активности, предлагает рассматривать осознанную способность к саморегуляции произвольной активности (инициативно-творческий модус) как общий деятельностный потенциал личности и содержательный психологический критерий субъектности. Индивидуальные аспекты осознанной саморегуляции автор интерпретирует в терминах самодетерминации, поскольку данная способность выводит активность самого человека на первый план, где он выступает источником и важнейшим детерминирующим фактором своей деятельности, т. е. ее действительным субъектом. О.А. Конопкин убежден, что сам способ овладения деятельностью, путь достижения высокого результата, анализируемый через параметры эффективной самодетерминации

(самостоятельности, находчивости, настойчивости и др.), является надежным показателем осознанной саморегуляции [155]. Исследования О.А. Конопкина — пример удачной интеграции концепции саморегуляции с теорией самодетерминации.

В.И. Моросанова полагает, что эффективность индивидуального стиля саморегуляции связана с гармоничной согласованностью внешних и внутренних условий. Автор, ссылаясь на свои исследования, доказывает, что индивидуальные аспекты саморегуляции деятельности включают в себя специфику планирования и программирования человеком достижения цели деятельности [240, с. 30].

По мнению К. А. Абульхановой-Славской, саморегуляция и активность структурно представляют собой как бы две взаимодополняющие стороны, механизмами саморегуляции личность охватывает всю совокупность своих жизненных отношений, проявлений, тенденций. Эту «спаянность» саморегуляции и активности можно легко проследить: в случае негативных оценок со стороны общества у человека с ориентацией на успех снизится активность, а у человека, ориентированного только на личные достижения, активность не будет меняться. То есть, посредством саморегуляции личность определяет «нужную меру» соотношения значимости для себя и общественной полезности, выбирая соответствующую форму проявления активности [6, с.90].

В свете вышеизложенных концепций индивидуальные аспекты саморегуляции – контроль поведения, самоорганизация, когнитивный контроль, правильный выбор в условиях неопределенности оказываются профессионально важными индивидуально-психологическими качествами, от которых во многом зависит чувствительность спортсмена к психоэмоциональным нагрузкам, в целом его самоэффективность. В этом плане большой эвристичностью обладает лонгитюдное исследование Г.Б. Горской, которая провела трехлетний психологический мониторинг яхтсменов высокой квалификации и обнаружила противоречие, связанное с тем, что сочетание устойчивых индивидуально-психологических свойств спортсмена является предпосылкой высокой эффективности одних компонентов деятельности и одновременно причиной

низкой эффективности других. Исследователем выявлен внутренний фактор, повышающий чувствительность к психическому дискомфорту, снижающий эффективность спортивной деятельности. Диада «склонность к риску–сниженный самоконтроль» составляет специфический комплекс индивидуально-психологических свойств, свойственный некоторым яхтсменам, предрасполагающий к накоплению у спортсменов психической усталости и снижающий шансы к успешным выступлениям в соревнованиях [67].

Полагаем, что указанная цепочка также указывает на эскапистские тенденции личности: склонность к риску, желание уйти от разрешения противоречий, низкий уровень личностной ресурсности и субъективное чувство отсутствия сил для выполнения даже прежней роли. Отметим, что внутренний разлад в соотношении с использованием незрелых и примитивных защитных стратегий и сниженной способностью субъекта к саморегуляции (ощущение опустошенности), свидетельствует об отчужденной субъектной активности и соответствует параметрам ложной субъектности.

Индивидуальный потенциал саморегуляции спортсменов-профессионалов наиболее полно раскрывается через мотивационные теории, поскольку мотивация является неотъемлемым компонентом профессиональной деятельности. Концепция самодетерминации дает возможность проследить развитие поведения от примитивной реактивности к интегрированным ценностям [440; 441; 442; 443; 444; 445; 527]. В классическом варианте теории самодетерминации потребность в автономии предстает как базовая внутренняя потребность личности и прослеживается развитие поведения от простой реактивности к интегрированным ценностям [444, p.188]. В более развитом варианте теории самодетерминации E.L. Deci и R.M. Ryan сделали акцент на диалектическом конфликте – «противостояния активного «Я» и различных сил, внешних и внутренних, с которыми личность встречается в процессе развития», а также на поиске внутренних ресурсов, помогающих человеку справляться с негативными средовыми воздействиями [442, p. 239].

В усовершенствованной на базе идеи интернализации теории самодетерминации авторы дифференцируют мотивацию на *автономную* (независимость и самостоятельность действий) и *контролируемую* (чувство внешнего давления и ощущение навязывания чужих мыслей и действий). Автономная мотивация, включающая в себя внутреннюю регуляцию, а также хорошо интернализированные формы внешней мотивации – идентифицированную и интегрированную регуляцию, хотя и не имеет никаких поощрений, кроме самой активности, позитивно сказывается на витальности, способствует большей настойчивости в достижении целей. Напротив, контролируемая мотивация, включающая в себя экстервальную (обусловленность поведения поощрениями и наказаниями) и интроецированную регуляцию (парциальная интернализация регуляции), совсем по-другому организует активность субъекта. Отмечается, что личностные факторы – условная самооценка, избегание стыда, зависимость от поощрения «распыляют» энергию индивида, снижают жизненный напор и самоэффективность, обуславливая эмоциональный дискомфорт [443].

Полагаем, что выбор и реализация контролируемой мотивации говорит об отчужденной субъектной активности. Следовательно, эффективность саморегуляции связана не только с ощущением субъективного благополучия, она напрямую сопряжена со способностью субъекта разрешать внутренние и внешние противоречия в соответствии с внутренними целями и смыслами. Смысловая нагруженность спортивной деятельности определяет как мотивационный выбор (в плане автономности) [462], так и качество и эффективность субъектной активности. Данное предположение согласуется с идеей Р. Валлеранда об иерархическом строении мотивации, в которой наряду с ситуационными факторами, не являющимися устойчивой основой регуляции поведения, ключевую роль играют контекстные, определяемые спецификой деятельности, и глобальные факторы – широкие мотивационные установки личности, обусловленные социокультурной средой [548].

В *эмпирическом исследовании* мы намеренно сузили и конкретизировали проблему протестной активности личности применительно к проблеме

саморегуляции спортсменов, в частности тех, кто имеет разный уровень мастерства и успешности в спорте. Исследование было направлено на выявление регуляторной специфики у спортсменов, демонстрирующих разные формы протестной активности личности. Выборку исследования составили юноши и девушки, не занимающиеся спортом ($n=200$ человек) и спортсмены, занимающиеся различными видами спорта (индивидуальные, групповые, единоборства). В выборку спортсменов включены: спортсмены массовых разрядов ($n=200$ человек), кандидаты в мастера ($n=120$ человек) и молодые люди с высокими спортивными показателями — мастера спорта ($n=80$ человек). Выборочная совокупность исследования составила 600 человек разного пола. В тестовый инструментарий исследования вошли методики: авторский многошкальный опросник протестной активности личности ПАЛ (см. Приложение 2), опросник саморегуляции ССП-98 В.И. Моросановой, 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла.

Для выявления отличий в регуляторных особенностях респондентов применен статистический аппарат однофакторного (ANOVA), многофакторного (MANOVA) дисперсионного анализа и множественного регрессионного анализа в среде Statistica 6.0. Учитывались результаты влияния только значимых факторов и предикторов ($p < 0,05$). Были получены формулы регрессионных моделей по разным формам протестной активности – эмансипации, оппозиции, аномии, эскапизму. В каждое уравнение регрессии включено ограниченное значимостью количество предикторов.

Формула регрессионной модели по *Эмансипации*: Эмансипация = 2,69 (Константа) + 1,13 Спортивная квалификация – 0,462 Самостоятельность + 0,465 Общий уровень саморегуляции + 0,368 Н (Смелость) – 0,340 I (Чувствительность) – 0,42 L (Подозрительность) + 0,268 Q1 (Радикализм). Регрессионная модель по эмансипации ($R^2 = 0,365$) — объясняет 36,5% вариабельности зависимой переменной, что является средним показателем детерминации. Тем не менее, по стандартизированным коэффициентам, наибольший вклад в обусловленность переменной «Эмансипация» вносит показатель «Общий уровень саморегуляции»,

а также показатель самостоятельности, т.е. можно говорить о взаимообусловленности факторов эмансипации и саморегуляции.

Однако не все показатели саморегуляции являются продуктивным внутренним ресурсом и способствуют самоэффективности. Обнаружено противоречие между чрезмерной самостоятельностью, проявляемой спортсменом и неприятием, резким отторжением советов тренера. Полученные результаты соотносятся с наблюдениями Р.М. Загайнова. Авторитетный спортивный психолог отмечает, что многократно был свидетелем ссор и конфликтов, инициируемых самим спортсменом, которые существенно затрудняли тренировочный процесс, «распыляя» энергию спортсмена и тренера, вплоть до конфликтного расставания с последним, что нередко осложняло дальнейший спортивный путь спортсмена [114].

В исследовании прослеживается негативное влияние и других регуляторно-личностных свойств на качество саморегуляции. Например, черствость, суровость; чрезмерная подозрительность, недоверие снижают индивидуальный потенциал саморегуляции спортсменов-профессионалов, ограничивая личностный потенциал. Напротив, смелость, активность, склонность к риску; свободомыслие, открытость новому опыту, связанные со зрелой эмансипацией, положительно влияют и на регуляторный процесс. Дисперсионный анализ показал, что фактор включенности в спортивную деятельность оказывает значимое положительное влияние ($p < 0,05$) на формирование эмансипации. Существуют некоторые различия в регуляторных особенностях кандидатов в мастера спорта и мастеров спорта с выраженными эмансипационными установками. Мастера спорта, демонстрирующие высокие показатели эмансипации, отличаются большей гибкостью в принятии решений, по сравнению с кандидатами в мастера спорта. Эмансипация, в основе которой лежит выраженное стремление к самовыражению, самоутверждению себя как личности, в определенной мере усиливает регулятивные способности спортсменов, позитивно влияя на рост спортивной квалификации.

Регрессионная модель по *Оппозиции*: Оппозиция = 16,909 (Константа) – 0,368 Спортивная квалификация + 0,430 Планирование + 0,883 Самостоятельность – 0,746 Открытость; $R^2 = 0,143$. Поскольку коэффициент детерминации модели объясняет 14,3% дисперсии оппозиции, то совокупное влияние предикторов, обуславливающих оппозицию, невелико. Вместе с тем регуляторно–личностная типология у «оппозиционеров» имеет свою специфику. Регрессионное уравнение указывает на то, что лица с преувеличенной самостоятельностью и характерным эгоцентризмом, имеют оппозиционный настрой и менее успешны в спорте. Значимый предиктор оппозиции – показатель *закрытости* препятствует регуляторной гибкости, оказывает негативное влияние на эмоциональное благополучие спортсмена. Выделенное противоречие – несоответствие между преувеличенной самостоятельностью и внутренней замкнутостью, психологической закрытостью, указывает еще и на недоверие к миру и подозрительность. Таким образом, спортсменам, склонным к оппозиционному поведению, свойственен дисгармоничный регуляторный профиль, препятствующий высоким достижениям в спорте.

Регрессионная модель *Нигилизма* имеет низкий показатель детерминации и объясняет лишь 9,1% влияния факторов на дисперсию зависимой переменной. Обнаружено (в виде тенденции), что инструментальные свойства личности – излишняя самостоятельность, чрезмерная сдержанность, определяющие нигилизм, препятствуют достижению высокого спортивного уровня.

В регрессионной модели по *Эскапизму* ни одна из шкал методики саморегуляции не достигает уровня значимости по влиянию на зависимую переменную и поэтому эти шкалы не включены в уравнение регрессии. Коэффициент детерминации модели объясняет 9,0% дисперсии, что говорит о весьма низком показателе обусловленности. С учетом значимого влияния стандартизированных коэффициентов, наибольшее влияние на формирование эскапизма оказывает низкий самоконтроль, уклонение от ответственности, закрытость, эмоциональная нестабильность. Такие личностные свойства как

высокая тревожность, экспрессивность, чрезмерная расчетливость еще больше подчеркивают регуляторную специфику спортсменов, склонных к эскапизму.

Итак, формы протестной активности личности оказывают неодинаковое влияние на регуляторный процесс и на успешность спортивной деятельности. Конструктивные формы протеста (например, эмансипация) выступают психологическим ресурсом саморегуляции, усиливая регулятивные способности спортсменов, способствуя реализации личностного потенциала и позитивно влияя на рост спортивного мастерства. Предпочтение деструктивных форм способствует формированию дисгармоничного регуляторного стиля личности, препятствует эффективности спортивной деятельности. Следовательно, формы протестной активности личности играют важную роль в формировании индивидуального стиля саморегуляции, проявляют специфику стиля, являющегося предпосылкой успешности/неуспешности не только в спорте, но и во многих сферах жизни.

6.5. Проблемы самореализации личности в спорте: психологический анализ противоречий, характерных для субъекта, включенного в спортивную деятельность

Растущая социальная значимость спорта обуславливает пристальное внимание к ценностям и смыслам, транслируемым спортсменом на социум. Заметим, что любая профессиональная деятельность заметно влияет на личностные особенности [153; 344; 345; 349], но условия спортивной деятельности имеют свою специфику. Спортивная деятельность сложна и противоречива с точки зрения факторов, формирующих субъектные свойства личности [66; 68; 77]. Г.В. Ложкин, отмечая деформирующее действие спорта на личность, указывает на появление противоречий между внешними и внутренними факторами, обусловленные тем, что внешние факторы обычно ориентируют человека на достижение внешней цели, а внутренние – ориентированы на личностные смыслы, целью которых является сама личность, система ценностей ее внутреннего мира [202, с. 17].

Действительно, с одной стороны, спорт может способствовать развитию субъектных свойств – ответственности, целеустремленности, общительности, формированию позитивной самооценки, устойчивости к стрессу, интернальности, независимости и самостоятельности развитию индивидуального потенциала саморегуляции [17; 66; 77; 114]. С другой стороны, наращивание субъектных свойств вступает в противоречие с требованиями спортивной деятельности, связанной с межличностным и интрагрупповым соперничеством и предполагающей высокую конкуренцию, провоцирующую тренера и общество относиться к спортсмену как к средству достижения высокого результата. Подобное отношение к спортсмену вызывает психологический эффект, когда личность спортсмена отождествляется с его спортивными достижениями, тем самым личность уходит из поля зрения тренера [295]. Отмеченное противоречие между социальной ролью спортсмена и его индивидуальностью порождает эффект ложной субъектности, проявляющийся в том, что и спортсмен начинает относиться к себе как к объекту, средству максимальной реализации ресурсов. В командных видах спорта, в связи с некоторыми сложностями отслеживания реального вклада отдельной личности в общекомандный результат, обнаруживается следующее *противоречие* – не личность организует деятельность под свои цели и запросы, ценности, но сама деятельность «заставляет» спортсмена играть по ее правилам, т.е. управляет спортсменом.

Выделим ещё ряд противоречий. Социальная среда, в которой происходит подготовка спортсменов, отличается высокой конкурентностью взаимоотношений, практика которой побуждает стремиться к успеху с раннего возраста [68]. Психологические последствия нахождения детей подросткового и юношеского возраста в конкурентной среде весьма неоднозначны [66; 68; 114; 295]. По мнению М.Ю. Кондратьева, характерное для специализированных школ-интернатов для одаренных подростков господство монодеятельности вызывает пагубные для развивающейся личности последствия, обуславливает деперсонализацию большинства воспитанников [154, с.35].

Характерная для спорта высших достижений ранняя профессионализация придает специфические черты личностному развитию спортсменов и может быть источником его дисгармонического протекания, негативно влияющего как на успешность спортивной карьеры, так и на благополучие жизненного пути высококвалифицированных спортсменов [67; 114]. Приведем авторитетное мнение Г.Б. Горской, полагающей, что длительное пребывание в такой конкурентной среде вызывает нарушение нормативного развития взаимоотношений с социальным окружением [68, с. 9].

А.Г. Егоров отмечает негуманность современной спортивной субкультуры, связанной с тем, что ранняя профессионализация ограничивает возможности личностной общекультурной эволюции. Возможно формирование качеств, противоречащих общекультурным ценностям, которые можно отнести к спортивным деформациям личности – агрессивность, пренебрежение к гуманистическим идеалам и нравственно-этическим принципам, одностороннее развитие личности. А.Г. Егоров указывает на усиливающееся противоречие между реальной ориентацией высококвалифицированных спортсменов на прагматические ценности и теми идеалами и ценностями, которые провозглашает олимпийская философия. Автор обращает внимание на участвовавшие в современном спорте допинговые разоблачения, скандалы в судействе, а также беспорядки, спровоцированные футбольными фанатами; автор отмечает нередкие случаи девиантного поведения среди спортсменов [101, С. 5-6].

Подобным ценностно-смысловым противоречиям также способствует духовно-нравственный климат в нашей стране, определяемый многими исследователями как крайне негативный, в котором совершенно игнорируются моральные критерии [257; 406]. Агрессивность, цинизм, негативизм, нигилизм, проявляемые современными подростками и молодежью, могут являться откликом на аномию, актуализирующую массовую агрессивность, которая является непосредственным проявлением разрушения нравственности и традиционных ценностей в обществе [70; 76; 168; 343; 409]. Отсутствие в картине мира спортсмена адекватных представлений о себе и окружающей реальности не

только препятствуют обретению позитивной идентичности, но и непомерно развивают честолюбие, потребность в мстительном триумфе, агрессивность, способствуют развитию внутриличностных конфликтов [202, с. 15]. Агрессивный спортсмен высокого уровня становится вдвойне опасным. Во-первых, он может поставить в затруднительное положение людей, прямо или косвенно связанных с его спортивной деятельностью (тренеров, менеджеров, представителей СМИ и др.). Во-вторых, спортсмены – это люди, обладающие неординарными физическими способностями, поэтому несогласованность силы и самоконтроля спортсмена представляет большую опасность для общества, о чем свидетельствуют резонансные уголовные процессы с участием спортсменов экстра-класса [77].

Д.В. Клиновой обращает внимание на сходство спортивного состязания и уличной драки по уровню затрагиваемых системных ценностей. Эти два варианта соперничества являются силовой схваткой, борьбой своих и чужих (об этом свидетельствует конфликтность спортивных фанатов). Основное отличие одного типа соперничества от другого в том, что «для человека, достигшего высших уровней сознания и бытия, глубоко интегрировавшего опыт данного уровня бытия в систему своей психики, спорт становится явно предпочтительнее драки» [цит. по: (77, с.45)]. Цели ставятся всеми, но их содержание различно, поэтому для правильного понимания целей человека, на взгляд Д.В. Клинового, надо выяснить, на какой ценностной и мотивационно-потребностной основе они формулируются.

Нет сомнения в том, что деформация в ценностно-смысловой системе личности, а также неспособность к предвидению последствий собственных действий отличает негативный вариант соперничества от честного состязания. Полагаем, что в центре узла перечисленных противоречий оказывается проблема, связанная с выбором и реализацией *модуса бытия личности*. Спорт рассматривается как экстремальный тип деятельности, экстремальный характер которой заключается в многолетнем добровольном принятии личностью ежедневных и монотонных сверхнагрузок; преодолением боли, страха и травм;

постоянном усложнении деятельности, расхождением целей и результатов деятельности, неопределенности соревновательной ситуации и т.п. [67; 114]. Спорт высших достижений сопряжен с преодолевающей активностью личности, предполагающей стремление к расширению границ собственных возможностей, осознанный выбор надситуативных целей и сверхзадач, позволяющих актуализировать собственные возможности, максимально раскрыть личностный потенциал [394]. У спортсменов экстра-класса к постоянным экстремальным нагрузкам на тренировках добавляется понимание необходимости победы любой ценой на соревнованиях и принятие личной ответственности за результат, что свидетельствует о выборе ими особого способа существования, характеризуемого как предельный.

Рассматривая особенности экстремального и предельного существования, Г.Ю. Фоменко обращает внимание на различия в позиции, которую занимает человек к конкретным ситуациям и жизни в целом [348]. При экстремальном существовании «...человек может успешно занимать активную позицию и преодолевать жизненные трудности, но он не будет сознательно заниматься их воспроизводством. При предельном существовании присутствует потребность в дополнительном «осложнении» и повышении экстремальности действительности» [344, с. 299]. Исследователь, отмечая принципиальную возможность аутентичного бытия, считает, что в усложненных профессиональных условиях предпочтение субъектом предельного модуса бытия становится единственно возможным способом избежать утраты целостности личности и склонности к деструктивности в условиях современных «цивилизационных сдвигов и разломов», залог и условие не-распада личности [353, с. 37].

Очевидно, что несформированность нравственно-этических норм, на фоне отсутствия устойчивых идеалов в трансформирующемся обществе, поддерживает внутриличностный конфликт и затрудняет проблематизацию фрустрирующих ситуаций, препятствуя их продуктивному разрешению. У спортсменов любого уровня иногда возникают деструктивные явления в сфере межличностных отношений и атрибуции ответственности — несамостоятельность, возложение

ответственности за неудачи на соперников, судей, тренера; негативизм. Следовательно, просматривается несколько уровней реализации стремления спортсмена к независимости – это свобода от влияния (стремление избавиться от излишней опеки); свобода для себя (подчеркнутая самостоятельность и интернальность) и свобода как обретение внутренней независимости, когда тренер рассматривается как равноправный партнер. На отдельных этапах спортивного совершенствования спортсмен может реализовать различные субъектные стратегии взаимодействия с тренером. В нашей работе по психологическому консультированию олимпийской чемпионки определено, что высший этап совершенствования спортивного мастерства сопровождается стремлением к самостоятельности и внутренней независимости [77, с.46]. Обретенная духовная независимость является мощным личностным ресурсом и позволяет после завершения спортивной карьеры плодотворно удовлетворять потребность в самореализации, о чем свидетельствует расширенный диапазон альтруистической деятельности многих спортсменов экстра-класса.

Обратим внимание еще на одно противоречие, с которым сталкиваются спортсмены на этапе повышения мастерства. Г.Б. Горской доказана выраженная потребность спортсменов в помощи, поддержке со стороны взрослых, в то время как их ровесники, не занимающиеся спортом, больше ориентированы на взаимопонимание, взаимное уважение, доверие [68, с. 9]. Такое противоречие как излишняя зависимость от старших и в то же время ориентация на сверстников, может вызвать особое метамотивационное состояние, определяемое исследователями как негативизм.

Д.Н. Kerr, опираясь на концептуальные положения теории реверсивности, рассмотрел конкретные проявления *негативизма* в спорте [486; 487]. Негативистическое и конформное метамотивационные состояния рассматриваются как личностные диспозиции. Спортсмен, находясь в конформном метамотивационном состоянии, проявляет исполнительность, и поскольку хочет соответствовать ожиданиям тренера, он соглашается с его требованиями, советами и с удовольствием следует рекомендациям. В

негативистическом состоянии спортсмен находится в поиске свободы от всевозможных правил и влияния и бросает вызов ожиданиям тренера. Высмеивание, нарушение тренировочного режима и предписаний, обесценивание авторитетов – признаки негативистического состояния. Интерес также представляют сочетания метамотивационных состояний с целевой и бесцелевой составляющей, поскольку они определяют специфику каждого из состояний, в частности, диспозиция «целенаправленный конформист» отражает стремление спортсмена в процессе тренировки достичь максимальных результатов с целью получения одобрения тренера. Диспозиция «целенаправленный негативист» характеризуется повышенной агрессивностью, более того, спортсмен получает удовольствие от организации бойкотов, он способен саботировать тренировки и соревнования по незначительным поводам и стремится к протесту ради того, чтобы удовлетворить свою потребность в преодолении любых ограничений. Примечательно, что демонстрация диспозиции «бесцельного негативиста» не связана со стремлением спортсмена достичь победы в споре с тренером, ему нравится сам процесс негативного выражения своих чувств [486].

Перечисленные метамотивационные состояния высвечивают еще одно *противоречие* – инициирование сложных (фрустрирующих) ситуаций в результате конфликтности и агрессивности и неспособность к их проблематизации. Спортсмен выбирает такие поведенческие модели, способы субъектной активности личности, которые поддерживают его негативную идентичность. В негативистическом состоянии искаженно понимается свобода, поскольку вступая в отношения с тренером, спортсмен через реализацию своей субъектной активности стремится освободиться от ответственности, установленных правил и ограничений, обесценить авторитет тренера.

В этом плане имеется аналогия наших выводов с представлениями Г.В. Ложкина, который выделил несколько видов когнитивных искажений реальности у спортсменов: персонализация, связанная с интерпретацией действительности с позиции личностной зависимости; дихотомическое мышление или склонность мыслить крайностями; произвольные умозаключения, которые не

подтверждаются фактами или противоречат им; сверхгенерализация как широкое обобщение единичных случаев. Автор предлагает рассматривать психические отклонения, которые приводят к разнообразным искажениям, в качестве диагностических критериев профессиональной деформации спортсменов и указывает на множественность форм искажений, специфика которых определяется личностными особенностями спортсмена [202, с. 16]. Следовательно, речь идет об ощущении неконтролируемости жизненных ситуаций, непонимании сути проблем и формировании свехупрошенной, искаженной и в то же время одномерной «черно-белой» картины мира, в которой совершенно отсутствуют полутона, что определяет мироотношение, осевым представлением которого выступает недоверие и негативистический настрой.

Иное качество получает и самореализация, которая предполагает, прежде всего «применение своих индивидуальных способностей творческим образом» [344, с. 151]. Поэтому следующее противоречие возникает, исходя из того, что высокая результативность в спорте предполагает всё большую необходимость максимальной реализации творческого потенциала спортсмена, который не всегда способен в полной мере отвечать этим требованиям спортивной деятельности. Успешность и полнота самореализации высококвалифицированных спортсменов зависит от степени мобилизованности личностных ресурсов, креативности, наличия позитивных ценностей и жизненной плана. Негативное мироотношение и неразрешенные внутриличностные противоречия препятствует реализации внутреннего потенциала. Соревновательные ситуации, обладающие повышенной стрессогенностью и признаками экстремальности, могут оказаться труднопереносимыми для личности и вызвать манифестацию деструктивных протестных форм от негативизма (по отношению к тренеру, команде, занятиям) до эскапизма, внезапного принятия решения об уходе из спорта.

В данных противоречиях высвечивается одна из основных проблем самореализации личности в спорте, связанная с тем, что под воздействием факторов спортивной деятельности у спортсменов может наблюдаться дисгармонизация мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер

человека, нарушающая продуктивное взаимодействие личности с социумом, искажающая субъектную ориентацию личности. В подобной самореализации можно увидеть признаки отчужденной субъектной активности личности. В. Штерн отмечает специфическую захваченность подростка «опустошающим духом чистого спорта», когда сфера спортивной деятельности воспринимается мономонически, т.е. с трудом допускает рядом с собой возникновение других интересов, становится упрощенной, наполняясь чисто количественным содержанием [399, С. 30-32].

Деформация самореализации описана в теории страстной увлеченности Р. Валлеранда, который выделил два типа увлеченности – гармоничную и навязчивую. Последняя делает человека одержимым выполняемой им деятельностью, т.е. речь идет о смещенном, искаженном контроле (деятельность контролирует человека, а не наоборот, что говорит об уходе от решения сложных экзистенциальных вопросов бытия [546; 547]. Добавим, что отчужденная субъектная активность, лишенная творческого начала, сопряжена еще и с поверхностной, одномерной рефлексией.

Серия *эмпирических исследований*, проведенных нами, подтверждает данные представления. В одном из ранних исследований мы предположили, что включенность в спортивную деятельность и самореализация в спорте способна сгладить негативные проявления подросткового кризиса, сопряженные с протестными реакциями, в частности, снизить уровень конфликтности, агрессивности и других деструктивных проявлений кризиса. Выборку исследования (N= 80) составили воспитанники спортивного юношеского клуба, юноши в возрасте 15-17 лет и юноши такого же возраста, не занимающиеся спортом. Был использован многофакторный опросник Мини-мульти (Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников); тест межличностных отношений Т. Лири; авторская методика, диагностирующая уровень и содержание протестной активности личности (ППЛ). По результатам методики ППЛ был обнаружен высокий уровень негативизма, который, по мнению многих исследователей, весьма типичен в этом возрасте, т.е. имеет нормативную природу.

В выборке спортсменов были выявлены значимые (при $p < 0,05$) позитивные корреляции *Негативизма* с истерией, психопатией, шизоидностью и отрицательные связи с дружелюбным отношением к окружающим. Обнаружилось, что чем выше уровень негативизма, тем выше степень недоверия к окружающим, враждебность. В результате наблюдается большее количество конфликтных ситуаций, инициируемых спортсменом. Причем, у лиц, имеющих проблемы (на уровне невроза), сильно снижаются шансы занять высокий статус в спортивном клубе, что на фоне высоких амбиций и неадекватного восприятия себя, своих способностей, актуализирует острое недовольство собой, неудовлетворенность жизнью, провоцирует негативные протестные реакции. Обнаруженная взаимообусловленность внутренней конфликтности и искаженной картины мира (на это указывают еще и показатели личностных расстройств по методике «Мини-мульти») может стать предиктором деструктивной протестной активности спортсмена. В силу специфики спорта, связанного с соперничеством и высокой конкуренцией, автоматическая включенность в эту деятельность вне ориентации на продуктивное общение и сотрудничество не сглаживает негативные проявления возрастного кризиса, но актуализирует агрессивность, враждебность и негативизм. Тем самым негативизм как ситуативная реакция быстро трансформируется в устойчивую форму протеста. Как показывают наблюдения Р.М. Загайнова, если тренер ориентирует молодого спортсмена на ненависть и злобу к сопернику, эти мотивационные установки закрепляются в личности спортсмена-чемпиона, и он со временем становится негативистом, человеконенавистником [114].

Целью более позднего исследования являлось выявление специфики содержания субъектной активности у спортсменов, имеющих различный уровень спортивного мастерства. Одной из задач исследования стало изучения специфики субъектной активности, а также выявление разноуровневых противоречий, свойственных спортсменам высокой спортивной квалификации. Выборку исследования составили 500 спортсменов разного пола (от лиц, имеющих 1-й разряд, до мастеров спорта). Тестовый инструментарий: авторский

многошкальный опросник протестной активности личности; опросник механизмов психологических защит Р. Келлермана – Г. Плутчика; шкала копинга С. Хобфолла; методика С. Шварца, диагностирующая ценностно-смысловые образования, тест Т. Лири, методика определения агрессивности А. Басса – А. Дарки (в адаптации А.К. Осницкого), методика на выявление самооценки С.А. Будасси. Произведен корреляционный анализ по Спирмену взаимосвязи уровня спортивной квалификации с показателями психологических тестов, описаны только значимые корреляции ($p < 0,05$). Судя по результатам, полученным по опроснику психологических защит, в группах респондентов с разным уровнем спортивного мастерства наблюдается различное развитие субъектных свойств. С ростом спортивной квалификации снижаются показатели следующих психологических защит: регрессии ($r = -0,067$), что означает усиление самоконтроля, а также проекции ($r = -0,131$) и говорит о большей возможности принятия других, более того, отмечено снижение показателя индекса примитивных защит ($r = -0,100$). Таким образом, с ростом спортивной классификации отмечена выраженная положительная тенденция к рефлексии особенностей соревновательной ситуации, к более адекватному и позитивному восприятию мира. Анализ показателей, полученных по методике А. Басса и А. Дарки, демонстрирует неоднозначные связи агрессии с ростом спортивной квалификации. Рост спортивной квалификации положительно влияет на уменьшение физической ($r = 0,062$), вербальной агрессии ($r = 0,058$), но усиливает косвенную агрессию ($r = -0,089$). Эти данные, подкрепленные значимыми результатами дисперсионного анализа влияния занятий спортом на агрессивность, не позволяют с уверенностью говорить о том, что спорт можно рассматривать как радикальное средство снижения или канализирования агрессии. Выявлено, что с повышением уровня спортивной квалификации у спортсменов значимо возрастают значения таких копинг стратегий как *ассертивность* ($r = 0,069$); в то же время снижаются показатели таких копинг-стратегий, как *вступление в контакт* ($r = -0,076$); *поиск социальной поддержки* ($r = -0,125$); *осторожность* ($r = -0,056$); *избегание* ($r = -0,092$); *агрессивный копинг*

($r=-0,058$). Таким образом, высококвалифицированные спортсмены обладают рядом позитивных качеств: активность, независимость, концентрация на поставленной цели, высокий коммуникативный ресурс. Наряду с позитивными субъектными свойствами отмечены противоречия, характерные для высококлассных спортсменов. Разрешение внутренних конфликтов, усиление регулятивных качеств, адаптивность сочетается с проблемами в социальной сфере. С ростом спортивной квалификации заметна тенденция к *доминированию*, но снижается уровень *дружелюбия*. Наблюдается еще одно противоречие – высокая *самооценка* ($r= 0,231$) сочетается с отсутствием стремления к наращиванию *духовного потенциала* ($r= -0,110$).

Согласно результатам, полученным по методике С. Шварца, выявлен ряд ценностно-смысловых противоречий. Достижение высокой спортивной квалификации сопряжено с нонконформизмом, неприятием или девальвацией традиций, слабым принятием универсальных ценностей при высоком стремлении к достижениям и стимулам. Обратим внимание на следующее *противоречие*: для спортсменов характерно самовозвышение, открытость к изменениям и в то же время снижение самокритичности и неспособность к самотрансцендированию. Полученные результаты соответствуют данным, выявленным в исследованиях Я.Х. Вълкановой и В.А. Масленниковой, в которых обосновано, что с возрастом увеличивается расхождение уровня притязаний и самооценки, которое обусловлено слабым развитием навыков целеполагания. Также проявляются следующие негативные эффекты ранней профессионализации: низкое развитие социальных качеств личности и ценностей, недоразвитие потребности в познании и общении, дефициты креативности, стремления к самоактуализации и творческой самореализации [77, с.48].

Выявленные противоречия говорят об узкой направленности личности, ориентированной на достижение единственной цели в жизни – победы в соревновании любой ценой. Для спортсменов с несформированной субъектной позицией характерно сужение социального интереса, неразвитость социального мышления, социальная пассивность и восприятие себя в качестве объекта по

отношению к обществу и государству, что указывает на дисбаланс интериоризованной и экстериоризованной субъектности. Личность спортсмена-победителя, ограниченная эгоистическими ценностями и потребностной мотивацией, предстает в роли личности с искаженной субъектностью. Полагаем, что для конструктивного разрешения противоречий и гармонизации всех личностных бытийных пространств у спортсмена важно формировать не только отдельные рефлексивные, оценочные, регуляторные и мотивационные компоненты личности, но и позитивные ценностно-смысловые установки. Только «гибкий и творческий характер миропонимания обеспечивает способность личности к актуализации и адекватному применению приобретенных знаний, навыков и умений в разных ситуациях жизнедеятельности» [17, с. 6]. Развитие духовности, гражданственности, патриотизма, ответственности, социального интереса предупреждает личностные деструкции в большом спорте.

РЕЗЮМЕ ПО ГЛАВЕ 6.

В заключительной шестой главе в первых двух параграфах рассмотрены представления авторов, работающих в разных традициях, о критериях, мере становления субъектности. Общим для научных подходов является гуманистическая трактовка личности как субъекта, процессуальность субъектности, ее связь с активно-преобразующей сущностью человека, самоорганизацией и саморегуляцией. Таким образом, в субъектном подходе человек признается активным субъектом многообразных форм произвольной человеческой активности (К.В. Карпинский). Различия обнаруживаются в критериях субъектности. Акмеологический критерий выделения субъекта (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский и др.) обозначает вершину в развитии личности, эволюционный критерий (Е.А. Сергиенко) фиксирует постепенное уровневое развитие человека как субъекта, от протосубъектности к субъекту деятельности и жизни. Конструкт субъектности раскрывается через понятие активности, которая интегрирует и регулирует в динамике и функционировании всю личностную структуру, выступая как проектирование и организация собственной жизни и как

конструирование социальной реальности. Понятие «активность» личности в субъектном подходе рассматривается в соотнесенности с жизнедеятельностью и жизненным путем (К.А. Абульханова, К.В. Карпинский), в субъектно-бытийном подходе – в соотнесенности с модусами ее бытия (Г.Ю. Фоменко).

В контексте методологии субъекта усиливается идея о решающей роли противоречий и способов их разрешения в становлении субъекта и выборе способа существования. *Специфичность протестной активности личности*, представляющей собой разновидность модусов бытия, подчеркивается специфическим содержательным наполнением структурных компонентов, в совокупности позволяющих осмыслить позитивные/негативные аспекты объективации личности в процессе бытия. В ряду разнообразных видов активности (творческой, деятельностной, познавательной, созерцательной, поисковой, волевой, сознательной/бессознательной, адаптивной/неадаптивной) протестная активность *специфицируется важнейшими онтологическими характеристиками: противоречиями и субъектным позиционированием*. Выделенные в исследовании бытийные противоречия являются системообразующим признаком для форм протестной активности и, выявляя ценностно-смысловое содержание этой активности, проявляют специфику этих форм. Через анализ противоречий получает более чёткую определённую проблему субъектного позиционирования личности. Соответственно конструкт субъектности дает возможность под новым углом зрения интерпретировать изучаемый феномен, сконцентрироваться на особенностях, уровнях и флуктуациях субъектности в формах протеста.

Понятие «субъектность личности» уточнено и дополнено новым эмпирическим содержанием. Под субъектностью понимается способность преобразовывать окружающую реальность плодотворным и безопасным для личности и социума образом или опасным, деструктивным, в зависимости от самоопределения личности. Установлено, что существуют формы протестной активности, обладающие признаками ложной или истинной субъектности. Обозначены дифференциальные критерии ложной и истинной субъектности

применительно к протестной активности личности. *Ложная субъектность*, соответствующая деструктивным формам протеста, в отличие от истинной, предполагает: отчуждение и изоляцию, невротический жизненный стиль с ложным «Я»; негативную идентичность; экспансия собственного масштаба на бытийные пространства осуществляется через прямое отрицание гуманистических ценностей и разрушение социальных структур; преобладание объектных взаимоотношений, неаутентичность. Подчеркивается, что рабская, «поддакивающая» конформистская установка только создает иллюзию социальной полезности. Субъектное позиционирование, связанное с отказом от собственной уникальности и индивидуальной судьбы является потенциально опасным, порождает феномен ухода от личной ответственности, бессмысленность, бесцельность жизни и разрушительную протестную активность в разных ее формах. *Для истинной субъектности*, которая соотносится с конструктивными формами, характерны: развитая духовность, устойчивое и целостное мировоззрение; трансляция универсальных нравственных ценностей и этических принципов; поступки на основе нравственного выбора; ответственность за себя и других; способность руководствоваться идеальной мотивацией (на основе морали, совести); гуманистические формы расширения своей бытийности; способность к самотрансцендированию и самобытию. Возможность реализовывать истинную субъектность способствует установлению более прогрессивных и гуманных социальных взаимоотношений по сравнению с существовавшими ранее. Но в результате смены субъектного позиционирования на объектное человек, способный к конструктивной протестной активности, быстро оказывается в условиях, способствующих образованию деструктивных форм протеста. Об этом свидетельствуют выявленные в исследовании проблемы и противоречия, характерные для эмансипации. Соответственно разным ракурсам субъектности требует конкретизации проблема флуктуаций между двумя типами субъектности относительно конструктивных форм протеста.

В параграфе 6.3 выделены и проанализированы подходы, раскрывающие проблему неудовлетворенности трудом, приводятся результаты исследования, в

котором неудовлетворенность рассматривается сквозь призму типологии протестной активности личности. Доказано, что в случае предпочтения деструктивных форм протестной активности субъект не стремится достигать значимых целей, отсутствует интерес к избранной профессии. В случае реализации конструктивных форм профессиональная деятельность приобретает особую ценность, включенность в производственную активность и сопряженную с ней систему отношений становится главным содержанием жизни. Фактически, предпочтение какой-либо формы протестной активности личности проявляет меру и качество актуализации потенциала профессионала.

В заключительных параграфах рассматривается регуляторная специфика у спортсменов, демонстрирующих разные формы протеста, проанализированы основные проблемы самореализации личности в спорте, связанные с искажением субъектной ориентации личности. Эмпирический анализ дает основание говорить о конструктивном вкладе эмансипации в регуляторный процесс. В то же время наращивание субъектных свойств может вступать в противоречие с требованиями спортивной деятельности, связанной с соперничеством и предполагающей высокую конкуренцию, провоцирующую тренера и общество относиться к спортсмену как к средству достижения высокого результата. Выделено основное противоречие – между социальной ролью спортсмена и его индивидуальностью, которое порождает эффект ложной субъектности, когда спортсмен начинает относиться к самому себе как к объекту и средству максимальной реализации ресурсов. В центре узла бытийных противоречий личности оказывается проблема, связанная с выбором модуса бытия личности. Таким образом, автоматическая включенность в спортивную деятельность вне ориентации на сотрудничество, без опоры на позитивные ценности служит поддержанием деструктивной протестной активности личности. Именно развитие важнейших субъектных качеств, таких как духовность, гражданственность, патриотизм, ответственность, социальный интерес, ценностное отношение к жизни может поставить прочный заслон личностным деструкциям в большом спорте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Предложенные новые теоретико-методологические основы изучения феноменологии протестной активности личности с позиций субъектного и субъектно-бытийного подхода позволяют анализировать формы протестной активности личности с учетом их психологической специфики.

2. Концепция протестной активности личности раскрывает сущность, структуру, механизмы, движущие силы, специфику протестной активности. На основании теоретического анализа и эмпирических исследований протестная активность личности определяется как процесс, обусловленный несогласованностью субъективного мира и объективных пространств бытия личности, благоприятствующий или препятствующий сохранению целостности личности и аутентичности бытия, опосредованный особенностями субъектной активности и экзистенциальным самоопределением, посредством которых конструируется и воспроизводится способ бытия. Конструкт протестной активности личности предстает как сложный интегральный психологический феномен, проявляемый в конкретно-историческом контексте и варьируемый вокруг двух полюсов психодуховной жизни личности (конструктивного/деструктивного), результирующих в различные формы протеста, специфика которых обусловлена вариантом личностного выбора и типом субъектного позиционирования.

3. Разработанная структурно-диалектическая модель протестной активности личности адекватна теоретико-методологическим положениям субъектно-бытийного подхода и позволяет анализировать специфику протестной активности личности в конкретном социально-историческом контексте. Структурными параметрами протестной активности личности являются ценностно-смысловая направленность, бытийные противоречия и способы их разрешения, картина мира, мотивационно-потребностная сфера, наряду с системообразующими компонентами – субъектной позицией личности и экзистенциальным

самоопределением. Смещение и искажение в каждом из структурных компонентов, в том числе объектное тяготение личности, создают условия для негативной трансформации протестной активности, которая оборачивается социальными взрывами и насилием.

4. Выделенные формы протестной активности личности – эмансипация, эскапизм, негативизм, оппозиция, нигилизм представляют собой устойчивые явления и по своей структуре соответствуют модусам бытия, оформившимся в результате сложного и противоречивого процесса экзистенциального самоопределения.

5. Существенные различия в деструктивных/конструктивных формах протестной активности личности обнаруживаются по следующим основным параметрам:

- *ценностно-смысловая направленность личности*: а) деструктивные формы — система заимствованных жизненных принципов и ценностей, ценностно-целевые приоритеты заострены вокруг полюса D-смыслов (деструктивность и фиксация на теме смерти); самоограничение личностного потенциала; б) конструктивные формы – гуманистические ценности с гармонично выстроенной иерархией и нравственной соотнесенностью жизненных целей; движение к самоактуализации на основе множественности выборов;

- *мотивационно-потребностная сфера*: а) деструктивные формы — невротический жизненный план, потребностная, эгоистическая мотивация (подчинение принципу удовольствия) и блокада ценностной мотивации; отсутствие потребности встраивания в социальную жизнь; сниженный самоконтроль аффектов, неадекватное восприятие личностных ресурсов; зависть и неудовлетворенность; б) конструктивные формы — позитивная ценностная мотивация, потребность в самоисполненности; эффективная самодетерминация на основе осознанной саморегуляции;

- *моделирование «картины мира»*: а) деструктивные формы — система стереотипов, порождающих искаженное видение мира; несогласованность и оппозиция между внутренним и внешним миром, порождающие недоверие, отчуждение и абсолютизацию протеста; ощущение неподконтрольности жизни; б)

конструктивные формы — система гуманистических идей, организующих гармоничную картину мира, устойчивое и целостное мировосприятие;

- *характер экзистенциального самоопределения*: а) деструктивные формы: непродуктивные и извращенные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации, создающие иллюзию разрешения экзистенциальных вопросов бытия (снижение ценности человеческой жизни, формальное понимание свободы как вседозволенности, самоизоляция, клановая солидарность, непримиримость с миром, намеренное сужение собственного бытия); б) конструктивные — глубокое осмысление жизненных дихотомий и продуктивные варианты удовлетворения экзистенциальных потребностей (экзистенциальная реализация свободы как соотнесенности с самим собой, духовная независимость, ответственность, позитивная самореализация, связь с жизнью общества).

- *субъектная активность личности*: а) в деструктивных формах — объектная позиция, использование незрелых защитных стратегий, самоограничение личностного потенциала, склонность к немотивированному риску, отчуждение от мира, девальвация ценностей жизни, суженная (поверхностная) и запаздывающая рефлексия совершенных поступков указывают на внешнюю детерминацию активности личности; б) в конструктивных протестных формах (высший эскапизм, эмансипация) на первый план выступает отношение к себе и другим людям как к субъектам, активизация духовных усилий, направленных на самосовершенствование и самореализацию в соответствии с собственным проектом; способность личности к осуществлению позитивного intersubjectного влияния на социум, развитая система саморегуляции, эффективная самодетерминация и продуктивная реализация личностного потенциала с опорой на собственные ресурсы.

6. Анализ системы бытийных противоречий, отражающих особенности и степень конструктивности взаимодействия личности и общества, позволяет выделить основания для дифференциации личности как субъекта конструктивной

или деструктивной протестной активности. Классифицированы бытийные противоречия, характерные для деструктивных форм протеста:

- *ценностно-смысловые противоречия*: стремление к экспансии собственного масштаба и неприемлемые способы личностного позиционирования;

- *противоречия в бытийных пространствах личности в преломлении к системным позициям «личность-общество» и «личность-государство»*: восприятие жизненных условий как непереносимых, вызывающее фрустрацию и стремление к снятию последней не собственной активностью, а внешними политическими или юридическими мерами; желание достичь социального статуса и неготовность к полноценному включению в социум в связи с неспособностью определить своё место в общественных структурах;

- *внутриличностные противоречия*: несогласованность энергетического потенциала и самоконтроля; чувство собственной грандиозности и сниженная способность к творческому созиданию; несоответствие между бытием и долженствованием;

- *экзистенциальные противоречия*: между осознанием фундаментальной изоляции и несформированной потребностью в принадлежности к большему целому.

Для конструктивных форм характерны *ценностно-смысловые противоречия* между выработанными в процессе углубленной рефлексии ценностями и смыслами и косностью общественных структур, не готовых воспринять транслируемые субъектом ценности. В то же время осознание себя деятелем, субъектом собственной жизни способствует умению вычленять проблемные ситуации, противоречия, творчески их преобразовывать и разрешать на основе активной и устойчивой субъектной позиции, взяв на себя ответственность за последствия собственных действий.

7. Специфика форм протестной активности личности определяется в зависимости от выделения и способов разрешения разноуровневых противоречий:

а) деструктивные формы: *оппозиция* – креативные способности и самоограничение личностного потенциала, приземленность, фиксация на

неудачах, вызывающие усеченную реализацию задуманного; стремление к удовлетворению материальных потребностей и отсутствие желания достигать целей; внешняя открытость в противостоянии и провокационное поведение, с использованием широкого спектра манипуляций, обеспечивающее подстрекательство других на сопротивление, наряду с желанием остаться в «тени»; *негативизм* — претензии на доминирование, желание контролировать и подчинять среду и сниженный самоконтроль, социальная пассивность; негативный образ себя и сознание собственной исключительности; самостоятельность в принятии решений и отсутствие планирования и ответственного целеполагания; высокие статусные притязания личности и отсутствие потребности в самореализации и духовном росте; ощущение собственной обделенности и неприятие прав окружающих, пренебрежение к ним; несформированность нравственных норм и убежденность в своей правоте; *нигилизм* — желание преобразований и неспособность в гуманистическом русле реализовать свои цели, вследствие небольшого диапазона творческих способностей, низкого личностного потенциала; несоответствие ценностных приоритетов и требований жизни, девальвация ценностей жизни, десакрализация существования и тотальность деструктивности; самоизоляция и потребность во внешнем контроле; *эскапизм* — экзистенциальный вакуум вызывает демонстративный уход от проблем, которые субъект хочет решать самостоятельно, но в результате не способен решить; показательный *уход* и вызов устаревшему не подкреплен желанием преобразовывать мир и себя; эскапизм проявляется как реакция на двойной конфликт — внешний (межличностный) и внутриличностный; б) конструктивные формы: *высший эскапизм* — форма протеста, переходящая в процессе сложного взаимодействия различных параметров (внешних/внутренних) в преобразовательную активность; *эмансипация* — стремление к автономии, жизнестойкость сочетаются с сильной зависимостью от адресата протеста, обуславливая амбивалентность чувств по отношению к этому субъекту; желание сохранения стабильности общественного устройства и неудовлетворенность ролью и функционированием социальных

институтов; духовность, креативность, развитые способности и противостояние тем, кто препятствует процессу самореализации.

8. Протестная активность личности, заостряя содержание кризисной специфики, является одним из инструментов выхода из кризиса и, выполняя функцию противодействия конформизму, противостояния безвольному принятию навязываемой роли, способствует обретению автономности и успешному определению места в социуме. При неконструктивном разрешении бытийных противоречий протестная активность принимает деструктивный характер, препятствуя становлению позитивной идентичности и нарушая развитие личностной автономии.

9. Понятие «субъектность личности», под которой понимается способность преобразовывать окружающую реальность плодотворным и безопасным для личности и социума образом или опасным, деструктивным, уточнено и дополнено новым эмпирическим содержанием. Эмпирически установлено, что существуют формы протестной активности, обладающие признаками *ложной или истинной субъектности*. Ложная субъектность, соответствующая деструктивным формам, предполагает: отчуждение и изоляцию, невротический жизненный стиль с ложным «Я»; негативную идентичность; экспансия собственного масштаба на бытийные пространства осуществляется через прямое отрицание гуманистических ценностей и разрушение социальных структур; преобладание объектных взаимоотношений, неаутентичность. Для *истинной субъектности*, которая соотносится с конструктивными формами, характерны: развитая духовность, устойчивое и целостное мировоззрение; трансляция универсальных нравственных ценностей и этических принципов; поступки на основе нравственного выбора; ответственность за себя и других; способность руководствоваться идеальной мотивацией (на основе морали, совести); гуманистические формы расширения своей бытийности; способность к самотрансцендированию и самобытию. Возможность реализовывать истинную субъектность способствует установлению более прогрессивных и гуманных социальных взаимоотношений по сравнению с существовавшими ранее. Однако в результате смены субъектного позиционирования на объектное человек,

способный к конструктивной протестной активности, быстро оказывается в условиях, способствующих образованию деструктивных форм протеста.

10. Формы протестной активности личности проявляют специфику индивидуального стиля саморегуляции, являющегося предпосылкой успешности/неуспешности личности. Конструктивные формы протеста выступают психологически ресурсом саморегуляции, усиливая регулятивные способности, способствуя реализации личностного потенциала и позитивно влияя на рост профессионального мастерства. Предпочтение деструктивных форм протестной активности способствует формированию дисгармоничного регуляторного стиля личности, препятствуя самоэффективности.

11. Созданный тезаурус является одним из действенных инструментов для описания предметной области, позволяющий описывать протестную активность личности системно, тем самым преодолевая узкоинструментальную направленность в анализе феномена.

12. Сконструированный опросник протестной активности личности обладает хорошими психометрическими показателями (согласованностью, конструктивной валидностью и надёжностью шкал) и может использоваться для диагностических и исследовательских целей, позволяя анализировать протестные формы с учетом их психологической специфики.

13. Предложенная теоретическая концепция позволяет выявлять источники текущих и грядущих рисков и угроз безопасности личности и социуму, прогнозировать возможные эффекты и новые проявления протестной активности, определять способы ее реализации с помощью правовых средств, тем самым снижая радикализацию форм протеста. Получено подтверждение того, что ощущение востребованности и возможность реально влиять на социальные процессы усиливает ответственность за результаты и способствует субъектному позиционированию личности, в результате чего устраняются причины для деструктивной протестной активности.

Рассмотрение феномена в ракурсе субъектно-бытийного подхода позволяет рассматривать динамику протестной активности личности в целом, а также другие разновидности социальных деструкций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абульханова К.А. Идеальность или реальность субъекта. // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сб. науч. тр. / под ред. В.И. Моросановой. – М.; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. – 431 с. С. 31–45.
2. Абульханова-Славская К.А. // О путях построения типологии личности Психологический журнал. Т.4. №1. 1983. С. 14-29.
3. Абульханова К.А., Воловикова М.И. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений. // Психологический журнал. – 2007. Т. 28. № 5. С.5–14.
4. Абульханова-Славская К.А. Развитие проблем психологии личности в 80-90-е годы. // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1997. С. 331-367.
5. Абульханова–Славская К.А. Состояние современной психологии: субъектная парадигма. // Предмет и метод психологии: Антология. / Ред.- сост. Е.Б. Старовойтенко, сост. К.А. Абульханова, В.А. Татенко. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2005. С. 420 – 442.
6. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
7. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов н / Д.: Феникс, 1998. 448 с.
8. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: Лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 214 с.
9. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. 416с.
10. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
11. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
12. Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения. // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 5. – С.5-15.

13. Анцыферова Л.И. Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук / ред. Т. И. Фролов. М.: Наука, 1989. С. 426-433.
14. Аптер М.Дж. Теория реверсивности и человеческая активность. // Вопросы психологии. 1987. №1, - С.162-169.
15. Аргайл М. Психология счастья. М.: Прогресс, 1990. 336 с.
16. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл: Академия, 2007. 526 с.
17. Ахметов С.М., Дворкина Н.И. Формирование личностной физической культуры и ее целевая направленность. // Физическая культура, спорт наука и практика. КГУФКСиТ. № 4., 2012. С. 2-7.
18. Барабанщиков В.А. Б.Ф. Ломов: Системный подход к исследованию психики. // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 27-38.
19. Барабанщиков В.А. Принцип системности и современная психология // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 268-285.
20. Баранова Г.В. Методика анализа протестной активности населения России. // Социологические исследования. 2012. № 10. – С. 143-152.
21. Бахофен И. Материнское право. // Классики мирового религиоведения. Антология. Т.1. (История философии в памятниках). М.: Канон+, 1996. С. 216-267.
22. Бензер М. Метафизика в ловушке: философские аспекты вызова, брошенного Бодрийяром гиперсовременности. // ХОРА. 2009. № 2 (8). С. 35-57.
23. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
24. Блонский П.П. Психология младшего школьника / ред. А.И. Липкиной, и Т.Д. Марцинковской, гл. ред. Д.И. Фальдштейн. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 574 с.
25. Бодалев А.А. Психология о личности. М.: Изд-во МГУ, 1988. 188 с.
26. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.
27. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте: Психологическое исследование. М.: Просвещение, 1968. 464 с.

28. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / под ред. Д.И. Фельдштейна. 2-е изд. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 352 с.
29. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 1888 с.
30. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Толерантность. Введение в проблему. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 240 с.
31. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. / пер. с англ. В.В. Старовойтова. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2004. – 232 с.
32. Бронфенбреннер У. Два мира детства. Дети в США и СССР. – М.: Прогресс, 1976. – 167 с.
33. Брушлинский А.В. О природных предпосылках психического развития человека. – М.: Знание, 1977. – 64 с.
34. Брушлинский А.В. О соотношении биологического и социального в развитии личности. // Теоретические проблемы психологии личности: Сборник статей. Ин-т психологии АН СССР. – М.: Наука, 1974.– С. 83-122.
35. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке. // Психологический журнал. – 1991. № 6. – С. 6-10.
36. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. – М.: Институт психологии РАН, 1994. – 109 с.
37. Брушлинский А.В. Психология субъекта. – СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
38. Брушлинский А.В. Психология субъекта (лекция, прочитанная студентам, аспирантам и преподавателям факультета психологии Тверского государственного университета 19 октября 2001 г.) // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 2. – С. 15-17.
39. Брушлинский А.В. Субъект безопасности и безопасность субъекта // Проблемы информационно-психологической безопасности. Сборник статей и материалов конференции. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 1996. – С. 39-43.

40. Бурдые П. Социология политики. / сост., общ. ред. и предисловие Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
41. Бьюдженталь Д. Наука быть живым: диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. / пер с англ. А.Б. Фенько. М.: Независимая фирма «Класс». 1998. 336 с.
42. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2001. 352 с.
43. Вайнштейн Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. М.: Наука, 1990. 169 с.
44. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
45. Валлон А. Психическое развитие ребенка. СПб.: Питер, 2001. 208 с.
46. Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций. // Психологический журнал. –1995. – Т. 16, № 3. С. 90 –101.
47. Венгер А. Л. Соотношение возрастных и индивидуальных закономерностей психического развития ребенка: дис. ... д-ра. психол. наук: М., 2002. 294 с.
48. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909 — 1910 / сост., коммент. Н. Казаковой. М.: Молодая гвардия, 1991. 462 с.
49. Винникотт Д. В. Маленькие дети и их матери. /Пер. с англ. Н.М. Падалко. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 80 с.
50. Воронцов С.А. Противодействие экстремизму в среде студенческой молодежи. // Власть. – Выпуск № 9, 2012. С. 52-55.
51. Выготский Л.С. Проблема возраста. // Собрание сочинений: В 6-ти т.; Т.4. М.: Педагогика, 1984. С. 244-268.
52. Выготский Л.С. Проблемы развития психики. // Собрание соч. в 6-ти т.; Т.3. / под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
53. Выготский Л.С. Психология. М.: Эксмо, 2000. 1008 с.
54. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. 573 с.
55. Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры: избранные психологические труды. Воронеж: Модэк; М.: Институт практической психологии, 1996. 512 с.

56. Гамезо М.В., Петрова Е.А., Орлова Л.М. Возрастная и педагогическая психология: учеб. пособие для студентов всех специальностей педагогических вузов. М.: Педагогическое общество России, 2003. 512 с.
57. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
58. Гаспарян Д.Э. Социальность как негативность. М.: КДУ, 2007. 256 с.
59. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 479 с.
60. Герриг Р., Зимбардо Ф. Психология и жизнь. – 16-е изд. СПб.: Питер, 2004. – 955 с.
61. Гинзбург М.Р. Психология личностного самоопределения. Автореф. дисс. д-ра. психол. наук. М.: ПИ РАО, 1996. 60 с.
62. Гладков П.А. Дауншифтинг и аномия: классическая теория Р.К. Мертона и ее современное приложение. //Гуманитарные научные исследования. – 2012. № 3 (7). [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2012/03/1868> (дата обращения: 09.04.2015).
63. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / Пер. с англ. и фр. Вводная статья Шрейдер Ю.А. М.: Прогресс, 1990. – 495 с.
64. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. М.: Искусство, 1991. 432 с.
65. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во Московского университета, 1987.
66. Горская Г.Б. Психологические эффекты ранней профессионализации личности // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. – 2008. № 3. с.105 – 113.
67. Горская Г.Б. Психологические факторы самореализации профессионалов высокого класса (На материале спортивной деятельности): дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 1999. 332 с.
68. Горская Г.Б. Со-бытие в конкурентной среде как фактор социализации личности // Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология событийности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: КубГУ, 2012. С. 9-10.

69. Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация. // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. №3(17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10. 02.12).
70. Гуревич П.С. Нигилизм как феномен современной культуры. // Культурология. 3-е изд. М.: Омега-Л, 2012. – 427 с. С. 411-427.
71. Гуревич П.С. Понимающая психология vs физиологическая психология. // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сб. матер. юбилейной конф. в 5-ти т.: Т. 1. Отв. ред. Богоявленская Д.Б. М.: Когито-Центр, 2015. с.38-40.
72. Гусейнов А.Ш. Внешние и внутренние факторы нигилизма: междисциплинарный подход. // Известия СГУ. № 4-2 (28). 2013. С. 19-23.
73. Гусейнов А.Ш. Внутригрупповая активность как фактор повышения коммуникативной компетентности в студенческих группах: дис. ...канд. психол. наук. Краснодар.: КГАФК, 1999. – 196 с. РГБ ОД, 61:00-19/97-3.
74. Гусейнов А.Ш. Генезис радикальных форм протестной активности личности. // Армия и общество. М.: «Наука-XXI» 2015. № 2. С.114-120.
75. Гусейнов А.Ш. Протестная активность личности: сущность, динамика, трансформация / монография. Краснодар: Экоинвест, 2013. 468 с.
76. Гусейнов А.Ш. Профилактика деструктивных форм протестной активности личности в среде студенческой молодежи. // Армия и общество. № 4. 2015. С.61-68.
77. Гусейнов А.Ш. Психологический анализ систем противоречий, характерных для субъекта, включенного в спортивную деятельность. // Физическая культура, спорт – наука и практика. № 1. 2015. КГУФКСиТ. С.43-51.
78. Гусейнов А.Ш. Психологические факторы и эффекты неудачного реформирования российского общества // Психология, экономика, право. №4. 2013. С. 6-14.
79. Гусейнов А.Ш. Опросник «Протестная активность личности»: разработка и апробация (Учебно-методическое пособие). Краснодар: КГУФКСТ, 2015. 64 с.

80. Гусейнов А.Ш. Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности. // Человек. Сообщество. Управление. КубГУ. – 2013. № 3. С. 20-33.
81. Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения. // Человек. Сообщество. Управление. КубГУ. 2012. № 2. С. 82-96.
82. Гусейнов А.Ш., Фоменко Г.Ю., Рябикина З.И. Протестная активность личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Человек. Сообщество. Управление. 2015. (16) №3. С.6-21.
83. Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира. // Вопросы психологи. – 2003. № 1. с. 99-116.
84. Гусельцева, М.С. Постмодернистские перспективы развития психологии / М.С. Гусельцева. // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», – 2007. С.45-73.
85. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998. 315 с.
86. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т.1 А-О. М., 2002. – 1280 с.; Т.3. П-Р. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 576 с.
87. Деркач А.А., Сайко Э.В. Самореализация как структурообразующий конструкт и процесс в онтогенезе (теоретико-методологическое обоснование). // Мир психологии. № 2. 2009. С. 222 –234.
88. Деркач А.А., Сайко Э. В. Самость и конструкты самости в развитии человека. // Мир психологии № 4, 2008. С. 225-238.
89. Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы Философии. № 4. 1992. С. 53-57.
90. Дёмин А.Н. Взаимодействие личности и эпохи: формирование новых биографических стандартов занятости. // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 1. С. 100-109.
91. Демин А.Н., Пивкин, Д.Ю. Разработка опросника «Психологическая структура занятости». // Психология. Экономика. Право. 2014. №4. С. 18-30.
92. Доверие и недоверие в условиях гражданского общества // Под ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. М.: НИУ ВШЭ. 2013. 564 с.

93. Дорфман Л.Я. Методологические основы эмпирической психологии: от понимания к технологии: Учеб пособие для студ. высш. уч. заведений. М.: Смысл; издательский центр «Академия», 2005. 288 с.
94. Древнекитайская философия. Собр. текстов: В 2 т. М.: Наука, Т. 1. 1972. 124 с.
95. Дрейкурс-Фергюсон Е. Психология, которая принесёт вам пользу. Введение в теорию Альфреда Адлера. Минск, «Адукацыя і выхаванне», 1995. 54 с.
96. Дружинин В.Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. – СПб.: Питер, 2010. 210 с.
97. Дубовская Е.М. Влияние лидера на сверстников в юношеских группах: дисс... канд. психол. наук. М., 1984. 179 с.
98. Дэвид Юм. Кант. Гегель. Шопенгауэр. Огюст Конт. /Сб. Ф.Ф. Павленкова. СПб: ЛИО Редактор, 1998. 496с.
99. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / ред., пер. с фр., послесловие А.Б. Гофмана; коммент. В.В. Сапова. М.: Наука, 1991. 576 с.
100. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. / Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
101. Егоров А. Г. Фэйр Плэй в современном спорте: учеб. пособие / А.Г. Егоров, М.А. Захаров. Смоленск: СГАФКСТ; СмолГУ. 2006. 186 с.
102. Егоров А.Ю., Игумнов С.А. Расстройство поведения у подростков: клинико-психологические аспекты. СПб.: Речь, 2005. 448 с.
103. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Технологии и идентичность: Трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса // Современные исследования социальных проблем. № 9 (17). 2012. URL: <http://sisp.nkras.ru/eru/issues /2012/9/emelin.pdf> (дата обращения: 04.04.2013).
104. Ермолаева М.В., Охотенко Р.В. Удовлетворенность трудом как обобщенное переживание качества самореализации субъекта в пространстве его саморазвития // Мир психологии, 2009, №2. С. 249-256.
105. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.

106. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с. (Лакановские тетради).
107. Журавлёв А.Л., Емельянова Т.П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30, №3, 2009. С. 5-15.
108. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Изучение человека в экономических и социальных отношениях в контексте парадигмальных изменений в психологической науке / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. // Человек в экономических и социальных отношениях: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, Л. Н. Широкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 415 с. С. 12-16.
109. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственная элита в российском обществе: концептуальные основы психологического исследования // Вестник практической психологии образования. №2(23), 2010. С. 28-34.
110. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство самоопределяющегося субъекта: понимание, характеристики, виды // Вестник практической психологии образования. 2(11), 2007. С. 7-13.
111. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Развитие идеи С. Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии / Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Отв. ред. К.А. Абульханова. М.: Институт психологии РАН, 2011. 431 с. С. 216-233.
112. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Ч.1. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 3-14.
113. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Ч. II. Концептуальные основания // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С.70-86.
114. Загайнов Р.М. Кризисные ситуации в спорте и психология их преодоления. М.: Советский спорт, 2010. 228 с.

115. Зимбардо Ф., Андерсен С. Объяснение контроля сознания: экзотические и повседневные манипуляции сознанием // Журнал практического психолога. 2000. № 1-2. С. 8-34.
116. Зиновьева Д.М. Психология отчуждения: монография / Д.М. Зиновьева Волгоград: Изд-во ГОУ ВПО «ВАГС», 2005 172 с.
117. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997. 336 с.
118. Зинченко В.П. (при участии Горбова С. Ф., Гордеевой Н. Д.) Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина-В. В. Давыдова): Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002. 431 с.
119. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся: Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 252 с.
120. Зинченко Ю.П. Системный характер исследования безопасности в психологии // Материалы II Международного симпозиума. М., 2011. С. 19-25.
121. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2004. 288 с.
122. Знаков В.В. Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология - 2012. № 3. С. 18-29.
123. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. М.: Институт психологии РАН, 1998. 232 с.
124. Знаков В.В. Понимание воинами-интернационалистами ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства // Психологический журнал. 1989. Т. 10 № 4. С. 113-124.
125. Знаков В.В. Понимание субъектом фактов, событий и ситуаций в трех реальностях человеческого бытия // Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология со-бытийности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. С. 14-19.

126. Знаков В.В. Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 29 – 38.
127. Знаков В.В. Ценности как проблема психологии человеческого бытия // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский / М.: Институт психологии РАН. 2008. С. 83–92.
128. Знаков В.В. Экзистенциальный опыт и постижение как методологические проблемы психологии понимания // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 3. С. 67–82.
129. Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 495 с.
130. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
131. Исаева А.Н. Оппозиции в познании и рефлексии личности. / Мир психологии. Научно-методический журнал. 2013. Т. 76. № 4. С. 204-213.
132. Исаева А.Н. «Принцип оппозиций» в персонологическом познании // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. №1. Т.10. С. 119-134.
133. Кагермазова Л.Ц., Абакумова И.В., Богуславская В.Ф. Ценностно-смысловые установки как фактор формирования антитеррористического сознания в поликультурной среде вуза // Российский психологический журнал. 2013. Т.10. №5. С. 39-55.
134. Казанская В.Г. Подросток. Трудности взросления: книга для психологов, педагогов, родителей. СПб.: Питер, 2006. 240 с.
135. Калугин А.Ю. Психометрический анализ двух вариантов российской адаптации методики «Опросник личностных ориентаций» Э. Шострома. // Вестник Пермского университета. Философия, Психология Социология. Вып. 3. 2012. С. 140-147.
136. Камю А. Бунтующий человек // Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
137. Камю А. Избранное: Сборник / пер. с франц. М.: Радуга. 1989. 464 с.
138. Камю А. Сочинения в 5 томах. Т.4. Харьков: Фолио, 1998. 620 с.

139. Кантор В.К. Крушение кумиров, или Одоление соблазнов (становление философского пространства России). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 608 с
140. Карпинский К.В. Бездуховный смысл жизни как источник кризиса в развитии личности // Журнал Высшей школы экономики, 2011. Т. 8, № 1. С. 27-58.
141. Карпинский К.В. Дезинтеграция смысла жизни как предпосылка кризиса в развитии личности. *Человек. Сообщество. Управление*, 2. 2011. С. 4-16.
142. Карпинский К.В. Смысл жизни и ресурсы его реализации. К пониманию механизмов психологического кризиса. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т.9. №4. с.3-33.
143. Карпинский К.В. Функциональная взаимозависимость психологических свойств смысла жизни// Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 2 С. 14–30.
144. Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923. М.: Прогресс, 1990. 771 с.
145. Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / пер. с англ. М.И. Завалова. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 464 с.
146. Кимберг А.Н. Безопасность социальных систем: психологические аспекты // Психология опасности и психологическая безопасность: проблемы и перспективы исследования. Сб. матер. Всеросс. науч. семинара, г. Сочи 25-26 июня 2010 г. / Под ред. И.Б. Шуванова, Ю.Э. Макаревской, Г.Ю. Фоменко, З.И. Рябикиной. Сочи: СГУТиКД, 2010. С. 34-43.
147. . Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов. Киев.: ПАН ЛТД. 1994. 284 с.
148. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2007. 302 с.
149. Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме транспективного анализа // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред. В.В.Знаков, Г.В. Залевский. М.: ИП РАН, 2008. С. 41–61.

150. Ключко В.Е. Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 136—151.
151. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля / М.: Логос, Прогресс-Традиция, 1998. 208 с.
152. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов: (Более 4500 слов и выражений) М.: ЭКСМО, 2006. 669 с.
153. Кондратьев М.Ю. Развитие личности в координатах моно- и полидеятельности // Мир психологии. 2006. № 3 (47). с.72-80.
154. Кондратьев М.Ю. Подросток в замкнутом круге общения. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 336 с.
155. Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 22-34.
156. Концен П. Фанатизм. Психоанализ этого ужасного явления. Харьков: Гуманитарный центр, 2011. 388 с.
157. Копылова А.П. Динамика личностных оценок в условиях вхождения в новый коллектив: дис. ... канд. психол. наук. М., 1975. 126 с.
158. Коржова Е. Ю. Психология жизненных ориентаций личности. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.
159. Корнилова Т.В. Саморегуляция и выбор в преодолении субъективной неопределенности. // Психология саморегуляции в XXI веке / отв. ред. В.И. Моросанова. СПб.; М.: Нестор-История. 2011. с.142-162.
160. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011. 483 с.
161. Корнилова Т.В., Григоренко Е.Л., Смирнов С.Д. Подростки группы риска. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
162. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 3(11). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.09.2013).

163. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10. 11.2015].
164. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Личностные расстройства. СПб.: Питер, 2010. 400 с.
165. Кохут Х. Анализ самости. Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2003. 308 с.
166. Кохут Х. Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. 316 с.
167. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
168. Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. № 3. 2009. С. 57-67.
169. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т.19. М.: Государственное изд-во политической литературы. 1962. С. 9-32.
170. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. М.: Изд-во МГУ, 1991. 207 с.
171. Кропоткин П.А. Анархия: Сборник / сост. и предисловие Р.К. Баландина. М.: Айрис-пресс, 2002. 576 с.
172. Кудрявцев В.Т., Уразалиева Г.К. Субъект деятельности в онтогенезе // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 14 - 31.
173. Кутыгина Е.Н. Культура политического протеста: дис. ... канд. политич. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 156 с.
174. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: «Республика», 1993.
175. Лаврова О.В. Глубинная топологическая психотерапия: идеи о трансформации. Введение в философскую психологию: Монография (Серия «Новые идеи в психологии»). СПб.: «Издательство ДНК», 2001.
176. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Избранные труды по психологии. М.: Наука, 1997. С. 5-222.
177. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И.Ю. Авидон; науч. ред., вступ. ст. Н.В.Гришиной. СПб.: Речь, 2000. 407 с.

178. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Издательство политической литературы, 1960.
179. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. 392 с.
180. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1981. 584 с.
181. Леонтьев Д.А. Восхождение к экзистенциальному миропониманию // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2007. С. 3-12.
182. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т.8, № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 13.11.2015).
183. Леонтьев Д.А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. Том 5. Выпуск 3. 2010. С. 120- 140.
184. Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии// Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 74 – 94.
185. Леонтьев Д.А. О некоторых аспектах проблемы «культура и личность» // Культурно-историческая психология. 2013. №1. С.22–30.
186. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности. Психологический журнал Т. 21. № 1. 2000. С.14-25.
187. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003. 487 с.
188. Леонтьев Д.А. Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии. Т. 2. Бирштонас; Вильнюс: ВЕАЭТ, 2005. С. 7-22.
189. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. №1. С.13-25.

190. Леонтьев Д.А. Человечность как проблема // Человек — наука — гуманизм: К 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Наука, 2009. С. 69–85.
191. Леонтьев Д.А. Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. № 3. С. 136–153.
192. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология, 2007, №4, с. 68-77.
193. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009. 208с.
194. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России / Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2хт. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М.: Аспект Пресс, 2002. С.19 – 29.
195. Лисина М.И. О механизмах смены ведущей деятельности у детей // Вопросы психологии. 1978. № 5. С. 73-77.
196. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983. 259 с.
197. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 680 с.
198. Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология событийности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. 212 с.
199. Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского) // Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (с иностранным участием) / под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. 355 с.
200. Личность и бытие. Субъектный подход. Парадигма субъекта в междисциплинарных исследованиях личности и бытия / под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. 140 с.

201. Личность и бытие: Личность и социальная реальность // Материалы Всероссийской науч.- методич. конф. / под ред З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: КубГУ, 2003. 267 с.
202. Ложкин Г.В. Психологический анализ феномена профессиональной деформации личности в спорте // Спортивный психолог. 2008. № 03 (15). М.: РГУФКСМиТ, 2008. С. 14-18.
203. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. М.: Издательский Дом «ИНФРА-М», 2004. 316 с.
204. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / отв. ред. Ю.М. Забродин, Е.В. Шорохова. М.: «Наука», 1984. 444 с.
205. Ломов Б.Ф. Системность в психологии: Избранные психологические труды / Под ред. В.А. Барабанщикова и др. 3-е изд. М.: Московский психолого-социальный институт, МОДЭК, 2011. 424 с.
206. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
207. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. 525 с.
208. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
209. Лузаков А.А. Личность как субъект категоризации в межличностном познании: взаимодействие когнитивных и ценностно-мотивационных структур: дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2008. 389 с.
210. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 616 с.
211. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены / пер. с нем. М.: Прогресс, 1991. 412 с.
212. Лукашук В. Современный спорт и социальные конфликты // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 3. С. 185-197.
213. Лурье Ф. М. Нечаевщина: Катехизис революционера // Новый журнал. 1992. № 1–2. С. 50–54.
214. Лэнгле А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа // Вопросы психологии. № 2. 2008. С. 3 – 16.

215. Лэнгле А. Сборник статей. М.: Генезис, 2008. 159 с.
216. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М.: Психоаналитическая ассоциация, 1998. 496 с.
217. Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология человека. От психологии субъекта к психологии бытия: в 2-х тт. Т.1 М.: Психоаналитическая Ассоциация Российской Федерации, 2007. 560 с.
218. Мазиллов В.А. Интеграция научного знания в психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 427 – 458.
219. Мазиллов В.А. Парадигмы в психологии: от истории к современности // Парадигмы в психологии. Науковедческий анализ. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 57–94.
220. Майерс Д. Социальная психология. 6-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
221. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
222. Максимов М.А. «Человек бунтующий» в современной социокультурной среде // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 123-127.
223. Макропсихология современного российского общества / ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2009. 352 с.
224. Малер М.С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011. 416 с.
225. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
226. Мамардашвили М. Необходимость себя. Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки / сост. и ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
227. Манн Т. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 3 /пер. с нем. В. Станевич. М.: ГИХЛ. 1959.

228. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1944 года / Маркс К. Социология. Сборник. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. С. 229-230.
229. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М: ООО «Издательство АСТ», 2002. 526 с.
230. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. Учебное пособие. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
231. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 880 с.
232. Мир философии: Книга для чтения. Ч.1. Исходные философские проблемы, понятия и принципы. М.: Политиздат, 1991. 672 с.
233. Митина О.В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений // Экспериментальная психология. 2008. №1. С.131-148.
234. Митина О.В. Разработка и адаптация психологических опросников. М.: Смысл, 2011. 235 с.
235. Митина О.В., Сорокина В. В. Ценности старшеклассников: разработка компьютерного диагностического инструментария // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015.- №1 -с.42-59.
236. Митина О.В., Сырцова А. Опросник по временной перспективе Ф. Зимбардо (ZTP1): результаты психометрического анализа русскоязычной версии // Вестник Московского ун-та, серия 14. Психология, 2008, № 4. С.67-89.
237. Митькин А.А. Пути психологического поиска: Претензии и возможности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 240 с.
238. Митькин А.А. Субъектность человека: грани и границы. Часть 2 // Психологический журнал. 2008. № 4. С. 27–43.
239. Мифы в искусстве старом и новом. Историко-художественная монография (по Рене Менару). СПб.: Лениздат, 1993. 384 с.
240. Моросанова В.И. Развитие психологии саморегуляции // Психология саморегуляции в XXI веке. СПб.; М.: Нестор-История, 2011. С. 12-37.

241. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека. // Вопросы психологии. 2000, № 2. с. 118-127.
242. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с франц. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1996. 478 с.
243. Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. 559 с.
244. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). Екатеринбург: ИнтерФлай, 2007. 1072 с.
245. Мухина В.С. Отчужденные: Абсолют отчуждения. Монография, 2-е изд. (специальное издание для пожизненно осужденных) Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. 704 с.
246. Мухина В.С., Басюк В.С. Психологические особенности ценностных ориентаций пожизненно осужденных и делинквентных подростков // Развитие личности. 2013. № 2. С. 185 – 195.
247. Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия М.: Смысл, 2001. 319 с.
248. На пороге взросления // Сборник тезисов участников Третьей всероссийской конференции по психологии / ред. Л.Ф. Обухова, И.А. Корепанова. М.: МГППУ, 2011. 300 с.
249. Наранхо К. Энеа-типологические структуры личности: Самоанализ для ищущего. Воронеж: НПО МОДЭК, 1995. 224 с.
250. Некрасова Е.В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека: дис... д-ра психол. наук. Барнаул, 2005. 344 с.
251. Немировский А.И. Мифы древности: Индия. Научно-художественная энциклопедия. М.: Лабиринт, 2001. 300 с.
252. Нехорошева И.В., Зубов В.Н. Диагностика предрасположенности молодежи к девиантному поведению // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 28-39.
253. Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. Стратегии самоутверждения личности // Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.. Социально-психологическая

- диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с. С.414-420.
254. Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. Феномен человеческого самоутверждения. СПб.: Алетейя, 2000. 217 с.
255. Новые идеи в социальной философии. М.: ИФ РАН, 2006. 324 с.
256. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: Рефлбук, 1998. 464 с.
257. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. 413 с.
258. Ньюстром Д., Дэвис К. Организационное поведение. Поведение человека на рабочем месте. Теория и практика менеджмента / пер. с англ. СПб. Питер, 2000. 447 с.
259. Обухова Л.Ф. Детская (возрастная) психология. М.: Российское педагогическое агентство, 1996. 374 с.
260. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / под ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1970. 602 с.
261. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981. 816 с.
262. Ожигова Л.Н. Смысловые механизмы гендерной и профессиональной реализации личности в полиэтнической среде: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. 192 с.
263. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды / ред. Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 2002. 462 с.
264. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.
265. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
266. Ортега–и–Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 639 с.
267. Осницкий А.К., Филиппова Е.В. Особенности эмоциональных проявлений в системе осознанной саморегуляции деятельности // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 6 (14). URL: <http://psystudy.ru> (Дата обращения: 10.03.2011).

268. Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика (Перспективы психологии). М.: Изд-во Института психологии РАН, 2012. 206 с.
269. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Издательство политической литературы, 1982. 256 с.
270. Петровский В.А. Мысля? — да! Но существую ли? // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 12-26.
271. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: ТОО «Горбунок», 1992. 224 с.
272. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д.: «Феникс», 1996. 512 с.
273. Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальный строй психологии сегодня // Развитие личности. № 2. 2014. С. 92-124.
274. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994. 680 с.
275. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Логос, 2001.
276. Плотников В.И. Типологический подход [Электронный ресурс] // Философская энциклопедия. М.: Панпринт, 1998. URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word> (дата обращения: 16.12.2013).
277. Подгурецки Ю. Трансгрессия // Вестник ТГПУ, 2007, №11 (74). Серия: Гуманитарные науки. С. 64-68.
278. Поддьяков А.Н. Типы соотношений интеграции и дифференциации в развивающихся системах // Теория развития: дифференционно-интеграционная парадигма / Сост. Н. И. Чуприкова. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 91-102.
279. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 184с.
280. Проблема доверия в отечественной психологии // Сборник материалов Международной конференции «Психология общения и доверия: теория и

- практика», Москва, УРАО, ПИ РАО, МГУ, 6-7 ноября 2014 / Под ред. Т.П. Скрипкиной. М.: Университет РАО, 2014. 777 с.
281. Проблема субъекта в психологической науке / ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. 320 с.
282. Прогресс психологии: критерии и признаки / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. 334 с.
283. Прохоров А.О. Смысловая регуляция состояний М.: ИП РАН. 2009. 352 с.
284. Психодинамические термины и понятия: Словарь / под ред. Барнеса Э. Мура, Бернарда Д. Файна. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 304 с.
285. Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути // Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 октября 2009 г. / Отв. ред.: А. Л. Журавлев, В. А. Барабанщиков, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 334 с.
286. Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. 368 с.
287. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия. Самара.: «БАХРАХ», 1999. 576 с.
288. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995. 288 с.
289. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2010. 816 с.
290. Райх В. Анализ характера. М: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 528 с.
291. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE //Журнал ВШЭ. 2013. Т.10, №1. С. 82-118.
292. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления // Научная монография под ред. М.Я. Яхьяева. М.: Парнас, 2011. 296 с.

293. Решетников М.М. Психическая травма. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. 322 с.
294. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688с.
295. Рогалева Л.Н. Влияние спорта и установок тренера на личность юного спортсмена: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 1999. 145 с.
296. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / пер. с англ. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. 480с.
297. Рожин А.И. Сальвадор Дали: миф и реальность. М.: Республика, 1992. 224 с.
298. Розен Д. Депрессия и суицид / Психоанализ депрессий // Сб. ст. под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб: ВЕИП, 2005. 164 с. С.86-94.
299. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. М.: Питер, 2003. 512 с.
300. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии - СПб: Издательство «Питер», 2000. 712 с.
301. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.
302. Рукавишников А.А., Соколова М.В. Факторный личностный опросник Р. Кеттелла. Методическое руководство. СПб. Иматон, 2003. 95с.
303. Рябикина З.И. Исследование бытия личности и ее со-бытия с теоретико-методологических позиций психологии субъекта // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Междунар. конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 430- 433.
304. Рябикина З.И. Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1995. 168 с.
305. Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: ИПРАН, 2005. С. 45-57.
306. Рябикина З.И. Личностное развитие и профессиональный рост: интерпретация в контексте субъектно-бытийного подхода // Проблемы развития личности курсанта: теория и исследования: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Краснодар. 2007. С. 11–22.

307. Рябикина З.И. Перспективы исследований личности с теоретико-методологических позиций психологии субъекта // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 6-19.
308. Рябикина З.И. Психология саморегуляции с позиции субъектно-бытийного подхода // Психология саморегуляции в XXI веке. СПб.; М.: Нестор-История, 2011. С. 126-141.
309. Рябикина З.И. Теоретические перспективы интерпретации личности с позиций психологии субъекта А.В. Брушлинского // Личность и бытие: субъектный подход / Материалы научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского, 15-16 октября 2008 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 50-53.
310. Рябикина З.И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающихся личность противоречий // Психологический журнал, 2008. Т. 29. № 2. С. 78-87.
311. Рябикина З.И., Танасов Г.Г. Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с Другими (конструктивная версия постмодернистских настроений) // Человек. Сообщество. Управление, 2010. № 2. С. 4–20.
312. Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю. Личность в профессии: теоретико-эмпирическая интерпретация в контексте субъектного и событийного подходов// Социальная психология труда теория и практика / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев М.: ИП РАН, Т.1., 2010. С. 82-101.
313. Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю. Психология безопасности и интерпретация феномена терроризма в контексте субъектно-бытийного подхода // Материалы Пятой международной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. МГУ им. Ломоносова. 29-30 октября 2009 г. Т. 1. Материалы пленарного заседания и заседаний по тематике противодействия терроризму. М.: МЦНМО, 2010. С. 250-253.
314. Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю., Ожигова Л.Н. Развитие идей А.В. Брушлинского в контексте субъектно-бытийного подхода // Человек. Сообщество. Управление. 2013. №4. С. 106-122.

315. Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю. Субъектно-бытийный подход: преемственность традиций // Человек. Сообщество. Управление. 2009. №4. С. 26-37.
316. Самоукина Н.В. Симбиотические аспекты отношений между матерью и ребенком // Вопросы психологии. 2000. №3. С.68-81.
317. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
318. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.
319. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008. 216 с.
320. Семенюк Л.М. Психология гражданской активности: особенности, условия развития: дис... д-ра психол. наук. М., 2007. 393 с.
321. Сергиенко Е.А. Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т.5, № 24. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05. 05. 2013).
322. Сергиенко Е.А. Психология субъекта: поиски и решения // Психологический журнал. 2008. Т.29, № 2. С. 16 – 28.
323. Сергиенко Е.А. Субъектные факторы самоопределения современной молодежи // Человек. Сообщество. Управление. 2014. №2. С.87-103.
324. Сергиенко Е.А. Ценность категории «субъект» для психологии и некоторые дискуссионные вопросы её разработки // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 62-82.
325. Смирнов С.Д. Образ мира как объект психологического исследования // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во Институт психологии РАН», 2007, с. 157-174.
326. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. СПб.: Речь, 2003. 624 с.
327. Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 67 – 80.
328. Соснин В.А. Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Национальный психологический журнал. №2 (4). 2010. С. 52-55.

329. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Криминальные идеологемы современных молодежных субкультур // Прикладная юридическая психология. №4. 2009. С. 62-70.
330. Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. № 2 (8). 2011. С. 8–17.
331. Стёпин В.С. История и философия науки. М.: Академический Проект; Трикста, 2011. 423 с.
332. Стерн Д.Н. Межличностный мир ребенка: взгляд с точки зрения психоанализа и психологии развития. СПб: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006. 376 с.
333. Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2005. 384 с.
334. Сумерки богов. Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж. П. Сартр / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. 398 с.
335. Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 528 с.
336. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.
337. Толочек В.А. О возможностях новых подходов к профессиональному становлению субъекта / Психология. Экономика. Право. С. 6-15. № 1. 2013.
338. Толочек В.А. Современная психология труда: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2005. 479 с.
339. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации// Психологический журнал. 2005, Т. 26. № 6. С. 16-24.
340. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Мотивация террориста // Национальный психологический журнал. № 1 (2). 2007. С. 27-32.
341. Уроки французского психоанализа: Десять лет франко – русских клинических коллоквиумов по психоанализу / пер. с франц. М.: Когито – Центр, 2007. 560 с.

342. Ушкин С.Г. Теоретико-методологические подходы к изучению сетевой протестной активности: от «умной толпы» к «слактивизму» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 3-11.
343. Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. М.: МГППУ. 2011. № 1 (26). С. 45-54.
344. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: Два модуса бытия. Краснодар: КубГУ, 2006. 342 с.
345. Фоменко Г. Ю. Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: автореф. дисс. ...докт. психол. наук. Краснодар, 2006. 48 с.
346. Фоменко Г.Ю. Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: КубГУ, 2010. С. 158- 174.
347. Фоменко Г.Ю. Модусы личностной бытийности и особенности организации времени в экстремальных условиях жизнедеятельности // Личность как субъект организации времени своей жизни: сб. научн. ст. Краснодар.: Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 225–238.
348. Фоменко Г.Ю. Модусы бытия личности: к вопросу о содержательных основаниях дифференциации // V съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». Материалы участников съезда. Т. 3. М.: Российское психологическое общество, 2012. с. 327.
349. Фоменко Г.Ю. Парадоксы личностной организации времени при экстремальном модусе бытия // Личность и бытие: субъектный подход. Материалы научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского, 15-16 октября 2008 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 216 – 220.
350. Фоменко Г.Ю. Парадоксы субъектности при различных модусах бытия личности // Личность и бытие: субъектный подход (к 75-летию

А.В. Брушлинского) / под ред. А.Л. Журавлёва, В.В. Знакова, Е.А. Сергиенко, З.И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2009. С.148 – 163.

351. Фоменко Г.Ю. Проблема противоречий в современных условиях бытия личности // Психология XXI столетия: Теория. Эксперимент. Социальная практика: материалы Междунар. Конгресса // отв. ред., сост. А.Л. Журавлёв, Н.П. Фетискин, Т.И. Миронова. М.; Кострома: КГУ им. Некрасова, 2009. Т. 1. С. 394-398.

352. Фоменко Г.Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар: КубГУ. 2010. № 1. С. 83- 99.

353. Фоменко Г.Ю. Самоопределение личности: актуальные направления исследовательского поиска в контексте субъектно-бытийного подхода // Личностная идентичность: вызовы современности: материалы Всерос. психол. науч.-практ. конф. (с иностранным участием) / под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Краснодар: КубГУ; М.: Институт психологии РАН, 2014. 223 с. С. 37-39.

354. Фоменко Г.Ю. Эвристичность воззрений А.В. Брушлинского для субъектно-бытийной интерпретации проблем психологии безопасности личности // Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения). Материалы Всероссийской науч. конф. (с иностранным участием). Москва, 30 мая–1 июня 2013 г. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. С. 209-212.

355. Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // изд. Г. А. Лемана и С. М. Сахарова. М.: Типо-литогр. Ю. Венер, 1917. 253 с.

356. Франк С.Л. Реальность и человек / сост. П.В. Алексеев; прим. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1997. 479 с.

357. Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. 285 с.

358. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб: Речь, 2000. 286 с.

359. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

360. Франкл Дж. Неизведанное Я / пер. с англ. М.: Прогресс, 1998. 246 с.
361. Фрейд А. Введение в детский психоанализ; Норма и патология детского развития; «Я» и механизмы защиты. Сборник. Мн.: ООО «Попурри», 2010. 448 с.
362. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1991. 296 с.
363. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Мн.: ООО «Попурри», 1996. 606 с.
364. Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Личность: теории, эксперименты, упражнения. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2002. 864 с.
365. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
366. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 272 с.
367. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
368. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. 336 с.
369. Фромм Э. Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии // Психоанализ и этика. М.: Республика. 1993, С. 217-356.
370. Фромм Э., Хирау Р. Предисловие к антологии «Природа человека» / Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 146-170.
371. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.
372. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
373. Харламенкова Н.Е. Дифференциальный подход к проблеме одиночества: зависимость, доминирование, самодостаточность. // Психология личности: новые исследования М.: Институт психологии РАН, 1998. 346 с.
374. Харламенкова Н.Е., Кумыкова Е.В., Рубченко А.К. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 367 с.
375. Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации / под ред. М.В. Ромашкевича. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 160 с.
376. Холл К.С., Линдсей Т. Теории личности. М., 1997. 720 с.

377. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление / пер. с англ., под ред. М.М. Решетникова. СПб.: ВЕИП и БСК. 1997. 316 с.
378. Хорни К. Стремление к власти // Психология и психоанализ власти. Т. 2. Самара: «БАХРАХ», 1999. С. 352-370.
379. Хоффер Э. Истинноверующий. Мн.: ЕГУ, 2001. 200 с.
380. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
381. Человек, субъект, личность в современной психологии // Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 1. / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2013. 584 с.
382. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Альпина Нон-фикшн, 2013. 464 с.
383. Чудновский В.Э. Проблема становления смысложизненных ориентаций личности. // Психологический журнал, 2004, т. 25, № 6, С. 5-11.
384. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни. Избранные труды. М.: МПСИ; Воронеж.: НПО «МОДЭК». 2006. 768 с.
385. Шамионов Р.М. Социальная активность личности и риски // Известия Саратовского ун-та. 2012. Т. 1. С.3-7.
386. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг. / пер. с англ. М.: «Весь Мир», 1997. 560 с.
387. Шапиро С.А. Мотивация. М.: ГроссМедиа, 2008. 224 с.
388. Шаповаленко И.В. Психология развития и возрастная психология. М.: Гардарики, 2005. 349 с.
389. Шаталова Т.И. Англо-русский идеографический словарь. 2-е изд., М.: Русский язык, 1994. 240 с.
390. Швейцер А. Благоговение перед жизнью: сборник работ / пер. с нем.; общ. ред. А.А. Гусейнова и М. Г. Селезнева. М.: Прогресс, 1992. 576 с.
391. Шекспир В. Комедии. Хроники. Трагедии. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 670 с.

392. Шибутани Т. Борьба за признание и власть // Психология и психоанализ власти. Т. 2. Самара: «БАХРАХ», 1999. С. 394-398.
393. Шиповская В.В. Модусы преодолевающей активности личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 4-2 (28). С.89-93.
394. Шиповская В.В. Преодолевающая активность личности как потенциал субъектности // Сборник материалов Междунар. науч. конф. «Человек, субъект, личность в современной психологии» (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского). М.: Институт психологии РАН, 2013. 463-466.
395. Шиповская В.В. Психологический феномен беспомощности // Человек. Сообщество. Управление. 2009. №4. С. 38- 53.
396. Шопенгауэр А. Избранные произведения / сост., авт. вступ. ст. и примеч. И.С. Нарский. М.: Просвещение, 1992. 479 с.
397. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В двух томах. Том 1: Гештальт и действительность / пер. с нем. М.: Мысль, 1993. 663 с.
398. Шпиц Р.А. Психоанализ раннего детского возраста. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. 159 с.
399. Штерн В. «Серьезная игра» в юношеском возрасте // Психология подростка. Хрестоматия /сост. Ю.П. Фролов. М.: Российское педагогическое агентство, 1997. С. 20- 32.
400. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды // Труды д. чл. и чл.-кор. АПН СССР / под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
401. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978. 304 с.
402. Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
403. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ., ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
404. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс: Универс, 1994. 336 с.

405. Юнг К. Г. Собрание сочинений. Конфликты детской души / пер. с нем. М.: Канон, 1994. 336 с.
406. Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества // Социологические исследования. № 10. 2009. С. 70-79.
407. Юревич А.В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. Т. 27, № 1. 2006. С. 97–107.
408. Юревич А.В. Перспективы парадигмального синтеза // Вопросы психологии 2008. № 1. С. 3 – 25.
409. Юревич А.В. Развязно-агрессивный тип личности как проявление нравственного состояния современного российского общества // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 125–146.
410. Юревич А.В. Структура психологических теорий // Психологический журнал. 2003. Т. 24. №1. С.5-13.
411. Ядов В.Я. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия? ...Власть, общество, личность. М.: Аспект-пресс. 2000. С. 383-391.
412. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999. 576 с.
413. Ясперс К. Великие философы. Будда, Конфуций, Лао-цзы, Нагарджуна. М.: ИФРАН, 2007. 236 с.
414. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1053 с.
415. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
416. Appel J., Kim-Appel D. The Multipath Approach to Personality: Towards a Unified Model of Self // Psychology. 2010. № 1. P. 273-281.
417. Apter M. J. Negativism and the sense of identity // In G. Breakwell (Ed.), Threatened Identities/ In G. Breakwell (Ed.). London: Wiley, 1983. P.75-90/
418. Apter M.J. Motivational Styles in Everyday Life: A Guide to Reversal Theory. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2001.
419. Apter M.J., Fontana D., Murgatroyd S. Reversal theory: Application and developments. Cardiff: University College Press, 1985. 203 p.

420. Apter M.J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. L., N.Y.: Academic Press, 1982. 378 p.
421. Barron F.X. Creativity and Psychological Health: Origins of Personal Vitality and Creative Freedom. Princeton: Van Nostrand, 1963.
422. Beck A.T. Cognitive Therapy: A 30 - year retrospective // American Psychologist, 1991. Vol.46. P. 368-375.
423. Benjamin L.S. Interpersonal diagnosis and treatment of personality disorders. N. Y.: Guilford Press, 1996.
424. Bilsky W., Janik M., Schwartz S.H. The structural organization of human values: Evidence from three rounds of the European Social Survey (ESS) // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. (42). P. 759–776.
425. Blader S.L. What leads organizational members to collectivize? Injustice and identification as precursors of union certification // Organization Science. 2007. 18: 108–126.
426. Brown T.A. Confirmatory Factor Analysis for Applied Research. N.Y: Guilford Press, 2006. 493 p.
427. Byrne B.M. Structural equation modeling with EQS: Basic concepts, applications, and programming (2nd ed.). Mahwah, N.J.: Erlbaum, 2006. 396 p.
428. Cassedy S. Florenskij and Philosophy of Language in the Twentieth Century // П.А. Флоренский и культура его времени. Marburg, 1995. P. 282-294.
429. Church T. Culture and Personality: Toward an Integrated Cultural Trait Psychology // Journal of Personality. 2000. Vol. 68, № 4, P. 651-704.
430. Cleckley H.M. The Mask of Sanity: An Attempt to Clarify Some Issues About the So-Called Psychopathic Personality / 5th edition, Copyright Emily S. Cleckle. 1988.
431. Cloninger C.R. A unified biosocial theory of personality and its role in the development of anxiety states // Psychiatric Developments. 1986. 4 (3). P. 167–226.
432. Cloninger C.R. A systematic method for clinical description and classification of personality variants // Archives of General Psychiatry. 1987. № 44. P. 573–588.

433. Coen S.J. Reflections on Clinical Theory: Therapeutic Action: An Earnest Plea for Irony. By Jonathan Lear. New York // Journal of the American Psychoanalytic Association. 2005. Vol. 53. P. 291-296.
434. Collier P. Destructive generation: second thoughts about the sixties / P. Collier, D. Horowitz. N.Y.: Summit Books, 1990.
435. Cooper J., Nettler R., Mahmoud M. Islam and modernity: Muslim intellectuals respond. N.Y.: Palgrave, 2000.
436. Cornell S.E. The War against Terrorism and the Conflict in Chechnya: A Case for Distinction // The Fletcher Forum of World Affairs. 2008. Vol. 27 № 2. P. 167-179.
437. Cortright B. Integral Psychology: Yoga, Growth, and Opening the Heart: N.Y: State University of New York Press, 2007. 232 p.
438. Cowles M., Davis C. Strength of the nervous system and reversal theory // Reversal theory: Applications and developments / eds. M.J. Apter, D. Fontana, S. Murgatroyd. Cardiff: University College Press, 1985. P. 129-143.
439. Csikszentmihalyi M. Flow: The psychology of optimal experience. N.Y: Harper and Row, 1990. 306 p.
440. Deci E.L., Eghrari H., Patrick B.C., Leone D. R. «Facilitating Internalization: The Self-Determination Theory Perspective» // Journal of Personality. 1994. Vol. 62, №1. P. 119-142.
441. Deci E.L., Koestner R., Ryan R.M. A meta-analytic review of experiments examining the effects of extrinsic rewards on intrinsic motivation // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125, № 6. P. 627–668.
442. Deci E. L., Ryan R.M. A Motivational approach to self: Integration in personality // Perspectives on motivation / by ed. R. Dienstbier. Lincoln: University of Nebraska Press, 1991. Vol. 38. P. 237-288.
443. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology. 2008. Vo.49. P. 182-185.
444. Deci E. L., Ryan R.M. The dynamics of self-determination in personality and development // Self-related cognitions in anxiety and motivation / ed. R. Schwarzer. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1986. P. 171-194.

445. Deci E.L., Ryan R.M. The «What» and «Why» of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // *Psychological Inquiry*. 2000. Vol. 11, № 4. P. 227–268.
446. De Weerd M., Klandermans B. Group identification and political protest: Farmers' protest in the Netherlands // *European Journal of Social Psychology*. 1999. № 29. P. 1073–1095.
447. Dharm P.S. Bhawuk *Spirituality and Indian Psychology: Lessons from the Bhagavad-Gita (International and Cultural Psychology)*. N.Y.: Springer. 2011. 236 p.
448. Dodge K.A. Social-cognitive mechanisms in the development of conduct disorder and depression // *Annual Review of Psychology*. 1993. Vol. 44. P. 559–584.
449. Dubé L., Guimond S. Relative deprivation and social protest: The personal-group issue // *Relative Deprivation and Social Comparison: The Ontario Symposium* / eds. J.M. Olson, C.P. Herman, M.P. Zanna M.P. 1986. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, P. 201-216.
450. Drury J., Reicher S. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British Journal of Social Psychology*. 2000. Vol. 39, № 4. P. 579–604.
451. Drury J., Reicher S. Collective psychological empowerment as a model of social change: Researching crowds and power // *Journal of Social Issues*. 2009. Vol. 65, № 4. P. 707-725.
452. Ellemers N. The influence of socio-structural variables on identity management strategies // *European Review of Social Psychology* / eds. W.Stroebe, M. Hewston. Chichester: Wiley, 1993. P. 27-58.
453. Falk O., Morgenshtern H. (eds.). *Suicide terror: understanding and confronting the threat*. N.J.: John Willey Sons, Inc., Hoboken, 2009.
454. Field T. *Infancy*. Cambridge; Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1990.
455. Folger R. Rethinking equity theory: A referent cognitions model // *Justice in Social Relations* /eds. H.W. Bierhoff, R.L. Cohen, J. Greenberg. N. Y.: Plenum, 1986. P. 145–162.

456. Foster M.D. and Matheson K. Perceiving and responding to the personal/group discrimination discrepancy // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol. 25 (10). P. 1319–1329.
457. Fukujama F. *The end of History and the last man*. London, N.Y.: Free Press. 1992.
458. Furr R.M., Bacharach V.R. *Psychometrics: An Introduction* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2013. 472 p.
459. Furr R.M., Wood D. On the similarity between exchangeable profiles: A psychometric model, analytic strategy, and empirical illustration // *Journal of Research in Personality*. 2013. № 47. P. 233–247.
460. Friedenberg E. Z. *Introduction // The Anti-American Generation*. Transaction Books, 1971.
461. Gamson W.A. *Talking Politics*. New York: Cambridge University Press, 1992.
462. Gagne V. Autonomy support and need satisfaction in the motivation of gymnasts // *Journal of Applied Sport Psychology* /eds. V. Gagne, R.V. Ryan, K. Bargmann. 2003. Vol. 15. P. 372 - 390.
463. Gaziel H.H. Correlates of job satisfaction: a study of the two factors theory in an educational setting // *Journal of Psychology*. 1986. Vol. 120. № 6. P. 613-626.
464. González R., Brown R. Generalization of positive attitudes as a function of subgroup and superordinate group identifications in intergroup contact // *European Journal of Social Psychology*. 2003. № 33. P. 195–214.
465. Gould R.L. *Transformations, growth and change in adult life*. N.Y.: Simon and Schuster, 1978.
466. Gurr T. R. Peoples Against States: Etnopolitical Conflict and the Changing World System // *International Studies Quarterly*. 1994. Vol. 38. № 3. P. 347-377.
467. Gurr T.R. *Peoples versus States: Minorities at Risk in the New Century*. Washington, DC: US Institute of Peace Press, 2000.
468. Gurr T.R. "Why Men Rebel Redux: How Valid Are Its Arguments 40 Years On?" *E -International Relations*. URL: <http://www.e-ir.info/2011/11/17/> (дата обращения: 02.08.2015).

469. Gurin P, Miller A.H., Gurin G. Stratum Identification and Consciousness // *Social Psychology Quarterly*. 1980. № 43. P. 30–47.
470. Harre R. *Personal being: a theory for individual psychology*. Oxford: Blackwell, 1983.
471. Harre R. *Social being*. Oxford: Basil Blackwell, 1979.
472. Harrington S.P. *The clash of civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon and Schuster, 1996.
473. Hassan R.U. Global rise of suicide terrorism: An Overview // *Asian Journal of Social Science*. 2008. Vol. 36. № 2. P. 271-291.
474. Hepburn A. Derrida and psychology: Deconstruction and its abuses in critical and discursive psychologies // *Theory and Psychology*. 1999. Vol. 9 (5). P. 639-665.
475. Herzberg F. One More Time: How Do You Motivate Employees? // *Harvard Business Review* (Jan.-Febr.). 1987. P. 56-57.
476. Hirschman A.O. *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.
477. Hogg M.A., Graham M.V. *Social psychology* (sixth ed.). London: Person Education Limited, 2011. 763 p.
478. Huo Y.J, Smith H, Tyler T.R et al. Superordinate identification, subgroup identification, and justice concerns: Is separatism the problem; is assimilation the answer? // *Psychological Science*. 1996. № 7. P. 40–45.
479. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: conventional criteria versus new alternatives // *Structural Equation Modeling*. 1999. № 6, P. 1-55.
480. Jacobs J.B., Potter K. *Hate Crimes: Criminal law and identity politics*. N.Y.: Oxford University Press, 1998.
481. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Application of the schema construct // *Social Cognition*. 1989. 7 (2). P. 113-136.
482. Janoff-Bulman R. *Rebuilding shattered assumption after traumatic life events: Coping process and outcomes* / ed. C.R. Snyder. *Coping: the psychology of what works*. N.Y.: Oxford University Press, 1998.

483. Janoff-Bulman R. Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma. N. Y.: Oxford University Press, 1992.
484. Jenkins R. Social Identity. Abingdon: Routledge, 2004.
485. Kelly C., Breinlinger S. Identity and injustice: Exploring women's participation in collective action // Journal of Community and Applied Social Psychology. 1995. № 5. P. 41–57.
486. Kerr J.H. Counseling Athletes: Applying Reversal Theory. London: Routledge, 2001.
487. Kerr J.H. Rethinking aggression and violence in sport. London: Routledge, 2004.
488. Kiesler D.J. Contemporary interpersonal theory and research: Personality, psychopathology, and psychotherapy. N.Y.: Wiley, 1996.
489. Klandermans B. Mobilization and participation: Social-psychological expansions of resource mobilization theory // American Sociological Review. 1984. Vol. 49. P. 583–600.
490. Klandermans B. The formation and mobilization of consensus // International Social Movement Research. 1988. № 1. P. 173-196.
491. Klandermans B., Sabucedo J.M., Rodriguez M. et al. Identity processes in collective action participation: Farmers' identity and farmers' protest in the Netherlands and Spain // Political Psychology. 2002. Vol. 23. P. 235–251.
492. Klandermans B., De Weerd M. Group identification and political protest // Self, Identity, and Social Movements / eds. S. Stryker, T.J. Owens, R.W. White. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. P. 68–92.
493. Klandermans B., Van der Toorn J., Van Stekelenburg J. Embeddedness and identity: How immigrants turn grievances action // American Sociological Review. 2008. № 73. P. 992–1012.
494. Kline R.B. Principles and practice of structural equation modeling (3rd ed.). N. Y.: Guilford Press, 2011. 425 p.
495. Kurtz S. All Kinds of Justice: Labor and Identity Politics. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.

496. Lind E.A., Tyler T.R. *The Social Psychology of Procedural Justice*. N. Y.: Plenum Press, 1988.
497. Livesley W.J., Jackson, D. N., Schroeder M. L. A study of the factorial structure of personality pathology // *Journal of Personality Disorders*. 1989. № 3. 292-306.
498. Loeber R., Burke J.D., Lahey B.B., Winters A., Zera M. Oppositional defiant disorder and conduct disorder: A review of the past 10 years, part I // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 2000. № 39. P. 1468–1484.
499. Maddi S. R. *Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning* / ed. by P.T.P. Wong, P.S. Fry. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1998.
500. Maddi S.R. *The Existential Neurosis // Journal of Abnormal Psychology*. 1967. Vol. 72 (4). P. 311-325.
501. Major B. From social inequality to personal entitlement: The role of social comparisons, legitimacy appraisals, and group memberships // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1994. № 26. P. 293–355.
502. Marsella A.J. Reflections on international terrorism: issues, concepts, and directions // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / eds. F. Moghaddam and A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 11-47.
503. Martin J. The tolerance of injustice // *Relative Deprivation and Social Comparison: The Ontario Symposium* / eds. J.M. Olson, C.P. Herman, M.P. Zanna. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1986. P. 217-242.
504. Mascaro N., Rosen D. Assessment of existential meaning and its longitudinal relations with depressive symptoms // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2008. № 27. P. 576–599.
505. May R. *Freedom and destiny*. N.Y.: Norton, 1981.
506. McAdam D. *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970*. Chicago: The University of Chicago Press, 1982.
507. McCarthy J.D., Zald M.N. Resource mobilization and social movements: A partial theory. *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. P. 1212–1241.

508. McDermott M.R. *Rebelliousness // Motivational styles in everyday life: a guide to Reversal Theory* / ed. M.J. Apter. Washington DC: American Psychological Association, 2001. P. 167-185.
509. McDermott M.R., Barik N.B. *Developmental Antecedents of Proactive and Reactive // Journal of Motivation, Emotion, and Personality*. 2014. Vol. 2, №. 1. P. 22-31.
510. McClurg S.D. *Social networks and political participation: The role of social interaction in explaining political participation // Political Research Quarterly*. 2003. Vol. 56. P. 448–464.
511. McDougall J. *Primitive Communication and the use of the Countertransference: Reflections on early psychic trauma and its transference effects*. In *Plea for a Measure of Abnormality*. N.Y.: International Universities Press, 1980. P. 247-298.
512. Millon T. *It's time to rework the blueprints: Building a science for clinical psychology // American Psychologist*. 2003. Vol. 58. P. 949–961.
513. Millon T. *Millon Index of Personality Styles Manual*. The Psychological Corporation, Orlando, 1994.
514. Millon T. Bloom C. (Eds). *The Millon inventories: A practitioner's guide to personalized clinical assessment*. N. Y.: Guilford Press, 2008.
515. Millon T., Davis, R.D. *Disorders of personality: DSM-IV and beyond (2nd ed.)*. N. Y.: Wiley, 1996.
516. Millon T., Millon, C., Davis, R., & Grossman, S. *Millon clinical multiaxial inventory-III manual (3rd ed.)*. Minneapolis: Pearson Assessments, 2006.
517. Mullins-Sweatt S.N., Widiger, T.A. *Millon's dimensional model of personality disorders: a comparative study // Journal of Personality Disorders*. 2007. Vol. 21 (1). P. 42-57.
518. Mummendey A., Kessler T., Klink A. et al. *Strategies to cope with negative social identity: Predictions by social identity theory and relative deprivation theory // Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 76. P. 229–245.

519. Oegema D., Klandermans B. Why social movement sympathizers don't participate: Erosion and nonconversion of support // *American Sociological Review*. 1994. Vol. 59. P. 703–722.
520. Olzak S., Koopmans R. Discursive opportunities and the evolution of right-wing violence in Germany // *American Journal of Sociology*. 2004. № 110. P. 198–230.
521. *Personality disorders in modern life / 2nd ed.*, eds. T. Millon, S. Grossman, C. Millon, S. Meagher, R. Ramnath. N. Y.: Wiley, 2004. 610 p.
522. Putnam R.D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
523. Reicher S. The St. Paul's riot: An explanation of the limits of crowd action in terms of a social identity model. *European Journal of Social Psychology*. 1984. Vol. 14. P. 1-21.
524. Rettew D., Reivich K. Sports and explanatory style / eds. G. M. Buchanan, M. E. P. Seligman. *Explanatory style*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum. 1995. P. 173-186.
525. Runciman W.G. *Relative Deprivation and Social Justice*. London: Routledge, 1966.
526. Rushton J. Philippe, Irwing P. A General Factor of Personality in the Millon Clinical Multiaxial Inventory-III, the Dimensional Assessment of Personality Pathology, and the Personality Assessment Inventory // *Journal of Research in Personality*. 2009. Vol. 43. P. 1091–1095.
527. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being // *American psychologist*. 2000. Vol. 55 №1. P. 68-78
528. Sankowsky D. The charismatic leader as narcissist: Understanding the abuse of power // *Organizational Dynamics*. 1995. Vol. 23. (4). P. 57–71.
529. Schwartz, S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // *Online Readings in Psychology and Culture*, 2 (1). 2012. URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (дата обращения: 10. 09. 14).

530. Schwartz, S.H. Beyond individualism / collectivism: New dimensions of values. *Individualism and Collectivism: Theory Application and Methods* / eds. U. Kim, H.C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.C. Choi and G. Yoon / Newbury Park, CA: Sage, 1994.
531. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / eds. M. Zanna/ San Diego: Academic Press, 1992.
532. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M. et al. Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103 (4). P. 663-88.
533. Siever L.J., Davis K.L. A psychobiological perspective on the personality disorders // *American Journal of Psychiatry*. 1991. Vol. 148. P. 1647–1658.
534. Simon B., Klandermans B. Towards a social psychological analysis of politicized collective identity: Conceptualization, antecedents, and consequences // *American Psychologist*. 2001. Vol. 56. P. 319–331.
535. Simon B., Loewy M., Stürmer S. et al. (1998) Collective identification and social movement participation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74. P. 646–658.
536. Simon B., Ruhs D. Identity and politicization among Turkish migrants in Germany: The role of dual identification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. P. 1354–1366.
537. Smith S. *The Organic Analogy* // *The Study of Social Problems* / eds. E. Rubington, M.S. Weinberg. N.Y.: Oxford, 1995.
538. Sniderman P.M., Hagendoorn L., Prior M. Predisposing factors and situational triggers: Exclusionary reactions to immigrant minorities // *American Political Science Review*. 2004. Vol. 98. P. 35–49.
539. Subasic E., Reynolds K.J., Turner J.C. The political solidarity model of social change: Dynamics of self-categorization in intergroup power relations // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. Vol. 12. P. 330-352.

540. Stürmer S., Simon B. The dual-pathway model of social movement participation: The case of the Fat Acceptance Movement // *Social Psychology Quarterly*. 2003. Vol. 66. P. 71–82.
541. Stern D.N., Sander L.W., Nahum J.P., Harrison A.M., Lyons-Ruth K., Morgan A.C., Bruschiweilerstern N., Tronick E.Z. Non-Interpretive Mechanisms in Psychoanalytic Therapy: The «Something More» Than Interpretation // *International Journal of Psycho-Analysis*. 1998. Vol. 79. P. 903-921.
542. Stryker S., Owens T.J. and White R.W. (eds). *Self, Identity, and Social Movements*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000.
543. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // *The Social Psychology of Intergroup Relations* / eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1979. P. 33–47.
544. Turner J.C. Some current themes in research on social identity and self-categorization theories // *Social Identity: Context, Commitment, Content* / eds. N. Ellemers, R. Spears, B. Doosje. Oxford: Blackwell, 1999. P. 6–34.
545. Tyler T.R., Smith H.J. Social justice and social movements // *Handbook of Social Psychology* / eds. D. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey. New York: McGraw-Hill, 1998. P. 595–629.
546. Vallerand R.J., Bissonette R. Intrinsic, extrinsic, and amotivation styles as predictor of behavior: A prospective study // *Journal of Personality*. 1992. Vol. 60. P. 599-620.
547. Vallerand R.J., Blanchard C.M., Mageau G.A., Koestner R., Ratelle C., Léonard M., Gagné M. Les passions de l'ame: On obsessive and harmonious passion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol.85. P. 756–767.
548. Vallerand R.J. A hierarchical model of intrinsic and extrinsic motivation for sport and physical activity / eds. by M.S. Hagger, N.L. Chatzisarantis. *Intrinsic motivation and self-determination in exercise and sport*. Champaign, IL: Human Kinetics, 2007. P. 255–279.

549. Van Stekelenburg J., Klandermans B., Van Dijk W.W. Context matters: Explaining why and how mobilizing context influences motivational dynamics // *Journal of Social Issues*. 2009. Vol. 65. P. 815–838.
550. Van Stekelenburg J. and Klandermans B. Individuals in movements: A social psychology of contention // *The Handbook of Social Movements across Disciplines*, reprint edn. New York: Springer / eds. C.M. Roggeband, B. Klandermans B. N. Y.: Springer, 2010. P.157–204.
551. Van Stekelenburg J., Klandermans B. Social movement theory: Past, present and prospect // *Movers and Shakers: Social Movements in Africa* / eds. I. Van Kessel, S. Ellis. Leiden: Brill, 2009. P. 17–44.
552. Van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest // *Current Sociology*. 2013. URL: <http://csi.sagepub.com>. (дата обращения: 04.05.2014).
553. Van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans B. No radicalization without identification: Dynamics of radicalization and polarization within and between two opposing web forums // *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies: A Multidisciplinary Perspective* / eds. A. Azzi, X. Chrysochoou, B. Klandermans et al. Oxford: Blackwell Wiley, 2010.
554. Van Zomeren M. Opening the black box of ‘dynamics’ in theory and research on the demand side of protest // *The Future of Social Movement Research: Dynamics, Mechanisms and Processes* / eds. J. Van Stekelenburg, C.M. Roggeband, B. Klandermans. Minnesota: University of Minnesota Press, 2013.
555. Van Zomeren M., Leach C.W., Spears R. Protesters as ‘passionate economists’: A dynamic dual pathway model of approach coping with collective disadvantage // *Personality and Social Psychology Review*. 2012. Vol. (2). P. 180–199.
556. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134. P. 504–535.
557. Van Zomeren M., Spears R., Fischer A.H. et al. Put your money where your mouth is! Explaining collective action tendencies through group-based anger and group efficacy // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. Vol. 87. P. 649–664.

558. Walsh E.J. Resource mobilization and citizen protest in communities around Three Mile Island // *Social Problems*. 1981. Vol. 29. P. 1–21.
559. Weinberg K.M., Tronick E.Z. Infant affective reactions to the resumption of maternal interaction after the Still-Face // *Child Development*. 1996. Vol. 67. P. 905-914.
560. Weinfield N.S., Sroufe, L.A., Egeland B., Carlson E.A. The nature of individual differences in infant–caregiver attachment // *Handbook of attachment* / eds. J. Cassidy and P. R. Shaver. N. Y.: Guilford Press. 1999. P. 68-88.
561. Wilber K. *Theory of Everything: An Integral Vision for Business, Politics, Science and Spirituality*. Shambhala, Boston, 2000.
562. Woodberry J.D. Reflections on Islamist terrorism // *Fuller Focus*. 2002. Vol.10. №1. P. 4-6.
563. Yzerbyt V., Dumont M., Wigboldus D. et al. I feel for us: The impact of categorization and identification on emotions and action tendencies // *British Journal of Social Psychology*. 2003. Vol. 42. P. 533–549.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1 Таблица 1

Матрица корреляций шкал протестной активности личности с основными переменными по Спирмену (выделены значимые корреляции: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$)

Методики	Переменные	Негативизм	Эмансипация	Оппозиция	Аномия	Эскапизм
1	2	3	4	5	6	7
Опросник психологических защит Р. Келлермана - Г. Плутчика	Отрицание	0,102**	-0,091	-0,086	0,047	0,047
	Вытеснение	0,216**	-0,247**	0,291**	0,393**	0,215**
	Регрессия	0,255**	-0,193**	0,320**	0,299**	0,220**
	Компенсация	0,192**	-0,079	0,130**	0,125**	0,175**
	Проекция	0,083**	0,240**	-0,195**	-0,184**	0,010
	Замещение	0,334**	-0,173**	0,367**	0,351**	0,300**
	Интеллектуализация	0,071**	-0,144**	0,004	0,159**	0,060
	Реактивное образование	0,002	-0,156**	-0,173**	-0,068	-0,079
	Защиты зрелые	0,214**	-0,249**	0,146**	0,266**	0,137**
	Защиты примитивные	0,292**	0,018	0,168**	0,137**	0,259**
Опросник Мини-мульти	Лмм Ложь	0,003	-0,264**	0,013	0,163**	0,007
	Фмм Фальсификация	0,221**	-0,138**	0,206**	0,190**	0,201**
	Кмм Коррекция	-0,084**	-0,214**	-0,033	0,082**	-0,148**
	Нс Сверхконтроль	0,140**	-0,244**	0,128**	0,099**	0,118**
	D Пессимистичность	0,187**	-0,210**	0,145**	0,119**	0,176**
	Ну Эмоц. лабильность	0,148**	-0,221**	0,128**	0,112**	0,140**
	Pd Импульсивность	0,165**	-0,235**	0,237**	0,253**	0,139**
	Pa Ригидность	0,241**	-0,168**	0,106**	0,139**	0,236**
	Pt Тревожность	0,137**	-0,209**	0,103**	0,128**	0,132**
	Se Индивидуализм	0,216**	-0,260**	0,190**	0,244**	0,173**
	Ma Гиперактивность	0,183**	0,087**	0,110**	0,012	0,144**
Методика агрессии А. Басса и А. Дарки (в адаптации А.К. Осницкого)	Физическая агрессия	0,134**	0,229**	0,051	-0,121**	-0,026
	Косвенная агрессия	0,116**	0,122**	0,139**	-0,046	0,079
	Раздражительность	0,123**	0,075	0,145**	0,044	0,048
	Негативизм	0,174**	0,187**	0,112**	-0,001	0,043
	Обида	0,101**	0,112**	0,162**	0,024	0,159**
	Подозрительность	0,200**	0,087**	0,046	0,038	0,114**
	Вербальная агрессия	0,069**	0,235**	0,047	-0,099**	-0,063
	Чувство вины	-0,059**	0,210**	-0,077	-0,231**	-0,024
	Враждебность	0,185**	0,132**	0,134**	0,047	0,169**
	Агрессивность	0,145**	0,283**	0,087**	-0,139**	-0,028

Приложение 1 Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
Шкала копинг-стратегий С. Хобфолла (SACS).	Ассертивность	-0,077**	0,252**	-0,166**	-0,248**	-0,053
	Вступление в контакт	-0,064*	0,284**	-0,166**	-0,340**	-0,064
	Поиск соц. поддержки	-0,057*	0,268**	-0,223**	-0,346**	-0,103*
	Осторожность	0,001	0,258**	-0,260**	-0,265**	-0,108*
	Импульсивность	0,032	0,109*	0,088	0,043	0,076
	Избегание	0,180**	0,106*	0,167**	0,010	0,076
	Непрямой копинг	0,118**	0,243**	0,073	-0,047	0,006
	Асоциальные действия	0,193**	0,116*	0,265**	0,130**	0,056
	Агрессивный копинг	0,157**	0,176**	0,195**	-0,044	0,080
Многофакторный опросник Р. Кеттелла	MD самооценка	-0,107**	-0,025	-0,117**	-0,016	0,000
	A общительность	-0,133**	0,123**	-0,122**	-0,190**	-0,160**
	B интеллект	-0,083**	0,147**	-0,093**	-0,160**	-0,059*
	C эмоцион. устойчивость	-0,133**	0,172**	-0,129**	-0,180**	-0,181**
	E доминантность	0,056**	0,017	0,101**	0,040	0,066*
	F экспрессивность	0,050*	-0,033	0,092**	0,078**	0,040
	G нормативность	-0,137**	0,177**	-0,167**	-0,230**	-0,199**
	H робость - смелость	-0,063**	0,224**	-0,024	-0,132**	-0,092**
	I чувствительность	-0,105**	-0,040	-0,081**	-0,037	-0,036
	L подозрительность	0,068**	-0,117**	0,131**	0,100**	0,069**
	M мечтательность	-0,012	0,042	-0,076**	-0,071**	-0,032
	N дипломатичность	0,068**	-0,041	0,075**	0,103**	0,107**
	O тревожность	0,038	0,009	-0,019	-0,053*	0,062*
	Q ₁ радикализм	-0,041	0,079**	0,030	-0,031	-0,019
	Q ₂ нонконформизм	0,013	-0,090**	0,064*	0,099**	0,037
	Q ₃ высокий самоконтроль	-0,081**	0,108**	-0,139**	-0,143**	-0,169**
Q ₄ напряженность	0,032	-0,012	0,114**	0,056*	0,045	
Анкета удовлетворенности трудом и отношениями «УТРО»	Конфликт с окружением	0,230**	-0,114	0,132*	0,206**	0,143*
	Недоверие к начальству	0,140**	0,057	0,106	0,108	0,084
	Безынициативность	0,099**	0,028	0,040	0,030	-0,033
	Загруженность	0,168**	0,018	0,191**	0,108	0,072
	Иерархия	0,168**	0,058	0,123*	0,062	0,040
	Отнош. с руководством	0,142**	0,046	0,051	0,020	-0,045
	Карьера	0,069	0,014	0,106	-0,032	-0,058
	Референтность	0,139**	-0,038	0,085	0,071	-0,019
	Неудовл. работой	0,073	-0,026	-0,020	0,056	0,037
	Алкоголь	0,247**	-0,268**	0,247**	0,358**	0,273**
	Отдых	-0,024	0,179**	0,112	-0,034	-0,073
	Статус	0,231**	0,035	0,137*	0,000	-0,051
	Непр. начальст., индекс	0,176**	0,079	0,118*	0,087	0,065
	Фаворитизм, индекс	0,150**	-0,020	0,125*	0,041	-0,024
	Удовлетворен., индекс	0,263**	-0,179**	0,153**	0,279**	0,196**
Авторитет, индекс	0,209**	-0,007	0,111	0,048	-0,037	

Приложение 1 Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
Методика оценки климата Ф. Фидлера	Доброжелательность	0,058	0,140*	0,115	0,103	0,116
	Согласие	0,102*	0,130	0,132*	0,121	0,156*
	Удовлетворенность	0,127**	0,152*	-0,004	0,087	0,145*
	Продуктивность	0,171**	0,233**	0,106	0,157*	0,134*
	Теплота	0,040	0,079	0,009	0,133*	0,073
	Сотрудничество	0,179**	0,040	0,038	0,065	0,001
	Взаимная поддержка	0,117*	0,128	0,127	0,126	0,087
	Увлеченность	0,151**	0,084	0,187**	0,230**	0,118
	Занимательность	0,159**	-0,086	0,037	0,139*	0,103
	Успешность	0,115*	0,028	0,209**	0,260**	0,106
Самооценка, по С.А. Будасси	Самооценка по Будасси	-0,061	-0,024	-0,128*	-0,101	-0,125*
Социометрия	Социометрич. статус	-0,185**	-0,048	-0,105	-0,176**	-0,085
Референтометрия	Референтометр. статус	-0,219**	0,072	-0,199**	-0,240**	-0,172*
Опросник ценностей ОТеЦ И.Г. Сенина	Престиж	0,015	0,185**	-0,027	-0,141*	-0,068
	Материальное положение	-0,104	0,244**	0,069	-0,059	-0,210**
	Креативность	-0,092	0,205**	-0,023	-0,197**	-0,074
	Социальные контакты	-0,067	0,138*	0,040	-0,111	-0,098
	Развитие себя	-0,146**	0,287**	-0,054	-0,236**	-0,170**
	Достижения	-0,157**	0,295**	-0,013	-0,217**	-0,149*
	Духовное	-0,163**	0,212**	0,005	-0,172**	-0,179**
	Индивидуальность	-0,079	0,186**	-0,013	-0,123*	-0,127*
	Сфера профессии	-0,144**	0,367**	-0,051	-0,223**	-0,175**
	Сфера обучения	-0,180**	0,305**	-0,095	-0,267**	-0,164**
	Сфера семейная	-0,103	0,153*	0,078	-0,101	-0,151*
	Сфера общества	-0,045	0,214**	0,052	-0,131*	-0,135*
	Сфера увлечения	-0,072	0,165**	0,035	-0,073	-0,099
	Сферы (сумма)	-0,119*	0,267**	0,008	-0,186**	-0,163**
Методика С. Шварца (нормативные ценности)	Н_Конформность	-0,201**	0,131	-0,093	-0,159*	-0,018
	Н_Традиции	0,036	0,070	0,058	-0,013	0,091
	Н_Доброта	-0,170**	0,189**	-0,157*	-0,190**	-0,075
	Н_Универсализм	-0,079	0,131	-0,104	-0,092	-0,070
	Н_Самостоятельность	0,048	0,072	0,005	-0,057	-0,033
	Н_Стимуляция	0,222**	0,117	0,033	0,022	0,190**
	Н_Гедонизм	0,077	0,104	0,082	-0,011	0,124
	Н_Достижения	-0,013	0,360**	-0,139	-0,232**	-0,130
	Н_Власть	0,135*	0,117	0,095	0,057	0,137
	Н_Безопасность	-0,084	0,258**	-0,136	-0,256**	-0,115
	Нормативные ценности	-0,036	0,191**	-0,058	-0,122	0,030

Приложение 1 Таблица 1 (продолжение)

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Методика С. Шварца (личные ценности)	Л_Конформность	-0,114	0,016	-0,045	-0,060	0,012
	Л_Традиции	-0,037	0,156*	-0,052	-0,137	0,091
	Л_Доброта	-0,153*	0,006	-0,083	-0,103	-0,059
	Л_Универсализм	-0,125	0,027	0,001	-0,068	-0,051
	Л_Самостоятельность	-0,003	-0,062	-0,120	-0,025	-0,053
	Л_Стимуляция	0,052	-0,066	-0,152*	-0,109	-0,059
	Л_Гедонизм	0,119	0,021	-0,062	-0,020	0,144
	Л_Достижения	-0,084	0,031	-0,100	-0,115	0,001
	Л_Власть	0,048	0,220**	-0,211**	-0,217**	-0,198**
	Л_Безопасность	-0,093	0,165*	-0,088	-0,141	-0,203**
	Личные ценности	-0,110	0,119	-0,123	-0,171*	-0,057
Методика FIRO В. Шутца	Ie_включенность	-0,007	0,233**	-0,167**	-0,261**	-0,177**
	Iw_включенность	0,030	0,152**	0,006	-0,167**	-0,094
	Се_контроль	0,062	0,104	0,048	-0,134*	-0,048
	Cw_контроль	0,078	-0,210**	-0,012	0,077	0,030
	Ae_аффект	-0,057	0,183**	-0,148**	-0,246**	-0,145**
	Aw_аффект	-0,088	0,152**	-0,002	-0,189**	-0,126*
Тест смыслозиз- ненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева	Цели	-0,124*	0,272**	-0,179**	-0,345**	-0,228**
	Прогресс	-0,154**	0,254**	-0,141*	-0,299**	-0,240**
	Результат	-0,101*	0,173**	-0,172**	-0,202**	-0,228**
	Локус Я	-0,053	0,466**	-0,097	-0,406**	-0,310**
	Локус жизнь	-0,017	0,371**	-0,069	-0,390**	-0,259**
	СЖО	-0,115*	0,361**	-0,155**	-0,400**	-0,301**
Тест жизнестой- кости С. Мадди (Д.А. Леонтьев)	Вовлеченность	-0,136**	0,258**	-0,171**	-0,235**	-0,268**
	Контроль	-0,115*	0,184**	-0,092	-0,122*	-0,125*
	Принятие риска	-0,148**	0,063	-0,060	-0,028	-0,153**
	Жизнестойкость	-0,138**	0,222**	-0,134*	-0,173**	-0,203**
Опросник «Стилевая саморегуляция поведения человека» В.И. Моросановой, Е.М. Коноз	Планирование	-0,034	0,240**	-0,088	-0,239**	-0,136**
	Моделирование	-0,136**	0,233**	-0,124**	-0,209**	-0,165**
	Программирование	-0,185**	0,144**	-0,128**	-0,158**	-0,125**
	Оценка результатов	-0,162**	0,226**	-0,148**	-0,199**	-0,181**
	Гибкость	-0,058	0,233**	-0,108*	-0,227**	-0,087
	Самостоятельность	0,083*	0,089	0,110*	-0,032	-0,005
	ОУС	-0,140**	0,335**	-0,149**	-0,321**	-0,206**

Приложение 1 Таблица 1 (продолжение)

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Тест межличностных отношений Т. Лири	I Доминирование	-0,172**	0,067	-0,010	-0,063	-0,119
	II Уверенность	-0,063	-0,065	0,071	0,073	0,011
	III Требовательность	0,009	0,126	-0,025	-0,112	-0,124
	IV Скептицизм	-0,022	-0,005	-0,029	-0,091	-0,009
	V Уступчивость	-0,160*	-0,147*	-0,080	0,016	-0,008
	VI Доверие	-0,252**	-0,184**	-0,019	0,133	0,100
	VII Доброта	-0,155*	-0,197**	0,000	0,102	0,132
	VIII Отзывчивость	-0,215**	-0,064	0,033	-0,025	0,063
	Доминирование Лири	-0,029	0,166*	0,024	-0,108	-0,097
	Дружелюбие Лири	-0,149*	-0,177*	-0,002	0,116	0,136
Методика ответственности В.П. Прядина	Динамич. эргичность	-0,093*	0,230**	-0,236**	-0,283**	-0,260**
	Динамич. аэргичность	0,118**	-0,004	0,040	0,020	0,113*
	Мот. социоцентрич.	-0,071	0,211**	-0,148**	-0,262**	-0,117*
	Мот. эгоцентрическая	0,128**	0,045	0,024	0,007	0,074
	Когн. осведомленность	-0,067	0,297**	-0,212**	-0,274**	-0,208**
	Когн. осмысленность	0,144**	0,039	-0,035	0,023	-0,012
	Результат. предметная	-0,007	0,334**	-0,128**	-0,316**	-0,144**
	Результат. субъектная	-0,041	0,300**	-0,165**	-0,298**	-0,169**
	Эмоцион. стеничность	-0,071	0,300**	-0,140**	-0,334**	-0,191**
	Эмоцион. астеничность	0,125**	0,121*	0,066	-0,119*	0,013
	Регул. интернальность	-0,014	0,316**	-0,182**	-0,279**	-0,162**
	Регулят. экстернальн.	0,101*	-0,012	0,054	0,012	0,143**
	Тревожность	0,109*	0,090	0,026	-0,021	0,055
Искренность	-0,054	-0,006	-0,068	0,058	-0,059	
Шкала социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонд (Т.В. Снегирева и А.К. Осницкий)	Адаптивность	0,041	0,287**	-0,162*	-0,332**	-0,158*
	Дезадаптивность	0,044	-0,095	0,195**	0,221**	0,391**
	Адаптивность, индекс	-0,024	0,225**	-0,272**	-0,357**	-0,391**
	Принятие себя	0,064	0,174**	-0,034	-0,134*	-0,134*
	Непринятие себя	-0,021	-0,076	0,095	0,190**	0,343**
	Самопринятие	0,047	0,140*	-0,108	-0,207**	-0,317**
	Принятие других	-0,071	0,275**	-0,233**	-0,437**	-0,155*
	Непринятие других	0,086	0,011	0,165*	0,292**	0,256**
	Принятие других, инд.	-0,101*	0,110	-0,252**	-0,418**	-0,267**
	Эмоцион. комфорт	-0,025	0,197**	-0,006	-0,178**	0,063
	Эмоц. дискомфорт	0,071	-0,102	0,244**	0,255**	0,339**
	Эмоц. Комфорт, индекс	-0,058	0,190**	-0,239**	-0,309**	-0,285**
	Внутренний контроль	0,237**	0,197**	-0,006	-0,178**	0,063
	Внешний контроль	0,153**	-0,102	0,244**	0,255**	0,339**
Интернальность	0,010	0,191**	-0,238**	-0,309**	-0,284**	

Приложение 1 Таблица 1 (продолжение)

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
	Доминирование	0,127**	0,097	0,139*	0,048	0,113
	Ведомость	-0,030	0,003	-0,042	-0,049	0,176**
	Доминирование, индекс	0,136**	0,051	0,140*	0,113	0,002
	Эскапизм	0,061	-0,038	0,137*	0,116	0,398**
	Ложь отрицат.	-0,140**	-0,133*	-0,088	0,127	-0,082
	Ложь положит.	-0,012	-0,014	0,011	-0,012	-0,084
	Лживость	-0,115*	-0,108	-0,055	0,106	-0,141*
Самоактуализационный тест - адаптация опросника Э. Шострома (POI)	Ориентация во времени	-0,067	0,113*	-0,028	-0,004	-0,057
	Ценностные ориентац.	-0,055	0,153**	-0,064	-0,193**	-0,237**
	Гибкость	-0,035	0,100	0,013	-0,051	-0,104
	Сензитивность	-0,022	0,132*	-0,063	-0,022	-0,057
	Спонтанность	-0,035	0,034	0,038	0,074	-0,010
	Самоуважение	-0,086	0,184**	-0,152**	-0,187**	-0,306**
	Самопринятие	-0,093	0,134*	-0,086	-0,009	-0,136*
	Позит. прин. человека	-0,067	0,015	0,031	-0,138*	-0,099
	Синергия	0,033	0,075	0,057	-0,068	-0,081
	Принятие агрессии	0,048	0,065	0,025	0,063	-0,051
	Контактность	-0,031	0,069	0,043	-0,033	-0,042
	Позитивн. потребности	-0,040	0,004	0,075	0,099	0,029
	Креативность	-0,015	-0,012	0,141*	0,026	0,052
Методика оценки конфликта К. Томаса	Соперничество	0,424**	0,247*	0,471**	0,207	0,232
	Сотрудничество	-0,004	-0,059	-0,074	-0,044	0,064
	Компромисс	0,067	-0,028	-0,200	0,021	-0,182
	Избегание	-0,334**	-0,091	-0,047	-0,234	-0,191
	Приспособление	-0,283*	-0,283*	-0,304*	-0,183	0,028
Шкала базисных убеждений личности Р. Янов-Бульман (М.А. Падун, А.В. Котельникова)	Доброта Мира	-0,343**	-0,123	-0,112	-0,103	-0,166
	Справедливость	-0,186	0,220	-0,259*	-0,386**	-0,238*
	Образ Я	0,092	0,142	-0,152	-0,279*	-0,129
	Удача	0,053	-0,001	-0,050	-0,097	-0,170
	Контроль	-0,040	-0,063	-0,079	-0,050	-0,047
Тест-опросник А. Лэнгле и К. Орглер	Самодистанцирование	0,064	0,143	0,005	-0,036	0,045
	Самотрансценденция	-0,173	-0,010	-0,251*	-0,120	-0,088
	Свобода	-0,020	0,185	-0,012	-0,025	-0,071
	Ответственность	0,035	0,127	-0,086	0,067	-0,010
	Личностное	-0,087	0,044	-0,188	-0,122	-0,042
	Экзистенции	-0,118	0,103	-0,203	-0,128	-0,095
	Сумма экзист.	-0,098	0,077	-0,205	-0,134	-0,077

Опросник «Протестная активность личности» (ПАЛ)

Инструкция. Для изучения проявления реакции человека на ситуации общения разработан опросник, состоящий из предложений, характеризующих определенную жизненную ситуацию, и ряд вариантов ответов на каждый вопрос. Внимательно прочитав описание ситуации, выберите тот ответ, который характеризует **типичную реакцию на эту ситуацию, или тот ответ, который Вам наиболее близок**. Напротив каждого вопроса расставьте степень (частоту) согласия с данным утверждением:

всегда 4 балла абсолютно согласен

часто 3 балла скорее согласен

иногда 2 балла нечто среднее

редко 1 балл скорее не согласен

никогда 0 баллов абсолютно не согласен

Текст опросника:

1. Если на собрании старший грубо оскорбит Вас, то вы уйдете, громко хлопнув дверью?
2. Если Ваша девушка (парень) на вечеринке флиртует с другим (с другой), то Вы демонстративно будете флиртовать с другой девушкой (парнем)?
3. Если в компании появился новый человек постарше, и в разговоре он грубо одернул Вас при всех, то Вы демонстративно уйдете?
4. Если мне незаслуженно занижали оценку моей работы, то я переставал работать (учиться).
5. Если после ссоры мой приятель (подруга) перестал (а) со мной здороваться, то я в отместку сам (а) перестану здороваться.
6. Вам поручили поздравить с днем рождения человека, который Вам недавно нарочно сделал что-то неприятное, то Вы пообещаете и назло этого не сделаете.
7. Когда родители поступали со мной как с маленьким ребенком, то хотелось все сделать наоборот.
8. Мои успехи не нравятся начальству (старшим).
9. Удовольствие от игры любимой команды можно испытать только на стадионе.
10. Хороших артистов лучше слушать на сцене, им необходима поддержка зала.
11. Человек должен отдать всё за свои убеждения.
12. Мои заслуги мало ценят, особенно начальство (старшие).
13. Шахтеры, диспетчеры авиалиний имеют право на забастовки.
14. Если любимую команду несправедливо засудили, и она проигрывает, то

обидчиков надо наказывать.

15. Мои знакомые жалуются на то, что, старшие к ним чрезмерно требовательны.
16. Если кто-то сделал гадость, то надо отомстить обидчику.
17. Больше всего я не хотел бы материально зависеть от кого-либо.
18. Я имею право свободно выражать свои мысли.
19. Никто не имеет права указывать мне, что делать и как себя вести.
20. Люди должны сами решать, какой профессии посвящать себя и где работать.
21. Если меня оскорбят, я смогу отстоять себя.
22. Если при мне кого-то будут незаслуженно наказывать, я вступлюсь за него.
23. Прихожу в гнев, если не могу парировать высказывание собеседника в споре.
24. Мне нравятся революционные движения, бунт.
25. Я буду продолжать спор, даже если пойму, что не прав.
26. Не могу выслушать собеседника до конца, постоянно перебиваю его.
27. Если при мне начинается спор, я вступлю в него, даже если не в курсе, о чем идет речь.
28. Общаюсь с собеседником резко, могу нагрубить при этом, не желая его обидеть.
29. Часто поступаю наперекор, просто из принципа.
30. Могу вступить в спор со старшим (начальником, учителем и т. п.).
31. Если у меня заканчиваются аргументы в споре, начинаю использовать бранные выражения.
32. Часто выясняю отношения с родителями.
33. В моей жизни нет целей, я с трудом вижу свое будущее.
34. Не вижу смысла учебы.
35. Я думаю, что мораль – пережиток прошлого.
36. Религиозная вера - пережиток прошлого.
37. Не вижу ценности в человеческой жизни.
38. Религия нужна для слабых или глупых.
39. Я равнодушен к желаниям других людей, если что-то делаю, то только для себя.
40. В общественном транспорте я не уступлю место пожилому человеку.
41. В основном, любому другому отдыху я предпочитаю всё, что связано с компьютером или сетью Интернет.
42. Целыми днями могу смотреть телевизор или играть в компьютерные игры, забыв о делах и проблемах.
43. Порой я так глубоко погружаюсь в собственные мысли, что забываю о важных делах и не замечаю времени.
44. Я не могу жить «здесь и сейчас», постоянно куда-то улетаю в мыслях.
45. Мне нравится виртуальный мир игр, там я чувствую себя настоящим.
46. Люблю часами сидеть в социальных сетях, общаясь с другими людьми.
47. Я могу подолгу мечтать, представляя себе свою идеальную жизнь.
48. Мое хобби занимает много времени.
49. Могу часами сидеть в играх.
50. Я живу больше в будущем, чем в настоящем.

Ключ к опроснику ПАЛ

Рассчитывается сумма положительных ответов на следующие вопросы:

Шкала негативизма – сумма ответов на пункты 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16.

Шкала эмансипации – сумма ответов на пункты 17, 18, 19, 20, 21, 22.

Шкала оппозиции – сумма ответов на пункты 23, 24, 25, 26, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32.

Шкала нигилизма – сумма ответов на пункты 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40.

Шкала негативизма – сумма ответов на пункты 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50.

Описание шкал опросника ПАЛ

Шкала негативизма

Для личности с высоким уровнем негативизма характерны: приземленность мышления, ригидность установок, неприятие нового, обида, упрямство, раздражительность, недовольство, эмоциональная нестабильность, импульсивность и сниженный самоконтроль, несдержанность, нетерпеливость, хитрость, примитивные потребности, глубокие внутриличностные противоречия. В общении с другими негативист проявляет своенравие, несговорчивость, зависть, демонстрирует негативный настрой к окружающим, явное пренебрежение к людям, готовность к асоциальным действиям. Негативист скепичен, недоверчив, недружелюбен, подозрителен, нерешителен, импульсивен, склонен к агрессии, неудовлетворен и разочарован в жизни.

Свойственные негативизму противоречия: негативный образ себя и сознание собственной исключительности; стремление к высокому статусу не соответствует реальному уровню возможностей и способностей; сочетание интернальности и экстернальности; самостоятельность в принятии решений и отсутствие планирования и ответственного целеполагания; склонность к независимым действиям и зависимость; неадекватно завышенные ожидания и

отсутствие потребности в самореализации, духовном росте; ощущение собственной обделенности и неприятие прав окружающих; несформированность нравственных норм и убежденность в своей правоте; неудовлетворенность (отношениями, работой, жизнью) и неадекватная оценка жизненных условий; потребность в личной власти и нежелание достигать целей, брать на себя ответственность за последствия собственных действий; нонконформизм и отсутствие доброты.

Ключевые особенности негативизма: склонность к доминированию и власти, желание контролировать и подчинять среду, на фоне сниженного самоконтроля и социальной пассивности; потворство собственным примитивным желаниям; высокие статусные притязания, негативные ценностные установки, отрицание традиционных ценностей; пренебрежение к окружающим, неприемлемые способы личностного позиционирования.

Шкала оппозиции

Личность с выраженными оппозиционными установками проявляет низкий коммуникативный потенциал, сниженную способность к саморегуляции и самоконтролю; неспособность преодолевать трудности и фиксация на неудачах препятствует поиску выхода из проблемных ситуаций.

Для лиц с высоким уровнем оппозиционности характерны: неудовлетворенность жизнью, отношениями, внутриличностный конфликт и дезадаптивность; эмоциональная неустойчивость, раздражительность, вспыльчивость, грубость и обида, связанные с ощущением несправедливости по отношению к себе; неприязненное отношение к окружающим, неприятие руководства; стремление опровергать и наказывать окружающих, хитрость, манипулятивность, уклонение от ответственности. Оппозиционно настроенная личность не стремится к самостоятельному решению проблем, так как не может адекватно определять особенности ситуации, неспособна вести за собой, часто не может совладать с собой. Оппозиционер не склонен сглаживать конфликт с людьми, к которым он испытывает негативные чувства, более типично открытое противопоставление себя другим, неприязнь, противодействие, переживание

ненависти, сопровождающееся повышенной агрессией, враждебностью, при этом приспособление отвергается, а ведущим стилем взаимодействия является соперничество. У оппозиционера выражено стремление к экспансии личностного масштаба, но отсутствие вовлеченности, неспособность к сотрудничеству препятствуют достижению целей, приземленность вызывает усеченную реализацию задуманного. Повышенная мотивация сопряжена с черствостью и пренебрежительным отношением к людям, ограниченностью, т. е. преобладает эгоцентрическая мотивация. Оппозиционер импульсивен, неосторожен, асоциален, но при этом озлобленность сочетается с предпочтением оставаться в тени других. Слабая включенность в отношения, отрицательная оценка климата препятствуют гармоничным отношениям с микросоциумом. Группа отвечает взаимностью на агрессию оппозиционера, фиксируя его статус на низком уровне. Неудачи в межличностном взаимодействии, неспособность оппозиционера эффективно встраиваться в социум усиливают тревогу, неприятие себя и низкую самооценку. Картину личностного неблагополучия дополняет примитивность ценностей и консерватизм во взглядах. Поскольку ценности неструктурированы, незначимы, не сопряжены с личностным выбором и, следовательно, не связаны с убеждениями, то оппозиционер их легко меняет на более выгодные в данных условиях. В отличие от негативиста, испытывающего острую потребность в личной власти, оппозиционер не стремится к власти. Отвергаются ценности стимуляции. В ценностно-смысловой системе оппозиционера наблюдается девальвация духовных ценностей и ценностей личностного роста, преобладают только материальные ценности. Приземленные ценности и идеалы сочетаются с отсутствием желания достигать жизненных целей.

Противоречия, характерные для оппозиции: на фоне нерешительности отмечается преобладание соперничества, в какой-то мере компенсирующем неуверенность; внешняя открытость в противостоянии и провокационное поведение, подстрекательство других на противоборство, наряду с желанием отстать в «тени»; повышенная мотивация и неразвитые регуляторные умения; стремление к экспансии и отсутствие стремления к личной власти, неприятие

ответственности; стремление к получению материальных дивидендов и нежелание добиваться результатов; неудовлетворенность жизнью, отношениями и отсутствие желания достигать целей; разрыв между личностными возможностями и их реализацией; нерешительность, робость и агрессивность, дерзость; радикализм и ригидность убеждений. Стремление к экспансии собственного масштаба и неприемлемые способы личностного позиционирования, причем ответственность за совершенные действия возлагается на других субъектов. Фиксация на неудачах, низкий уровень жизнестойкости препятствуют поиску выхода из проблемных ситуаций, а самоограничение личностного потенциала, отказ от жизненных усилий не дает возможности реализовать креативные способности.

Ключевые особенности оппозиции: неадекватное осознание и оценка жизненных условий, непринятие окружающих и самого себя, конфликт со средой, несогласие и неуспешность; отсутствие потребности включенности во взаимодействие; низкий статус в группе. Оппозиционер демонстрирует приземленность, жесткость, манипулятивность, низкий уровень личностной ресурсности, креативность; дезадаптивность, эмоциональную неустойчивость; низкий уровень самоуважения и примитивность ценностей.

Шкала эмансипации

Личности с выраженным стремлением к *эмансипации* обладают высокой самооценкой, доверием к себе, автономностью, смелостью, четко ставят перед собой цели, определяющие смысл и содержание жизни; они проявляют интерес к самой жизни, живут настоящим. Для них характерны: стремление к независимости, возвышенным ценностям и идеалам; открытость миру, ассертивность, общительность, стремление к расширению круга контактов; высокая оценка продуктивности собственной жизни, удовлетворенность самореализацией в разных жизненных сферах. Развитая способность к саморегуляции, уверенность в способности влиять на жизненные ситуации, управление собственной жизнью, самостоятельно определенный выбор жизненных целей, гармонично выстроенная иерархия и соотнесенность

жизненных целей, ценностей и смыслов способствуют устойчивому и целостному мировосприятию, дает возможность эффективно решать жизненные задачи и получать удовольствие от работы и от жизни. Желание доминировать, способность к лидерству, соперничеству, стремление выйти за собственные пределы усиливают жизнестойкость.

Свойственные эмансипации противоречия: стремление к автономии, на фоне сильной зависимости от объекта протеста обуславливает характерную амбивалентность чувств по отношению к адресату протеста. Развитая способность к самопониманию сочетается с импульсивностью, излишней раскованностью и непосредственностью в выражении чувств, а также неуступчивостью, непокорностью, сниженной способностью к эмпатии, затрудняющим межличностное взаимодействие. Сталкиваясь с сопротивлением, исходящим от других, воплощающих чуждые смыслы и ценности, встречая непонимание и зависть, эмансипированная личность, чувствительная к несправедливости, проявляет агрессию, враждебность, негативный настрой к окружающим.

Ключевые особенности эмансипации – духовность, креативность, развитые способности, обоснованные претензии на доминирование, превосходство и желание любыми способами реализовывать свои устремления и личностный потенциал; нежелание подчиняться влиянию группы и внешнему контролю; готовность к борьбе со всеми, кто препятствует процессу самореализации.

Шкала нигилизма

Для личностей с высоким уровнем *нигилизма* характерны: цинизм, неприятие прав других людей; безверие, утрата смысла, установка на враждебность мира; крайний индивидуализм, чувство собственного превосходства, чрезмерная сосредоточенность на себе, при отсутствии требовательности к себе; охваченность беспредельными желаниями; низкий уровень интернальности; несдержанность, несформированность интеллектуальных, волевых и регулятивных структур, беспомощность, неспособность к преодолению трудностей. Нигилист эмоционально неустойчив,

тревожен, фрустрирован, робок, не умеет выстраивать отношения с другими, приземлен, подозрителен, расчетлив, не стремится к власти, демонстрирует небольшой диапазон способностей, низкий личностный потенциал, неспособность к творческой активности, склонен к злобной одержимости и дискредитированию деятельности, имеющей смысл для других, пренебрегает безопасностью. Прагматизм, робость, нежелание доминировать и соперничать, самоизоляция сочетаются с сильной потребностью во внешнем контроле, со склонностью к асоциальным действиям, отсутствием чувства вины, раскаяния за совершенные действия, с стремлением возложить ответственность за совершенные поступки на других. Потребность в негативной самореализации иногда становится самоцелью. Игнорирование моральных норм, обесценивание мнений и убеждений других людей, непримиримость с миром, отрицание традиционных ценностей, на фоне страстной убежденности в своей правоте, поддерживают конфликт с окружением.

Свойственные нигилизму противоречия: несоответствие ценностных приоритетов и требований жизни; несформированность нравственных норм и фанатическая убежденность в своей правоте; моральная беспринципность, склонность к переходу от нравственно-этической регуляции к юридической; ведомость и легковерие без веры. Тотальное отторжение и разрушение позитивных ценностей у нигилиста связано с дефензивными механизмами, поскольку развит комплекс защит, среди которых преобладает вытеснение, замещение и интеллектуализация. В основе нигилизма лежит внутренний раскол личности, а низкоуровневые защиты приводят к искажению внешней и внутренней реальности (искажение духовности, свободы, совести) и псевдореализации.

Ключевыми особенностями нигилизма являются: десакрализация существования, абсолютное отрицание общезначимых социальных ценностей, традиций, морали; безальтернативная интерпретация жизни, установка на враждебность мира и восприятие реальности как источника всех страданий; базовое чувство небезопасности, снижение ценности жизни (своей и чужой); наличие стереотипов, иллюзий, подозрительность и постоянный поиск внешнего

врага; черно-белое мироотношение, инфантилизм; отсутствие положительных идеалов; формирование принципов на основе презрения ко всему и цинического аморализма; неадекватное представление о себе и ощущение вседозволенности. Склонность к выбору отрицательных идеалов, идеологии указывает на диффузную, негативную идентичность.

Шкала эскапизма

Для личностей с высоким уровнем эскапизма характерны: отказ от активного овладения миром и сниженная потребность к созданию чего-то нового; высокий уровень социальной тревожности, неприятие себя, чувствительность к мнению других, склонность к беспокойству, низкие регуляторные умения, слабость воли, ведомость, склонность к внешнему контролю, экстернальность, глубокий внутриличностный конфликт, что свидетельствует о неконтролируемости жизни, отчуждении, подчиненности внешним обстоятельствам и другим людям. Эскапист демонстрирует неосознанность своих истинных побуждений и потребностей и перенаправление энергии на внешние источники — стимулы, от которых ожидается удовлетворение потребностей; получение удовольствия от бесцельной активности; характерен выбор способов отвлечения от реальности, не требующих духовного напряжения. Личность с выраженным эскапизмом весьма примитивна, поскольку не стремится к достижениям в профессиональной сфере, к достижению материального благополучия, отсутствует потребность в саморазвитии, в духовных ценностях, в безопасности. Эскапист проявляет непрактичность, примитивные защиты, легко поддается управлению и манипулированию, склонен к уклонению от ответственности, защитной стратегии ухода от открытого взаимодействия, от реальности. Дезадаптация во многих сферах обуславливает двойной конфликт: невозможность принятия себя и неуважение, помноженное на неуспешность в реальной группе, побуждает эскаписта к выходу из взаимодействия, к уходу от реальности, а главным компонентом активности становится замещающее - компенсаторная активность, склонность к регрессии, стремление к стимуляции, что делает возможным формирование зависимостей.

Свойственные эскапизму противоречия: демонстративный уход от проблем, которые субъект хочет решать и неспособен разрешить самостоятельно, наряду с неприятием посторонней помощи; неумение выбирать средства, адекватные целям деятельности; вовлеченность в разные виды активности сочетается с равнодушием, безучастностью и неудовлетворенностью; личная убежденность в собственной ценности и в правильности своего способа существования не совпадает с общественной оценкой.

Ключевые особенности эскапизма – низкая потребность в самоутверждении, паралич мотивации, искаженная самореализация, связанная с отчуждением, смыслоутратой, ценностно-смысловой дезориентацией, отсутствие адекватных представлений о себе и собственных ресурсах. Эскапизм проявляется как реакция на двойной конфликт — внешний (межличностный) и внутриличностный.

Описательные статистики и нормативные данные шкал опросника ПАЛ*

Шкалы	М	SD	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
Негативизм	30,56	7,980	0-25	26-35	36-64
Эмансипация	17,47	4,736	0-13	14-20	21-24
Оппозиция	16,84	7,045	0-12	13-22	21-40
Нигилизм	9,72	7,075	0-5	6 -14	15-32
Эскапизм	16,15	7,211	0-11	12 -21	22-40

* Примечание: шкалы дифференцированы по значениям с учетом $M \pm 0,66 SD$.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3 Публикации автора***Статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России***

1. *Гусейнов А.Ш.* Протестное поведение личности: зрелость или инфантилизм. Акмеологический подход // Акмеология, №3 (23), Т.1. 2007. С. 135-138.
2. *Гусейнов А.Ш.* Протестное поведение как показатель дезадаптации личности в подростковом периоде // Физическая культура, спорт – наука и практика. № 1. 2009. КГУФКСиТ. С. 7-13.
3. *Гусейнов А.Ш.* Протест как фактор деструктивного поведения подростков и молодежи // Вестник СПбУ, серия 12 «Психология. Социология. Педагогика», выпуск 2, 2011. С. 116-121.
4. *Гусейнов А.Ш.* Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. КубГУ. 2012. № 2. С. 82-96.
5. *Гусейнов А.Ш.* Негативный потенциал протеста: психологический анализ // Армия и общество. М.: «Наука-XXI» 2013. № 1. С.169-175.
6. *Гусейнов А.Ш.* Феномен эмансипации в контексте протестной активности личности. Человек. Сообщество. Управление. КубГУ. 2013. № 1. С. 81-93.
7. *Гусейнов А.Ш.* Личностные детерминанты саморегуляции спортсменов, склонных к протестной активности / Физическая культура, спорт – наука и практика. № 4. 2013. КГУФКСиТ. С. 74-78.
8. *Гусейнов А.Ш.* Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности. Человек. Сообщество. Управление. КубГУ. 2013. № 3. С. 20-33.
9. *Гусейнов А.Ш.* Внешние и внутренние факторы нигилизма: междисциплинарный подход // Известия СГУ. № 4-2 (28). 2013. С. 19-23.
10. *Гусейнов А.Ш.* Ценностные основания форм протестной активности личности и их специфика // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4. Ч. 2. С. 403-406.
11. *Гусейнов А.Ш.* Генезис радикальных форм протестной активности личности // Армия и общество. М.: «Наука-XXI» 2015. № 2. С.114-120.
12. *Гусейнов А.Ш.* Проявления субъектности в формах протестной активности личности // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5. С. 148-151.

13. *Гусейнов А.Ш.* Разработка опросника «Протестная активность личности» как инструмента диагностики протестных форм // *Армия и общество.* №3. 2015. С. 98-105.
14. *Гусейнов А.Ш.* Психологический анализ систем противоречий, характерных для субъекта, включенного в спортивную деятельность // *Физическая культура, спорт – наука и практика.* №1. 2015. С.43-51.
15. *Гусейнов А.Ш.* Негативизм: от обособления к отчуждению // *Казанский педагогический журнал.* 2015. № 6. Ч. 2. С. 398-400.
16. *Гусейнов А.Ш.* Профилактика деструктивных форм протестной активности личности в среде студенческой молодежи // *Армия и общество.* № 4. 2015. С. 63-70.
17. *Гусейнов А.Ш.* Психологический анализ условий радикализации деструктивных форм протестной активности личности // *Казанский педагогический журнал.* 2015. № 6. Ч. 3. С. 124-129.
18. *Гусейнов А.Ш., Фоменко Г.Ю., Рябикина З.И.* Протестная активность личности в контексте субъектно-бытийного подхода // *Человек. Сообщество. Управление.* 2015. (16) №3. С.6-21.
19. *Гусейнов А.Ш.* Психологические предпосылки зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения молодежи // *Казанский педагогический журнал.* 2016. № 3. С. 130-140.

Монографии, главы в коллективных монографиях, учебные пособия

20. *Гусейнов А.Ш.* Протестная активность личности: сущность, динамика, трансформация / монография. Краснодар: Экоинвест, 2013. 468 с. 27, 2 п.л.
21. *Гусейнов А.Ш.* Личностный протест как фактор общественной нестабильности / *Психология опасности и безопасности.* В 2-х кн. Книга вторая: Психологические модели субъектности и безопасности социального субъекта (Ч.3) / Под ред. С.Н. Тесля, И.Б. Шуванова. Сочи: РИЦ СГУ, 2012. С. 238-253..
22. *Гусейнов А.Ш.* Роль неудовлетворенности в профессиональной сфере в формировании протестной активности личности // *Психология профессионала: личность, деятельность, организация (коллективная монография)* / под ред.

Т.А. Жалагиной, Л.Ж. Каравановой, Е.Д. Короткиной. Тверь: Твер. Гос.ун-т, 2014. С. 163-172.

23. *Гусейнов А.Ш.* Опросник «Протестная активность личности»: разработка и апробация (Учебно-методическое пособие). Краснодар: КГУФКСТ, 2015. 64 с.

Научные статьи в зарубежных изданиях

24. *Guseinov A.Sh.* Protest behavior as the integrated parameter of crisis of the adolescent`s person // European Journal of Natural History. London: Associational for Studies in International Education. №5. 2008.

Научные статьи

25. *Гусейнов А.Ш.* Социально - психологический климат студенческой группы // Психологические проблемы самореализации личности. Сб. научных трудов. Вып. 6. / Под ред. О.Г. Кукосяна. Краснодар, 2001. С.73-85.

26. *Гусейнов А.Ш.* Личностные детерминанты микро- и макросоциальных поступков (Протестное поведение личности) // Личность и бытие: Личность и социальная реальность / Под ред.З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: КубГУ, 2003. С. 20-25.

27. *Гусейнов А.Ш.* Протест как сопротивление изменениям в организации //От эффективного управления человеческими ресурсами к эффективной работе организации: проблемы управления персоналом и организационной психологии: Сборник статей / Под ред. А.А. Лузакова и др. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 17-20.

28. *Гусейнов А.Ш.* Протестное поведение как показатель кризиса личности в подростковом периоде // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Традиции и современность на Северном Кавказе: личность как субъект организации времени своей жизни». Краснодар, Геленджик, 2008. С. 62-72.

29. *Гусейнов А.Ш.* Психологические факторы сопротивления инновациям в вузе в современных условиях // Инновационные технологии обучения в вузе в условиях перехода на двухуровневую систему образования: Международной научно-методической конференции. Краснодар: Ун-т МВД России, 2010. С. 50-54.

30. *Гусейнов А.Ш.* Протестное поведение как угроза личной и социальной безопасности // Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы и перспективы исследования / Ред. И.Б. Шуванова, Ю.Э. Макаревич, Г.Ю. Фоменко, З.И. Рябикиной. Сочи: СГУТиКД, 2010. С. 10-18.
31. *Гусейнов А.Ш.* Социальные предпосылки протестного поведения личности спортсмена // Актуальные вопросы физической культуры и спорта: Труды научно-исследовательского института проблем физической культуры и спорта КГУФКСТ/ Под ред. А.И. Погребного. Т.12. Краснодар, КГУФКСТ, 2010. С. 96-99.
32. *Гусейнов А.Ш.* Деструктивный протест подростков и молодежи как фактор угрозы безопасности личности // «Угрозы безопасности личности: экспертная оценка и психологические аспекты защиты личности»: материалы Всероссийского семинара / под ред. С.Д. Некрасова, Г.Ю. Фоменко. Краснодар: КубГУ. 2011.С. 5-12.
33. *Гусейнов А.Ш.* Внешние и внутренние условия негативизма в подростковом возрасте // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей. Сборник научных работ. Вып. 3. Майкоп: «Магарин О.Г.», 2012. С. 84-90.
34. *Гусейнов А.Ш.* Протест как проявление неудовлетворенности работой // «Экзистенциальные проблемы личности: психолого-педагогические аспекты»: Сборник статей по материалам Всероссийской междисциплинарной научно-практической конференции. Краснодар: КубГАУ. 2012. С. 58-68.
35. *Гусейнов А.Ш.* Психологические факторы и эффекты неудачного реформирования российского общества // Психология, экономика, право. №4. 2013. С. 6-14.
36. *Гусейнов А.Ш.* Психические искажения как предикторы деструктивной протестной активности личности // Материалы научно-практической конференции «Достижения и потенциал психотерапии, практической психологии и психологического консультирования в ЮФО РФ. «Психотерапия» (приложение). 2014. С. 53-57.

37. *Гусейнов А.Ш.* Особенности субъект-объектного позиционирования в современном спорте: субъектно-бытийная интерпретация // Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков Сб. материалов Всероссийского научного семинара, г. Сочи, 28 сентября 2015 г. / Министерство образования РФ; Соч. гос. ун-т; Соц.-пед. ф-т СГУ; Под ред. И.Б. Шуванова, Ю.Э. Макаревной, Г.Ю. Фоменко, З.И. Рябикиной. (в соавт. с В.В. Шиповской). Сочи: СГУ, 2016. С. 11-22.

Материалы и тезисы докладов конференций

38. *Гусейнов А.Ш.* Протестное поведение девиантных подростков // I Междунар. науч.-практ. конф.: Психология образования: Проблемы и перспективы. Социальное самоопределение молодежи. М.: МГППУ, 2004. С. 382-383.

39. *Гусейнов А.Ш.* Протест и доверие как факторы постэдипального развития Эго // Сб. материалов Международной психоаналитической конференции «Зигмунд Фрейд – основатель новой научной парадигмы: психоанализ в теории и практике (к 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда)». 2006. С. 272-277.

40. *Гусейнов А.Ш.* Протестное поведение осужденных // Личность и бытие: Субъектный подход / Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КубГУ, 2010. С. 72-77.

41. *Гусейнов А.Ш.* Теоретические аспекты исследования протеста // Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: материалы Международной научной конференции. 19–21 октября 2010 г. Часть 2. / Отв. ред. Л.А. Цветкова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. С. 52-54.

42. *Гусейнов А.Ш.* Акмеологические проблемы протеста как показатели кризиса и развития // Акмеология. СВ. №3. 2011. С. 102-105.

43. *Гусейнов А.Ш.* Толерантность и протестная готовность современной молодежи // Ананьевские чтения – 2012. Психология образования в современном мире: Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Н.В. Бордовская. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. С. 96- 98.

44. *Гусейнов А.Ш.* Протест как реализация своей индивидуальности // Психология индивидуальности: материалы IV Всероссийской научной конференции / ред. А.Б. Купрейченко, В.А. Штроо. ВШЭ; РГНФ. М.: Логос, 2012. С. 314-315.
45. *Гусейнов А.Ш.* Предпосылки возникновения протеста в онтогенезе // Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология со-бытийности: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. С. 84-86.
46. *Гусейнов А.Ш.* Искажение субъектности в некоторых видах протестной активности // «Личность и бытие: субъектный подход» (к 80-летию А.В. Брушлинского): Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным участием) под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. М., Краснодар: КубГУ, 2013. С. 273-275.
47. *Гусейнов А.Ш.* Эскапизм как социальное протестное реагирование на жизненную реальность // Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения). Материалы Всероссийской науч. конф. (с иностр. уч). М.: МГУ, 2013. С. 173-175.
48. *Гусейнов А.Ш.* Специфика субъектности в различных видах протестной активности // «Человек, субъект, личность в современной психологии» Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского М.: Институт психологии РАН. 2013. С.386-389.
49. *Гусейнов А.Ш.* Протестная активность как способ сохранения личностной идентичности в усложненных условиях бытия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Личностная идентичность: вызовы современности». Под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Майкоп: АГУ; Краснодар: КубГУ; М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 72-74.
50. *Гусейнов А.Ш.* Структура протестной активности личности с позиций субъектно-бытийного подхода // От истоков к современности: 130 лет организации психол. общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции Т. 3. Отв. ред. Богоявленская Д.Б. М.: Когито-Центр, 2015. С. 130-132.

51. *Гусейнов А.Ш.* Ценностно-смысловая дезориентация как основа деструктивной протестной активности подростков и молодежи // Материалы Всероссийской науч. конф. «Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований», посвященной 60-летию со дня рожд. В.Н. Дружинина. ИП РАН, 25-26 сентября 2015 г. М.: ИП РАН, 2015. С.79-81.
52. *Гусейнов А.Ш.* Формы протестной активности личности в аспекте проблемы отчуждения // *Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии*: материалы Международной научной конференции, 20-22 октября 2015 г. / отв. ред. В.М. Аллахвердов. – СПб.: СПбГУ. Скифия-принт, 2015. С. 51.
53. *Гусейнов А.Ш.* Ценностные аспекты высшего эскапизма // *Современные проблемы социально-гуманитарных наук: Сб. докладов I Всероссийской научно-практической заочной конференции* / ред. А.В. Гумеров. Казань: «Отечество», 2015. С. 120-122.
54. *Гусейнов А.Ш.* Психологические причины трансформации жизненных ценностей и целей современных подростков и молодежи // *Современное профессиональное образование: проблемы, прогнозы, решения: сб. докладов Международной научно-практической заочной конференции (16 мая 2016)* / под научной редакцией член-корр. РАО, доктора педагогических наук, профессора Ф.Ш. Мухаметзяновой. – Казань: «Данис», 2016. С. 210-214.